

*СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ*

БОРИСОВИЧЪ ПИСАТЕЛЬ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

**СЛОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ**

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1985

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,

Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,

Е. А. Исаев, М. К. Капоат, Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис,

А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник,

А. И. Павловский, С. А. Рустам, Н. Н. Скатов, М. Танк, М. Б. Храпченко

Вступительные статьи

Д. С. ЛИХАЧЕВА и Л. А. ДМИТРИЕВА

Составление

Л. А. ДМИТРИЕВА, Д. С. ЛИХАЧЕВА, О. В. ТВОРОГОВА

Реконструкция древнерусского текста и комментарии

Н. А. МЕЩЕРСКОГО и А. А. БУРЫКИНА

Подготовка текстов и примечания

Л. А. ДМИТРИЕВА

Редактор В. С. Киселев

ЧИТАТЕЛЯМ «БИБЛИОТЕКИ ПОЭТА»

Выпуском бессмертного памятника отечественной литературы — «Слова о полку Игореве» — закономерно начинается новый, третий этап издания Большой серии «Библиотеки поэта». Созданное восемь веков назад гением русского народа, «Слово» сохраняет значение немеркнувшего образца для современности, для будущего — и своим мощным патристическим звучанием, и неисчерпаемым богатством содержания, и неповторимой поэтичностью всех своих элементов.

Организованная по инициативе Максима Горького и при его личном активном участии, «Библиотека поэта» в каждом из периодов своего существования неизменно ориентировалась на издание лучших явлений поэзии прошлого — во имя культуры настоящего. Редакция «Библиотеки поэта» всегда стремилась и будет стремиться к тому, чтобы отбору наиболее талантливых, художественно совершенных произведений соответствовал и самый высокий уровень их публикации.

Опираясь на традиции предшествующих изданий «Библиотеки поэта», Третье издание Большой серии явится новым энциклопедическим сводом русского поэтического искусства и поэтической классики брат-

ских народов Советского Союза. Третье издание Большой серии представит читателю немалое количество прежде не выпускавшихся книг — как авторских, так и посвященных отдельным поэтическим жанрам и темам.

Редколлегия «Библиотеки поэта» уверена, что осуществление этого замысла внесет заметный вклад в духовную жизнь советского народа.

Редакционная коллегия
«Библиотеки поэта»

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ

Читатели «Слова о полку Игореве» обычно воспринимают его вне связи с культурой и особенно литературой его времени. «Слово» кажется памятником одиноким, исключительным, а потому и в какой-то мере загадочным. Загадочным представляется все — и история его открытия, и своеобразие его поэтической формы. Между тем «Слово» вовсе не одиноко, а исключительность и своеобразие его — не более чем «одиночество» любого гениального произведения. В целом же отнюдь не случайность и открытие его на общем фоне множества археографических открытий и публикаций второй половины XVIII века.

«Слово о полку Игореве» было найдено в начале 90-х годов XVIII века известным любителем и собирателем русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным. Текст «Слова» находился в сборнике древнерусских произведений, оригинальных и переводных. Сборник был приобретен Мусиным-Пушкиным в числе других рукописей у бывшего архимандрита закрытого к тому времени Спасо-Ярославского монастыря — Иоиля Быковского. Кроме «Слова» этот сборник заключал в себе «Хронограф», летопись, называвшуюся «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Русская», «Сказание об Индийском царстве», «Повесть об Акире Премудром» и «Девгениево деяние» (рассказ о героических подвигах Девгения).

Первое, очень краткое сообщение о «Слове» было сделано известным поэтом того времени М. М. Херасковым в 1797 году, во втором издании его поэмы «Владимир». Затем о «Слове» несколько более подробно сообщил Н. М. Карамзин в октябрьской книжке (за 1797 год) журнала «Spectateur du Nord» («Северный наблюдатель»), издававшегося французскими эмигрантами в Гамбурге.

С рукописи «Слова» сняты были копии; одна из них, предназначавшаяся для Екатерины II, дошла до нас. Кроме переписанного текста «Слова» Екатерининский список заключал в себе перевод, примечания и краткую справку о «Слове». В XVIII веке были сделаны еще и другие

переводы «Слова», постепенно совершенствовавшие первый, в котором было много ошибок от явных непониманий древнерусского языка.

В 1800 году «Слово» было издано А. И. Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве с его учеными друзьями: А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским — двумя лучшими знатоками древнерусских рукописей того времени.

В 1812 году сборник, включавший «Слово», сгорел в московском пожаре вместе со всем ценнейшим собранием древнерусских рукописей в доме А. И. Мусина-Пушкина. В собрании А. И. Мусина-Пушкина сгорели и другие рукописи первостепенного значения, как, например, знаменитая Троицкая летопись самого начала XV века, которой широко пользовался Н. М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского». Сгорела и большая часть экземпляров первого издания «Слова».

Нет ничего удивительного в том, что «Слово» сохранилось только в одном списке. В единственном списке дошло до нас не только «Слово о полку Игореве», но и множество других произведений древней русской литературы, среди них такие первоклассные, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о погибели Русской земли» (второй список его был обнаружен только в 40-х годах XX века), «Повесть о горе и злочастии», «Повесть о Сухане» и др.

Нет ничего удивительного и в том, что список «Слова о полку Игореве» был открыт именно в конце XVIII века. Вторая половина XVIII века была вообще временем находок и публикаций огромного числа литературных произведений и документов Древней Руси.

Еще Петр I издал ряд распоряжений о сборе древних рукописей «из всех епархий и монастырей». Аналогичные распоряжения выходили и после смерти Петра I, но особенно энергично сборы и публикации памятников стали производиться при Екатерине II. Указы о сборе рукописей исходили и от самой императрицы, и от Академии наук, и от Синода.

В 1767 году была издана Радзивилловская летопись. В том же году вышла первая часть «Русской летописи по Никоновому списку». Затем вышли в свет Новгородский и Архангелогородский летописцы. Изданы были «Древний летописец» (Спб., 1774—1775, части 1—2), затем — «Русский временник», «Сказание об осаде Троицкого монастыря» Авраамия Палицына и др.

Инициатива отдельных ученых была весьма интенсивной. Н. А. Львов издал «Летописец русский до царя Ивана Васильевича» (Спб., 1784, части 1—5). Н. И. Новиков издал в 10 частях «Древнюю российскую вивлиофику» (1773—1775), в которой увидело свет множество памятников и документов, а затем переиздал это огромное собрание со значительными дополнениями уже в 20 частях (1788—1791). Им же были изданы отдельными книгами «История о невинном заточении боярина А. С. Матвеева» (М., 1776; второе издание — М., 1785), «Древняя российская гидрография» (М., 1773), «Скифская история» Андрея Лызлова

(Спб., 1776; 2-е издание — М., 1787) и многое другое. Одно перечисление изданий, в которое нужно было бы включить издания Ф. О. Туманского, В. Г. Рубана, М. Д. Чулкова, И. М. Стриттера, составило бы солидную библиографию. Замечательно, что одно и то же произведение часто печатилось независимо друг от друга рядом ученых. Так, например, «Русская Правда» была издана А. Л. Шлецером, А. И. Мусиным-Пушкиным, Н. Н. Болтиным. Судебник Ивана IV издавали С. Башилов, Г. Ф. Миллер, Н. И. Новиков. По поручению Екатерины II А. А. Барсов и Х. А. Чеботарев составляли для нее свод русских летописей, и она сама составила «Записки касательно Российской истории» (в 6 частях, вышедших в 1767—1794 годах). Это личное увлечение Екатерины II русской историей распространилось и в среде, близкой ко двору. Многие сделали для собирания и издания памятников и сам А. И. Мусин-Пушкин, открывший «Слово». Он имел ко времени публикации «Слова» репутацию солидного археографа и издателя памятников. Ему, например, принадлежало издание «Духовной» Владимира Мономаха (так было названо им «Поучение»).

I

«Слово о полку Игореве» посвящено неудачному походу на половцев в 1185 году Новгород-Северского князя Игоря Святославича с немногими союзниками, походу, окончившемуся страшным поражением. Автор призывает русских князей сплотиться для отпора степи, совместными усилиями оборонять Русскую землю.

«Слово о полку Игореве» с гениальной силой и проникновенностью отразило в себе главное бедствие своего времени — недостаточность государственного единства Руси и, как результат, слабость ее обороны от натиска степных кочевых народов, в быстрых набегах разорявших старые русские города, опустошавших села, угонявших в рабство население, проникавших в самую глубь страны, всюду несших с собою смерть и разрушение.

Ослабление государственных связей Руси было неизбежным следствием ее феодализации. В XII веке полностью возобладала феодальная раздробленность. Обширное древнерусское государство с центром в Киеве, эпоху расцвета которого следует относить к X — началу XI века, теперь, в XII веке, распалось на множество княжеств, лишь слабо объединенных между собой государственной общностью. Это распадение произошло под влиянием развития феодального способа производства. В отдельных княжествах Руси — в Новгороде, в Полоцке, в Чернигове, во Владимире-Суздальском и Владимире-Волынском, в Переяславле Залесском и Переяславле Южном — окончательно сложилась феодальная экономика. Крестьянские общинные земли были захвачены феодалами.

Растет крупное землевладение, растут новые города, усиливается борьба городов за городские полноты, и она сопровождается вспышками открытой классовой борьбы «черного люда» против местной феодальной знати.

Обширное, но уже слабое в XII веке древнерусское государство не имело достаточно экономических и военных сил, чтобы помочь феодалам повсюду осуществлять свое господство и защищать страну от вторжений врагов. Феодалы, чтобы принудить крестьян работать на себя, создавали на местах свой суд, свое войско, свое управление. Так, исподволь, образовывались отдельные княжества — «полугосударства», происходило их обособление.

Хотя распадение Руси на множество княжеств явилось следствием экономического подъема, роста производительных сил на местах, оно вскоре стало сильнейшим препятствием для развития страны — экономического и политического.

Особенно ослаблялась внешняя оборона Русской земли. Князья отдельных княжеств проводили свою обособленную политику, считаясь в первую очередь с интересами местной феодальной знати, стремясь защитить и увеличить свои личные земельные владения и владения местного земельного боярства путем захвата земель соседей, и вступали в бесконечные междоусобные войны, призывали себе на помощь врагов Русской земли — половцев.

Общерусская власть киевского князя не исчезла еще полностью, но ее значение неудержимо падало. Князья уже не боялись киевского князя и наперерыв стремились к захвату Киева, чтобы увеличить свои владения и использовать гаснущий авторитет Киева в своих интересах.

Однако идея единства Руси отнюдь не умирает в XII веке. Она высказывается в летописях. Она провозглашается отдельными князьями, использующими ее популярность в своих эгоистических целях. Она реально поддерживается культурным единством русского народа, общностью русского языка на всей территории Русской земли, общностью народного творчества, общностью судебных установлений, денежной системы — единых повсюду. Идея единства Руси продолжала существовать в народе.

В летописях, в «Поучении» Владимира Мономаха, в «Слове о князьях», в «Киеве-Печерском патерике» и даже в церковной службе «Покрову» с разной степенью силы и убедительности высказывались те же идеи необходимости прекращения княжеских усобиц и объединения ради обороны Русской земли.

Вот как происходили события похода храброго князя небольшого Новгород-Северского княжества Игоря Святославича. С небольшими силами, не сговорившись с киевским князем Святославом, Игорь Свято-

славич Новгород-Северский, очертя голову, «не сдержав юности», как о нем говорит летопись, отправился в далекий поход на половцев, замышляя дойти до берегов Черного моря и вернуть Руси далекую Тмутаракань, когда-то входившую в состав Черниговского княжества и находившуюся на месте нынешней Тамани.

Игорь отправился в поход раннею весною 1185 года. Кроме самого Игоря Святославича в походе участвовали его сыновья и князь Святослав Ольгович Рыльский. В походе, у берегов Донца, войско Игоря застало затмение солнца, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. У Оскола к войску Игоря присоединился его брат Всеволод буй-тур (это прозвище дает ему автор «Слова о полку Игореве») — князь Курский и Трубчевский.

Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские «сторожа» (разведчики) донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. «Сторожа» советовали возвратиться. Но вернуться домой без победы Игорь счел позором и предпочел идти навстречу смерти.

Первое столкновение войск Игоря с половцами было удачным. Русские преследовали половцев, захватили обоз и пленных.

На следующий день с рассветом половецкие полки, подобно лесу («как борове»), стали наступать на русских. Небольшое русское войско увидело, что оно собрало против себя всю Половецкую землю. Но и тут отважный Игорь не поворотил полки. Он произнес краткую ободряющую речь и приказал конным спешиться, чтобы пробиваться сквозь половецкие полки всем вместе — и конной княжеской дружине, и пешему ополчению из крестьян. Трое суток, день и ночь, медленно пробивался Игорь к Донцу со своим войском. В бою Игорь был ранен. Отрезанные от воды воины были истомлены жаждою.

На рассвете утром вспомогательные полки из осевших на Руси кочевников — так называемые ковыи — дрогнули. Игорь снял шлем, чтобы быть узнанным, поскакал за ними их остановить, но не смог их задержать и отдалился от своего войска. На обратном пути, в расстоянии полета стрелы от своего полка, он был пленен половцами. Схваченный, он видел, как жестоко бьется его брат Всеволод.

Поражение Игоря Святославича имело несчастные последствия для всей Русской земли. Никогда еще до того русские князья не попадали в плен к половцам. Половцы приободрились и с новой энергией ринулись на русские княжества. «Отворились ворота на Русскую землю», по выражению летописца...

В плену Игорь пользовался относительно свободой и почетом. За него, как за раненого, поручился половецкий хан Кончак.

Половец Лавр предложил Игорю бежать. Игорь сперва отказался пойти «неславным путем», но вскоре ему стало известно, что возвращающиеся с набега на русский город Переяславль половцы, обозленные

неудачами, собираются перебить всех пленных. Игорь решил бежать. Время для бегства было выбрано вчернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего, веля перебраться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Игорь перебрался через реку, сел там на коня и незамеченным проехал через половецкий стан.

Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони. Приехав в родной Новгород-Северский, он вскоре пустился в объезд — в Чернигов и в Киев, ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью.

Так рассказывают о походе Игоря Святославича летописи. В «Слове» же нет систематического рассказа о походе Игоря. Поход Игоря против половцев и поражение его войска — это для автора повод для глубокого раздумья о судьбах Русской земли, для страстного призыва объединиться и защитить Русь. Эта мысль — единение русских против общих врагов — и является главной мыслью произведения. Горячий патриот, автор «Слова» видит причину неудачного похода Игоря не в слабости русских воинов, а в князьях, которые не объединены, действуют порознь и разоряют родную землю, забывают общерусские интересы.

2

Чтобы понять художественные особенности «Слова о полку Игореве», необходимо рассмотреть их на общем фоне эстетических представлений его времени.

Для Древней Руси очень характерен монументально-исторический или монументально-динамический стиль. Он сказывается в архитектуре, в живописи и литературе. Это стиль, в пределах которого все наиболее значимое и красивое представляется монументальным, величественным. Стремясь видеть окружающее в рамках представлений этого стиля, летописцы, авторы житий, церковных слов смотрят на мир как бы с большой высоты или с большого удаления — удаления времени или пространства. В этот период развито особое «панорамное зрение», стремление подчеркивать огромность расстояний, сопрягать в изложении различные удаленные друг от друга географические пункты, придавать большое значение различиям общественного положения действующих лиц, создавать произведения, рассчитанные на вечность и на доминирование в окружающем ландшафте — городском и природном, а также в книжном окружении (если это памятники письменности). Произведения, хотя и скромные по размерам, должны были тем не менее символизировать что-то большое, значительное, «вечное», напоминать о нем.

Вот почему в летописях действие перебрасывается из одного географического пункта в другой, находящийся в другом конце Русской земли. Рассказ о событии в Новгороде сменяется рассказом о событии во Влади-

мире или в Киеве, далее упоминается событие в Смоленске или Галиче и т. п. Такая особенность летописного повествования создается не только потому, что в летописи обычно соединяются разные по своему географическому происхождению источники. Особенность эта соответствовала самому духу исторического повествования. Она захватывала читателя, увлекала ощущением «пространства истории».

В том, что такого рода «ландшафтное зрение» при изображении исторических событий было эстетической реальностью, а не случайным следствием соединения различных летописных источников — киевских, новгородских, ростовских, владимирских и т. д., убеждает «Поучение» Владимира Мономаха. В своей автобиографии, созданной на грани XI и XII веков, Мономах ведет повествование так же, как и в летописи: соединяет в едином изложении различные географические пункты. Свою жизнь Мономах воспринимает в крайних географических пределах, до которых он доходил в своих походах, охотах и переездах. Он доходил до «Чешского леса» на западе, до Волги на востоке, углублялся в половецкую степь на юге, за Сулу, за Хорол, к Дону. Значительность своей жизни он подчеркивает дальностью своих походов, многочисленностью переездов. Он упоминает множество географических пунктов, где он бывал во время своих походов, и именно этим он измеряет свой «труд», дело своей жизни.

Автор «Слова о погибели Русской земли» (произведение XIII века) говорит о ее былом благополучии опять-таки с высоты огромных дистанций: «Отсъле до Угоръ, и до Ляховъ, до Чаховъ, от Чаховъ до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корълы, от Корълы до Устьяга, гдѣ тамо бяху Тоймици погании, и за Дышючимъ моремъ, от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртасъ; от Буртасъ до Чермисъ, от Чермисъ до Моръдвн».

Приступая к проповеди, или к житию святого, или к историческому сочинению, авторы как бы испытывали необходимость окинуть взором всю землю. Кирилл Туровский (XII век) так начинает свое «Слово о расслабленном»: «Неизмерьна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина». Так же начинается и «Чтение» о Борисе и Глебе (конец XI века). Сама «Повесть временных лет» (начало XII века) тоже начинается с описания самых общих судеб вселенной и дает превосходную по своей наглядности географическую картину Русской земли. Автор «Повести» начинает это описание с водораздела великих русских рек — Валдайской возвышенности, на которой помещался «Оковьский лес», и далее ведет свое повествование по трем рекам: Днепру, Волхову и Волге, отмечая, в какие моря они впадают и куда можно проехать по этим морям.

Фольклор сохраняет это «панорамное зрение» — особенно в былинах — и до XIX века.

Сознание громадности мира было не только в искусстве, но и в обы-

денной жизни. Не случайно князья призывали в свидетели своей правоты всю «подънебесную» (Ипатьевская летопись под 1288 годом).

То же «ландшафтное зрение» в широкой степени сказывается и в «Слове о полку Игореве». Помимо того что повествование непрерывно переходит в «Слове» из одного географического пункта в другой, автор «Слова» все время охватывает своими призывами и обращениями многие географические пункты. «Золотое слово» Святослава Киевского обходит всю Русскую землю по окружности — ее самые крайние точки. Поражает и та «переключка», которую ведут мифические существа и действующие лица в «Слове». Див кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и Тмутороканскому болвану на Черном море. Ярославна плачет на самой высокой точке Путивля — на крепостной стене, над заливными лугами Сейма, обращаясь к солнцу, ветру, Днепру. В концовке «Слова о полку Игореве» девицы поют на Дунае, их голоса вьются через море до Киева.

Каждое действие воспринимается как бы с огромной высоты. Благодаря этому битва Игоря с половцами приобретает всесветные размеры; черные тучи, символизирующие врагов Руси, идут от самого моря, хотят прикрыть четыре солнца. Дождь идет стрелами с Дона великого. Ветры веют стрелами с моря. Море присутствует в «Слове», хотя и было далеко от места битвы. Битва как бы наполняет собою всю степь до самого моря, до далекой Тмуторокани.

Многие отвлеченные понятия воспринимались в эпоху монументального историзма в пространственном, ландшафтно-географическом аспекте. Это прежде всего касается такого важного феодального понятия, как слава. Слава того или иного князя имела прежде всего пространственное распространение. Она измерялась географическими пределами. Она могла достигать границ Русской земли или переходить за них, захватывая окружающие народы. Изяслав, согласно летописи, обращается к своей дружине: «Братья и дружино! Бог всегда Рускы земле и Руских сынов в бещестыи не положил есть; на всех местех честь свою взимали суть. Ныне же, братье, ревнуимы тому вси, у сих землях и перед чужими языки дай ны бог честь свою взяти» (Ипатьевская летопись под 1152 годом).

«Слово о полку Игореве» постоянно говорит о славе, и именно в этих широчайших географических размерах. От войска Романа и Мстислава дрогнула земля и многие страны — хинова, литва, ятвяги, деремела, и половцы копыя свои повергли и головы свои склонили под те мечи булатные. Князю Святославу Киевскому поют славу немцы и венецианцы, греки и моравы. Пространственные формы приобретают в «Слове» и такие понятия, как «тоска», «печаль», «гроза»: они текут по Русской земле, воспринимаются в крупных географических пределах почти как нечто материальное и ландшафтное.

Характерная черта в мироощущении людей этого времени — воспри-

ние малого как некоей уменьшенной схемы большого. Человек — это «выданный мир». Жизнь человека — это «малая жизнь», «малая» по сравнению с большой и «настоящей» — вечной, которая предстает за гробом.

Стремление увидеть в малом и преходящем большое и вечное — это способ восприятия мира, типичный для эпохи исторического монументализма. «В малемь семь житъи взищи вечныя жизни», — говорит автор «Слова некоего отца к сыну своему».

Эстетика дистанции сказывалась и в представлении о том, что человеческая мысль не имеет определенного местопребывания в человеческом теле (в голове или сердце), а способна возвышаться до парения в небе, под облаками и оттуда созерцать мир. В сердце сосредоточивались только страсти и воля: гнев, любовь, желание чего-либо, храбрость, но самоотречение требовало молитвенного возвышения, так же как и всякая подвышенная мысль. В «Шестодневе» мысль человека парит, летит с огромной скоростью, достигает неба. То же мы видим и в «Слове о полку Игореве»: «летая умомъ подъ облакы» — под теми именно облаками, из которых созданы человеческие мысли.

На фоне таких представлений о человеческом уме, о мысли метафорические образы ума и мысли, которые летают, мысли, способной уносить ум «на дело» или мерить поля в «Слове о полку Игореве», закономерны для XII века и не являются неожиданными для читателя того времени.

«Большой мир» и «малый мир», «вечность» и «малое время» (т. е. человеческая жизнь) — как в этих противопоставлениях определяются различия? Только ли здесь различие в величине, в протяженности, в длительности? Безусловно, нет! Различие здесь еще в том, что «большой мир», «большое время» — вечность — принадлежат к абсолютным ценностям. К большому стремится малое. Малое ценно только постольку, поскольку оно имеет отношение к большому, включает в себе элементы большого, является его символом. В сей малой жизни, на «этом свете», и человеческой истории следует искать и открывать элементы большого, т. е. стремиться заслужить вечную жизнь по смерти, в истории усматривать только то, в чем проявляется воля божия, в чем можно найти элементы «священной истории», и т. д. Следовательно, «большое» и «малое», «вечное» и «временное» не равноценны. Напротив, малое, временное ценно только постольку, поскольку в нем заключены элементы большого и вечного. Именно этим и объясняется внимание ко всему огромному, эстетическое восхищение пространствами, расстояниями, размерами, длительностью во времени, постоянное обращение к прошлому и стремление увековечить то, что наиболее ценно с точки зрения этого сознания в настоящем. Мысль человека, его ум как бы отделяется от него и «носится» под облаками, поднимается высоко в поднебесье. В этом одно из важнейших проявлений монументализма мировосприятия.

Также очень характерна для средневековья и для Древней Руси и другая диада: «свое — чужое», «знаемое — неизвестное», «христианское — языческое» и пр. Эта диада сказывается в названии «чужих» народов — они «незнаемые», они «немцы» — немые, их страна «незнаемая», они приходят «из невести». Характерно, что и для «Слова о полку Игореве» «поле» — «незнаемое», в нем идут войска «неготовыми дорогами», но природа на стороне русских.

Монументализм XI—XIII веков имеет еще одну резко своеобразную особенность, отличающую его от наших представлений о всем монументальном. Мы привыкли под монументальностью понимать не только все большое, но и инертное, тяжелое, неподвижное, устойчивое. Однако монументализм XI—XIII веков был связан с прямо противоположным: с быстротой передвижения в больших географических пространствах.

Быстрота передвижения — это символ власти над пространством, в котором князь передвигается. Быстрота похода — символ овладения пространством. Могущество Романа Галицкого описывается в летописи прежде всего в образах движения: «устремил бо ся бяше на поганья яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и переходаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур» (Ипатьевская летопись под 1201 годом).

Тот же динамический монументализм очень характерен и для «Слова о полку Игореве». Действующие лица переносятся в нем с большой быстротой: постоянно в походе Игорь, парадируют в быстрой езде «кмети» — куряне, в постоянных быстрых переездах Олег Гориславич и Всеслав Полоцкий. Всеслав, обернувшись волком, достигает за одну ночь Тмуторокани, слышит в Киеве колокольный звон из Полоцка, и т. д. Неподвижен великий князь Святослав Киевский, но его «золотое слово» обращено из Киева «на горах», где он сидит, ко всем русским князьям. Двигается не он, но зато движется все вокруг него. Он господствует над движением русских князей, управляет движением. То же и Ярослав Осмомысл: он высоко сидит в Галиче на своем златокованом столе, но его железные полки подпирают горы Угорские, он мечет бремены чрез облака, рядит суды до самого Дуная, грозы его по землям текут, и он отворяет врата Киеву. В таком же церемониальном положении изображен и Всеволод Суздальский, готовый вычерпать шлемами Дон, расплескать веслами Волгу, полететь к Киеву. Великий князь церемониально неподвижен, но он среди движения, центр этого вихревого движения. Эти церемониальные положения князей — типичная черта монументально-исторического стиля XI—XIII веков. Церемониальность — одно из проявлений монументальности. Образ князя, высоко сидящего на престоле, подчеркивает еще одну дистанцию — дистанцию феодально-иерархическую между ним и остальными князьями.

Поэтизация средствами установления дистанций способна объяснить, почему автор «Слова» так героизирует, в сущности, слабого киев-

ного князя Святослава. Важно, что он князь Киевский, глава всех русских князей. Это возвышает его над всеми остальными князьями, делает его старым, мудрым и сильным. Он предстает перед читателями высоко «на горах» и высоко по своему феодальному положению, в ореоле иерархической дáли.

3

Еще одна дистанция чрезвычайно характерна для стиля монументального историзма: это дистанция во времени, дистанция историческая. В литературе господствует обостренный интерес к истории.

Для того чтобы опозитизировать события, современные автору «Слова», последний привлекает русскую историю — главным образом XI века. События XII века для этой цели не годятся. Свои поэтические сопоставления автор «Слова о полку Игореве» делает с историей Олега Святославича и Всеслава Полоцкого, с битвой Бориса Вячеславича на Нежатиной Ниве, с гибелью в реке Стугне юноши князя Ростислава, с поединком Мстислава Тмутороканского и Редеди. Это все события XI века. Автор «Слова» вспоминает певца Бояна — также XI века. История XII века, предшествующая походу Игоря, как бы отсутствует в «Слове» — эстетически она не нужна. Она слишком близка к событиям Игорева похода.

В «Слове о полку Игореве» остро ощущается воздух русской истории. Конечно, представления об истории были представлениями своего времени и измерения этого исторического времени были не столько летописными, сколько эпическими. «Слово о полку Игореве» не называет точных дат тех или иных событий, что было обязательным для летописи, зато постоянно говорит о дедах и дедовской славе. Такое определение времени также часто встречается в летописях.

Отцы и, главным образом, деды также очень часто упоминались в проповедях, поучениях, житиях и летописях. Отцы, деды и прадеды — это всегда некоторое мерило добродетелей и «славы» их сыновей, внуков и правнуков. Митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» (середина XI века), восхваляя Ярослава Мудрого, обращается к его предкам — славит его отца, деда и прадедов. Он говорит о его предках: «иже славятся ныне и слывут». Владимир Мономах вспоминает в «Поучении» о том, что было «при умных дедех наших, при добрых и при блаженных отцих наших». Пример отцов и дедов, обычаи отцов и дедов, их наследие, слава отцов и дедов и, наконец, полуязыческая молитва «дедня и отня» постоянно упоминаются в летописи, особенно в критические моменты судьбы их потомков.

«Слово о полку Игореве» буквально наполнено проявлениями культа предков — дедов и прадедов, но по преимуществу через головы отцов. Оно и понятно, если принять во внимание характерную для этого времени

«эстетику дистанций», требовавшую промежутка времени большего, чем его давало обращение к отцам и к их славе. В «Слове» постоянно говорится о дедах и внуках, о славе дедов и прадедов, об «Ольговом гнезде» (Олег — дед Игоря). Сам автор «Слова» — внук Бояна, ветры — «Стрибожи внуци». Ярослав Черниговский с подвластными ему войсками ковуев звонит в «прадедную славу», Изяслав Василькович «притрепал» славу деду своему Всеславу Полоцкому — внуки последнего призываются понизить свои стяги — признать себя побежденными в междоусобных бранях и т. д. и т. п.

С монументализмом и историзмом литературы XI—XIII веков была соединена и еще одна очень важная ее черта — церемониальность. Произведения литературы XI—XIII веков были церемониальны по формам своего применения, по художественным средствам, к которым литература прибегала, по темам, которые она для себя выбирала. Произведения литературы входили в церемониалы и вместе с тем церемониально оформляли изображаемое.

Не случайно в «Слове» так часто говорится о таких церемониальных формах народного творчества, как слава и плач. Боян поет славу старому Ярославу и храброму Мстиславу, он свивает славы «оба полы сего времени» и исполняет славу «княземь» на своем струнном музыкальном инструменте. Славу поют иноземцы (немцы, венецианцы, греки и моравы) великому Святославу. В «Слове» говорится о плаче русских жен, о пении славы девицами на Дунае, приводится плач Ярославны.

Описан или упомянут в «Слове о полку Игореве» ряд церемониальных положений: обращение Игоря к войску, звон славы в Киеве: «звенить слава въ Киевѣ... стоять стязи в Путивль». Как на параде, с оружием на изготовку проносятся в «Слове» «свѣдоми къмети» — куряне. Игорь вступает в золотое стремя — момент также церемониальный. После первой победы Игорю подносят черлений стяг, белую хоругвь, черленую челку, серебряное стружие — момент несомненно обрядовый. В церемониальном положении изображен «на брони» яр-тур Всеволод. О пленении Игоря сообщено, как о церемониальном пересаживании из золотого княжеского седла в седло кошеево (т. е. в седло пленника). В подобных же положениях изображены в «Слове» Всеволод Суздальский, Ярослав Осмомысл на своем златокованом столе высоко в Галиче, а также окруженный на киевских горах боярами, подающими ему советы, Святослав Киевский. Своеобразно церемониальное положение Всеслава Полоцкого — он добывает себе Киев — «девицу любу», скакнув на коне и дотронувшись стружием до золотого киевского стола, что напоминает сказочную ситуацию, когда жених скачет на коне и, высоко прыгнув с конем, снимает кольцо с руки царевны.

Монументализм XI—XII веков связан с целым рядом и других признаков и свойств. Монументализму свойственна особая лаконичность

и краткость: «церемониальная геральдичность». В произведениях монументального стиля обычно мало орнаментики, они требуют выразительности при немногословии. Это касается, например, характеристик людей и населения той или иной местности. В летописи такая лаконичность и «геральдичность» в характеристиках постоянны. Владимирцы говорит о ростовцах: «то суть наши холопи каменъници» (Лаврентьевская летопись под 1175 годом). Об ольговичах и половцах говорится в летописи, что они «скори бяху на кровопролитъе» (Ипатьевская летопись под 1151 годом), «перяяславци же дерзи суще» (Лаврентьевская летопись под 1169 годом), «смоляне дерзи к боеви» (Суздальская летопись по Академическому списку под 1216 годом) и т. д.

В «Слове о полку Игореве» куряне — «свѣдоми къмети», ольговичи — «хороброе гнездо», полки Игоря «храбрые», полки Ярослава Осмомысла «железные» и пр.

Особую роль в церемониальном, монументальном стиле литературы играли афоризмы, приписываемые обычно каким-то древним мудрецам или просто вкладываемые в чьи-то уста: «Яко инде глаголетъ: «Скырт река злу игру сыгра гражаном», тако и Днестр злу игру сыгра Угром» (Ипатьевская летопись под 1229 годом); «Выйде Филя, древле прегордый, надеяся объяти землю, потребити море, со многими Угры, рекшую ему: «един камень много горнцев избиваетъ», а другое слово ему рекшую прегордо „острый мечю, борзый коню — многая Руси“» (Ипатьевская летопись под 1217 годом); «О, леств зла есть! якоже Омир (Гомер.— Д. Л.) пишеть, да обличена же зла есть, кто в ней ходитъ, конецъ зол приметъ, о злее зла зло есть» (Ипатьевская летопись под 1233 годом); «якоже премудрый хронограф списа: „якоже добродейня в веки светяться“» (Ипатьевская летопись под 1257 годом). В «Слове о полку Игореве»: «рекоста бо братъ брату: „Се мое, а то мое же“», «Рекъ Боянь... „Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кроме головы“», «Тому вѣщей Боянь и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути“».

Одна из сторон церемониальности — истовая неторопливость, «степенность» и своеобразная полнота в перечислении всего того, что участвует в церемонии. Эта полнота преследует цели не столько информационные, сколько украшающие и напоминающие присутствующим о том, что входит в церемонию.

Церемония — это некоторый процесс, некое длительное, разворачивающееся в пространстве и во времени действие — действие, содержание и последовательность которого могут быть заранее известны не только церемониймейстеру, но и присутствующим. Особенно важна поэтому в церемонии демонстрация неких равных или соподчиненных членов. В поминовениях умерших таково обычно перечисление мест, где они скончались, в восхвалениях — приводятся длинные перечисления заслуг, в молитвах — просьб, в изобличениях — пороков и грехов и т. д.

Если в летописи описывается татарское нашествие, то татары приходят на Рязань, требуя у рязанских князей «десятины во всем: в князех, и в людех, и в конех — десятое в белых, десятое в вороных, десятое в бурых, десятое в рыжих, десятое в пегих» (Суздальская летопись по Академическому списку под 1237 годом). Хотя достаточно было сказать о десятой части во всех конях без исключения.

В «Слове о полку Игореве»: «Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю», или: «дивъ... велить послушати — земли незнаемъ, Влзьзъ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню». «Орьтъмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити», «съ черниговьскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ реугы, и съ ольберы».

Иерархическое устройство общества отразилось в установленной в нем иерархии эстетических ценностей. В литературе эстетически ценно в первую очередь то, что связано с высшим светским слоем феодального общества. Два княжеских дела считались в этот период наиважнейшими: война и охота. Именно о своих «путях» (т. е. походах) и «ловах» (т. е. охотах) рассказывает в «Поучении» Владимир Мономах. Те же два княжеских дела как наиважнейшие неоднократно подчеркиваются в летописи. О воеводе Тите в Ипатьевской летописи под 1289 годом говорится: «бъшеть бо у него (князя.— Д. Л.) воевода Тит, везде словый мужеством: на ратех и на ловех».

Красиво оружие воина, красиво все, что связано с боевым конем, красива княжеская охота — особенно соколиная. И даже тогда, когда нужно подчеркнуть величие дела церковного подвижника, он сравнивается с воином, его дело объявляется воинским делом и сам он — «воин Христов». «Красота воину оружие и кораблю ветрила», — говорится в Изборнике 1076 года. В том же Изборнике 1076 года с оружием сравнивается молитва («велико оружие молитва»), с оружием же сравнивается человеческое тело: «оружье бо наше есть тело, а душа — храбрь» («храбрь» — богатырь).

Образ воина, подобно Всеволоду буй-туру, «стоящего на борони», — это также по-своему эстетически канонизированное представление о красоте. И опять-таки оно находит себе подтверждение в том же Изборнике 1076 года: «любить князь воина стояштя и борюшгагося с врагы».

Церемониальность многих сторон «Слова о полку Игореве» не совсем ясна для нас сейчас. Большинство обычаев забылось. Например, почему плачет Ярославна на «забралех» — не был ли обычаем плач на городской стене по погибшим в далекой битве? Или, может быть, важнее то, что «забрала» эти находились на берегу реки Сейм? Ведь на берегу Днепра оплакивает мать своего сына Ростислава и в «Слове о полку Игореве» и в «Повести временных лет» под 1093 годом. В «Слове» «готские красные девы» поют на берегу моря, плещет «лебедиными крылы

на синем море у Дону» дева Обида, «дѣвици поють на Дунаи» и т. д. Не было ли обычаем петь и плакать именно на берегу? Не потому ли «Слово» подчеркивает, что поражение войск Игоря произошло «на брѣхъ быстрой Каялы», т. е. в месте скорби.¹

Обращу еще внимание на одну сторону военных образов «Слова». Битва, как известно, сравнивается в «Слове» с жатвой, и этот образ обычно сопоставляется с аналогичными образами народной поэзии. Однако образ этот существует и в книжности. Враги избивают людей, «аки на ниве класы пожинаху» (Суздальская летопись по Академическому списку под 1216 годом), или о татарах: «а все людие секуще, аки траву» (там же, под 1238 годом). Аналогичные сравнения битвы с земледельческими работами имеются в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, в «Александрии» и в «Слове Иоанна Златоуста в неделю всех святых».

Не случаен в летописи и противостоящий войне образ мирных пахарей, ратаев. Война — это прежде всего гибель пахарей. Об этом напомнил Владимир Мономах в речи на Любечском съезде, обращенной к князьям с призывом защитить Русскую землю от набегов половцев: «и половчин приехав ударить и (его, т. е. смерда.— Д. Л.) стрелюю, а кобылу его поиметь» (Лаврентьевская летопись под 1103 годом).

Переходим теперь ко второму слою эстетических ценностей — охоте, и при этом соколиной по преимуществу. Владимир Мономах начинает свою биографию со слов: «А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы с 13 лет». Княжеский «труд» для Мономаха, как мы уже указывали, это «пути» (военные походы) и «ловы» (т. е. охота). Как одну из главных добродетелей князя называет охоту и Ипатьевская летопись. В ней под 1287 годом прославляется как охотник Владимир Василькович Волынский: «Бяшеть бо и сам ловечь добр, хоробор, николи же ко вепреви и ни к медведе не ждаше слуг своих, а быша ему помогли, скоро сам убиваше всяки зверь, тем же и прослул бяшеть во всей земле, понеже дал бяшеть ему бог вазнь не токмо и на одиных ловех, но и во всемь, за его добро и правду»².

Вот почему в Древней Руси даже в сухое летописное изложение вторгается сравнение дружинников, стрельцов с соколами: «приехавшим

---

¹ См. также соображения Л. А. Дмитриева о том, что само название реки Каялы происходит от глагола «каяти» (Д м и т р и е в Л. А. Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве» // «Труды Отдела древнерусской литературы». М.; Л., 1953. Т. 9. С. 30—38).

² Сам он был когда-то охотником искусным и храбрым, при охоте на вепря и на медведя не ждал он, чтобы слуги пришли ему на помощь, а сам быстро убивал всякого зверя. Тем и был он славен по всей земле, потому что за его добро и правду бог дал ему удачу не в одной только охоте, но и во всем.

же соколомь стрелцемь, и не стерпевъшим же людемь, избиша е и роздрашася»¹ (Ипатьевская летопись под 1231 годом).

Восемь раз в «Слове о полку Игореве» употребляется образ сокола по отношению к князьям и воинам; образами охоты «Слово» буквально пронизано. Природа в «Слове» — это по преимуществу та природа, которая увидена глазами охотника.

Итак, церемониальность — одно из проявлений иерархичности, а иерархичность — характерный и важнейший элемент той «эстетики дистанции», которая составляет сущность и доминанту монументально-исторической эстетической формации. Не следует думать только, что иерархичность средневековой эстетики касалась лишь человеческого общества. В сознании средневекового человека вселенная и общество были построены по одному принципу — иерархическому. Это особая тема, и очень большая. Напомню только о сочинениях Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии».

4

Особому рассмотрению подлежат языческие образы «Слова».

Мифология «Слова» обладает определенной цельностью. Это не разрозненные верования и представления, а единый взгляд на мир, — взгляд как бы с одной мировоззренческой точки зрения. А вместе с тем это мировоззрение находится в «Слове» на такой ступени своего «возраста», когда верования приобретают уже чисто эстетическое значение и эстетическую ценность. Автор «Слова» отнюдь не убежден в реальности своих языческих представлений — он прибегает к языческой мифологии с целью эстетизации своего повествования.

Мифологические темы в «Слове» художественно условны, как условна античная религиозная система в европейской ренессансной и постренессансной эстетической культуре.

Что же взято из древнерусского язычества в художественную мифологию «Слова»? Прежде всего в нее взяты и высшие боги, и низшие. Как давно отмечено в литературе, Владимир I Святославич до своего официального принятия христианства делал попытку создать восточнославянский пантеон, объединить все русские княжества, установив общее почитание отдельных племенных богов. К этим высшим богам, собранным Владимиром в Киеве и знаменовавшим в своем сонме единство Руси, относятся и Перун, и Хорс, и Дажьбог, и Стрибог, и Симаргл, и Мокошь. В «Слове» отсутствует Перун, но Перун был богом по преимуществу новгородским, а Новгорода нет в обращении автора «Слова» ко всем русским княжествам. Очевидно, старые родовые обиды Игоря на Новго-

---

¹ Приехали соколы-стрельцы, и, не стерпев, люди избили их и разодрались с ними.

роя (его отец был изгнан с новгородского княжения) сказались в «Слове». Отсутствуют и бог Симаргл, и Мокошь — бог народа мокша — эрзя.

Однако в целом высшая мифология «Слова» объединяет Русь в одну религиозную систему. Но то же самое делает и мифология низшая — вера в Землю и Род, в оборотней и силы природы. Этим русским божеством противостоит мифология «поля незнаемого» — Див, Тмутороканский болван и, может быть, некоторые другие представления и верования. Объединяет русскую и половецкую мифологии то, что обе служат как бы опорными вехами необычайно быстрых передвижений в «Слове». Все языческие боги и мифические существа служат в «Слове» быстроте передвижений, необычайной «звукпроводимости» мира «Слова», объединенно событийному — прошлого и настоящего, связи дедов и внуков. Звери и птицы — волки, соколы, галки, вороны, лебеди — являются своего рода символами и образами быстроты, стремительности, демонстрируют связь людей и природы.

В этом «сверхпроводимом» мире ветер, тучи, моря и многочисленные реки составляют среду, в которой совершаются быстрые передвижения. Реки — это и границы каких-то стран, и символы самих этих стран, и аллегории горя и покаяния (как, например, Каяла).

Игорь только сравнивается с соколом, волком и горностаем. Если бы было иначе и он бы действительно оборачивался ими, он не мог бы поехать по возвращении из плена к Богородице Пирогощей. Оборотень — не христианин.

Так же точно, когда автор «Слова» утверждает, что Боян воскладает персты на золотые струны и персты гонятся за лебедями, как соколы, — то и это только сравнение. На характер сравнения указывает и форма, в которой преподносятся в «Слове» некоторые из этих сравнений: «яко соколь», «аки пардуже гнѣздо», «яко вихрь» и т. д. В Ипатьевской летописи под 1201 годом про Романа Галицкого говорится: «устремил бо ся бяше на поганья яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур». Однако мифологическая система, несомненно, усматривается во всех этих сравнениях и образах, но она вышла уже из этапа верований и перешла в этап художественного мышления. Обращение к древнерусским верованиям в «Слове», несомненно, имеет все признаки системы не религиозной, а эстетической, художественной. Она в известной мере связана с ностальгией по языческому прошлому, способна вызывать богатые ассоциации. Это своеобразное «эстетическое возрождение» язычества.

Фантастическая быстрота передвижения героев «Слова» — такой же художественный элемент, как и дальность расстояний, не мешающая услышать в Киеве пение дев на Дунае или звон колоколов в Полоцке, — громкость и ясность звуков, заставлявшая князя Владимира затыкать уши в Чернигове, когда до него доносился звон стремени Олега из далекой Тмуторокани.

Характерны для «Слова» и образы, связанные с земледелием. В «Слове» не просто существуют земледельческие образы, а присутствует в художественном переосмыслении весь земледельческий цикл: сев (поля, засеянные костями и политые кровью), всходы (они всходят тугю), прорастание (прорастают усобицами), жатва, молотьба и веяние («веют душу от тела» — в изображении битвы на Немиге), ток — как образ поля сражения. Весь этот земледельческий цикл знаменует собой во всех случаях смерть, горе, гибель, и он как бы противостоит живому земледелию замершей жизни (пахари уже не «кикают» на лошадей). Это мир незнаемый и мертвый, в котором все живое оборачивается своей изнаночной стороной. Смертный мир как страна неизвестная (страна и «поле неизвестно») противостоит «известной» Русской земле — известной и постоянно называемой в своих реках и городах — с их князьями и историческим прошлым. Перечисление русских князей в обращении к ним князя Святослава и автора «Слова» — это переключка живых, ибо сами имена и названия делают Русь страной известной в противоположность «полю неизвестному», где нет городов и названий. Переключка князей сама по себе как бы воскрешает Русь после понесенного ею поражения и делает возможным счастливое возвращение Игоря. Он едет в Киев освещаемый солнцем и радостно встречаемый народом, ибо князь — это известность, слава, простираемая до устья Дуная, где ему поют песни дунайские девицы; это история страны. Лагерь половцев, из которого бежит Игорь, — это, напротив, тьма и ночь, а Киев, куда он едет, — это свет и солнце. Неизвестность, неизвестность, пустынность наступают на Русь тьмою, дождем, затмением солнца, тучами, прорастанием травы на поле битвы, покровом пустыни над «силой» (войском) русских.

Синий цвет — это по преимуществу цвет смерти и неизвестности. Вот почему наступление половцев сопровождается синими молниями, а в сне Святослава, как бы предсказывающем его смерть и указывающем на гибель полков Игоря, упоминается синее вино, а готские девы поют о поражении русских на берегу синего моря; Всеслав Полоцкий «объсися синѣ мѣгль», — мгла всегда связана с неизвестностью, и во мгле, «одетый мглою», скрывается от преследования Игорь.

Русские не только «известные» люди, но и знающие. Куряне — сведомые кметы, им знакомы яруги, пути им ведомы. Святослав Киевский знает всех русских князей — историю каждого. Игорь точно определил цель своего похода — преломить копье в конце поля Половецкого (неизвестного) и дойти до Тмутарокани. Как по ведомой им земле скачут и носятся Олег и Всеслав. Владимир Старый и Ярослав Осмомысл посылают свои войска в далекие походы. «Ведомость» русской земли связана со славой. Слава — это не столько известность, сколько известность у потомков или у окрестных народов: немцев, венецианцев, греков и моравы.

Там, где искусство наполнено динамикой, там и история. Движение в пространстве едино с движением во времени. «Слово» проникнуто историзмом — не тем, конечно, к которому мы привыкли сейчас, а своим — средневековым и опять-таки очень монументальным. Так называемый «лирический беспорядок», который в «Слове» выражается в том, что автор постоянно обращается от современных событий к воспоминаниям о прошлом, не только знаменует собой «смятенность чувств» автора, как бы не владеющего ходом своих мыслей, взволнованного событиями и поэтому вынужденного давать себе передышку в обращениях к прошлому, но свидетельствует о том, что поэтичность современности может быть достигнута только путем ее сопоставлений с прошлым.

Прошлое — это как бы фон, на котором развиваются события настоящего и создается историческая глубина, историческая перспектива — необходимое условие для осознания современности как эстетически ценной, достойной прославления, увековечения.

Каждое событие настоящего имеет как бы еще одно измерение — в историческом прошлом. Оно «исторически рельефно». Тем самым достигается своеобразная и очень важная для понимания той эпохи историческая монументальность всего происходящего в настоящем.

Каждый князь существует не сам по себе, со своими особенностями характера и своими политическими убеждениями, — он прежде всего представитель своего рода, своего «племени», он ольгович или всеславич, мономашич, ярославич, он внук деда и сын отца. Князь и сам осознает себя представителем своего рода и, для того чтобы иметь влияние в современной ему жизни, продолжает политику отцов и дедов, — именно это является тогдашним способом утверждения себя в политической жизни своего времени. Отказ от родовой политики был бы для того времени отказом от политической активности вообще. Он был князем постольку, поскольку принадлежал к определенной линии князей, поскольку он следовал политике своих предков. Для внесения новых начал в русскую жизнь надо было быть особого происхождения: таким, например, каким был Владимир Мономах, — внуком византийского императора.

Автору «Слова» требовалось дать обобщение ольговичей и всеславичей как двух групп князей-кромольников. Ограниченный в средствах художественного обобщения законами художественного творчества эпохи феодализма, автор «Слова» прибег к изображению родоначальников тех князей, обобщающую характеристику которых он собирался дать. Вот почему в «Слове» заняли такое большое место характеристики Олега Гориславича — родоначальника ольговичей и Всеслава Полоцкого — родоначальника полоцких всеславичей.

Такая характеристика князей-родоначальников связана с очень важным в русской политической жизни генеалогическим принципом. Внук того или иного князя считался естественным продолжателем его политики. В русской междукняжеской политике боролись представители

того или иного «гнезда», «племени»: всеславичи полоцкие с ярославичами, ольговичи с мономаховичами.

Автор «Слова» использует образы, которые уже существовали в феодальном быту, в лексике военной, в народной речи и в народной поэзии. Художественное новаторство автора «Слова» состоит во вскрытии того образного начала, которое заложено в устной речи, в специальной лексике, в символике феодальных отношений, в действительности. Привычные образы получают в «Слове» новое звучание. Русский читатель узнает в нем свое, близкое ему, выношенное своим собственным жизненным опытом. Образ, заложенный в «термине», автор «Слова» превращает в поэтический, подчиняя его идейной структуре всего своего произведения в целом.

Неоднократно говорится в «Слове» о мечах, о стягах, о копьях, и каждый раз во всей их сложной феодальной символике. Меч в Древней Руси был символом войны, символом княжеской власти, символом чести. Олег мечом крамолу ковал — злоупотреблял своей княжеской властью; хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы подклонили головы свои под харалужные мечи Романа и Мстислава — признали себя побежденными. Стягами в Древней Руси подавали знаки войску. Поднятый стяг служил символом победы, поверженный стяг — поражения. Автор «Слова» так призывает обе враждующие стороны — русских князей ярославичей и русских князей — потомков Всеслава Полоцкого — признать свое поражение в междоусобной войне: «Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережéни». В этом использовании феодальной символики, в умении показать ее поэтический блеск и значительность и состоит один из элементов особой доходчивости художественной формы «Слова» для читателей своего времени.

В русской литературе XI—XIII веков нет стремления к изобретению все новых и новых художественных средств и художественных образов. В ней есть особый лаконизм. Авторы часто прибегают к традиционным образам и средствам, — это характерно для монументального историзма того времени.

Эстетические представления автора «Слова» тесно связаны с тем главным, что подарила нам его эпоха, — с монументальным историзмом. Этот монументальный историзм сделал «Слово» памятником настолько эстетически монолитным, что достаточно только процитировать из него несколько знакомых строк, чтобы читатель почувствовал себя эстетически захваченным эмоциями «Слова».

5

Мы уже отмечали выше близость «Слова» к двум жанрам народной поэзии — «славам» и «плачам». Близость эта, однако, не ограничивается жанровыми аналогиями.

Конечно, «Слово» — отнюдь не произведение устной народной поэзии, но оно очень близко к ней по своей идейной сущности и стилистическому строю. «Слово» насыщено образами народной поэзии: тут и деревья, приклоняющиеся до земли от горя, тут и никнущая от жалости трава, и сравнения битвы с пиром, с жатвой. Близка к народным «плачам» лирическая песнь Ярославны. В «плачах» постоянны те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в плаче Ярославны. Сон Святослава полон устно-поэтических символов. Сказочно описание бегства Игоря. В сказках нередко герой, спасающийся от колдуна, превращается в животных. Так же, как Игорь подобно соколу бьет гусей и лебедей к завтраку, к обеду и ужину; в былине о Волхе Всеславьевиче Волх, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для дружины. Воспитание курских дружинников Всеволода буй-тура напоминает воспитание того же Волха Всеславьевича. Народен и образ деды Обиды, встречающийся и в записях устной поэзии в XIX веке.

Народного богатыря напоминает Всеволод буй-тур, когда он прышет на врагов стрелами, гремит об их шлемы мечами харалужными. Подобно Илье Муромцу, Всеволод буй-тур сражается с врагами и куда поскачет, там лежат поганые головы половецкие. Богатыря напоминает и Ярослав Осмомысл «Слова», когда он бросает тяжести за облака.

С народной поэзией связывают автора «Слова о полку Игореве» не только художественные вкусы, но и мировоззрение, политические взгляды. Автор «Слова» творит в формах народной поэзии, потому что сам он близок к народу, стоит на народной точке зрения.

Мы уже сказали выше, что связь автора «Слова» с народной поэзией не была случайной. Он занимал независимую патриотическую позицию, по духу своему отвечавшую интересам широких слоев трудового населения Руси. Его произведение — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите созидательного труда русско-го населения. Вот почему и его художественная система тесно связана с русским народным творчеством. Тем не менее «Слово о полку Игореве» — произведение письменное, а не устное. Как бы ни были в нем сильны элементы устной речи и народной поэзии, «Слово» все же писалось, и писалось как литературное произведение. «Слово» — не запись устно произнесенной речи или спетой исторической песни. «Слово» было с самого начала написано его автором, хотя автор и «слышал» все то, что он писал, проверял на слух ритм, звучание, знал и использовал народную поэзию.

Древнерусские авторы не стремятся писать картины природы, спокойные пейзажи. Древнерусские авторы уделяют внимание природе преимущественно тогда, когда она теснейшим образом связана с судьбою действующих лиц повествования, когда она оказывает на них влияние, когда она проявляется в действии: в грозе, в буре, в разливах рек, в за-

сухе, затмениях солнца, в явлениях комет, в темноте ночи, мешающей сражаться, в жаре, истомляющей воинов, и т. д. и т. п. В древнерусских произведениях нет описаний бездействующей природы, служащей только фоном для повествования. В тех немногих случаях, когда природа присутствует в древнерусских произведениях, она «событийна», — описываются ее изменения, ее влияние на человека, она включена в самый ход повествования, в развитие сюжета. Средневековые русские писатели как бы еще не осознают самостоятельной ценности картинных описаний природы для литературы.

Хотя природа занимает исключительно большое место в «Слове», но роль ее, по существу, та же. В «Слове» нет пейзажа самого по себе. Природа воспринимается автором «Слова» только в ее изменениях. Природа введена в события. Она участвует в них, то замедляя, то ускоряя их ход. Она активна и в этой своей активности наделяется почти человеческими качествами. Она сочувствует русским, стремится предупредить их об опасности, помогает Игорю в его бегстве из плена; у нее ищет сочувствия и помощи Ярославна.

Когда Игорь двинулся в свой несчастный поход, свет солнца померк; ночь, «стонущая грозой», стремится остановить Игоря на его гибельном пути. Даже степные звери и птицы предчувствуют поражение русских. Вместе с половцами надвигаются от моря на войско Игоря синие тучи. Битва с половцами переносится и в природу, приобретает черты борьбы силы зла с силой добра во всей природе. Трава и деревья отзываются на поражение русских: трава никнет, деревья от горя склоняются до земли или роняют листву.

Автор «Слова» отмечает те изменения в природе, которые вызываются в ней ходом человеческой истории. Междоусобные войны Олега приводят к запустению пашен. В судьбах русского народа принимают участие и реки, то зовущие князя Игоря на победу, то сочувствующие и помогающие ему, то «затворяющие» в своих струях юношу князя Ростислава.

Между природой и человеком стираются границы. Образ Обиды — девы с лебедиными крыльями, образы языческих богов находятся где-то между природой и людьми. Люди постоянно сравниваются и с птицами и со зверями: с турами, соколами, галками, воронами, «лютым зверем», кукушкой и т. д. Игорь вступает в разговор с Донцом и получает от него помощь. Слияние, единство людей и природы усиливает значительность происходящего, усиливает драматизм. Все события русской истории получают отклик в русской природе и тем самым оказываются удесятенными в силе своего звучания.

Союз природы и человека, с такою силою развернутый в «Слове», — союз поэтический. Природа для автора «Слова» — гигантская кладовая поэтических образов и своеобразное «музыкальное сопровождение», придающее особенно сильное поэтическое звучание действию.

В жанровом отношении «Слово о полку Игореве» изучено слабо. Существует несколько гипотез, весьма противоречивых и, в общем, слабо обоснованных. В «Слове о полку Игореве» исследователи видят то «эпосу», то «воинскую повесть», то «былину XII века», то «торжественную речь».

Прежде чем обратиться к определению того, каким же был жанр «Слова о полку Игореве», присмотримся к некоторым особенностям жанровой системы древнерусской литературы XI—XIII веков. Жанровая система древней русской литературы была довольно сложной. Основная часть жанров была заимствована в X—XIII веках из литературы византийской: в переводах, сделанных на Руси с греческого, и в произведениях, перенесенных на Русь из Болгарии. В этой перенесенной на Русь системе жанров были в основном церковные жанры: жанры произведений, необходимых для богослужения и для церковной жизни — монастырской и приходской. Среди них можно отметить различные руководства по богослужению, молитвы и «жития святых» разных типов, произведения, предназначавшиеся для благочестивого индивидуального чтения, и т. д. Но, кроме того, были и сочинения более «светского» характера: разного рода естественнонаучные сочинения и сочинения по всемирной истории (ветхозаветной и римско-византийской), сочинения типа эллинистического романа («Александрия») и др.

Перешедшие на Русь жанры по-разному продолжали здесь свою жизнь. Были жанры, которые существовали только вместе с перешедшими на Русь произведениями и самостоятельно здесь не развивались. И были жанры, продолжавшие на Руси активное свое существование: в их рамках создавались новые произведения, например жития русских святых, проповеди, поучения, реже молитвы и другие богослужебные тексты. Таким образом, среди жанров, перешедших на Русь из Византии и Болгарии, существовали «живые» жанры и жанры, не дававшие новых произведений.

Кроме этой традиционной системы литературных жанров существовала и другая традиционная система — жанров фольклора. Фольклор в XI—XIII веках не занимал такого обособленного от литературы положения, как в новое время: он был тесно связан с литературой и его жанры были соединены с жанрами литературы. Те и другие составляли некий единый организм словесного искусства. В XI—XIII веках граница между фольклором и литературой проходила не там, где она проходит в новое время. В новое время фольклор — это искусство народа, крестьянства, трудовых слоев населения. В средние века, и в особенности в раннем средневековье, фольклор распространен во всех слоях общества: и у крестьян, и у феодалов.

В средние века существовали жанры, которые требовали письменного оформления, и жанры, которые требовали устного исполнения. Обе традиционные системы жанров — литературная и фольклорная — находились во взаимной связи. Отдельные потребности в словесном искусстве удовлетворялись только фольклором, другие — только литературой.

В самом деле, любовная лирика, развлекательные жанры были на Руси до XVII века только в фольклоре. Церковные жанры, сложные исторические жанры — только в литературе.

Отсутствие в древней русской литературе от XI до XVII века любовной лирики, драматургии, ограниченность развлекательных сочинений объясняются именно тем, что в фольклоре была уже высоко организованная лирика, была сказка, были театральные представления скоморохов.

Итак, в древней русской литературе ко времени создания «Слова о полку Игореве» существовали две традиционные системы жанров, тесно связанные друг с другом и взаимно друг друга дополнявшие. Разнообразие и богатство жанров было огромно.

Однако, как бы ни была богата традиционная (двойная) система жанров, в XI—XIII веках она оказалась все же недостаточной. Новое историческое и патриотическое самосознание на Руси в XI—XIII веках требует жанровых форм своего выражения.

Все более или менее выдающиеся произведения литературы, основанные на глубоких внутренних потребностях, вырываются за пределы традиционных форм. В самом деле, такое выдающееся произведение, как «Повесть временных лет», не укладывается в воспринятые на Руси жанровые рамки византийских хроник. «Слово о законе и благодати» — это одновременно и философское произведение, осмысляющее историю, и политическая речь. «Повесть об ослеплении Василька Тербовльского» — тоже произведение вне традиционных жанров. Ломают традиционные жанры произведения князя Владимира Мономаха: его «Поучение», его автобиография, его письмо к Олегу Святославичу. Вне традиционной жанровой системы находятся «Моление» Даниила Заточника, «Слово о погибели Русской земли», «Похвала» Роману Галицкому и многие другие замечательные произведения древней русской литературы XI—XIII веков. Это типично именно для того времени. Новые жанры XI—XIII веков по большей части образуются на стыке фольклора и литературы. Такие произведения, как «Слово о погибели Русской земли» или «Моление» Даниила Заточника, — полулитературные-полуфольклорные.

Возможно даже, что зарождение новых жанров происходит в устной форме, а потом уже закрепляется в литературе.

Таким образом, и в жанровом отношении «Слово о полку Игореве» не одиноко.

После этих предварительных соображений о процессах жанрообразования, происходивших в русской литературе и фольклоре XI—XIII веков, вернемся к рассмотрению «Слова о полку Игореве».

В «Слове» ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи. Оно чувствуется и в выборе выражений — обычных, употреблявшихся в устной речи терминов военных и феодальных; оно чувствуется и в выборе художественных образов, лишенных литературной изысканности, и народных; оно чувствуется и в самой ритмике языка, как бы рассчитанного на произнесение вслух. Автор «Слова» постоянно обращается к своим читателям, точно он видит их перед собой. Он называет их «братие» («Не лѣпо ли ны бяшеть, братие...», «почнемъ же, братие...»). В круг воображаемых слушателей он вводит и своих современников, и людей прошлого.

Автор «Слова о полку Игореве» ощущает себя говорящим свое произведение, а не пишущим его. Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типично ораторское произведение, предполагать, что в «Слове о полку Игореве» соединены жанровые признаки ораторского «слова» — равно предназначавшегося для произнесения или только для чтения. Дело в том, что устная речь, «позиция» оратора характерны для всех жанров древнерусской литературы. Древнерусская литература как бы не успела еще отделиться от устной речи, в ней не успели закрепиться приемы письменного художественного творчества, резко противостоящего устному художественному слову. Обращения к слушателям, ораторские восклицания, ритмика устной речи характерны не только для «слов» и «проповедей», но и для житий, для летописей, для исторических повестей, для произведений чисто церковных. Ораторские приемы мы сможем найти в любом произведении древнерусской литературы. Их может быть больше или меньше, но они присутствуют во всех произведениях. Они есть и в «Слове о полку Игореве». Однако лирики, непосредственной передачи своих чувств и настроений в «Слове» больше, чем этого можно было бы ожидать от произведения ораторского. Исключительно сильна в «Слове» и его ритмичность. Наконец, следует обратить внимание и на то, что сам автор «Слова» хотя и называет свое произведение то «словом», то «песнью», то «повестью», однако, выбирая свою поэтическую манеру, рассматривает как своего предшественника не какого-либо из известных нам ораторов XI—XII веков, а Бояна — певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент какого-то струнного инструмента — по-видимому, гуслей. Автор «Слова» до известной степени противопоставляет свою манеру манере Бояна (автор обещает начать свою «песнь» по былинам сего времени, а не по замыслению Бояню), однако это противопоставление потому-то и возможно, что он считает Бояна своим предшественником в том же роде поэзии, в каком творит и сам. Не исключена возможность, что автор «Слова» предназначал свое произведение для пения.

Связь «Слова» с произведениями устной народной поэзии яснее всего ощущается в пределах двух жанров, чаще всего упоминаемых в «Слове»: «плачей» и песенных прославлений — «слав», хотя далеко не ограничивается ими. «Плачи» и «славы» автор «Слова» буквально приводит в своем произведении, им же он больше всего следует в своем изложении. Их эмоциональная противоположность друг другу дает ему тот обширный диапазон чувств и смен настроений, который так характерен для «Слова».

Близко к «плачам» и «золотое слово» Святослава. «Золотое слово» «съ слезами смѣшено», и Святослав говорит его, обращаясь, как и Ярославна, к отсутствующим — к Игорю и Всеволоду Святослави-чам.

Автор «Слова» как бы следует мысленно за полком Игоря и мысленно его оплакивает, прерывая свое повествование близкими к «плачам» лирическими отступлениями. «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине!»

Связь «плачей» с лирической песнью особенно сильна в так называемом плаче Ярославны. Автор «Слова» как бы цитирует плач Ярославны: приводит его в более или менее большом отрывке или сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые действительно могли ей принадлежать.

Не менее активно, чем «плачи», участвуют в «Слове» песенные «славы». С упоминания о «славах», которые пел Боян, «Слово» начинается. «Славой» Игорю, Всеволоду, Владимиру и дружине «Слово» заключается. «Славы», в противоположность «плачам», были очень тесно связаны с княжеским бытом, и эта связь постоянно заметна в «Слове». Славу поет князьям Боян; славу поют князьям девицы и иноземцы. «Славы», по-видимому, исполнялись по-разному, но пелись они всегда князьям в определенной обстановке (пир в гриднице, возвращение князя в родной город и т. п.).

Итак, «Слово» очень близко к «плачам» и «славам» (песенным прославлениям). И «плачи», и «славы» очень часто упоминаются в летописях XII—XIII веков... «Слово» близко к ним и по своей форме, и по своему содержанию, но в целом это, конечно, не «плач» и не «слава»: народная поэзия не допускает смешения жанров. «Слово» — произведение книжное, но близкое к этим жанрам народной поэзии. Это, по-видимому, особый род книжной поэзии, может быть еще не успевший окончательно сложиться и оформиться.

Как определить, было ли «Слово» первым произведением в том новом, своеобразном поэтическом роде, в котором оно написано, или оно уже имело за собой какую-то традицию? Время ли не сохранило нам его предшественников, или их не было вовсе?

К сожалению, от времени, предшествующего «Слову», до нас не дошло ни одного произведения, которое хотя бы отчасти напоминало «Слово» по своему характеру. В памятниках XIII века мы можем найти отдельные аналогии «Слову» в деталях, в отдельных приемах ораторской или поэтической речи, но не в целом. Мы имеем в виду следующие три произведения: похвалу Роману Мстиславичу Галицкому, содержащуюся в Ипатьевской летописи под 1201 годом, «Слово о погибели Русской земли» и «Похвалу роду рязанских князей», дошедшую до нас в составе повестей о Николе Заразском. Все эти три произведения обращены к прошлому, что составляет в них основу для сочетания «плача» и похвалы. Каждое из них сочетает книжное начало с духом народной поэзии «плачей» и «слав». Каждое из них тесно связано с дружинной средой и дружинным духом воинской чести.

Следовательно, «Слово о полку Игореве» не одиноко в своем сочетании «плача» и «славы». Оно, во всяком случае, имеет своих приемников, если не предшественников. И вместе с тем на фоне похвалы Роману, «Похвалы роду рязанских князей», «Слова о погибели...» «Слово о полку Игореве» глубоко оригинально. Оно насыщено дружинными понятиями, но основная идея «Слова» не дружинная. Автор «Слова о полку Игореве» сумел подняться над ограниченностью дружинной идеологии, сумел стать выразителем народных взглядов, народного отношения к прошлому и настоящему родины.

Вместе с тем и сочетание «плача» со «славой» во всех трех произведениях XIII века несколько иное, чем в «Слове о полку Игореве». Похвала Роману, «Похвала роду рязанских князей», «Слово о погибели...» — это произведения, в основном, о славном прошлом родины, это «славы» ушедшему и «плачи» о настоящем. «Слово о полку Игореве» — это «плач» о настоящем и до известной степени «слава» будущему Руси.

В отличие от всех трех упомянутых нами для сравнения произведений XIII века, «Слово о полку Игореве» хотя и скорбно в отдельных частях, но в сущности глубоко оптимистично. Оптимистично оно и заканчивается.

Итак, «Слово» — книжное, письменное произведение, очень сильно зависящее от устной поэзии. Поскольку в «Слове» письменное произведение вступило в связь с устной поэзией и произошло столкновение жанровых систем, жанровая природа «Слова» оказалась неопределенной. В «Слове о полку Игореве», как и в «Слове о погибели Русской земли», как и в «Похвале роду рязанских князей», как и в похвале Роману Галицкому, мы имеем еще не сложившийся окончательно, новый для русской литературы жанр — жанр нарождающийся, близкий к ораторским произведениям, с одной стороны, к «плачам» и «славам» народной поэзии — с другой.

Знакомство со «Словом» отчетливо обнаруживается в последующем развитии древней русской литературы.

Так, в самом начале XV века «Слово» послужило литературным образцом для создания «Задонщины». «Задонщина» — небольшое произведение, посвященное прославлению победы Дмитрия Донского на Куликовом поле, «за Доном». «Задонщина» освещает Куликовскую битву, пользуясь образами «Слова о полку Игореве», противопоставляя печальное прошлое радости победы. Правда, автор «Задонщины» не всюду понял «Слово», искажил и ослабил многие его художественные образы. Так, например, в «Слове о полку Игореве» Днепр пробивает «каменные горы», т. е. пороги; а в «Задонщине» это отнесено к Дону — там Дон также пробивает каменные горы, но течение Дона не встречает на своем пути ни порогов, ни гор. В «Слове» «дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша», и мы знаем действительно, что половцев было много, что они как стенами обступили русское войско; в «Задонщине» же один только русский воин-монах Пересвет «свистом поля перегороди» и т. д.

Через «Задонщину», а может быть, и непосредственно, «Слово» оказало влияние и на другое произведение о Донской битве — на так называемое «Сказание о Мамаевом побоище».

В XVI веке «Слово», возможно, переписывалось в Пскове или в Новгороде (сгоревшая в пожаре 1812 года рукопись «Слова» была именно этого происхождения).

Есть основание думать, что «Слово» было знакомо автору «Поэтической повести об осадном сидении казаков в Азове», составленной в середине XVII века.

Таким образом, «Слово о полку Игореве» время от времени давало о себе знать в различных областях Руси. Его читали и переписывали, в нем искали вдохновения для собственных произведений. Созданное на юге Руси, «Слово» «не затерялось,— по выражению академика А. С. Орлова,— на границе дикого поля; оно обошло весь горизонт русской территории, не раз пересекло его окружность»¹.

Когда «Слово» было открыто в начале 90-х годов XVIII века, оно не было понятно в своей идейной сущности, частично в своих исторических реалиях и в отдельных местах текста. Особенно ярко неподготовленность ученых конца XVIII века к пониманию «Слова» выразилась в неправильном разделении его текста на слова. В рукописи «Слова», по свидетельству видевших ее, текст был написан в сплошную строку, без деления на слова, и последнее пришлось производить самим первым издателям. Не были понятны идеи «Слова», его призыв к единению, связи «Слова»

¹ Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М.; Л., 1946. С. 6.

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

О

ПОХОДЪ НА ПОЛОВЦОВЪ

УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

ПИСАННАЯ

СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ

ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ

съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА

Въ Сецапской Типографіи,

1800.

Искр. Арсентію Барда новову турбадуру,
дарить

Андрей Тургеневъ,

въ знакъ дружбы, на память любви.

1800 годъ. 24.

с русской и украинской народной поэзией, не был определен язык, на котором написано «Слово».

Наше современное понимание — результат длительного изучения «Слова», его эпохи, памятников древнерусской литературы, истории русского языка, русской народной поэзии, древней русской культуры в целом и т. д. Многие в «Слове» было подтверждено позднейшими открытиями различных памятников древнерусской литературы — «Задонщины», известной приписки в псковском «Апостоле» 1307 года, «Слова о погибели Русской земли» и т. д. Только безнадежно испорченные места — каких, кстати, много и в других памятниках древней русской литературы, особенно тех, которые, как и «Слово», дошли до нас в единственном списке, — остаются до сих пор без удовлетворительного объяснения.

Не было ни одного крупного русского ученого-филолога, который не писал бы о «Слове». Всего в исследовательской литературе насчитывается более 1000 работ о нем.

Первая половина XIX века в изучении «Слова» отмечена существованием скептического отношения к его подлинности у ряда тогдашних ученых. Отношение это было порождено так называемой скептической школой русской историографии. Оно явилось лишь частным случаем общего скептицизма, который проявляется в отношении всех основных памятников древней русской письменности представителями этой школы. Скептики сомневались в подлинности всех памятников XI—XII веков, которые противоречили их невежественным представлениям об уровне древней русской культуры: древнейшей летописи, которую они считали составленной в XIV веке, «Русской Правды», договоров Олега и Игоря с греками, «Поучения» Владимира Мономаха, сочинений Кирилла Туровского и, конечно, «Слова о полку Игореве». Они не щадили даже фактов, подтвержденных многими свидетельствами, и сомневались в том, что, по существу, являлось очевидностью.

Скептицизм первой половины XIX века в отношении «Слова» пришел к своему концу по двум причинам. Во-первых, изжила себя и перестала существовать сама скептическая школа. Во-вторых, скептицизм в отношении «Слова» исчезал, по мере того как открывались новые факты, подтверждавшие подлинность «Слова», по мере того как вполне удовлетворительно объяснялись отдельные темные места «Слова», подыскивались к нему параллели в других древнерусских памятниках, прояснялся и изучался язык «Слова», объяснялась идейная сторона этого произведения, выяснялись те или иные исторические обстоятельства, упомянутые в «Слове», выявлялись связи «Слова» с фольклором, создавались правильные представления о культуре Древней Руси.

Особенное значение в опровержении мнений скептиков о «Слове» имело открытие «Задонщины» в 1852 году. Это открытие поставило скептиков в крайне затруднительное положение. Нельзя было сомне-

ваться, что «Задонщина» возникла не позднее XV века, что подтверждалось и подлинными рукописями «Задонщины», и самим ее текстом. И вот замечательно, что «Задонщина» оказалась явным подражанием «Слову о полку Игореве»! Вот почему позднее, уже в наше время, когда была сделана на Западе известным французским славистом профессором А. Мазоном попытка возродить скептическое отношение к «Слову», он принужден был прежде всего постараться «реабилитировать» «Задонщину»: он стремился доказать, вопреки текстологической очевидности, что не «Слово» повлияло на «Задонщину», а «Задонщина» на «Слово».¹

В своем построении А. Мазону пришлось встать в вопиющее противоречие с фактами. Он уверяет своих читателей: 1) что «Задонщина» — произведение высокохудожественное, а «Слово» — слабое;² 2) что «Задонщина» была открыта не в 1852 году, а в конце XVIII века, но что список ее был якобы скрыт и нарочно уничтожен; 3) что это сокрытие и уничтожение произведения о величайшей победе России, принесшей ей освобождение от татаро-монгольского ига, было сделано в шовинистических целях: чтобы создать на основе этого подлинного произведения о победе русских подложное произведение об их поражении и при этом в угоду «империализму» Екатерины II, чтобы польстить ее чувствам завоевательницы юга и расширительницы границ России на западе и т. д.; 4) что первые издатели «Слова» нарочно не понимали его текст, чтобы создать видимость подлинности и т. д.

В западной науке А. Мазону удалось убедить в своих суждениях о поддельности «Слова» только некоторых слабо знакомых с текстами древнерусских произведений исследователей. Подавляющее большинство западноевропейских и американских ученых филологов, писавших о «Слове», выступило против концепции А. Мазона.

Более 175 лет находится «Слово о полку Игореве» в поле зрения издателей, исследователей, переводчиков, поэтов, художников, композиторов и просто читателей.

«Слово о полку Игореве» стало живым явлением не только литературы древней, но и новой — XIX и XX веков. Поэты не только переводили «Слово», но и использовали его образы в своих произведениях. Поэтические инкрустации из «Слова» вносили в свою поэзию А. Радищев (в «Песнях, петьх на состязаниях в честь древним славянским божествам»), В. Жуковский (в «Певце во стане русских воинов»), А. Пушкин (в «Руслане и Людмиле»), К. Рылеев (в стихотворениях «Боян», «Влади-

¹ Еще до А. Мазона французский славист Луи Леже высказал предположение, что «Слово» — позднее подражание «Задонщине».

² Впрочем, в одной из своих последующих работ А. Мазон считал «Слово» более высоким в художественном отношении произведением, чем «Задонщина».

мир Святой», «Рогнеда»), Ф. Глинка («Ярославны голос слышится...», «Сетования русской девы»), Н. Языков («Песнь барда»), И. Козлов («Плач Ярославны»), А. Островский (в «Снегурочке»), В. Соловьев (в стихотворении «Ответ на плач Ярославны»). С удивительным искусством использованы образы «Слова» в стихах о России А. Блока, в стихах Валерия Брюсова, М. Волошина, С. Городецкого, в произведениях И. Бунина. Образами «Слова» наделяет свою повесть «Кровный узел» Б. Лавренев. «Слово» звучит в «Думе про Опанаса» Э. Багрицкого, в стихах М. Цветаевой, А. Прокофьева, Н. Рыленкова, П. Тычины, М. Рыльского, Л. Первомайского, М. Бажана и многих других. Образы «Слова» несут в себе удивительную поэтическую силу; они используются поэтами наряду с образами устного народного творчества. Внесенные в современную поэзию, они помогают ощутить связь времен, извечность патриотических чувств, вечность пейзажей нашей родины, особенно степных.

«Слово о полку Игореве» вошло в русскую музыку: опера А. П. Бородина «Князь Игорь» стала одним из любимейших произведений оперного слушателя. Сюжеты «Слова» широко использовались в живописи. Напомним картины В. Г. Шварца «Плач Ярославны» и «Боян», В. Г. Перова «Плач Ярославны» и особенно знаменитую картину «После побоища Игоря Святославовича с половцами» В. М. Васнецова, а также этюды, эскизы и декорации к опере Бородина «Князь Игорь» Н. Рериха, «Веще затмение» А. Ф. Максимова, иллюстрации к «Слову» В. А. Фаворского (часть из них помещена в этой книге) и палехского художника И. И. Голыкова.

«Слово» переводили В. Жуковский, А. Майков, Л. Мей, подготовительные материалы к переводу «Слова» оставил Пушкин. Переводил «Слово» и Т. Шевченко. Превосходный перевод «Слова» на белорусский язык принадлежит Янке Купале.

«Слово» было переведено на многие языки народов СССР, на все славянские языки и на многие языки мира. Переводы «Слова о полку Игореве» принадлежат крупнейшим поэтам — Юлиану Тувиму на польский язык, Райнеру Марии Рильке на немецкий, поэту Филиппу Супо на французский, Людмиле Стоянову на болгарский; многократно «Слово» переводилось на японский язык.

Работы о «Слове» выходят в Америке и Японии, в Индии и Финляндии, в Китае и Италии, в Чехословакии и Болгарии... «Слово» привлекает исследователей самых различных стран сочетанием общечеловеческого содержания с национальным, типичных средневековых особенностей художественной формы с непреходящими эстетическими ценностями. Его поэтические достоинства приобрели ценителей во всех странах мира. Оно стало явлением мировой поэтической культуры.

Д. С. Лихачев

I

**СЛОВО О ПЪЛКУ¹ ИГОРЕВЪ
ИГОРЯ СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ ВНУКА ОЛЬГОВА***

Текст первого издания

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича!² начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ бо речъ първыхъ временъ усобицѣ; тогда пушашеть ї соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не ї соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря; иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю Половѣцкую за землю Руськую. Тогда Игорьъ възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорьъ къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе,

---

* В подстрочных примечаниях приводятся разночтения, возникшие при перепечатке отдельных страниц первого издания «Слова о полку Игореве» (см. об этом в примеч. на с. 439), а также другие типографские особенности, выявленные в некоторых экземплярах этого издания. Знаком П₁ обозначаются разночтения экземпляров с заново перепечатанными страницами.

¹ пълку П₁. ² В ряде экземпляров первого издания в этом слове нечетко оттиснулась буква «с» в середине слова.

на свои бръзья комони, да позримъ³ синего Дону. Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго.⁴ Хошу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго съ вами Русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону. О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чресъ⁵ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону⁶ великому; ⁷ чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ внуче: комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Києвъ; трубы трубятъ въ Новѣградъ; стоятъ стязи въ Путивль; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвъ Святъслава; сѣдлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шелома възлелѣяны, конецъ копія възскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрьи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Тогда вѣступи Игорь Князь въ златъ стремянь, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ношь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемъ, влѣзѣ, и по морію, и по Сулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый бльванъ. А Половци неготовама дорогами побѣгоша къ Дону Великому; крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведеть: уже бо бѣды его пасеть птицъ; подобію влѣци грозу въ срожать, по яругамъ; орли клетомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты. О руская земле! уже за Шеломянемъ еси. Дльго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мьгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чръленыма щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганяя плъкы Поло-

---

³ В некоторых экземплярах первого издания в этом слове не отиснулась правая половина буквы «о» — псэримъ. ⁴ Слово набрано с опечаткой: ввликаго. ⁵ чрезъ П_р. ⁶ дону П_р. ⁷ В первоначальном виде восьмушки первого издания со с. 7—8 это слово набрано с опечаткой: ееликому.

венкыи; и рассушыя стрѣлами по полю, помчаша красная дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орьтѣмами и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святѣславличю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гивадо далече залетѣло; небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чрьный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдѣ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чрьныя тучя сѣморя идутъ, хотятъ прикрыти дѣ солнца; а въ нихъ трепещуть синіи мльніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламатѣ, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыи, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ! уже не Шеломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи внуци, пѣють сѣморя стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрывають; стязи глаголютъ, Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плѣкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрьлеными щиты. Ярѣ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломы мечи харалужными. Камо Турѣ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе Ярѣ Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрьнигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая? Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плѣци Олговы, Ольга Святѣславличя. Тѣмъ бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянъ въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ сынъ Всеволожь: а Владимиръ⁸ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судѣ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ тояже Каялы Святоплѣкъ повелѣя отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ

---

⁸ В первоначальном виде восьмушки со с. 15—16 это слово набрано с опечаткой: Владимиръ; Владимиръ П₁.

Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растя-
шетъ усобицами; погибашеть жизнь Дажь-Божа внука,
въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ⁹ скратишась.
Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть: нѣ часто
врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь
говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати,
и въ¹⁰ ты плѣкы; а сице и рати не слышано: съ зараніа до
вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленья; grim-
лють сабли о шеломы; трещатъ копіа харалужныя, въ полѣ
незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ
копыты, костыми была посѣяна, а кровію поляна; тугою
взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предѣ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ;
жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася
другій: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кро-
ваваго вина недоста; ту пирѣ докончаша храбріи Русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить
трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось.
Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала, уже пустыни
силу прикрыла. Вѣстала обида въ силахъ Дажь-Божа
внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала
лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи,
убуди жирня времена. Усобица Княземъ на поганья по-
гыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша
Князи про малое, се великое млѣвити, а сами на себѣ кра-
молу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ
побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ, птицѣ
бѣя къ морю: а Игорева храбраго плѣку не крѣсити.
За нимъ кликну Карна и Жля, по скочи по Руской земли,
смагу мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія вѣсплака-
шась аркучи: уже намѣ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслію
смыслити, ни думою сдумати, ни очима сѣглядати, а злата
и сребра ни мало того потрепати. А вѣстона бо, братіе,
Кіевъ тугою, а Черниговъ напастыми; тоска разліяся по
Руской земли; печаль жирна тече средѣ земли Руской;
а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣ-
дами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ
отъ двора. Ти бо два храбрая Святѣславлича, Игорь и
Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бѣше успилъ

⁹ В этом слове нечетко оттиснулась правая часть буквы «л».

¹⁰ В этом предлоге нечетко оттиснулась буква «в», похожа на «с»: съ. В одних экземплярах этот дефект выступает более, а в других менее резко.

отець ихъ Святъславъ грозный Великій Кіевскій. Грозоу бишетъ; притрепеталь своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хльми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридниці Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ. Каялы рѣки Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорьъ Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кошцево; уныша бо градомъ забрали, а веселіе понице. А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си почъ съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахутьми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великій женчюгъ на лоно, и нѣгують мя; уже дьскы безъ киѣса вмоемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю ночь съ вечера босуви врани възгряяху, у Плѣсньска на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умъ полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмуроканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крыльца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опустоша въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 7 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тѣмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеса хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеса дивъ на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускимъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія. Тогда Великій Святславъ ¹¹ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду

---

¹¹ Слово набрано с опечаткой: Святслаеъ.

власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тѣи бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте му жа имѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло Княже ми не пособіе; на ниче ся години обратиша. Се Уримъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову. Великій Княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатъ, а Кощей по резанъ. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты, буй Рюриче, и Давыде, не ваю ли злачеными шелома по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають аки тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемъ? Вступита Господина въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича! Галичкы Осмомыслѣ Ярославе высоко сѣдиши на своемъ златоконанѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча времени чрезъ облаки, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй Господине Кончака, поганого Кощей за землю Рускую, за раны Игоревы буюго Святславлича. А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяеся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шелома латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулицы своя повръгоща, а главы своя поклониша подъ тѣи мечи харалужныи. Нѣ уже Княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти Княже кличетъ, и зоветъ Князи на побѣду. Олговичи храбрыи Князи доспѣли на брань. Ингварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци, непобѣдными жребіи собѣ власти расхытите? Кое ваши златыи шелома и

судницы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы буюго Святъславлича. Уже бо Сула не течеть сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть ошамъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Идиди же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шелома Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на крованѣ травѣ притрепанѣ Литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птицъ крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославѣ, и вси внуце Всеслави уже понизить стязи свои, понизить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славъ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи! На седьмомъ вѣщѣ Трояни врѣже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тѣи клюками подпрѣся о кони, и скочи къ граду Києву, и дотчеса стружіемъ злата стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи, изъ Бѣла-града, обѣсися снѣгъ мѣглѣ, утрѣ же возни стрікусы оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влькомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чепа харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ. Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ¹² грады рядяше, а самъ нѣ ночь влькомъ рыскаше; изъ Києва дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому хрѣсови влькомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Києвѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ¹³ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути. О! стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину, и прѣвыхъ Князей. Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа

¹² Слово набрано с опечаткой: Князвмъ. ¹³ Из-за дефекта набора в большинстве экземпляров первого издания не полностью оттиснулась нижняя часть буквы «в» и она получилась похожей на «е»: еъ.

стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ хоботы пашуть, копіа поють на Дунаи.

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бибрянъ рукавъ въ Каялъ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине насильно вѣеши? Чему мычещи Хиновскыя стрѣлки на своею не трудною крилцю на моя лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днепре словутицю! ты пробиль еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославлѣ носады до плѣку Кобякова: възлелѣй господине ¹⁴ мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему ¹⁵ слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горячую свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жажду имъ лучи съпряже, тую имъ тули затче.

Прысну море полунощи; идутъ сморци мѣглами; Игоревѣ Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою; велитъ Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; въшумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горнастаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; вѣврѣжеся на брѣзъ комонь, и скочи съ него босымъ влѣкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мѣглами избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влѣкомъ потече, труся собою студеную росу; претрѣгоста ¹⁶ бо своя брѣзая комоня. Донецъ рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселія. Игорь рече, о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на влѣнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ

---

¹⁴ Конечное «е» оттиснулось с дефектом — похоже на букву «в»: господинв. ¹⁵ В ряде экземпляров первого издания нижняя часть буквы «е» в этом слове загнулась влево и оттиск ее похож на букву «в»: нвму. ¹⁶ В букве «ъ» в этом слове не оттиснулась верхняя часть.

березѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подѣ сѣнію
зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на
струяхъ, Чрънядьми на ветрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка
Стугна худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи, и стругы
растре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори
Дивирь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростислава по уно-
ши Князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо
стугною къ земли прѣклонило, а не сорокы втрескоташа.
На съѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда
орши не граахуть, галици помлѣкоша, сорокы не треско-
таша, полозию ползоша только, дятлове тектомъ путь къ
рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають.
Млѣшигъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летить,
соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече
Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летить, а въ сокол-
ца опутаевѣ красною дѣвицею. И рече Гзакъ къ Кончакови:
аже его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ со-
вольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици
бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святѣславля пѣстворца стараго
времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти го-
ловы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской
земли безъ Игоря. Солнце свѣтитя на небесѣ, Игорь
Князь въ Руской земли. Дѣвици поють на Дунаи. Вьются
голоси чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ
Святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради ве-
седли, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а по томъ молодымъ.
Пѣти слава Игорю Святѣславлича. Буй туру Всеволодѣ,
Владиміру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая
за христьяны на поганяя плѣки. Княземъ слава, а дру-
жинѣ Аминь.

ПЕСНЬ О ПОХОДЕ ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЬГОВА

Перевод первых издателей

Приятно нам, братцы, начать древним слогом прискорбную повесть о походе Игоря, сына Свято-славова! Начать же сию песнь по бытиям того времени, а не по вымыслам Бояновым. Ибо когда мудрый Боян хотел прославлять кого, то носился мыслию по деревьям, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Памятно нам по древним преданиям, что, поведая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пущенным: чей сокол скорее долетал, тому прежде и песнь начиналася, либо старому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразившему Редедю пред полками косожскими, или красному Роману Свято-славичу. А Боян, братцы! Не десять соколов на стадо лебедей пускал: но как скоро прикасался искусными своими перстами к живым струнам, то сии уже сами славу князей гласили.

Начнем же, братцы, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря. Сей Игорь, напругши ум свой крепостию, поощрив сердце свое мужеством и исполнясь духа ратного, вступил с храбрым своим воинством в землю Половецкую для отмщения за землю Русскую. Тогда взглянул он на солнце светлое и, увидев мраком покрытое все войско свое, произнес к дружине своей: «Братья и друзья! Лучше нам быть изрубленным, нежели достаться в плен. Сядем на своих борзых коней и посмотрим на синий Дон». Пришло князю на мысль пренебречь худое предвещание и изведать щастья на Дону великом. «Хочу,— сказал он,— с вами, россияне!

переломить копьё на том краю поля Половецкого; хочю или голову свою положить, или шлемом из Дону воды достать». О Боян! Соловей древних лет! Тебе бы надлежало провозгласить о сих подвигах, скача соловьем мысленно по дереву, летая умом под облаками, сравнивая славу древнюю с нынешним временем, мчась по следам Трояновым чрез поля на горы. Тебе бы петь песнь Игорю, внуку Ольгову. Не буря соколов занесла чрез поля широкия, слетаются галки стадами к Дону великому. Тебе бы, мудрый Боян, внук Велесов! сие воспеть. Ржут кони за Сулою, гремит слава в Киеве, трубят трубы в Новгороде, развевают знамена в Путивле, ждет Игорь милого брата Всеволода. Богатырь же Всеволод вешает к нему: «О Игорь! Ты один у меня брат! Ты один у меня ясный свет! И мы оба сыновья Святославовы; ты седлай, брат, своих борзых коней, а мои для тебя приготовлены и давно у Курска оседланы. Мои курчани в цель стрелять знаючи, под звуком труб они повиты, под шлемами возлеяны, концом копья вскормлены; все пути им ведомы, все овраги знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены; они скачут в поле как волки серые, ища себе чести, а князю славы». Тогда князь Игорь, вступя в золотое стремя, поехал по чистому полю. Солнце своим затмением преграждает путь ему, грозная, восставшая ночью буря пробуждает птиц; режут звери стадами; кричит филин на вершине дерева, чтоб слышали голос его в земле незнаемой, по Волге и по морю, по Суле, по Суражу в Корсуне и у тебя, Тматороканский истукан! Половцы бегут неготовыми дорогами к Дону великому; скрипят возы в полуночи, как лебеди скликаются. Игорь к Дону войска ведет; уже птицы беду ему предрекают, волки по оврагам вытьем своим страх наводят; орлы зверей на трупы сзывают, а лисицы лают на багряные щиты. О русские люди! Далеко уже вы за Шеломенем. Ночь меркнет, свет зари погасает, мглою поля устилаются, песнь соловьиная умолкает, говор галок начинается. Преградили россияне багряными щитами широкия поля, ища себе чести, а князю славы.

На заре в пятницу разбили они половецкие нечестивые полки и, рассыпавшись как стрелы по полю,

увезли красных половецких девиц, а с ними золото, богатые ткани и дорогая бархаты. Охабнями, плащами, шубами и всякими половецкими нарядами по болотам и грязным местам начали мосты мостить. Багряное знамя, белая хоругвь, багряная чолка и серебряное древко достались отважному Святославичу. Дремлет в поле Ольгово храброе гнездо, далеко залетев. Не родилось оно обид терпеть ни от сокола, ни от кречета, ни от тебя, черный ворон, нечестивый половчанин! Бежит Гзак серым волком, а в след за ним и Кончак спешит к Дону великому.

На другой день весьма рано заря с кровавым светом появляется, находят с моря тучи черные, хотят закрыть четыре солнца; сверкает в них молния, быть грому страшному, литься дождю стрелами с Дона великого. Тут-то копьям поломаться, тут-то саблям притупиться об шлемы половецкие, на реке Каяле, у Дону великого. О русские люди! Уже вы за Шеломенем. Уже ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы; топот по земле раздаётся, вода в реках мутится, пыль столбом в поле подымается, знамена шумят, идут половцы от Дона, и от моря, и со всех сторон: войско русское подалось назад. Бесовы дети оградили стан свой криком, а храбрые россияне багряными щитами. О богатырь Всеволод! Ты, стоя на стороже, градом пускаешь стрелы на врагов своих, а булатными мечами гремишь об шлемы их. Где ты, богатырь, ни появишься, блистая золотым своим шлемом, там лежат нечестивые головы половецкия, и рассечены булатными саблями оварские шлемы их от тебя, храбрый Всеволод! Какими, братцы, ранами подорожит он, забыв почести и веселую жизнь, город Чернигов, отеческой золотой престол, все милья прихоти, обычаи и приветливость прекрасной своей супруги Глебовны! Прошли съезды Трояновы, протекли лета Ярославовы, миновались брани Олеговы, Олега Святославича. Сей-то Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Он ступал в золотое стремя в городе Тмуторокани; звук побед его слышал старый великий Ярослав, сын Всеволодов, но Владимир затыкал себе уши всякое утро в Чернигове; Бориса же Вячеславича слава на суд привела; он положен на конскую попону зеленую за обиду

молодого храброго князя Олега. С той же Каялы вел Святополк войски отца своего сквозь венгерскую конницу в Киев ко святой Софии. Тогда при Олеге Гориславиче сеялись и возрастали междуособия, была гибель Дажь-Божевым внукам, жизнь людей в княжеских ссорах прекращалася и в Русской земле редко веселие земледельцев раздавалося, но часто каркали вороны, деля между собою трупы; галки же, отлетая на место покормки, перекликались. Так бывало во время прежних браней и от тогдашних войск, а такого сражения еще и не слыхано, чтоб с утра до вечера, с вечера до света летали стрелы каленныя, гремели сабли об шлемы, трещали копыя булатныя, в поле незнаемом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костью была посеяна, а кровию полита, и по всей Русской земле возросла беда. Но что за шум, что за звук так рано, до зари утренней? Игорь двинулся с своими полками: жаль ему милого брата Всеволода. Билися день, бились другой, а на третий перед полуднем пали знамена Игоревы. Тут братья разлучилися на берегу быстрой Каялы. Недостало у них вина кровавого; храбрые руссы там пир свой кончили, сватов попили, а сами полегли за землю Русскую. Увяла трава от жалости, наклонились деревья от печали. Невеселая уже, братцы, пора пришла: пала в пустыне сила многая, восстала обида Дажь-Божевым внукам. Она, вступив девою на землю Троянову, всплескала крылами лебедиными, на синем море у Дону купаючись, разбудила времена тяжкия. Перестали князья нападать на неверных, брат брату стал говорить: «Сие мое, и то мое же». Начали князья за малое, как будто бы за великое, ссориться и сами на себя крамолу ковать. Тем временем нечестивые со всех сторон стекались на одоление Русской земли. О! далеко залетел ты сокол, побивая птиц у моря, а Игорева храброго войска уже не воскресити! Воскликнули тогда Карня и Жля и, прискакав в землю Русскую, стали томить людей огнем и мечом. Зарыдали тут жены русския, приговаривая: «Уже нам об милых своих ни мыслию взмыслити, ни думою вздумати, ни глазами их увидеть, а золота и серебра не возвратить». Восстенал, братцы, Киев от печали, а Чернигов от

напасти; разлилась тоска по всей Русской земли; тяжкая печаль постигла русских людей. Князья между собой враждовали, а нечестивые, рыская по земле Русской, брали дань по белке со двора. Си-то два храбрые Святославичи, Игорь и Всеволод, возобновили злобу, которую прекратил было отец их, грозный Святослав, Великий князь Киевский. Он был страшен всем, от сильного воинства и от булатных мечей его все трепетали, наступил он на землю Половецкую, притоптал холмы и буераки, помутил воду в реках и озерах, иссушил источники и болота, а нечестивого Кобяка из луки морской, из середины железных великих полков половецких, подобно вихрю, исторгнул, и очутился Кобяк в городе Киеве во дворце Святославовом. Там немцы и венециане, там греки и моравцы воспевают славу Святославу и оуждают князя Игоря, погрузившего силу на дно Каялы, реки половецкия, и потопившего в ней русское золото. Тогда Игорь-князь из своего золотого седла пересел в седло Кашеево. Уныли в то время городские стены, помрачилось веселие. Святославу же худой сон привиделся: «На горах Киевских в ночь сию с вечера одевали вы меня (он боярам рассказывал) черным покровом на тесовой кровати; подносили мне синее вино, с ядом смешанное; сыпали из пустых колчанов на лоно мое крупный жемчуг в нечистых раковинах и меня нежили. На златоверхом моем тереме будто б все доски без верхней перекладки; будто б во всю ночь с вечера до света вороны каркали, усевшись у Пленска на выгоне в дебри Кисановой, и не полетели к морю синему». Бояре князю отвечали: «Одолела печаль умы наши! Сон сей значит: что слетели два сокола с золотого родительского престола доставать города Тьмуторокани или шлемом из Дона напиться воды и что тем соколам обрублены крылья саблями нечестивых и сами они попались в опутины железныя». Темно стало на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли, а с ними и молодые месяцы, Олег и Святослав, помрачились. На реке Каяле свет в тьму превратился; рассыпались половцы по Русской земле, как леопарды, из логовища вышедшие; погрузили в бездне силу русскую и придали хану их великое буйство. Уже хула превзошла хвалу; уже насилие

восстало на вольность; уже филин спустился на землю. Раздаются песни готфских красных девиц по берегам моря синяго. Звеня русским золотом, воспевают оне времена Бусовы, славят мщение Шураканово. А нам уже, братцы, нет веселия! Тогда великий князь Святослав вымолвил золотое слово, со слезами смешанное: «О! кровные мои, Игорьь и Всеволод! Рано вы начали воевать землю Половецкую, а себе славы искать. Нечестно ваше одоление, не праведно пролита вами кровь неприятельская. Ваши храбрыя сердца из крепкого булата скованы и в буйстве закалены. Сего ли я ожидал от вас при сребристой седине моей! Я уже не вижу власти сильного, богатого и многовойного брата моего Ярослава с черниговскими боярами, с могутами и с татранами, с шелбирами и с топчаками, с ревугами и с ольберами. Они без щитов с кинжалами, одним криком побеждают войска, гремя славою прадедов. Не говорят они, мы де сами предстоящую славу похитим, а прошедшею с другими поделимся. Но мудрено ли, братцы, и старому помолодеть? Когда сокол перелиняет, тогда он птиц высоко загоняет и не дает в обиду гнезда своего. Но то беда, что мне князья не в пособие; время все переиначило». Уже кричит Урим под саблями половецкими, а Володимир под ранами. Горе и печаль сыну Глебову! О великий князь Всеволод! Почто не помыслишь ты прилететь издалека для защиты отеческого золотого престола? Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Дон шлемами вычерпать. Когда бы ты здесь был, то б были Чага по ногате, а Кощей по резани. Ты можешь на сухом пути живыми шереширами стрелять чрез удалых сынов Глебовых. О вы, храбрые Рюрик и Давид! Не ваши ли позлащенные шлемы в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, подобно волам израненным саблями булатными в поле незнаемом? Вступите, государи, в свои златыя стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича. А ты Осмомысл Ярослав Галицкий! Высоко сидишь на своем златокованом престоле. Ты подпер горы Венгерския своими полками железными, ты заградил путь королю, ты затворил Дунаю ворота, бросая тягости чрез облака и простирая власть свою до той реки!

Грозное имя твое разнеслось по всем землям; отверзт тебе путь к Киеву, стреляешь ты с отеческого золотого престола на солтанов в земли дальняя. Стреляй, о государь! в Кончака и в неверного Кощея за землю Русскую, за раны храброго Игоря Святославича. А вы, о храбрые Роман и Мстислав! Ваша мысль твердая возносит ум на подвиги. Вы отважно возвышаетесь в предприятиях своих подобно соколу, на ветрах ширящемуся и к одолению птицы быстро стремящемуся. У вас латы железные под шлемами латинскими. Потряслась от них земля и многия страны ханския. Литва, ятвяги, деремела и половцы, повергнув свои копыя, подклонили свои головы под те мечи булатные. Но для князя Игоря помрачился уже свет солнечный; не от добра опали с дерев листы. По Роси и по Суле города в раздел пошли; а Игореву храброму полку не воскреснути! О князь! Дон тебя кличет и князей на победу созывает. Храбрые князи Ольговичи на брань поспешили. Ингварь и Всеволод, и все трое Мстиславичи, не худого гнезда шестокрилицы, не победами ль жребий власти вы себе доставили? К чему же вам золотые шлемы, копыя и щиты польские! Заградите в поле ворота стрелами своими острыми, вступитесь за землю Русскую, за раны храброго Игоря Святославича. Уже Сула не течет серебристыми струями к городу Переяславлю; Двина уже болотом течет к тем грозным половчанам при восклицании нечестивых. Один только Изьяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами по шлемам литовским; помрачил славу деда своего Всеслава и сам под багряными щитами на окровавленной траве погиб от мечей литовских. На сем-то одре лежа, произнес он: «Дружину твою, князь, птицы приодели крыльями, а звери кровь полизали». Не было тут братьев ни Брячислава, ни Всеволода; он один испустил жемчужную свою душу чрез золотое ожерелье из храброго тела. Уныли голоса; поникло веселие. Затрубили трубы городенския. О Ярослав и все внуки Всеславовы! Теперь преклоните вы свои знамена, вложите в ножны мечи ваши поврежденные; далеко уже отстали вы от славы деда вашего. Вы своими крамолами начали наводить неверных на землю Русскую, на жизнь Всеславова. Было ль какое наси-

лис от земли Половецкой? На седьмом веке Трояновом метнул Всеслав жребий о милой ему девице. Он, подпершись клюками, сел на коней, поскакал к городу Киеву и коснулся древком копья своего до золотого престола Киевского; потом побежал он лютым зверем в полуночи из Бела-города, закрывшись мглою синею; по утру же вонзив стрикусы, отворил он ворота новгородския, попрад славу Ярослава и с Дудуток пустился как волк до Немиги. На Немиге вместо снопов стелют головы, молотят цепами булатными, на токе жизнь кладут и веют душу от тела. Окровавленные немигские берега не былием были засеяны, засеяны костями русских сынов. Князь Всеслав людей судил, князьям города раздавал, а сам по ночам как волк рыскал из Киева до Курска и до Тмуторокани. Для него в Полоцке рано позвонили в колокола к заутрени у Святой Софии, а он в Киеве звон слышал. Хотя и мудрая была душа в неутомимом его теле, но он часто от бед страдал. Для таких-то мудрый Боян издавна составил сей разумный припев: «Как бы кто хитр, как бы кто умен ни был, хоть бы птицей летал, но суда Божия не минет». О! стонать тебе, земля Русская, вспоминая прежния времена и прежних князей своих. Старого Владимира нельзя было приковать к горам Киевским. Теперь знамена его достались одни Рюрику, а другие Давыду; их носят на рогах, вспахивая землю; копья же на Дунае славятся.

Ярославнин голос слышится; она, как оставленная горлица, по утрам воркует: «Полечу я,— говорит,— горлицею по Дунаю, обмочу бобровой рукав в реке Каяле, оботру князю кровавыя раны на твердом его теле». Ярославна по утру плачет в Путивле на городской стене, приговаривая: «О ветер! Ветрило! К чему ты так сильно веешь? К чему навеваешь легкими своими крылами хиновския стрелы на милых мне воинов? Или мало тебе гор под облаками? Развевай ты тамо, лелея корабли на синем море! Но за что развеял ты, как траву ковыль, мое веселие?» Ярославна по утру плачет и, сидя на городской стене в Путивле, приговаривает: «О славный Днепр! Ты пробил горы каменные сквозь землю Половецкую; ты носил на себе Святославовы военныя суда до стану Кобякова: принеси же и ко мне

моего милого, чтоб не посылать мне к нему слез своих по утрам на море». Ярославна плачет по утрам в Путивле и, сидя на городской стене, приговаривает: «О светлое и пресветлое солнце! Для всех ты тепло и красно, но к чему ты так уперло знойные лучи свои на милых мне воинов? К чему в поле безводном, муча их жаждою, засушило их луки и к горести колчаны их закрепило?»

Взволновалось море в полуночи; мгла столбом подымается; князю Игорю Бог путь кажет из земли Половецкой в землю Русскую, к золотому престолу отеческому. Погасла заря вечерняя; Игорь лежит, Игорь не спит, Игорь мысленно измеряет поля от великого Дона до малого Донца. К полуночи приготовлен конь. Овлур свистнул за рекою, чтоб князь догадался. Князю Игорю тамо не быть. Застонала земля, зашумела трава; двинулись заставы половецкия, а Игорь-князь горностаем побежал к тростнику и белым гоголем пустился по воде. Он помчался на борзом коне и, скочив с него, босым волком побежал к лугу донецкому; летел соколом под облаками, побивая гусей и лебедей к завтраку, к обеду и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур (Лавер) волком побежал, отрясая с себя росу холодную, ибо утомили они своих борзых коней. «О! князь Игорь! — вещает ему река Донец.— Не мало для тебя славы, для Кончака досады, а для Русской земли веселия». Игорь в ответ к реке сказал: «О Донец! Не мала и для тебя слава, нося князя по волнам своим, постилая ему зеленую траву на своих сребристых берегах, одевая его теплыми мглами под тенью дерева зеленого и охраняя его как гоголя на воде, как чайку на струях, как чернядей на ветрах. Не такова,— примолвил он,— река Стugna! Она пагубными струями пожирает чужия ручьи и разбивает струги у кустов». Юному князю Ростиславу затворил Днепр берега темныя. Плачется мать Ростиславова по юном князе Ростиславе. Увяли цветы от жалости, преклонились к земле деревья от печали. Не сороки стрекочут, ездит по следам Игоревым Гзак и Кончак. Тогда воронь не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали, но двигались только по сучьям; дятлы, долбя, к реке путь показывали; соловьи веселым пением свет поведали.

Молвил Гзак Кончаку: «Когда сокол к гнезду летит, то мы расстреляем соколенка позолоченными своими стрелами». Кончак Гзаку ответствовал: «Естьли сокол к гнезду полетел, то мы опутаем соколика красною девицею». В ответ на сие Гзак сказал Кончаку: «Когда его опутаем красною девицею, то не будет у нас ни соколика, ни красной девицы и станут нас бить птицы в поле Половецком».

Сказал сие Боян, и о походах, воспетых им в прежния времена, князей Святослава, Ярослава и Ольга сим кончил: «Тяжело быть голове без плеч; худо и телу без головы, а Русской земле без Игоря». Светит Солнце на небе: Игорь-князь уже в Русской земле. Поют девицы на Дунае; раздаются голоса их чрез море до Киева. Игорь едет по Боричеву к пресвятой Богородице Пирогощей. Радость в народе, веселье в городах. Воспета песнь князьям старым, а потом молодым. Пета слава Игорю Святославичу, богатырю Всеволоду и Владимиру Игоревичу. Да здравствуют князи и их дружина, поборая за христиан на воинство неверных! Слава князьям и дружине!

**СЛОВО О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ,
ИГОРЯ СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ ВНУКА ОЛЬГОВА***

Реконструкция древнерусского текста

Нелѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстїи ⟨пѣснь⟩ о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславличя! Начяти же ся тои пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню.

⁵ Боянъ бо вѣщїи, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ бо речъ първыхъ временъ усобицѣ. Тѣгда пушяшетъ $\bar{\text{т}}$ соколовъ на стадо лебедеи, которыи дотечяше,

¹⁰ та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не $\bar{\text{т}}$ соколовъ на стадо лебедеи пушяше, нъ своя вѣщїя пърсты на живыя струны

---

* В подстрочных примечаниях приводятся все разночтения источников текста «Слова о полку Игореве». Ссылки на источники обозначаются сокращенно (курсивом): *П* — текст первого издания «Слова»; *П₁* — заново перепечатанные листы первого издания, в которых были внесены изменения; *Е* — Екатерининская копия памятника; *К* — выписки из «Слова» в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина; *М* — выписки из «Слова» в бумагах А. Ф. Малиновского. Варианты расположения согласно порядку строк произведения и слов в строке. Варианты разных лексических единиц и групп отделяются точкой с запятой, варианты к одним и тем же словам — запятой. Курсивом также выделены редакторские пояснения. ³агл. пълку *П*, полку *ЕМ*. ¹ бяшетъ *ПЕМ*; начати *Е*. ² трудны^x *М*; пѣснь — нет в *ПЕМ*; полку *ЕМ*. ³ Начати *ПЕ*; тѣй *П*, тѣ *Е*; Святъславлича *П*, Святъславлича *Е*. ⁴ былинамъ *П*. ⁵ пѣснь *Е*. ⁶ растекашется *Е*; волкомъ *ЕМ*. ⁷ шизымъ *ПЕ*, шизы^m *М*; помняшетъ *ЕМ*. ⁸ рѣчь *ЕМ*; първыхъ *П*, первыхъ *ЕМ*; усобицѣ *П*; Тогда *ПЕМ*; пушяшетъ *ПЕ*, пушашетъ *М*. ⁹ $\bar{\text{т}}$ *ЕМ*; соколовъ *П*; лебедѣй *П*; дотечаше *ПЕМ*. ¹⁰ пѣсь *П*, пѣснь *Е*, пѣсни *М*; Ярославу *П*. ¹¹ полкы *ЕМ*. ¹² касожьскими *Е*, касожскими *М*; Роману Святославичу *М*. ¹³ соколовъ *П*; лебедѣи *П*. ¹⁴ пушаше *ПЕ*; вѣщїа *ПЕ*; пърсты *ПЕМ*; живая *ПЕМ*.

и въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго
Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ
крѣпостію своею и поостри(ѣ) сѣрдця своего мужьствомъ,
напѣлннвѣся ратнаго духа, наведе своя храбрѣя
пѣлки на землю Половецкую за землю Русьскую.

Тыгда Игорь възрѣ на свѣтлое сѣлнце и видѣ
отъ него тѣмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь
къ дружинѣ своеи: «Братіе и дружино! Луче жь бы
потяту быти, неже полонену быти. А въсядемъ,
братіе, на своя бѣрзыя комони, да позримъ синего
Дону!» Спала князю умъ похоти и жялость ему
знаменіе заступи искусити Дону великаго. «Хощю
бо, — рече, — копіе приломити конецъ поля
Половецкаго, съ вами, русичи, хощю главу
свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!»

О Бояне, соловію стараго времени! А бы ты сія
пѣлки ущекоталь, скачя, славію, по мыслену древу,
лѣтая умомъ подѣ облакы, свивая славы оба поля
сего времени, рыщя въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореви того (Велеса) внуку: «Не буря
соколы занесе чресъ поля широкая — галици

стады бѣжятъ
къ Дону великому...» Чили въспѣти было, вѣщени
Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржуть за Сулою,
звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ
въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ».

Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече
ему буи туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ
свѣтлыи ты, Игорю, оба есѣ Святъславличя! Сѣдлаи,
брате, своя бѣрзыя комони, а мои ти готови,
осѣдлани у Курьска на переди. А мои ти куряне

¹⁵ въскладаше М; князе^М М. ¹⁷ Владимира ПЕ; умъ П. ¹⁸ ѣ нет в ПЕ; сѣрдця ПЕ; мужествомъ ПЕ. ¹⁹ напѣлннвѣся П, напѣлннвѣся Е. ²⁰ пѣлки П, полкы Е; половѣцкую П, половецкую Е; Руськую ПЕ. ²¹ Тогда ПЕ; солнце ПЕ. ²³ Луцежъ ПЕМ. ²⁴ всядемъ ПЕ. ²⁵ свои ПЕ; бѣрзыя П. ²⁶ умъ П; жалость ПЕ. ²⁷ хощу ПЕ. ²⁹ половецкаго Е; русичи ПЕ; хощу ПЕ. ³⁰ шеломомъ ПЕ. ³¹ стараго Е; сіа ПЕ. ³² пѣлки П, полкы Е; скача ПЕ. ³³ летая ПЕ; умо^М Е. ³⁴ рища ПЕ. ³⁵ пѣсь П, пѣснь Е, пѣсни М; Велеса нет в ПЕМ, в скобках Ольга ПМ, Ольга Е. ³⁶ чрезъ П, ПЕМ; галици М; бѣжятъ ПЕ, бѣжятъ М. ³⁷ вспѣти М; вѣщей М. ³⁸ Велесовъ П. ⁴¹ ждетъ ПЕ; речъ Е. ⁴² оди^М Е. ⁴⁴ свои ПЕ; бѣрзыи П, бѣрзыи Е. ⁴⁵ куряни ПЕМ.

свѣдоми кѣмети; подѣ трубами повити, подѣ шеломи
възлелѣяни, конецъ копія въскрѣмлени; пути имѣ
въдоми, яруги имѣ знаемы, луци у нихѣ напряжени,
тули отворени, сабли изѣострени, сами скачють акы
50 сѣрыи вѣлци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы».

Тѣгда вѣступи Игорь князь въ златѣ стремя
и поѣха по чистому полю. Сѣлнце ему тѣмоу путь
заступаше, ношѣ стонуши ему грозоу птичѣ убуди,
свистѣ звѣринѣ вѣста, Дивѣ кличетѣ вѣрху
55 древа, велитѣ послушати земли незнаемѣ, Вѣлзѣ,
и Поморію, и Посулію, и Сурожю, и Корсуню,
и тебѣ, тѣмуроканьскіи бѣлванѣ! А половци
неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому;
крычатѣ тѣлѣгы полунощи, рци лебеди распужени.
60 Игорь къ Дону вои ведетѣ! Уже бо бѣды его пасетѣ птичѣ
по дубію. Вѣлци грозу вѣсрожать по яругамѣ, орли
клектомѣ на кости звѣри зовутѣ, лисици брешють на
чѣрленныи щиты. О Русьская земле! уже за шеломянемѣ еси!

Дѣлго ночь мѣркнетѣ. Заря свѣтѣ запала,
65 мѣгла поля покрыла, щекотѣ славии успе, говорѣ
галичѣ убудися. Русичи великая поля чѣрлеными щиты
прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Сѣ заранія въ пятѣкъ потѣпташа поганыи пѣлки
половецкыи, и россушыи стрѣлами по полю, помчаша
70 красныи дѣвки половецкыи, а сѣ ними злато, и
паволокы, и драгыи оксамиты; орѣтѣмами и япончицами
и кожуюхы начаша мосты мостити по болотомѣ и
грязивымѣ мѣстомѣ, и всякыми узорочьи половецкыми.

⁴⁶ къ мети ПЕ, къ мѣти М. ⁴⁷ възлелѣяны П, възлѣлѣяни Е, взлелѣяни М; въскрѣмлени ПЕ, вскрѣмлени М; имѣ П. ⁴⁸ имѣ Е; знаемы ПЕМ. ⁴⁹ изѣострени П, изострени Е, изострѣни М; скачють ЕМ; акы М. ⁵⁰ вѣлци П; себе П; славѣ ПЕМ. ⁵¹ Тогда ПЕ; вступи Е. ⁵² Солнце ПЕ; тѣмоу П, тѣмоу Е. ⁵⁴ свистѣ звѣринѣ въ стази П, *этих слов нет в Е*; кличетѣ П; вѣрху ПЕ. ⁵⁵ велитѣ ПЕ; послушати ПЕ; вѣлзѣ ПЕ. ⁵⁶ Сурожу ПЕ. ⁵⁷ Тѣмуроканьскій П, тѣмуроканьскіи Е; бѣлванѣ ПЕ. ⁵⁸ побѣгоша ПЕ. ⁵⁹ крычатѣ ПЕ; тѣлѣгы П; полунощи П; распущени ПЕ. ⁶⁰ ведетѣ ПЕ; пасетѣ П; птичѣ ПЕМ. ⁶¹ подобію ПЕ; вѣлци П, волци Е; въ срожать П; яругамѣ Е. ⁶² зовутѣ ПЕ; брешють ПЕ. ⁶³ чѣрленныи П, чрленныи Е; Руская ПЕ; Шоломянемѣ Е. ⁶⁴ Дѣлго П, долго Е; мркнетѣ П, мрѣкнетѣ Е. ⁶⁵ мѣгла П. ⁶⁶ убуди ПЕ; чѣрлеными П, чѣрлеными Е. ⁶⁷ прегородиша ПЕ. ⁶⁸ с заранія Е; пятѣкъ П, пѣкъ Е; потопташа ПЕ; пѣлки П, полкы Е. ⁶⁹ рассушыи П, рассушасѣ Е, рассушыи М; помчаша ПЕ. ⁷¹ орѣтѣмами Е; орѣтѣ-мами М; япончицами ПЕ. ⁷² кожуюхы ПЕ; начаша П, начаша Е. ⁷³ половецкыми П.

Чърленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чърлена чолка,
сребрено стружіе — храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.

Далече залетѣло! Не было оно обидѣ
порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе,
чърный воронъ, поганыи половчине! Гза
бѣжить сѣрымъ вълкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править
къ Дону великому.

Другаго дни вельми рано крѣвавыя зори свѣтъ
повѣдають, чърныя тучя съ моря идуть, хотять
прикрыти дѣ солнца, а въ нихъ трепещуть синія мълніи.
Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону
великаго!

Ту ся копіемъ приламатѣ, ту ся саблямъ потручати
о шеломаи половецкыя — на рѣцѣ на Каялѣ у Дону
великаго. О Русьская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря
стрѣлами на храбрыя пълкы Игоревы. Земля тутнетъ,
рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрывають, стязи
глаголють. Половци идуть отъ Дона и отъ моря,
и отъ всѣхъ странъ русьскыя пълкы оступиша.
Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
и храбрии русичи преградиша чърлеными щиты.

Яръ туре Всеволоде! Стоиши на борони,
прыщещи на вои стрѣлами, гремлещи о шеломаи
мечи харалужными. Камо туръ поскочаше, своимъ
златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя
голови половецкыя. Поскепаны саблями калеными
шеломаи оварьскыи отъ тебе, яръ туре Всеволоде!

---

⁷⁴ Чърленъ П, чърленъ Е; чърлена П, чървлена Е. ⁷⁵ строужіе М; Святъславличю П. ⁷⁶ Дремлетъ П; Олгово Е. ⁷⁷ залетѣло Е; небылонъ П, не было нъ Е. ⁷⁸ тебѣ ПЕ. ⁷⁹ чърный П, черный Е; Гзакъ ПЕ. ⁸⁰ бѣжить П; вълкомъ П, волкомъ Е; Кончакъ ПЕ. ⁸² велми ПЕ; кровавыя ПЕ. ⁸³ повѣдають П, повѣдаю^т Е; чърныя П, черныя Е; туча Е; идуть П; хотять П. ⁸⁴ 4 Е; солнца ПЕ; трепещу^т Е; синія ПЕ; мълніи П, молніи Е. ⁸⁵ великаго Е. ⁸⁶ потручати Е. ⁸⁸ великаго Е; Руская ПЕ; землѣ П; уже не Шеломянемъ ПЕ. ⁸⁹ вѣють ПЕ. ⁹⁰ стрѣлами Е; на храбрыя нетъ в К; пълкы П, полки Е, полки К; тутнетъ ПЕ, тоутнетъ М. ⁹¹ текуть Е; прикрывають П. ⁹² глаголють ПЕ. ⁹³ рускыя ПЕ; пълкы П, полки Е; отступиша ПЕ. ⁹⁴ прегородиша ПЕ. ⁹⁵ русици ПЕ; преградиша ПЕ; чърлеными П, чървлеными Е. ⁹⁶ Всеволодъ П. ⁹⁷ стрѣлами Е. ⁹⁸ харалужными М; поскочаше Е. ⁹⁹ златымъ Е; шелома^и Е; лежать П, лежать Е. ¹⁰¹ шеломаи ПЕМ; оварьскыя ПЕМ.

Кая раны, дорога братіе, забывъ чти и живота,
и града Чърнигова, отня злата стола и своя
милыя хоти красныя Глѣбовны свычяя и обычяя!

- 105 Были вѣци Трояни, минула лѣта Ярославля,
были пълци Ольговы, Ольга Святъславличя. Тѣи
бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли
сѣяше. Ступаеть въ златъ стремянъ въ градъ
Тмудороканѣ, тоже звонъ слыша давныи великыи
110 Ярославль сынъ Всеволодъ, а Владимиръ по вся
утра уши закладаше въ Чърниговѣ. Бориса же
Вячеславличя слава на судъ приведе и на Канину
зелену паполому (ему) постла за обиду Ольгову,
храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святопълкъ
115 полелѣя отца своего между угорьскими иноходцы
къ Святѣи Софіи къ Киеву. Тѣгда при Олзѣ
Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами,
погыбашеть жизнь Даждъбожя внука, въ княжихъ
крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишяся. Тѣгда
120 по Русьской земли рѣдко ратаеве кыкахуть, нѣ часто
врани гряхуть, трупія себѣ дѣляче, а галици
свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе.
То было въ ты рати и въ ты пълкы, а сицеи рати
не слышяно! Съ заранія до вечера, съ вечера
125 до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли
о шеломы, трещятъ копія харалужная въ полѣ незнаемѣ
среди земли Половецкыя. Чърна земля подѣ копыты
костями была посѣяна, а крѣвию польяна, тугою
въздыдоша по Русьской земли. Что ми шумить,
130 что ми звенить давѣча рано предѣ зорями? Игорь

¹⁰² забывъ *Е.* ¹⁰³ Чърнигова *П.*, Чернигова *Е.* ¹⁰⁴ свычяя *ПЕ.*;
обычяя *ПЕ.* ¹⁰⁵ вѣци *ПЕ.*, сѣчи *К.* ¹⁰⁶ пълци *П.*, полци *Е.*; Олговы *ПЕ.*; Олга
Е.; Святъславличя *П.*, Святъславлича *Е.*; Той *ЕМ.* ¹⁰⁷ мечемъ *Е.*; стрелы *Е.*
¹⁰⁸ Ступаеть *ПЕ.* ¹⁰⁹ Тмудороканѣ *Е.*; слыша *ПЕМ.* ¹¹⁰ Ярославль *ПЕ.*;
Всеволодъ *П.*, Всеволодъ *Е.*; Владимиръ *П.*, *Е.* ¹¹¹ Чърниговѣ *ПЕ.* ¹¹² Вя-
чеславлича *ПЕ.*, Казанину *М.* ¹¹³ па-поломоу *М.*; ему *нет* в *ПЕМ.*; Олго-
ву *ПЕ.* ¹¹⁴ Святопълкъ *П.*, Святополкъ *Е.*, Святоплкъ *К.* ¹¹⁵ повелѣя *ПЕ.*,
по вель я *К.*; угорьскими *П.*, угорьскими *Е.*; иноходцы *Е.* ¹¹⁶ ко *ПЕ.*; Киеву
ПЕ.; Тогда *ПЕ.* ¹¹⁸ погыбашеть *П.*, погыбашеть *М.*; Даждъ-Божа *ПЕ.*,
Даждъ-Божа *М.* ¹¹⁹ человѣкомъ *П.*; человѣко^М *М.*; скратишяся *ПЕМ.*;
Тогда *ПЕМ.* ¹²⁰ Руской *ПЕМ.*; землѣ *М.*; рѣдко *ПЕ.*; ратаевѣ *ПЕ.*; кыкахуть
ПЕ., кыкахоуть *М.*; часто *ПЕМ.* ¹²¹ гряхуть *М.*; трупія *ПЕМ.* ¹²² говоря,
хути *М.*; хотять *М.*; полѣтѣти *Е.*; оуедіе *М.* ¹²³ пълкы *П.*, полкы *Е.* ¹²⁴ слыша-
но *ПЕ.*; заранія *ПЕ.* ¹²⁵ летять *П.*; стрелы *Е.*; гримлють *П.* ¹²⁶ трещать *ПЕ.*;
копія *ПЕ.*; харалужныя *ПЕ.* ¹²⁷ половецкыи *ПЕ.*; чърна *П.*, черна *Е.* ¹²⁸ кро-
вию *ПЕ.* ¹²⁹ въздыдоша *ПЕ.*; Руской *ПЕ.*; шумить *ПЕ.* ¹³⁰ давеча *П.*, давеча *Е.*

пѣлки заворочаетъ, жяль бо ему мила брата
Всеволода. Бишяся день, бишяся другыи, третьяго
дни къ полудню падоша стязи Игореву. Ту ся
брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы.

«Ту крѣваваго вина не доста; ту пирѣ докончяша
храбрїи русичи, сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Русьскую. Ничить трава жялощами,
и древо ся туюю къ земли приклонило.

Уже бо, братїе, не веселая година вѣстала,
уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала Обида въ силахъ
Дажьбожя внука, вѣступила дѣвою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ
у Дону, плещучи, упуди жирня времена. Усобица
княземъ на поганя погыбе, рекоста бо братъ
брату: «Се мое, а то мое же», и начяша князи
про малое «Се великое» мѣлвити, а сами на себе
крамолу ковати, а поганїи съ вѣхъ странъ
прихождаху съ побѣдами на землю Русьскую.

О, далече заиде соколъ, птицъ бѣя — къ морю!
«А Игореву храбраго пѣлку не крѣсити. За нимъ
кликну Карна, и Жѣля поскочи по Русьской
земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.

Жены русьскыя вѣсплакашяся, а ркучи:

«Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию съмыслити,
ни думую съдумати, ни очима съглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати!»

А вѣстона бо, братїе, Кыевъ туюю, а
Черниговъ напастыми. Тоска разліяся по Русьской
земли, печаль жирна тече среди земли Русьскыи.

¹³¹ пѣлки П, полкы Е; заворочаетъ П, заворочаетъ Е; жяль ПЕ.
¹³² Бишася ПЕ, бишася П, бишася Е. ¹³³ падоша ПЕ; Игореву ПЕ. ¹³⁵ кро-
наваго ПЕ; докончаша ПЕ. ¹³⁶ попоиша ПЕ; полегоша ПЕ. ¹³⁷ Рускую ПЕ;
жалощами ПЕМ. ¹³⁸ стуюю ПЕ, съ туюю М; преклонилось ПЕ, прикло-
нилось М. ¹⁴¹ Дажь-Божя ПЕ; вступилъ ПЕ, вѣстоупилъ М; двою М.
¹⁴² крылы Е; синѣмъ П, синемъ Е; море ПМ. ¹⁴³ оудоноу М; плещоучи М,
убуди ПЕ; усобица ПЕ. ¹⁴⁴ княземъ Е. ¹⁴⁵ начяша П, начаша Е. ¹⁴⁶ мѣлвити
П, молвити Е; себѣ П. ¹⁴⁸ Рускую ПЕ. ¹⁴⁹ заиде ПЕ. ¹⁵⁰ храброго Е; пѣлку
П, полку Е; кресити Е, нимъ Е. ¹⁵¹ Жля П, Карнаижля Е; Руской ПЕ.
¹⁵² людемъ нетъ в П. ¹⁵³ Рускїя П, Рускыя ЕМ; вѣсплакашася ПЕ.
всплакашася М; аркучи ПЕ. ¹⁵⁴ намъ Е, на^М М; свои^Х М; милы^Х М,
смыслити ПЕМ. ¹⁵⁵ сдумати ПЕМ; о очима Е; зглядати М. ¹⁵⁷ Кыевъ
ПЕ. ¹⁵⁸ Черниговъ П, Черниговъ Е; Руской ПЕ. ¹⁵⁹ печаль ПЕ; утече Е;
средь П, средь Е; Рускый П, Рускыи Е.

160 А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами, побѣдами нарыщюще на Русьскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тая бо два храбрая Святъславличя, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста котороу. Ту бѣше
165 успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великый Кыевський. Грозою бѣшетъ притрепеталь, своими сильными пълкы и харалужными мечи настуши на землю Половецкую, притѣпта хълмы и яругы, възмути рѣкы и озера, иссуши потоки и болота,
170 а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великыхъ пълковъ половецкыхъ яко вихрь вытърже, и паде ся Кобякъ въ градъ Кыевъ, въ гриднищъ Святъславли. Ту нѣмци и венедици, ту грѣци и моравя поють славу Святъславлю, кають князя
175 Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкыя. Русьскаго злата насыпашя ту, Игорь князь высѣде изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощіево. Унышя бо градомъ забрала, а веселіе пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ. «Въ Кыевъ
180 на горахъ си ночь съ вечера одѣвахуть мя,— рече,— чърною паполомоу на кровати тисовѣ, чърпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено, сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тълковинъ великый женцюгъ на лоно и нѣгують мя. Уже дѣскы
185 безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощъ съ вечера Бусови врани възгряяху, у Плесньска на болони бѣшя дѣбри Кыянѣ и несошяся къ синему морю».

---

¹⁶¹ нарищуще ПЕ; Рускую ПЕ. ¹⁶³ Тїи ПЕ; Святъславличя П. ¹⁶⁴ убуди ПЕ; которую ПЕ; то ПЕ. ¹⁶⁵ отецъ П; Святъславъ ПЕ; грозный Е; выликий Е. ¹⁶⁶ Кыевський П, Кыевський Е. ¹⁶⁷ сильными Е; пълкы П, полкы Е. ¹⁶⁸ притопта ПЕ; хълмы ПЕ. ¹⁶⁹ възмути П, в'змути Е; рѣкы П; озера ПЕ; потоки П. ¹⁷⁰ поганаго Е; излоуку М; желѣзны^x Е. ¹⁷¹ великихъ П; пълковъ П, полковъ Е; половецкихъ П; вытърже ПЕ. ¹⁷² Кыевъ ПЕ. ¹⁷³ грѣци ПЕ; ¹⁷⁴ поють ПЕ; кають Е. ¹⁷⁵ погроуши М. ¹⁷⁶ половецкїя П; Рускаго ПЕ; насыпаша ПЕ. ¹⁷⁷ высѣдѣ П. ¹⁷⁸ Унышя ПЕ; забрала ПЕ. ¹⁷⁹ Святъславъ П; Кыевъ ПЕ. ¹⁸⁰ одѣвахъте ПЕ. ¹⁸¹ чърною П, черною Е; кровати П. ¹⁸² чърпахуть ПЕ; трудомъ П, трудо^x Е. ¹⁸³ тоулы М; тълковинъ П, тълковинъ ЕМ. ¹⁸⁴ женцюгъ ПЕ; нѣгують П; дѣскы П. ¹⁸⁵ вмоемъ П; златовръсѣмъ П, златовръсемъ Е. ¹⁸⁶ бусови П, бо-суви Е; Пльньска Е. ¹⁸⁷ бѣшя ПЕ; дѣбрь кисаню ПЕ; и не сошлю къ ПЕ.

И рькоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ
положила. Се бо два сокола слетѣста съ отня стола
злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити
шеломомъ Дону. Уже соколома крыльця припѣшали
поганыхъ саблями, а самую опуташиа въ путины
желѣзны. Тьмно бо бѣ въ 7 день, два сълнца
помѣркости, оба багряная стѣлпа погасоста
и въ морѣ погрузиста, и великое буиство подаста хынови,
и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою
си поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла,
по Русьской земли прострошиа половци акы

пардуже гнѣздо.

Уже снесеса хула на хвалу, уже тресну нужда на волю,
уже вържеса Дивъ на землю. Се бо готьскыя красныя
дѣвы въспѣшиа на брезѣ синему морю: звоня Русьскимъ
мштомъ, поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю.
А мы уже дружина жадни веселія!»

Тьгда великыи Святъславъ изрони злато слово
слѣзами смѣшено и рече: «О моя сыновья, Игорю
и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи
шѣлбити, а себѣ славы искати. Нѣ не честно одолѣсте,
не честно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая
сърдця въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести
закалена. Се ли створисте моеи сребренѣи сединѣ?

А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои
брата моего Ярослава съ Чърниговьскими былями,
съ могуты и съ татараны, и съ шельбиры, и съ топчаки,
и съ ревугы, и съ ольберы. Тѣи бо бесъ щитовъ
и съ засапожники кликомъ пѣлкъ побѣждають, звонячи
въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: «Мужаймѣся

сами, преднюю

славу сами похытимъ, а заднею ся сами подѣлимъ!»

¹⁸⁸ ркоша ПЕ; умъ ПЕ. ¹⁸⁹ слѣтѣста П. ¹⁹⁰ Тьмутороканя Е. ¹⁹¹ шеломомъ ПЕ; крыльца П, крилца Е. ¹⁹² самую П, самого Е; опустоша П, опуташиа Е. ¹⁹³ Тьмно ПЕ; 3^н Е; солнца ПЕ; помѣркости П, помѣркости Е. ¹⁹⁴ стѣлпа ПЕ. ¹⁹⁵ В ПЕ вся строка после 198; подѣсть ПЕ; Хинови ПЕ. ¹⁹⁶ нимъ ПЕ; мѣсяца ПЕ; тьмою П, тмою Е. ¹⁹⁸ Руской ПЕ; прострошася ПЕ; акы П. ²⁰⁰ вържеса ПЕ; дивъ П; готскія П. ²⁰¹ въспѣша ПЕ, въспѣша К; сняго моря К; Рускымъ ПЕ. ²⁰² поють П; лелѣють ПЕ. ²⁰³ жадни ПЕ; веселія Е. ²⁰⁴ Тогда ПЕ; великыи П; Святславъ П, Святославъ К. ²⁰⁵ слезами ПЕ; сыновья ПК, сыновча Е. ²⁰⁸ проліясте Е. ²⁰⁹ сѣрдца ПЕ; жестоцемъ П. ²¹⁰ сребреней ПЕ; сѣдинѣ ПЕ. ²¹² Чърниговьскими ПЕ. ²¹³ шельбиры Е. ²¹⁴ ольберы Е; бес П; щитовъ П. ²¹⁵ пѣлкъ П, полкъ Е; побѣждають П. ²¹⁷ похитимъ П, похытимъ Е; заднюю ПЕ; подѣлимъ Е.

А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли
соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ,
220 не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло,
княже ми неспособіе. Наниче ся години обратиша.

Се у Римъ крычатъ подъ саблями половецкими,
а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!
Великыи княже Всеволоде! Не мыслию ти
225 прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти.
Ты бо можеши Вѣлгу веслы раскропити, а Донъ
шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чяга
по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ. Ты бо можеши посуху
живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.

230 Ты буи Рюриче и Давыде! Не ваю ли <вои> злачеными
шеломы по крѣви плаваши? Не ваю ли храбрая дружина
рыкають акы тури, ранени саблями калеными на полѣ
незнаемъ? Вступита, господина, въ злата стремени
за обиду сего времени, за землю Русьскую,
235 за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Галичскыи Осмомысле Ярославе! Высоко
сѣдиши на своемъ златокваннѣмъ столѣ, подперъ
горы угорскыи своими желѣзными плѣкы, заступивъ
королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, мечя бремены
240 чрезъ облакы, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по
землямъ текутъ, отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши
съ отня злата стола салтаны за землями. Стрѣляи,
господине, Кончяка, поганого кощей, за землю
Русьскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

---

²¹⁹ мытѣхъ П; бываетъ П; птицъ П; възбиваетъ П. ²²⁰ дасть П.
²²¹ обратиша ПЕ. ²²² Уримъ П, ури^м Е, у Римъ К; кричатъ ПЕ, кри-
чать К. ²²³ Володимиръ Е, Володимеръ К. ²²⁵ издалеча ПЕ. ²²⁶ Волгу
ПЕ; раскропити Е. ²²⁷ А же Е; чага ПЕК. ²²⁸ резанѣ ПЕ, рѣзани К.
²²⁹ живыми нет в Е; стреляти Е. ²³⁰ вои нет в ПЕ. ²³¹ крови ПЕ; плаваши
ПЕ. ²³² рыкають П; акы Е; ранены ПЕ. ²³³ Вступита ПЕК; гна Е; златый
К; стремень ПЕК. ²³⁴ зане землю Е; Русьскую П, Рускую Е. ²³⁵ Святславли-
ча П, Святъславлича Е. ²³⁶ Галичкы ПЕ; Осмомыслѣ П. ²³⁸ златокван-
немъ Е; подперъ ПЕК. ²³⁸ угорскыи П, угорскыи Е; плѣкы П, полкы Е,
плѣкы К. ²³⁹ затвори къ Дунаю К; мечя ПЕ; времена ПЕ. ²⁴⁰ облакы П.
²⁴¹ текутъ П; отворяеши П; Кіеву ПЕ; стреляеши Е. ²⁴² салтаны П, салтъа-
ни Е; стреляи Е. ²⁴³ Кончяка ПЕ; поганого ПЕ. ²⁴⁴ Рускую ПЕ; Святслав-
лича П, Святъславлича Е.

А ты буи Романе и Мстиславе! Храбрая мысль
 носитъ ваю умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло
 въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяся, хотя
 птицю въ буиствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзніи
 наперси подѣ шелома латинскими. Тѣми трѣсну земля,
 и многы страны — хинова, литѣва, ятвязи, деремела
 и половци сулицы своя повѣргоша, а главы своя
 поклониша подѣ тыи мечи харалужныи. Нѣ уже, княже
 Игорю, утѣрпе сълнцю свѣтъ, а древо не бологомъ
 листвѣ сърони, по Рѣси и по Сули грады подѣлиша,
 а Игорева храбраго пълку не крѣсити. Донѣ ти, княже,
 кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Ольговичи
 храбрѣи князи dospѣли на брань.

Ингварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи,
 не худа гнѣзда шестокрыльци! Не побѣдными жребіи
 собѣ власти расхытите. Кое ваши златыи шелома и
 сулицы ляцкыя и щиты? Загородите полю ворота
 своими острыми стрѣлами за землю Русскую,
 за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребренными струями
 къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ
 онымъ грознымъ полочяномъ подѣ кликомъ поганыхъ.
 Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими
 острыми мечи о шелома литовскыя, притрепа славу
 дѣду своему Всеславу, а самъ подѣ чрълеными щиты
 на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи.
 Исходи юна кровь, а тѣи рекъ: «Дружину твою, княже,
 птичь крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша».
 Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго — Всеволода,

²⁴⁶ носить П; васъ ПЕ; умъ Е. ²⁴⁷ вѣтрѣхъ П. ²⁴⁸ желѣзныи П.
²⁴⁹ папорзи ПЕК; латинскими ПК. ²⁵⁰ многи П; Хинова нет в К; Литва
 ПЕК. ²⁵¹ повѣргоща П, повѣргоша ЕК. ²⁵² поклониша ПЕ; харулужныи К
²⁵³ утѣрпъ П, утѣрпѣ Е; солнцю ПЕ. ²⁵⁴ срони ПЕ; Рѣси П, Роси Е; грады ПЕ;
 подѣлиша ПЕ. ²⁵⁵ пълку П, полку Е; кресити Е. ²⁵⁶ кличетъ П; зоветъ Е;
 Ольговичи ПЕ. ²⁵⁷ храбрѣи ПЕ. ²⁵⁸ Ингварь ЕК; и нет в К; Мстиславлича Е,
 Мстиславича К. ²⁵⁹ шестокрилци П, шестокрыльци Е. ²⁶⁰ шелома ПЕ.
²⁶¹ сулицы ПЕ; ляцкіи П, ляцкыи Е; щиты ПЕ. ²⁶² стрелами Е; Русскую П,
 Рускую Е. ²⁶³ Святъславлича ПЕ. ²⁶⁴ течетъ ПЕ. ²⁶⁵ течетъ ПЕ. ²⁶⁶ полоча-
 номъ П. ²⁶⁸ литовскія П. ²⁶⁹ чрълеными ПЕ. ²⁷⁰ кровавѣ ПЕ; литовскими
 ПЕ. ²⁷¹ И схоти ю на кровать и рекъ ПЕ; княжую вместо твою, княже М.
²⁷² птицъ ПЕМ; крылы ПЕМ; приодѣ ПЕ, приоде М; звери ЕМ; полизаша
 ПЕ, полизаше М. ²⁷³ бысь П, бы Е; Брячислава П, Брячислава Е.

единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла
275 чрезъ злато ожереліе. Уныли голоса, пониче
веселіе, трубы трубятъ городеньскыя.

Ярославле и вси внуци Всеславли! Уже понизите
стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте
изъ дѣднеи славы. Вы бо своими крамолами начясте
280 наводити поганыя на землю Русьскую, на жизнь Всеславию,
которою бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыя.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Всеславъ жребіи
о дѣвицю себѣ любу. Тѣи клюками подѣпрѣ ся окони,
и скочи къ граду Києву, и дотчеса стружіемъ злата
285 стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
въ пълночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мѣглѣ,
утѣрже вазни съ три кусы, отвори врата Новуграду,
разѣшибе славу Ярославу, скочи вѣлкомъ до Немигы —
сѣду токѣ. На Немизѣ снопы стелють головами,
290 молотятъ цепи харалужными, на тоцѣ животъ кладуть,
вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ крѣвави брезѣ не бологомъ
бяхуть посѣяни, посѣяни костью русьскыхъ сыновъ.
Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь вѣлкомъ рыскаше, изъ Києва дорыскаше
295 до куръ Тьмутороканя, великому Хърсови вѣлкомъ путь
прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю
рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Києвѣ
звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ,
нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянъ и първое
300 припѣвку, смыслены, рече: «Ни хитру, ни горазду,
ни пытьцю горазду суда Божія не минути!»

274 жемчужну Е; душу ПЕ. 275 чрезъ Е; Унылы П. 276 трубятъ ПЕ; городеньскіи ПЕ. 277 Ярославле ПЕ; внуце ПЕ; понизитъ ПЕ. 278 вонзитъ ПЕ. 279 славѣ ПЕ; начясте Е. 280 Рускую ПЕ. 281 Которое ПЕ; половецкыи ПЕ. 282 седьмомъ Е; Зояни Е; вѣрже ПЕ. 283 Тѣ Е; подпрѣ ПЕ. 285 Кіевскаго П, Кіевскаго Е; отныхъ Е; звере^м Е. 286 пълночи П, полночи Е; сине Е. 287 утѣрже ПЕ; возни стрикусы П, вазнистри кусы Е; отвори П. 288 разшибе П, разшибѣ Е; вѣлкомъ П, волкомъ Е; Немигы ПЕ. 289 съ Дудутокѣ ПЕ; стелють ПЕМ. 290 молотятъ ПЕМ; цепи ПЕМ; халужными ЕМ; кладуть П. 291 вѣють ПЕМ; душу ПЕМ; о^т М; кровави ПЕМ. 292 бяхуть М; Рускихъ ПЕ, руски^х М; сыновъ Е. 293 радяше Е. 294 вѣлкомъ П, волкомъ Е; исъ Е; дорыскаше ПЕ. 295 Тьмутороканя ПЕ; Хърсови ПЕ; вѣлкомъ П, волкомъ Е. 296 Полотскѣ П; позвониша ПЕ. 298 слыша ПЕ; вѣща ПЕ; душа ПЕ; вѣдрузѣ Е 299 часто ПЕ; първое П, первое Е, перъвое М. 300 притовку М; смысленный М; хитру М. 301 птицю ПЕМ; Божія ПЕМ.

О, стонати Русьской земли, помянувшѣ первую
годину и пьрвыхъ князеи! Того стараго Владимира
не лъзѣ бѣ пригвоздити къ горамаъ Кыевськимъ, сего
бо нынѣ сташа стязи Рюрикови, а друзиѣи Давидови,
иъ розно ся имъ хоботы пашють, копя поють!

Ии Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею
незнаемъ рано кычетъ: «Полечю,— рече,— зегзицею
по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру
князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи:
«О вѣтре вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши?
Чему мычеша хыновскыя стрѣлки на своею нетрудную
крыльцо на моя лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ
подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?»

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ,
а ркучи: «О Днѣпре Словутичю! Ты пробилъ еси каменныя
горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ
Святъславли носады до пѣлку Кобякова. Възлелѣи,
господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала
къ нему слезъ на море рано!» Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое
слнце! Всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине,
простре горячую свою лучю на лады вои, въ полѣ безводнѣ
жяждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тулы затъче?»

Прысну море полунощи, идутъ смърчи мъглами,
Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкыя
на землю Русьскую, къ отню злату столу. Погасошя
исчеру зори. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь
мыслию поля мѣрять отъ великаго Дону до малаго

³⁰² Руской ПЕ; помянувшѣ ПЕ; пьрвую П, пьрвую Е. ³⁰³ пьрвыхъ П,
пьрвыхъ Е; Владиміра ПЕ. ³⁰⁴ нелзѣ Е; Кіевскимъ П, Кіевськимъ Е.
³⁰⁵ сташа ПЕ; Рюриковы ПЕ; Давидовы П. ³⁰⁶ розинося ПЕ; пашуть П,
пашуть Е; копя ПЕ; поють ПЕ. ³⁰⁷ Ярославнынъ Е; слышитъ П. ³⁰⁸ не-
знаемъ ПЕ. ³¹⁰ кровавыя ПЕ. ³¹¹ плачетъ П. ³¹² вѣтрѣ П; гне Е. ³¹³ хи-
новскыя ПЕ; не трудною ПЕ. ³¹⁴ крилицю ПЕ; бяшетъ П; горъ ПЕ.
³¹⁶ развѣя ПЕ. ³¹⁸ Днѣпре ПЕ; Словутицю ПЕ. ³²⁰ Святославли ПЕ;
пѣлку П, полку Е. ³²² морѣ Е; Ярославна на морѣ плачетъ Е; плачетъ П.
³²³ къ вместо въ в ПЕ. ³²⁴ слнце П, солнце Е; всемъ Е; гне Е. ³²⁵ ладѣ
ПЕ. ³²⁶ жяждею ПЕ; имъ ПЕ; лучи ПЕ; тулы ПЕ; затче ПЕ. ³²⁷ идутъ П;
сморци ПЕ. ³²⁸ кажетъ ПЕ; половецкой ПЕ. ³²⁹ Рускую ПЕ; Погасоша
ПЕ. ³³⁰ зари ПЕ; спитъ П; бдитъ П. ³³¹ мѣрять П; великаго Е.

Донця. Комоньнъ въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою,
 велить князю разумѣти. Князю Игорю не быть! Кликну,
 стукну земля, вѣшомъ трава, вежи ся половецкыя
 335 подвизаша. А Игорь князь поскочи гърностаемъ
 къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду, вѣвржеся
 на бѣрзъ комонь, и скочи съ него босымъ вѣлкомъ,
 и потече къ лугу Донця, и полетѣ соколомъ подѣ мѣглами,
 избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ.
 340 Коли Игорь соколомъ полетѣ, тѣгда Влуръ вѣлкомъ
 потече, труся собою студеную росу, претѣргоста бо
 своя бѣрзая комоня. Донецъ рече: «Княже Игорю!
 Не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Русьской
 земли веселія!» Игорь рече: «О Донче! Не мало ти
 345 величія, лелѣявѣшу князя на вѣлнахъ, стлавѣшу ему
 зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавѣшу
 его теплыми мѣглами подѣ сѣнію зелену древу, стрешаше
 его гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чѣрнядыми
 на вѣтрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стugna, худу струю
 350 имѣя, пожѣрѣши чужи ручьи и стругы, рострена къ усту,
 уношу князя Ростислава затвори днѣ при темнѣ березѣ.
 Плачеться мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ.
 Уныша цвѣты жялобою, и древо ся тугою къ земли
 приклонило.

А не сорокы вѣстроскоташа, на слѣду Игоревѣ
 355 ѣздитъ Гза съ Кончакомъ. Тѣгда врани не граяхуть,
 галици помѣлкоша, сорокы не троскоташа, полозиѣ
 ползоша только. Дятлове текѣтомъ путь къ рѣцѣ кажутъ,
 соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають. Мѣлвить Гза
 къ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича

332 Донца ПЕ; Комонь ПЕ. 334 вѣшумъ ПЕ; половецкѣи ПЕ. 335 подвизаша ПЕ; поскачи Е; горнастаемъ П, горностаемъ Е. 336 вѣвржеся П, вѣвржеся Е. 337 бѣрзъ П, борзъ Е; босы^м Е; вѣлкомъ П, волкомъ Е. 338 Донца ПЕ; мѣглами Е. 340 соколомъ Е; тогда ПЕ; вѣлкомъ П, волкомъ Е. 341 претѣргоста ПЕ. 342 бѣрзая П, борзая Е. Донецъ П. 343 Кончаку ПЕ; Руской ПЕ. 344 веселія ПЕ. 345 лелѣявѣшу ПЕ; вѣлнахъ П, волнахъ Е; стлавѣшу ПЕ. 346 зелѣну П; насвой^х Е; одѣвавѣшу ПЕ. 347 мѣглами П, мѣглами Е. 348 е гоголемъ ПЕ; чаицами ПЕ; чѣрнядыми ПЕ. 349 ветрѣхъ П. 350 пожѣрѣши ПЕ; чужи ПЕ; ростре на кусту ПЕ. 351 уношу ПЕ; князю ПЕ; Ростиславу ПЕ; Днѣпръ темнѣ ПЕ. 352 Плачеться ПЕ; Ростислава П. 353 Уныша ПЕ; жалоною ПЕ; древо стугою ПЕ; прѣклонило ПЕ. 354 втроскоташа ПЕ. 355 ѣздитъ П; Гзакъ ПЕ; Кончакомъ ПЕ; Тогда ПЕ; граяхуть ПЕ. 356 помѣлкоша П, помолкоша Е; троскоташа ПЕ; полозию П, по лозию Е. 357 ползоша П, ползаша Е; толко Е; тектомъ ПЕ; кажутъ П. 358 пѣсньми П; повѣдають ПЕ; Мѣлвить П, молвить Е; Гзакъ ПЕ. 359 къ нетъ в ПЕ; Кончакови ПЕ; летитъ П, лети^т Е; соколича ПЕ.

рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами». Рече
Кончякъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летить, а въ
сокольца опутаевѣ красною дѣвицею». И рече Гза
къ Кончякови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвицѣ,
то почнуть наю птици бити въ полѣ Половецкомѣ».

Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца
старого времени Ярославля, Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головѣ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ
головы» — Русьской земли безъ Игоря. Солнце свѣтитися
на небесе — Игорь князь въ Русьской земли. Дѣвици
поють на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Кыева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣи Богородици
Пирогощен. Страны рады, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ
пѣти. Слава Игорю Святъславличю, буи туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичю. Здрави князи и дружина, побарая
за христьяны на поганья пълкы. Княземъ слава а дружинѣ.
Аминь.

³⁶⁰ стрелами *Е*; Речь *Е*. ³⁶¹ Кончакъ *ПЕ*; летить *П*. ³⁶² соколца *ПЕ*; дивницею *П*; рекъ *Е*; Гзакъ *ПЕ*. ³⁶³ Кончакови *ПЕ*. ³⁶⁴ будетъ *ПЕ*; сокольца *ПЕ*; дѣвице *ПЕ*. ³⁶⁵ почнуть *ПЕ*. ³⁶⁶ и ходы на *ПЕ*; пѣснотворца *П*, пѣснотворца *Е*. ³⁶⁸ тяжело *ПЕ*; головы *ПЕ*. ³⁶⁹ Руской *ПЕ*; Солнце *ПЕ*; свѣтитися *ПЕ*. ³⁷⁰ небесѣ *П*; Руской *ПЕ*. ³⁷¹ поють *ПЕ*; вьются *ПЕ*; чрезъ *Е*; Кіева *ПЕ*. ³⁷² ѣдетъ *ПЕ*. ³⁷³ ради *ПЕ*. ³⁷⁴ пѣвше *ПЕ*. ³⁷⁵ Святъславлича *П*, Святъславличъ *Е*; Всеволодѣ *П*, Всеволоде *Е*. ³⁷⁶ Владиміру *ПЕ*; Игоревичу *П*, Игоревичъ *Е*. ³⁷⁷ христьяны *Е*, пълки *П*, полки *Е*.

**СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА**

Перевод реконструированного текста *

1 Не пристало бы нам, братья, начать старыми
словами скорбных воинских повестей (песнь) о по-
ходе Игоревоm — Игоря Святославича. Начаться
же той песни по былям сего времени, а не по замыслу
Боянову. Потому что Боян вещей если кому хотел
сложить хвалебную песнь, то растекался мыслью
по древу, серым волком по земле, сизым орлом под
облаками. Ведь помнил он рассказы о битвах давних
времен. Тогда он пускал десять соколов на стадо
лебедей, которую лебедь настигал, та первой песнь
пела старому Ярославу, храброму Мстиславу, что
зарезал Редедю перед полками касожскими, пре-
красному Роману Святославичу. Но Боян, братья,
не десять соколов на стадо лебедей пускал, а на
живые струны свои вещие персты возлагал, и они
сами князьям славу рокотали.

16 Начнем же, братья, повесть эту от старого Вла-
димира до нынешнего Игоря, который выковал ум
твердостью своей и наострил его мужеством своего
сердца, исполненный боевого духа, навел свои
храбрые полки на землю Половецкую за землю
Русскую.

21 Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел,

---

* Цифры против абзацных строк соответствуют нумерации
этих строк в древнерусском тексте.

что от него тьмою все его воины прикрыты. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Ведь лучше быть убитым в бою, чем полоненным. Сядем же, братья, на своих борзых коней, чтобы нам взглянуть на синий Дон!» Разожгло князю ум, желание, и страсть ему знамение заступила изведать Дона великого. «Хочу,— сказал он,— копье преломить о край поля Половецкого, с вами, русичи, хочу голову свою сложить или испить шелоном Дона!»

О Боян, соловей старого времени! Вот если бы ты воспел эти походы, скача, о соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, сплетая обе славы того времени, рыща по тропе Трояновой через поля на горы. Тогда петь бы внуку того <Велеса> песнь Игорю: «Не буря соколов занесла через поля широкие — галки стаями летят к Дону великому!» Или так бы тебе спеть, о вещий Боян, Велесов внук: «Трубы трубят в Новеграде, стоят стяги в Путивле!»

Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему буй-тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый ты, Игорь, оба мы Святославичи! Седлай, брат, своих борзых коней, а мои-то готовы, у Курска заранее оседланы. А мои-то куряне испытанные воины, под трубами позиты, под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им знакомы, овраги им известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены, сами они скачут как серые волки в поле, ищущие себе чести, а князю славы.

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь преграждало, ночь, стонущая ему грозою, птиц разбудила, свист звериный поднялся — Див кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неведомой — Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмуроканский болван! А половцы нетореными дорогами побежали к Дону великому; скрипят телеги в полуночи, как будто испуганные лебеди. Игорь к Дону воинов ведет! Уже от беды его предостерегают птицы по дубам. Волки страх нагоняют по оврагам, орлы клекотом на кости зверей созывают, лисицы лают на

червлёные щиты. О Русская земля! Ты уже за холмом!

64 Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, мгла поля покрыла, пение соловьев утихло, говор галок пробудился. Поля червлёными щитами перегородили русичи великие, ищущие себе чести, а князю славы.

68 С утра в пятницу потоптали они нечестивые полки половецкие, и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали прекрасных девушек половецких, и с ними золото, и драгоценные ткани, и дорогие бархаты; покрывалами, и плащами, и кожухами начали мосты мостить по болотам и топким местам — и всякими украшениями половецкими. Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёная челка — серебряное древо — храброму Святославичу!

76 Дремлет в поле Олегово доблестное гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный ворон, неверный половчин! Гза бежит серым волком, Кончак ему путь указывает к Дону великому.

82 На другой день рано поутру кровавые зори свет возвещают, чёрные тучи с моря идут, хотят закрыть четыре солнца, а в тучах трепещут синие молнии. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дона великого! Тут копьём поломаться, тут саблям пощербиться о шеломы половецкие — на реке на Каяле у Дона великого. О Русская земля! Ты уже за холмом!

89 Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги говорят — развеваются на ветру. Половцы идут от Дона и от моря, и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи преградили червлёными щитами.

96 О ярый тур Всеволод! Стоишь ты на поле брани, сыплешь на воинов стрелами, гремишь о шеломы мечами харалужными — остриями сверкающими. Куда бы тур ни поскакал, своим золотым шеломом блистая, там ложатся нечестивые головы половецкие. Тобой в щепки разбиты калеными саблями аварские шеломы, ярый тур Всеволод, презирающий

раны, о дорогие братья, забывший почет и жизнь, и город Чернигов, отчий золотой стол и свичаи и обычаи своей милой жены — прекрасной Глебовны!

106

Были века Трояновы, минули лета Ярославовы, были походы Олеговы, Олега Святославича. Ведь тот Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Когда вступал он в золотое стремя в граде Тмуторокани, то этот звон слышал давний великий князь Ярославов сын Всеволод, а Владимир ⟨Мономах⟩ каждое утро закладывал уши — запирали ворота в Чернигове. А Бориса Вячеславича слава на суд привела и на Канине зеленый плащ ему постлала за обиду Олега — храброго и молодого князя. С той же Каялы Святополк бережно повез отца своего на угорских иноходцах к святой Софии — к Киеву. Тогда, при Олеге Гориславиче, сеялось и росло усобицами, погибала жизнь Дажьбогова внука, в княжеских крамолах век людской сократился. Тогда по Русской земле редко оратаи кликали, но часто вороны граяли, мертвые тела между собой дежая, а галки свой разговор вели — полетят они на богатый пир. Это было в те битвы и те походы, а такой битвы не слышано! С утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копыя харалужные, остриями блистающие в поле неведомом среди земли Половецкой. Черная земля под копытами косями была засеяна и кровью полита, скорбью взошли они по Русской земле. Что мне шумит, что мне звенит так рано пред зарей? Игорь полки поворачивает, ведь ему жаль милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы. Тут кровавого вина не хватило; тут пир закончили храбрые русичи, сватов напоили, а сами полегли за Русскую землю. Никнет трава от жалости, и дерево от горя к земле склонилось.

139

Ведь уже, братья, не веселое время наступило, уже пустыня воинство накрыла. Встала Обида в войске Дажьбожьего внука, вступила девою на землю Троянову, всплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона, плеща ими, прогнала счастливые времена. Борьба князей с неверными прерва-

лась, потому что сказал брат брату: «Это мое, а то тоже мое», и начали князя про малое говорить: «Это великое» и сами на себя крамолу ковать, а неверные из всех стран приходили с победами на Русскую землю.

149 О, далеко залетел сокол, птиц бьющий, — к морю! А Игорева храброго войска не воскресить. О нем воскликнула Карна, и Желя помчалась по Русской земле, разбрасывая людям огонь из пламенного рога. Жены русские заплакали, причитая: «Уже нам своих милых мужей ни мыслию не промыслить, ни думою не придумать, ни очами не повидать, а до золота и серебра и вовсе не дотронуться!»

157 И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная течет среди земли Русской. А князя сами на себя крамолу ковали, а неверные сами, с победами набегая на Русскую землю, брали дань по серебряной монете со двора.

163 Те ведь два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, обособившись, зло разбудили, которое прежде успокоил отец их, Святослав грозный великий Киевский. Грозою он заставил трепетать — своими сильными полками и харалужными мечами наступил на Половецкую землю, потоптал холмы и овраги, взмутил реки и озера, иссушил ручьи и болота. А неверного Кобяка из лукоморья из железных огромных полков половецких как смерч вырвал, и упал Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецианцы, тут греки и мораване поют славу Святославу, осуждают князя Игоря, который утопил благополучие на дне Каялы, реки половецкой. Рассыпали там русское золото, Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольника-кощеля. В унынии городские стены, и веселье поникло.

179 А Святослав мутный сон видел. «В Киеве на горах этой ночью с вечера, — сказал он, — укрывают меня черным плащом на ложе тисовом, черпают мне темное вино, со скорбью смешанное, сыплют мне пустыми колчанами неверных язычников-толмачей крупный жемчуг на грудь и оплакивают меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю эту ночь с вечера Бозовы вороны начинали взграи-

188 вать, у Плесеньска на низком берегу разверзлись овраги Кияни, и простерлись они до синего моря».

И сказали бояре князю: «Уже, о князь, скорьбь ум заполонила; это ведь два сокола слетели с отеческого золотого стола поискать града Тмуторокани или хотя бы испить шеломом Дона. Ведь уже тем двум соколам крылышки подрезали саблями неверных, а их самих опутали железными путами. Ведь темно стало в третий день, два солнца померкли, оба багряных столпа погасли и в море погрузились и великое беспокойство подали хинам, и с ними два молодых месяца, оба тьмой заволоклись. На реке на Каяле тьма свет покрыла, по Русской земле разбежались половцы, как выводок гепардов. Уже пала хула на хвалу, уже набросилась нужда на волю, уже низринулся Див на землю. Ведь уже и готские красавицы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом, поют время Боза, лелеют месть за Шарукана. А мы уже — дружина — жаждем веселья!»

204 Тогда великий Святослав изрек золотое слово, со слезами смешанное, и вот что сказал: «О мои племянники, Игорь и Всеволод! Рано вы начали землю Половецкую мечами тревожить и себе славы искать. Но по чести не одолели, не по чести кровь неверных пролили. У вас обоих храбрые сердца выкованы из твердого, тяжко ранящего металла-харалуга и в ярости закалены. Что же вы сотворили моим серебряным седином? Ведь уже не вижу я власти сильного и богатого и повелевающего многочисленными войсками брата моего Ярослава, и с черниговскими старшинами, и с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ольберами. Те ведь без щитов с засапожными ножами кликом полки побеждают, звеня в прадедовскую славу. Но сказали вы: «Оба сами наберемся мужества: прежнюю славу сами поддержим, а будущую между собой поделим!» А диво ли, братья, старому помолодеть? Даже когда сокол линяет, высоко птиц взбивает — не даст гнезда своего в обиду. Но вот беда — не желают князья мне помочь. Наизнанку времена обернулись».

222 Вот уже у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Скорьбь и горе сыну Глеба!

Могучий князь Всеволод! У тебя и в мыслях нет прилететь издалека защитить отцовский золотой престол! Ведь ты можешь Волгу веслами раскропить, а Дон шеломами вычерпать. Был бы ты здесь, то была бы невольница по ногате, а невольник по резане. Ведь ты можешь посуху живыми шереширами — огненными снарядами — стрелять, удалыми сынами Глебовыми!

Ты, о храбрый Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины золочеными шеломами по крови плавали? Не ваши ли храбрые дружины рычат как туры, раненные саблями калеными в поле неведомом? Оба вступите, владыки, в золотое стремя за обиду этого времени, за раны Игоревы, храброго Святославича!

О Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь ты на своем златокованом престоле. Ты запер горы угорские своими железными полками, преградив венгерскому королю путь, затворив проход к Дунаю, перебрасывая грузы через облака, суды творя до Дуная. Грозы твои по землям текут, открываешь ты Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола салтанов за землями. Стреляй, владыка, Кончака, поганого кощея-смерда за Русскую землю, за раны Игоревы, храброго Святославича!

А ты, о храбрый Роман и Мстислав! Храбрая мысль направляет ум у вас обоих на подвиги. Высоко летаешь ты на подвиги в ярости, как сокол на ветру распростершись, желая птиц в неистовстве одолеть. Ведь есть у вас обоих железные нагрудники под шеломами латинскими. Под теми вздрогнула земля и многие страны — хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы свои сулицы побросали и свои головы склонили под теми мечами харалужными. Но уже, о князь Игорь, померк солнца свет, и деревья не к добру листву потеряли — по Роси и по Суле (враги) города поделили, а Игорева храброго войска не воскресить. Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, поторопились на брань.

Ингварь, и Всеволод, и все трое Мстиславичей, не худого гнезда шестокрыльцы! Несправедливыми

жребиями расхватали вы себе владения! Где же ваши золотые шеломы, и сулицы ляшские, и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича!

264   Ведь уже Сула не течет серебряными струями к граду Переяславлю, и Двина уже болотом течет к тем грозным полочанам под кликом неверных. Один только Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шеломы литовские, превзошел славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве повержен литовскими мечами. Текла юная кровь его, и сказал он: «Дружину твою, о князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали!» Не было там ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода, и совсем один ты изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городеньские.

277   Ярославичи и все внуки Всеславы! Опустите стяги свои, вонзите в землю свои мечи, покрытые позором, ведь уже выпали вы из дедовской славы. Ведь своими раздорами вы начали наводить неверных на землю Русскую, на богатства Всеслава, из-за раздоров случилось насилие от земли Половецкой!

282   На седьмом веке Трояновом кинул Всеслав жребий ради дѣвицы, ему любимой. Он, хитростями подпираясь, добыл коней, и прискакал к граду Киеву, и едва дотронулся древком золотого престола Киевского. Прыгнул он рысью в полночи из Белгорода, завесился синей тучей, урвал удачи с три куска — отворил врата Новгороду, расшиб славу Ярославу, прыгнул волком до Немиги — сдул ток. На Немиге снопы стелют головами, молотят цепами харалужными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Кровавые берега Немиги не добрым зерном были засеяны — засеяны костями русских сынов. Всеслав-князь людям суд творил, князьям города дарил, а сам по ночам волком рыскал, из Киева достигал до первых петухов Тмуторокани, великому Хорсу волком перебежал дорогу. Ему в Полоцке позвонили к ранней заутрене у святой Софии

в колокола, а он в Киеве звон слышал. Хоть и была вещая душа в другом теле, но часто страдал он от бед. Ему вещий Боян и давнюю припевку-поговорку изрек, мудрый: «Ни хитрому, ни разумному, ни колдуну искусному суда божьего не миновать!»

302 О, стонать Русской земле, вспомнив прежние времена и прежних князей! Того старого Владимира нельзя было приковать к горам Киевским, а ведь ныне одни его стяги стали Рюриковы, а другие — Давыдовы, но в разные стороны бунчуки их развеваются, по-разному копыя поют.

307 На Дунае голос Ярославны слышится, чайкой-зегзицей неведомой рано утром голосит: «Полечу я,— говорит,— по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле!» Ярославна рано утром плачет в Путивле на городской стене, причитая: «О ветер-ветрило! Зачем, о господин, так сильно веешь? Зачем легкими крылами бросаешь хиновские стрелы на воинов моего милого? Мало ли тебе было горы под облаками обвевать, нося корабли на синем море? Зачем, о господин, ты мое веселие по степи ковыльной развеял?» Ярославна рано утром плачет в Путивле на городской стене, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы — течешь через землю Половецкую. Ты носил на себе Свято-славовы боевые ладьи до войска Кобякова. Принеси, о господин, моего милого ко мне, чтобы я не послала ему слез на море рано утром!» Ярославна рано утром плачет в Путивле на градской стене, причитая: «Светлое и трижды светлое солнце! Ты для всех тепло и прекрасно. Зачем же, владыка, ты простер свой горячий луч на воинов милого, в поле безводном от жажды луки их скривил, на горе им колчаны закрыл?»

327 Взволновалось море в полночь, идут смерчи тучами. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отцовскому золотому столу. Погасли вечерние звезды. Игорь спит — Игорь бодрствует, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Уже с конями в полночи Овлур свистнул за рекой, дает князю знать. Князю Игорю не быть в плену! Кликнул он.

Загремела земля, зашумела трава, шатры Половецкие пошатнулись. А Игорь-князь бросился горностаем к тростнику и белым гоголем на воду, вскочил на борзого коня и спрыгнул с него проворным волком, и побежал к пойме Донца, и полетел соколом под облаками, побивая гусей и лебедей на завтрак, и на обед, и на ужин. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, отряхивая студеную росу, ибо загнали они своих борзых коней. Донец-река говорит: «О князь Игорь! Много тебе величия, а Кончаку ненависти, а Русской земле веселья!» Игорь говорит: «О Донец! Много тебе величия, потому что ты носил князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на твоих серебряных меловых берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленых деревьев, ты стерег его гоголем на воде, чайками на перекатах, чернядьми на ветру. Ведь совсем не так, — сказал он, — река Стугна, недоброе течение имеющая, пожрала чужие ручьи и потоки, расширилась к устью, юношу князя Ростислава затворила на дне у темного берега. Оплакивает мать Ростиславова юношу князя Ростислава. Поникли цветы от жалости, и дерево от горя к земле склонилось.

364 Не сороки застрекотали — по следу Игоря ездят Гза с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают. Говорит Гза Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, молодого сокола мы с тобой расстреляем своими золочеными стрелами!» Сказал Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, мы с тобой соколика опутаем красною девицею!» И сказал Гза Кончаку: «Если мы с тобой его опутаем красною девицею, не будет обоим нам ни соколика, ни красной девицы и будут нас обоих птицы бить в поле Половецком!»

366 О Святославе старого времени Ярославова сказали Боян и Ходына, два песнотворца, любимцы Олега-князя: «Тяжело тебе, голове, без плеч, плохо тебе, телу, без головы» — так Русской земле без Игоря. Солнце светит на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — летят голоса

через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны в радости, города в веселье.

374

После хвалебной песни старым князьям надо петь молодым. Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Пусть пребудут здравы князья и дружина, сражающаяся за христиан против воинства неверных! Князьям слава и дружине!

Аминь.

II

ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

1

Пятого декабря 1800 года в газете «Московские ведомости» было напечатано объявление о продаже «по комиссии в книжных купца Кдльчугина лавках, что на Никольской улице», четырех книг, среди которых на втором месте, после «Правды Русской», называлась «Ироиическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича». Это скромное газетное объявление, привлечавшее читателей о выходе в свет первого издания «Слова о полку Игореве», открывало новую страницу в истории литературного памятника XII столетия. С 1800 года «Слово о полку Игореве» стало неотъемлемой частью истории русской и мировой литературы нового времени. К «Слову о полку Игореве» как к произведению человеческого гения, к поэтическим образам этого памятника XII века обращаются поэты, художники, композиторы.

О находке А. И. Мусиным-Пушкиным древнерусской рукописи со «Словом о полку Игореве» стало достаточно широко известно за несколько лет до выхода в свет первого издания этого литературного памятника XII века. Девяностые годы XVIII столетия стали своеобразной предысторией литературной жизни «Слова» в новое время. Первоначальный перевод древнерусского текста «Слова о полку Игореве» на современный русский язык, вероятнее всего, был сделан открывателем рукописи — А. И. Мусиным-Пушкиным. С этого перевода стали делаться рукописные копии: до нашего времени дошло три списка с переводом «Слова» XVIII века. Не позже 1796 года А. И. Мусин-Пушкин преподнес императрице Екатерине II копию древнерусского текста «Слова», перевод памятника и примечания к нему. Первоначальный перевод лег в основу перевода первого издания, но здесь он подвергся значительной переработке, в которой большую роль сыграл А. Ф. Малиновский, приглашенный А. И. Мусиным-Пушкиным, вместе с Н. Н. Бантышом-Каменским, для совместной работы над подготовкой первого издания. В 1836 году, когда читающая публика располагала

уже несколькими новыми переводами «Слова», Пушкин отмечал, что перевод первых издателей «все еще остается лучшим».¹

До выхода в свет первого издания появился и поэтический отклик на этот памятник древнерусской литературы. М. М. Херасков во втором издании поэмы «Владимир» (начало 1797 года), в лирическом отступлении, посвятил несколько строк «Слову». Его внимание привлек образ Бояна, предшественника автора «Слова»:

О древних лет певец, полночный Оссиян!
В развалинах веков погребшийся Боян!
Тебя нам возвестил незнаемый Писатель,
Когда он был твоих напевов подражатель,
Так Игорева песнь изображает нам,
Что душу подавал Гомер твоим стихам;
В них слышны, кажется мне, песни соловьины,
Отважный львиный ход, парения орлины.
Ты, может быть, Боян, тому свидетель был,
Когда Владимир в Тавр закон приять ходил;
Твой дух еще когда витает в здешнем мире,
Води моим пером, учи играть на лире...

После выхода в свет первого издания «Слова о полку Игореве» начали печататься новые переводы «Слова», в том числе и стихотворные. Первый стихотворный перевод И. Серякова был издан в 1803 году. Вслед за этим переводом появились стихотворные переложения «Слова» А. Палицына (1808), Н. Язвицкого (1812), И. Левитского (1813), Н. Ф. Грамматина (1821). В 1805 году вышел прозаический перевод А. С. Шишкова с обширными комментариями. В 1809—1813 годах над переводом «Слова» работал В. В. Капнист (перевод остался в бумагах писателя и был опубликован лишь в 1950 году). В 1816 году Н. М. Карамзин в третьем томе «Истории государства Российского», в разделе «Поэзия», поместил перевод-пересказ «Слова». В 1818 году были изданы прозаические переводы Я. Пожарского, в 1823-м — того же Н. Ф. Грамматина, в 1833-м — А. Ф. Вельтмана.

Интерес к «Слову о полку Игореве» в первое тридцатилетие после его издания в 1800 году проявлялся не только в публикации все новых и новых прозаических и поэтических переводов его, в переизданиях древнерусского текста памятника, но и в стремлении истолковать это произведение далекой древности, понять его значение в истории русской культуры, в обращении писателей к поэтическим образам «Слова» в своих оригинальных стихотворных и прозаических сочинениях.

Восприятие «Слова о полку Игореве» в первой четверти XIX столетия отражало предромантические интересы этого времени. Поэтому

---

¹ См. с. 426 настоящего издания.

С Л О В О

П Ъ С Н Ъ

О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ (а)
ИГОРЯ СЫНА
СВЯТЪСЛАВЛЯ
ВНУКА ОЛЬГОВА.

О ПОХОДЪ ИГОРЯ
СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣлоли ны бяшетъ, бра-
тѣе, на гятѣ старыи словесы
трудныхъ повѣстѣи о
лѣлку Игоревѣ, Игоря
Святѣславляга! нага-
ти же ся тѣи лѣсни по

Пріятно намъ, братцы, на-
чатъ древнимъ слогомъ при-
скорбную повѣсть о походѣ
Игоря, сына Святослава!
начать же сію пѣснь по бы-
тіямъ того времени, а не по

(а) Игорь Святославичъ родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нареченъ Георгій; женился въ 1184 году на Княжнѣ Евфросиніи, дочери Князя Ярослава Владимировича Галицкаго — Въ 1185 году имѣлъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

особое внимание привлекал к себе упоминаемый в «Слове» Боян — его сравнивали с Гомером и Оссианом, имя Бояна употреблялось и как имя первого «барда» Древней Руси, и как нарицательное обозначение древнерусских поэтов вообще.

Н. М. Карамзин в «Пантеоне российских авторов» (1801) сопроводил «портрет» Бояна, изображенный на первой странице альбома, таким пояснением: «Мы не знаем, когда жил Боян и что было содержанием его сладких гимнов, но желание сохранить имя и память древнейшего русского поэта заставило нас изобразить его в начале сего издания. Он слушает поющего соловья и старается подражать ему на лире...»

Вновь обратился к «Слову» М. М. Херасков: в поэме «Бахариана» (1803) он говорит уже не только о Бояне, но и посвящает несколько строк «чувствительному» изображению в «Слове» Ярославны:

...Живо в песне всё рисовано,
Живо, важно и чувствительно;
Плачет, плачет Ярославовна,
Будто горлица стенающая,
По любезном Святославиче,
Плачет, заставляя плакать нас;
Где орлом парит в бою певец,
Тамо слышен ропот — шум и гром;
Вот для нас достойный образец,
Как дела героев воспевать;
Важный в нем Гомер и Оссиан
С Ломоносовым сливаются;
А Боян еще важнее был,
Песнопевцем прославляемый,
Соколам уподобляемый...

А. Н. Радищев в «Песнях, петьх на состязаниях в честь древним славянским божествам» (начаты в 1800 году, опубликованы посмертно в 1807 году) называет Бояна «сладчайшим певцом», но вместе с тем он подчеркивает героинку его песен: «Певец лет древних славных, певец времени Владимира, коего в громе парящая слава быстро пронеслась до Геллеспонта, Боян, певец сладчайший, коего глас, соловьиному подобный, столь нежно щекотал слухи твоих современников; возложи, Боян, благозвонкие твои персты на одушевленные, на живые твои струны; ниспошли ко мне песнь твою из горних чертогов света, где ты в беседе Омира и Оссиана торжество поешь героев древних или славу богов; ниспошли, и да звук ее раздастся во всех краях, населенных потомками колен славянских».

Находившийся в 1812 году в московском ополчении В. А. Жуковский создает своего знаменитого «Певца во стане русских воинов».

В этом стихотворении, написанном, по словам самого автора, «после отдачи Москвы, перед сражением при Тарутине», он вспоминает Бояна, говори о роли и долге поэта в годину ратных испытаний:

Певцы — сотрудники вождям;
Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам!
О радость древних лет, Боян!
Ты, арфой ополченный,
Летал пред строями славян,
И гимн гремел священный.

Использовал Жуковский в этом стихотворении и поэтическую метафору «Слова». Он так изображает подвиги М. И. Платова:

Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь.

Для Пушкина времени «Руслана и Людмилы» Боян — романтический певец «давно минувших дней», это и имя собственное, и певец вообще: «Все смолкли, слушают Баяна...», «И струны громкие Баянов...»

В творчестве поэтов декабристского круга, обращавшихся к «Слову», преобладают темы патриотизма, воинского подвига. К традиционному восприятию Бояна как романтического «барда» далекой древности прибавляется отношение к нему как к певцу-гражданину, патриоту.

Ф. Н. Глинка в «Письмах к другу» выразил пожелание, чтобы писатели и историки рассказывали о былой славе русских «словами старых повестей... по былинам тех времен»¹. В качестве образца такого повествования, которое должно воспитывать патриотизм, возбуждать героические устремления, он берет «Слово о полку Игореве» и пересказывает его. Пересказ этот приобретает характер своеобразного переложения «Слова о полку Игореве». Глинка включает в него стихотворный перевод отрывков из плача Ярославны. Плач Ярославны послужил Глинке образцом для стихотворения «Сетования русской девы» (1812), в котором русская девушка горюет о любимом, ушедшем сражаться в «чуждый край»:

...Быстротечный, быстротечный,
Сладководный шумный Днепр!

¹ Цит. по: Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М.; Л., 1951. С. 327.

Говорят, свои ты волны
К морю синему несешь...

Что до моря? — Не набишь
Ты бездонной глубины;
Потеки, река родная,
К другу сердца в чуждый край.

Там на знойном битвы поле
Жаждет воин молодой:
Окропи уста и раны
Сладкой родины водой!..

Поэтические образы «Слова» нашли отражение в «думах» К. Ф. Рылеева. Одна из них полностью посвящена Бояну, отзвуки «Слова» отчетливо ощущаются в таких думах, как «Рогнеда», «Владимир Святый», «Мстислав Удалой». Рылеев перевел отрывок из «Слова» с описанием воинов-курян:

Они под звуком труб повиты,
Концом копья воскормлены,—
Луки натянуты — колчаны их открыты,
Путь сведом ко врагам, мечи наточены,
Как волки серые, они по полю рыщут
И чести для себя, для князя славы ищут,
Ничто им ужасы войны!

Боян как певец свободы и ратных подвигов фигурирует в ряде произведений Н. М. Языкова: «Баян к русскому воину при Димитрии Донском», «Песнь Барда во время владычества татар», «Песнь Баяна при начатии войны», «Услад».

Образы «Слова о полку Игореве», отдельные речевые обороты памятника нашли широкое отражение и в прозаических произведениях первой четверти XIX века. Вот перечень лишь некоторых сочинений того времени, в которых влияние «Слова» сказалось особенно заметно: «Святославич, вражий питомец», «Кощей бессмертный», «Лунатик» А. Ф. Вельтмана, «Славянские вечера» В. Т. Нарезного, «Повесть о Мстиславе I Владимировиче» Н. А. Львова, пьесы «Елизавета, дочь Ярослава» М. В. Крюковского и «Аскольдова могила» М. Н. Загоскина.

В 1817—1818 годах поэтическим переводом «Слова о полку Игореве» занимается В. А. Жуковский. По неизвестным нам причинам Жуковский свой перевод «Слова» не опубликовал, он был издан лишь в 1882 году Е. В. Барсовым, который, обнаружив перевод среди бумаг

Пушкина, решил, что переводчиком был сам Пушкин. Ошибка Барсова объясняется не только тем, что рукопись оказалась среди бумаг Пушкина, но и высокими художественными достоинствами перевода, точностью передачи в нем содержания и смысла «Слова о полку Игореве», тем, наконец, что хорошо был известен неизменный интерес Пушкина к гениальному произведению русской литературы XII века.

Пушкин высоко ценил «Слово о полку Игореве», был убежден в его подлинности. Отдельные замечания о «Слове» есть в его набросках статьи о русской литературе, в заметке «О ничтожестве литературы русской», целиком «Слову» посвящена его незаконченная работа, начатая в 1836 году. Пушкин хорошо знал и интересовался имеющимися в его время переводами памятника, знал всю литературу о нем, которая была уже довольно значительной к 1836 году. Сохранившиеся пушкинские материалы по «Слову» с бесспорной очевидностью свидетельствуют о том, что он собирался переводить «Слово о полку Игореве», писать статью или целое исследование о нем¹.

В первой половине XIX века на манер Хераскова, у которого Ярославна плакала, «будто Горлица стеньщая... заставляя плакать нас», появляются многочисленные переложения плача Ярославны слащаво-сентиментального характера. Среди этих плачей-романсов Ярославны (вариация на тему плача Ярославны М. П. Загорского так и названа «Ярославна — романс») близостью к тексту подлинника и поэтичностью выделяются уже упоминавшийся отрывок из плача Ярославны в «Письмах к другу» Ф. Н. Глинки и «Плач Ярославны» поэта-слепца И. И. Козлова, опубликованный в 1825 году с посвящением его З. А. Волконской.

В 1839 году в Одессе вышел перевод «Слова» поэта М. Д. Деларю, написанный «русским гекзаметром», то есть таким размером, каким Н. И. Гнедич перевел «Илиаду». Деларю так оправдывал избранный им стихотворный размер перевода «Слова»: «Песнь Игорю можно передать с точностью не тоническим размером наших народных песен и еще менее ямбом, как сделали то некоторые писатели, а поэтической мерной прозой или нашим гекзаметром — мерою столь свойственную строению и духу языка русского».² Далеко не во всех случаях избранная Деларю «мера» отвечала духу «Слова», но, во многих местах, она действительно удачно передавала поэтический строй оригинала, что и было отмечено анонимным критиком, утверждавшим, что гекза-

¹ Подробнее см.: Гудзий Н. К. Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве»//Пушкин: Сборник статей. М., 1941. С. 260—291.

² Песнь об ополчении Игоря, сына Святославова, внука Олегова/ Переложение Деларю. М., Одесса, 1839. Предисловие. С. 4.

метры Деларю «чрезвычайно хорошо подходят к характеру этой „Песни“»¹.

В середине XIX века были изданы переводы «Слова о полку Игореве» Д. И. Минаева (1846), Л. А. Мея (1850) и Н. В. Гербеля (1854), очень популярные в свое время.

Перевод Минаева (отца), выполненный, по остроумному определению П. Г. Скосырева, в «сарафанно-душегреечном стиле»,² в целом и в частности очень далек от древнерусского текста «Слова», а местами просто не имеет с ним ничего общего (и мест таких весьма много). Минаев придает «Слову» характер «романтической» поэмы, вносит в текст произведения ничем не оправданные добавления и толкования (Ярославна у него оказывается дочерью великого князя Киевского Святослава, а ее плач слышится Святославу «в туманной мгле» его сна). В хоре хвалебных откликов на перевод Минаева лишь в отзыве Белинского прозвучала объективная оценка минаевского сочинения: «Это, в сущности, не больше, как распространение или разжижение довольно бойкими стихами довольно короткого и сжатого «Слова о полку Игоревом»... Мы назвали стихи г. Минаева бойкими, прибавим к этому, что они еще столь же фразисты, сколько и восторженны и что в них больше риторики, нежели поэзии»³.

Перевод Л. А. Мея по своим поэтическим достоинствам стоит значительно выше минаевского перевода. Иное отношение переводчика и к переводимому оригиналу: Мей стремится быть предельно близким к древнерусскому тексту памятника. Считая «Слово о полку Игореве» памятником, родственным по своему характеру народным сказкам и песням, Мей, по его собственному признанию, попытался «уложить «Слово о полку Игореве» в народный сказочный размер». ⁴ «Слово» — произведение высокой книжной культуры, и попытка придать ему исключительно фольклорный колорит не могла увенчаться ощутимым успехом: в переводе Мея «Слово» приобрело характер, далекий от действительной народности этого литературного по своей природе произведения. Стилизованная народность и несвойственная героическому характеру «Слова о полку Игореве» слащавость некоторых

---

¹ «Лит. газета». 1840, № 7, 24 января. С. 157—158. Рецензия эта без достаточной аргументации приписывалась В. Г. Белинскому (см.: «Лит. наследство». М., 1950. Т. 56. С. 23).

² Скосырев П. Художественные переводы и переложения «Слова о полку Игореве»//«Слово о полку Игоревъ»: Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов 19-го и 20-го вв. М. 1938. С. 58.

³ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года// Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 34.

⁴ «Слово о полку Игореве, сына Святослава, внука Ольгова»/ Перевод Л. Мея. М., 1850. С. 26.

оборотом перевода, несмотря на целый ряд удач переводчика, снижают художественное значение перевода в целом, отдаляют перевод Мея от оригинала:

Аль затягивать, ребята, на старинный лад
Песню слезную о полку князя Игоря,
Князя Игоря Святславича!
А и песню нам затягивать
Про недавнюю былинushку —
Не по замыслу Боянову...

Н. В. Гербель разделил «Слово» на двенадцать песен, для каждой из которых он, по его собственным словам, «старался подобрать соответствующий ей стихотворный размер, чтобы тем удобнее поддаться под тон его («Слова о полку Игореве». — Л. Д.) сладко звучащей речи».¹ Деление на «песни» носило условный, произвольный характер, выбор стихотворных размеров субъективен и подчас не соответствует духу, содержанию, мыслям «Слова».

«Слово о полку Игореве» начинается у Гербеля так:

Не начать ли нам, ребята,
Складом повестей невзгод,
Про поход на супостата,
Князя Игоря поход?
И начать нам без обмана
Эту песню про князей
По былинам наших дней —
Не по замыслам Бояна?
Если был певец Боян
Вещим духом обоян,
То носился мыслью-птицей
По дубравам, по лесам,
Серым волком по полям
Или сизою орлицей
Поднимался к облакам...

А заканчивается следующим образом:

...Много здравствовать вам,
И князьям и войскам,

---

¹ «Игорь князь Северский. Слово о полку Игореве»: Поэма в двенадцати песнях/Перевел с древнерусского Н. Гербель. Спб., 1881. С. 26.

Поборавшим всегда и донныне
За мирян-христиан
На полки басурман!
Слава храбрым князьям и дружине!

Однако в середине — второй половине XIX века перевод Гербеля пользовался огромной популярностью: с 1854 по 1881 год он выдержал шесть изданий и вызвал много положительных отзывов и рецензий (этот перевод высоко оценили А. Н. Афанасьев, К. Д. Ушинский, М. А. Максимович, И. И. Срезневский). Причину успеха этого перевода удачно определил Н. В. Берг, другой известный переводчик, отметивший, что перевод Гербеля «читается легко и с удовольствием». ¹ Если для современников Гербеля «легкость» его перевода воспринималась как достоинство, то в наше время, с его углубленными представлениями о «Слове» как о произведении высокого гражданского пафоса, она может расцениваться только как недостаток. Не случайно известный исследователь «Слова о полку Игореве» И. П. Еремин вынес такую оценку этому переводу: «На всем переводе с первой строки до последней лежит печать глубокого, неисправимого эклектизма. Подбирая стихотворные размеры, соответствующие тональности той или иной песни, Н. Гербель поступал так, точно собирался составить хрестоматию из всех существующих переводов «Слова». Скачущий хорей, напоминающий «русский стих» первых переводчиков «Слова», сменяется у него «балладным» амфибрахием, а этот последний — торжественным гекзаметром, чтобы затем снова уступить место хорю или ямбу или даже «народному сказочному размеру» Л. Мея». ²

В 1870 году вышел в свет перевод А. Н. Майкова, над которым поэт работал несколько лет, самостоятельно занимаясь изучением «Слова» и обращаясь за советами к специалистам по истории Древней Руси. Белый стих перевода Майкова удачно передавал героический характер «Слова». Перевод Майкова отличается бережным отношением к древнерусскому тексту памятника, стремлением точно передать его пафос и содержание. В предисловии к своему переводу Майков, в частности, писал: «Я старался по возможности сохранить слова и выражения подлинника; если допускал прибавку лишних слов, то имея в виду одно: вызвать в уме нынешнего читателя тот образ,

---

¹ Там же. С. 137. В переизданиях своего перевода Н. В. Гербель помещал в конце книги подборку из опубликованных рецензий и отзывов о его переводе. Рецензия Н. В. Берга была напечатана в «Москвитяине». 1854, № 5, март, кн. 1. С. 20.

² Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии//«Ученые записки Ленинградского государственного университета»: Серия филологических наук. Л., 1948. № 90. Вып. 13. С. 44—45.

и обидя? Тыли вьги Трояни... иижа
лѣта Ярославля; бѣли Полки Огюви
Они Святъславича. Той бѣ Олма
меломъ крамомъ кошае, и стрели по
вѣли сѣаше. Ступаетъ въ мѣтъ
стремени въ градъ Милсторонакъ.
Тожъ злокъ слыша давний великий
Ярославъ сынъ Всеслоуда: а Владимиръ
по вся зтра зши загладаше въ Черни-
говѣ, Бориса же Велиславича слыша
на сѣдъ трицеде, и на камины зелено по
полому постла, заобиду Олгоу храбра
и млада князя. Съ тою же Кавалм.
Святуполь пошегъ отца своего му-
ду Морьскими инокудци по шатви
Сорфи къ Киеву. Тогда при Олзѣ
Бориславичи слышетъ и рѣсташе въ
хсодицами; пошибаше въ дѣнь Дажо-
божа вѣна, въ княжихъ крамолахъ
вѣци теловыномъ спратилиашъ. Тогда
по рѣсноу земли рѣтно ратаетъ
книахъ, нѣ гасно врани чраждѣ,
трѣта себѣ дѣлае, а Талици свою
рѣвь гопоряхъ, хотятъ полюбви
на зедѣ. Тожъ было въ ти рати, и
въ ти полки; а сице и рати не см-
шано, съ заранѣ до вечера, съ вечера
до сѣлта летать стрѣльи паленны;
Зри и мѣтъ саби о шломи: трѣбѣ

который имел в виду певец и который возбуждался в воображении его слушателей XII века; певцу для того довольно было двух-трех черт, ибо он говорил их языком, их метафорами, их понятиями и преданиями». ¹ Исследователь «Слова о полку Игореве» С. К. Шамбинаго в обзоре поэтических переводов «Слова» с 1800 по 1934 год так заканчивает характеристику перевода Майкова: «Вслед за Майковым в 70-х годах появляется сразу несколько переложений «Слова». Майковская работа была предельной высотой стихотворной поэтизации памятника. Позднейшие переложители, хотя и следуют за учеными комментаторами, хотя и стремятся, чтобы «переводы» их «отличались букввальностью», но ничего оригинального придумать не могут». ²

В девятой книге «Вестника Европы» за 1873 год была напечатана «Снегурочка» А. Н. Островского. «Песнь гусяров», которой начинается второе действие пьесы, — одна из самых удачных поэтических вариаций на тему «Слова о полку Игореве». Текст песни оригинальный, он тесно связан со всем содержанием пьесы Островского, но он полностью восходит к образной системе «Слова о полку Игореве», тесно связан с его лексикой. А. Н. Островский тонко почувствовал пронизывающую «Слово о полку Игореве» заботу автора о простых ратниках, гибнущих в княжеских междоусобицах. Сам Островский хорошо ощущал близость своего текста к поэтике «Слова». В письме к П. И. Чайковскому от 15 марта 1873 г. он писал: «...посылаю Вам песнь слепых гусяров. Ритм, кажется, подходит к словам, я его извлек из поэмы XII века — „Слово о полку Игоревом“...» ³

2

Самый конец XIX — начало XX века в поэтическом восприятии «Слова о полку Игореве» характеризуется вниманием к трагической стороне памятника — гибели Игоревой дружины в бескрайней дикой степи. Вместе с тем «Слово» осмысливается как проявление поэтического гения, как памятник древнерусской литературы, прошедший через столетия и не только оставшийся таким же неизменно прекрасным, как и при своем создании, но и раскрывшийся с новых сторон, созвучных читателю новой эпохи. Это находит отражение в целом ряде стихотворных и прозаических произведений, в которых авторы обращаются к «Слову», к его поэтическим образам.

В творчестве И. А. Бунина «Слово о полку Игореве» стало таким

¹ Майков А. Н. Поли. собр. соч.: В 3-х т. 6-е изд. Спб., 1893. Т. 2. С. 505—506.

² Шамбинаго С. Художественные переложения «Слова» // «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1934. С. 219.

³ Цит. по изд.: Островский А. Н. Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 333.

литературным памятником, к которому автор обращался во все периоды своей жизни. Непосредственным поэтическим откликом на «Слово» явилось его стихотворение 1894 года «Ковыль». Ковыльная степь наводит поэта на размышления о далеком прошлом русской истории, о походе Игоря в Половецкую степь. Художественный облик стихотворения перекликается с поэтикой «Слова», в нем использованы некоторые стилистические обороты и отдельные выражения древнерусского текста. Поэтические образы «Слова» нашли отражение и в стихотворении 1916 года «Князь Всеслав». В рассказе 1895 года «На Донце» с эпиграфом из «Слова о полку Игореве» Бунин, описывая свои впечатления от поездки по степи, все время вспоминает «Слово». Реминисценции из «Слова о полку Игореве» встречаются и в других произведениях писателя.

В 1898 году К. К. Случевский в стихотворении «Ты не гонись за рифмой своенравной...», раздумывая о непреходящей ценности поэзии, обращается к образу Ярославны. В том же году на это стихотворение Случевского откликается Владимир Соловьев и пишет «Ответ на „Плач Ярославны“», в котором говорит о вечности истинно поэтических творений. О пленительной силе образа Ярославны, созданного поэтом в «стародавние» времена, но вечно живого, воплощающего в себе образ русской женщины во все времена, пишет в стихотворении 1912 года «Певцу Слова» Валерий Брюсов.

У Блока нет непосредственных обращений к «Слову о полку Игореве», но отдельные поэтические реминисценции в его произведениях опущены образной системой «Слова». «Дева Обида», «плещущая лебедиными крыльями» и прогоняющая счастливые времена, отразилась, например, в такой строфе «Скифов» (1918):

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит...

В отдельных строках цикла «На поле Куликовом» (1908) и стихотворения «Новая Америка» (1913) обнаруживаются явные переклички со «Словом о полку Игореве».

Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

...Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полночи тучей возносилась
Княжеская рать,

И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

(«На поле Куликовом»)

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

(«Новая Америка»)

Есенин, по свидетельству современников, знал все «Слово о полку Игореве» наизусть. Он восторгался поэтическим звучанием произведения и призывал поэтов учиться на «Слове» художественному мастерству.¹ В статье «Ключи Марии» он называет «Слово» в ряду «лучших произведений всех народов», «как «Илиада», «Эдда», «Калевала», «Слово о полку Игореве», Веды, Библия и др.»² и несколько раз цитирует текст «Слова» в этой статье.

В революционные годы отдельные образы и поэтические обороты «Слова о полку Игореве» используются в поэзии и прозе при описании героической борьбы за советскую власть.

Мотивы «Слова» находят отражение в описании природы, в батальных сценах, в символике художественных образов в повести Б. А. Лавренева «Кровный узел» (1919). Белогвардейская конница рисуется как половецкие орды, а зловещий Див «Слова» трансформируется в двуглавого орла. А. Г. Малышкин пользуется образной системой «Слова» в повести «Падение Даира» (1923). Ремичисценции из «Слова» встречаются в книге Н. Н. Никитина «Бунт» (1923). Можно отметить обращение к «Слову о полку Игореве» и в других прозаических произведениях этого времени.³

Батальные сцены «Слова» удачно использованы Эд. Багрицким в «Думе про Опанаса» (1926). Есть в «Думе» и прямые заимствования из текста «Слова о полку Игореве»:

Прышут стрелами зарницы,
Мгла ползет в ухабы.
Брешут рыжие лисицы
На чумацкий табор.
За широким ревом бычьим
Смутно изголовье.
Див сулит полночным криком
Гибель Приднестровью.

¹ См.: Воспоминания о Сергее Есенине/Сборник под общей ред. Ю. Л. Прокушева. М., 1956. С. 208—209, 233, 246, 249, 380—381.

² Есенин Сергей. Собр. соч.: В 5 т. М., 1967. Т. 4. С. 194.

³ См. об этом подробнее: Ершов Л. Ф. Русский советский роман: Национальные традиции и новаторство. Л., 1967. С. 64—70.

Первые советские переводы «Слова о полку Игореве» Г. П. Шторма и С. В. Шервинского были опубликованы в 1934 году.¹ Переводы эти получили высокую оценку и специалистов, и читателей. Перевод Шторма после 1934 года несколько раз переиздавался в «Школьной серии» классиков. О переводе Шторма К. И. Чуковский писал: «Это не перепев, не пересказ, не вариация на данную тему, а максимально близкий к оригиналу подстрочник... Георгий Шторм отнесся к тексту с объективизмом ученого: его перевод есть вклад и в «изящную словесность», и в науку. Таков установленный стиль переводческого искусства тридцатых—сороковых годов». Здесь же Чуковский характеризовал и перевод Шервинского: «Одновременно с Георгием Штормом «Слово» перевел Сергей Шервинский, который руководствовался таким же стремлением к объективной научной точности и все же дал совершенно иной перевод, резко отличающийся от перевода Георгия Шторма: более женственный, более лиричный и, я сказал бы, более музыкальный».² Как принципиально важную черту этих переводов «Слова», отличающую их от переводов предшествующего времени, К. И. Чуковский отмечает то, что в них нет «ни одной отсебятины», переводчики «не пытаются каким бы то ни было образом «улучшить» подлинник, «украсить» его».³ Переводы Г. П. Шторма и С. В. Шервинского положили начало многолетней и плодотворной традиции советских переводов «Слова о полку Игореве».

К 750-летию «Слова о полку Игореве», отмечавшемуся в 1938 году, было осуществлено несколько переводов памятника. Некоторые из них (И. А. Новикова, С. А. Басова-Верхоянцева, вольное переложение «Слова» М. А. Тарловского) были включены в сборник, составленный из наиболее интересных переводов «Слова» XIX—XX веков.⁴

В 1938 году в Челябинске издается перевод «Слова о полку Игореве» А. А. Кайева, в 1939 году в Иваново был напечатан перевод «Слова» Д. Н. Семеновского, а в Ростове-на-Дону — А. Н. Скрипова, которые затем неоднократно переиздавались.

¹ «Слово о полку Игореве»/Ред. древнерусского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги. Переводы С. Шервинского и Г. Шторма. Статьи и комментарии В. Ржиги и С. Шамбинаго. Ред. и вступит. статья В. Невского. М.; Л., 1934.

² Чуковский К. И. Высокое искусство//Собр. соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 3. С. 528—529.

³ Чуковский К. И. Высокое искусство. С. 529.

⁴ «Слово о плку Игоревъ»/Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения поэтов 19-го и 20-го вв. Ред. текста, его прозаический перевод и комментарии проф. Н. К. Гудзия. Ред. художественных переводов и переложений Петра Скосырева. М., 1938.

И. А. Новиков, по его словам, ставил задачей своего перевода «дать текст совершенно понятный, точный и поэтически организованный». ¹ Он продолжал работать над памятником до последних дней своей жизни (ум. в 1959 году). Признавая, что «великая древнерусская поэма открывается далеко не сразу, а потому переводчиком, непрестанно продолжающим свою работу, вносятся порою все новые и новые изменения текста», ² Новиков в каждом новом издании своего перевода вносил изменения, учитывал все то новое, что делалось в изучении «Слова о полку Игореве». Его перу принадлежит несколько статей и исследований по вопросам истории памятника.

Резкие возражения критиков встретило переложение «Слова» М. А. Тарловского. В этом по-своему уникальном переложении мотивы и подробности старинного произведения переключены в современность и переосмыслены. Наряду с языковыми модернизмами и архаизмами Тарловский обильно употреблял искусственные словообразования. Вот начало его переложения, озаглавленного им «Речью о конном походе Игоря, Игоря Святославича, внука Олега»:

Товарищи, старую быль взворошить
Не стоит ли нам для почина,
Чтоб Игорев конный марш изложить,
Рейд Святославова сына?

Мы слогом теперешним речь начнем,
На происшедшее глянув:
Певцу не к лицу изжитый прием,
Ветхий обычай Боянов...

С 1938 года над переводом «Слова о полку Игореве» начинает работать В. И. Стеллецкий, посвятивший много лет изучению «Слова о полку Игореве» и переводу его на современный русский язык. Стеллецкий поставил перед собой задачу адекватно передать средствами современного русского языка ритмический строй памятника. Вся переводческая деятельность Стеллецкого отличается стремлением, избегая буквализма, максимально приблизиться в переводе к древнерусскому тексту «Слова». Своими переводами «Слова», анализом ритмической системы памятника, комментированием произведения Стеллецкий внес большой вклад в его изучение.

---

¹ «Слово о полку Игореве»/Перевод, предисловие и пояснения И. Новикова. Общая ред. и вступит. статья Н. К. Гудзия. М., 1938. С. 21—22.

² «Слово о полку Игореве»: Поэтические переводы и переложения/Под общей ред. В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961. С. 348.

С 1929 года стал работать над переводом «Слова о полку Игореве» А. К. Югов. Его перевод, как отмечает Стеллецкий, «пронизан энергичным ритмом, отличается живостью и экспрессией». ¹ Вместе с тем для перевода Югова характерна лексическая пестрота: наряду с необоснованными архаизмами и сентиментально-романтическими эпитетами и метафорами в переводе широко употребляются неологизмы, обороты разговорной речи. Эти лексические контрасты перевода Югова, а также произвольное толкование и осмысление текста «Слова» вызвали острую критику и полемику.

Перевод Стеллецкого впервые был напечатан в 1944 году, перевод Югова — в 1945-м. Это знаменательно. Патриотический подъем в годы Великой Отечественной войны обострил интерес к героическому прошлому родины, к памятникам русской старины и, в первую очередь, к «Слову о полку Игореве».

В это же время, в 1945 году, выступает с чтением своего переложения «Слова о полку Игореве» Н. А. Заболоцкий, а в 1946 году выходит и первое издание его переложения. В заметке «От переводчицы» к первой журнальной публикации своего переложения Заболоцкий писал: «Это — свободное *воспроизведение* древнего памятника средствами современной поэтической речи» — и отмечал, что его переложение «не претендует на научную точность строгого перевода и не является результатом новых текстологических изысканий». ² Подробное обоснование принципов работы над «Словом» Н. А. Заболоцкий изложил в письме от 4 июля 1945 года к Н. Л. Степанову, в котором он, в частности, писал: «Моей первой целью было: дать полноценную поэму, которая, сохраняя в себе всю силу подлинника, звучала бы как поэма сегодняшнего дня — без всяких скидок, предоставляемых переводу... Вторая моя цель была: как можно меньше отступлений от оригинала. Я сделал все, что было в моих силах, поскольку это можно было сделать для тонического рифмованного стиха... Я не колеблясь встал на точку зрения целесообразности тонического перевода, и встав на этот путь, без колебания принял и рифму, так как точки над *i* необходимы. И не раскаиваюсь. Работа была очень трудной, но и считаю в основном ее удачной». ³

«Чудесным, подлинно поэтическим переводом» назвал перевод «Слова» Н. А. Заболоцкого К. И. Чуковский. По его словам, этот перевод «Слова о полку Игореве» «точнее всех наиболее точных под-

¹ Стеллецкий В. И. «Слово о полку Игореве» в художественных переводах и переложениях//«Слово о полку Игореве»: Поэтические переводы и переложения/Под общей ред. В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961. С. 307.

² «Октябрь». 1946, № 10-11. С. 84.

³ Заболоцкий Н. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1984. Т. 3. С. 345.

строчников, так как в нем передано самое главное: поэтическое своеобразие подлинника, его очарование, его прелесть».¹

В наши дни интерес к «Слову о полку Игореве», желание вновь и вновь переводить его не только не ослабевает, но, пожалуй, усиливается. Над переводами «Слова» продолжают работать и поэты, и прозаики, и исследователи «Слова», и просто любители старины, создавая множество переводов и переложений разного характера и разного достоинства. Из появившихся в самое последнее время переводов «Слова о полку Игореве» привлекают художественной манерой и стремлением верно передать средствами современного поэтического языка древнерусский текст «Слова» и его ритмическую структуру переводы А. Ю. Чернова и И. И. Шкляревского. Оба этих перевода завершают раздел публикаций переводов «Слова о полку Игореве» в настоящей книге.

4

Литературная жизнь «Слова о полку Игореве» в советскую эпоху, как и в предшествующее время, отнюдь не ограничивалась переводами и переложениями. Памятник XII века с еще большей интенсивностью продолжает питать художественную фантазию поэтов и прозаиков. На темы, связанные со «Словом о полку Игореве», с походом Игоря 1185 года, создаются самостоятельные произведения. В оригинальных сочинениях используются отдельные образы, художественные краски и реминисценции памятника. По-прежнему пленяет поэтов Ярославна, и надо сказать, что этот самый поэтичный образ гениального «Слова», и древнерусской литературы вообще, в наше время освобождается от «романсного» восприятия его, столь характерного для XIX века, осмысливается как образ глубоко лиричный, но в то же время наполненный духом патриотизма, самоотверженности, как символ женской верности, как символ русской женщины вообще.

В 1937—1939 годах в печати появляются переводы и вариации на темы плача Ярославны, а также переводы отрывков из «Слова» А. А. Прокофьева, В. М. Саянова, С. М. Городецкого. В 1939 году в журнале «Новый мир» публикуется стихотворение В. К. Звягинцевой «Ярославна». Эти поэтические обращения к «Слову о полку Игореве» в какой-то степени являются откликом на 750-летний юбилей «Слова», приуроченный к 1938 году, но сам выбор отрывков из «Слова» и их интерпретация определяются не столько юбилейностью даты, сколько предчувствием надвигающихся грозных событий. Не случайно и Прокофьев и Саянов переводят отрывки, посвященные битве, а в переводах плача Ярославны, в стихотворениях, посвященных ей, на первый план выступает то, что Ярославна — жена воина, ушед-

---

¹ Чуковский К. И. Высокое искусство. С. 532.

шего на бой за родную землю. Особенно остро это героически-патриотическое восприятие Ярославны как верной жены воина, его близкой подруги и соратницы прозвучало в поэтических произведениях, созданных в годы Великой Отечественной войны.

В осажденном Ленинграде О. Ф. Берггольц ведет с ленинградцами диалог не только в своих выступлениях по радио, но и в своих стихотворениях. 4 октября 1941 года она пишет стихотворение «Я буду сегодня с тобой говорить...», обращенное к ленинградцам. Как бы случайно, мимоходом в этом стихотворении возникает образ-воспоминание Ярославны как символ верности, заботы, постоянства, человеческого тепла. Назвать это стихотворение Берггольц вариацией или даже откликом на «Слово о полку Игореве» вряд ли можно, но возникшая у поэта переключка со «Словом о полку Игореве» в столь публицистически ответственном и страстном стихотворении весьма значительна. Это свидетельствует о том, что «Слово о полку Игореве» является поистине неисчерпаемым источником поэтического вдохновения, когда поэт обращается в трудную минуту народной судьбы к героическим примерам великой русской литературы.

Образу Ярославны посвящены стихотворения военных лет Н. Л. Брауна, Л. К. Татьянической, Вл. Зотова. В 1944 году написал поэму «Ярославна» П. Г. Антокольский. Ярославна предстает здесь как обобщенный тип русской женщины во все времена суровых испытаний и бед. Ярославна, как и другие герои «Слова о полку Игореве», история похода Игоря, история самого памятника снова и снова не перестают привлекать внимание поэтов.

Выше уже отмечался особый характер переложения «Слова о полку Игореве» М. А. Тарловского, которое правильнее было бы назвать вариациями на темы «Слова», хотя автор не отступает в них от сюжета древнерусского оригинала. Тенденция подобного рода отношения к «Слову о полку Игореве» в последнее время проявляется все заметнее. Авторы вариаций на темы «Слова» не только берут за основу древнерусский текст памятника, интерпретируя его согласно своим литературным замыслам, но и пополняют его подробностями из летописных повестей о походе Игоря, комментаторскими разъяснениями, собственными лирическими отступлениями. Показательна в этом отношении поэма В. М. Гончарова «За Русскую землю» (1970), представляющая собой пересказ «Слова о полку Игореве» с широким привлечением автором летописных данных о походе Игоря.¹

К подобному же роду переложений-интерпретаций памятника могут быть отнесены переложение «Слова о полку Игореве» А. М. Домнина,²

¹ См.: Гончаров В. Избр. произв. М., 1978.

² См.: Домнин А. Заклинание огня: Стихи, Пермь, 1971 (второе, переработанное издание этого переложения: Пермь, 1978).

«стихотворное прочтение» «Слова о полку Игореве» Г. Ф. Карпунина,¹ «поэтический пересказ» «Слова о полку Игореве» Г. П. Панова.² Заслуживает быть отмеченным стихотворный цикл В. А. Сосноры по мотивам «Слова о полку Игореве» (1962), автор которого не столько по-своему интерпретирует «Слово», сколько создает совершенно самостоятельное произведение.

Смысловая емкость «Слова» настолько велика и многогранна, что и в дальнейшем наряду с поэтическими переводами памятника будут появляться и вольные художественные трактовки его. Успех поэтическим переводам будет сопутствовать только в том случае, если они будут создаваться настоящими поэтами: слишком богата, многообразна, и хронологически и персонально, традиция поэтических переводов «Слова о полку Игореве». В переводах-интерпретациях «Слова о полку Игореве» успех, как можно судить по уже имеющемуся опыту такого рода, будет сопутствовать прежде всего, конечно, также наиболее талантливым поэтам, и в том случае, если такой перевод-интерпретация будет ориентирован не на оригинальничание в осмыслении «Слова», а на передачу поэтом своего личного, сегодняшнего восприятия этого памятника XII столетия. Те же переводы-интерпретации «Слова», в которых преследуется цель объединить в одном тексте и «Слово», и летописные сведения, и данные комментариев, обречены на неудачу. В этом случае читатель, в сущности, получит произвольную компиляцию из разнохарактерных и разновременных текстов. Уместно напомнить в этой связи уже цитировавшиеся слова Н. А. Заболоцкого об одной из задач своего перевода «Слова» — «как можно меньше отступлений от оригинала». И добавить к ним высказывание К. И. Чуковского о переводе Заболоцкого: «Заболоцкий назвал свой труд переложением, но это переложение вернее воспроизводит подлинник, чем многие другие переводы, так как оно передает лиризм великой поэмы».³

5

«Слово о полку Игореве», стоящее у общих истоков трех братских литератур — русской, украинской и белорусской, занимает важное место и в литературном процессе XIX—XX веков Украины и Белоруссии.

Первым значительным поэтическим переводом «Слова о полку Игореве» на украинский язык должен быть признан перевод М. А. Максимовича (1804—1873), историка, филолога, фольклориста, поэта, про-

¹ См.: Карпунин Г. Жемчуг «Слова» или возвращение Игоря. Новосибирск, 1938.

² См.: Панов Г. Отчина: Стихотворения и поэмы. Барнаул, 1984.

³ Чуковский К. И. Высокое искусство. С. 533.

профессора Киевского университета, долго и плодотворно занимавшегося изучением «Слова». Максимович впервые обратил внимание на связь отдельных оборотов и метафор «Слова» с украинским народным творчеством. Перу Максимовича принадлежит несколько исследований «Слова о полку Игореве», он переводил памятник на русский язык. Перевод Максимовичем «Слова» на украинский язык (опубликован в 1857 году) явился итогом его многолетних исследований произведения, отражает его точку зрения на близкую связь «Слова о полку Игореве» с устным украинским творчеством. Неудивительно поэтому, что перевод Максимовича сделан, по словам самого переводчика, «языком и складом украинских песен». ¹

В эти же 50-е годы, когда готовится перевод «Слова» Максимовичем, задумывается перевести «Слово о полку Игореве» на украинский язык Т. Шевченко. В письме из Новопетровского укрепления от 14 апреля 1854 года А. Козачковскому в Переяславль (Хмельницкий) Шевченко писал: «Давно шевелится у меня в голове мысль перевести на наш прекрасный украинский язык «Слово о полку Игореве», но нет у меня подлинника... Так вот что я думаю... великой ради моей любви, попроси какого-нибудь скорописца переписать для меня один экземпляр, с переводом этой небольшой, но премудрой книги... Вонми гласу молення моего, друг мой единственный, пришли мне текст «Слова о полку Игоря», иначе на душе твоей будет грех, если не будет оно, это «Слово», переведено на наш задушевный прекрасный язык». ² Однако до возвращения из ссылки заняться «Словом о полку Игореве» Шевченко не пришлось. Лишь в 1860 году, уже находясь в Петербурге, он перевел на украинский язык плач Ярославны и описание битвы на Каяле. Эти переводы Шевченко увидели свет уже после смерти поэта (1861), в издании «Кобзаря» 1867 года.

Еще до издания перевода Максимовича и работы над «Словом» Шевченко «Слово о полку Игореве» в 30-е годы переводили на украинский язык Маркиан Шашкевич и Иван Вагилевич, но оба этих перевода «Слова» ритмической прозой были опубликованы позже переводов Максимовича и Шевченко. Из перевода Шашкевича сохранился только перевод плача Ярославны, который впервые был опубликован в 1904 году, а перевод Вагилевича был издан в 1884 году.

В 1860 году закончил работу над переводом «Слова» на украинский язык Степан Руданский. Поэт одновременно с переводом работал над исследованием «Слова о полку Игореве», и его переводу было предпослано обширное вступление, в котором приведено немало ориги-

¹ Цит. по: «Слово о плъку Игоревъ» в українських художніх перекладах і перспівах XIX—XX ст. Київ., 1953. С. 99.

² Цит. по: Попов П. Н. «Слово о полку Игореве» в переводе Т. Шевченко // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 400—401.

нальных толкований «темных мест» памятника. Перевод Руданского сделан в манере песенного украинского фольклора. Напечатан этот перевод был в 1896 году.

В конце 60-х годов известный демократический поэт и прозаик Буковины Юрий Федькович завершил работу над переводом «Слова». В украинский язык своего перевода, по словам самого Федьковича, он обильно включал гуцульскую лексику, стремясь тем самым обеспечить доступность своего перевода широкому кругу читателей-буковинцев. Перевод Федьковича сделан гекзаметром. Как и выше названные украинские переводы «Слова о полку Игореве», и этот перевод увидел свет уже после смерти его автора — лишь в 1902 году.

Не раз обращался к «Слову о полку Игореве» Иван Франко и как исследователь, и как поэт. Стихотворный перевод «Слова» был выполнен им еще в гимназии (в 1873 году), но опубликован не был (впервые напечатан лишь в 1952 году).

В 1896 году был издан перевод «Слова о полку Игореве» Панаса Мирного, над которым поэт работал в 80-е годы. Перевод этот представляет собой стилизацию украинских народных дум:

Ой, чи не краще почати нам, милеє браття,
Співати за Ігоря хоробре завзяття?
За Ігоря Святославенка почати —
Старими піснями співати?
    Ні! почнемо, браття,
    Ту пісню завзяття,
Як тепереньки кобзарі співають,—
Не гонячись за старим Бояном!
    Ой Бояне, Бояне,
    Віщий Бояне!
Як хочеш, бувало, ти пісню співати,—
Розпускаєш свої думки по древу літати,
Вовчиком-сіроманцем по землі ганяти,
Орлом сизокрилим під небо шугати.

Кроме перечисленных переводов «Слова» на украинский язык существует еще несколько украинских переводов памятника, сделанных в дореволюционные годы: В. А. Кендзерского (1874), К. К. Шейковского (1885), М. Чернявского (1894), В. Щурата (1907).

В советское время украинские писатели обратились к «Слову» в связи с юбилеем памятника в 1938—1939 годах. В эти годы в периодической печати публиковались отрывки из переводов «Слова» Максима Рыльского и Натальи Забилы. В 1938 году вышел перевод «Слова» ритмической прозой В. Свидзинского, в 1939 году был полностью

напечатан перевод М. Рыльского, а в 1940 году — Н. Забилы. Перевод Забилы был адресован юным читателям. М. Рыльский в последующие годы продолжал совершенствовать свой перевод.¹

В украинской поэзии, так же как и в русской, появлялись вариации на темы «Слова», образы памятника использовались в оригинальных произведениях украинских поэтов. Здесь должны быть названы: стихотворение Ю. Федьковича «Воскресни, Бояне!» (1861—1862), цикл стихотворений Ивана Франко «На старі теми» (1901—1902), «Плач Ярославны» Павло Тычины (1923), цикл стихотворений о Ярославне Андрея Малышко (1938 и 1945), «Плач Ярославны» Леонида Первомайского (1938), стихотворение «Ярославна» Платона Воронько (1945).² Новые переводы «Слова о полку Игореве», вариации на темы «Слова» повлияют в украинской поэзии и в наши дни.

В дореволюционный период в Белоруссии был известен лишь один перевод отрывка из «Слова о полку Игореве». В календаре «Нашей жизни» за 1911 год было напечатано стихотворное переложение М. Богдановича из «Слова» — «Песня пра князя Ізяслава». В 1919 году в газете «Беларусь» (от 7—9 и 11 ноября) был опубликован прозаический перевод Янки Купалы «Слова о полку Игореве» на белорусский язык, явившийся плодом серьезной и длительной работы поэта над «Словом». Видимо, уже в это время Я. Купала работал и над стихотворным переложением памятника на белорусский язык. Стихотворный перевод увидел свет в 1921 году и после этого издавался неоднократно. И прозаический, и стихотворный переводы Я. Купалы получили высокую оценку академиков В. Н. Перетца и Я. Ф. Карского — специалистов по истории древнерусской литературы и белорусского языка.

Поэтические образы «Слова», как в русской и украинской литературе, неоднократно привлекались белорусскими поэтами в своем оригинальном творчестве (в этой связи здесь должны быть названы имена таких белорусских поэтов, как А. Кулешов, П. Бровка, П. Панченко, М. Танк и др.).³

¹ Научное издание переводов «Слова» на украинский язык см. в кн.: «Слово о пльку Игоревѣ» в українських художніх перекладах і переспівах XIX—XX ст./До вид. підг. чл.-кор. АН УРСР С. І. Маслов. Київ, 1953.

² Собрание поэтических вариаций украинских поэтов на темы «Слова» см. в кн.: «Слово о полку Ігоревім». Київ, 1955. (Бібліотека поета).

³ Статьи белорусских исследователей, посвященные анализу поэтической интерпретации «Слова» белорусскими поэтами, см. в кн.: Беларуская літаратура і літаратуразнаўства: Зборнік артыкулаў. Мінск, 1976. Вып. 4. С. 102—111, 118—137.

Гениальные произведения далекого прошлого от обычных современных им памятников отличаются тем, что с течением времени они не теряют своей поэтической привлекательности для людей другой эпохи, отраженные в них человеческие страсти и взаимоотношения волнуют душу читателя иных времен с той же силой, с какой они волновали читателей-современников. «Слово о полку Игореве» в этом отношении совершенно необычайное, почти волшебное произведение литературы — с 1800 года и по сегодняшний день оно во все времена остается произведением, органически связанным с поэзией и культурой современности, сохраняя прелесть и аромат своей далекой эпохи.

Поэтому-то, несмотря на то что существует немало вполне удовлетворительных в научном отношении и высоких по художественным достоинствам переводов и переложений «Слова о полку Игореве», оно неизменно влечет к себе все новых и новых переводчиков. Этим же объясняется и непреходящий интерес к поэтическим образам «Слова» поэтов и писателей. Переводы, переложения, вариации на темы «Слова о полку Игореве» отражают определенный этап в раскрытии содержания и поэтической сущности его, а вместе с тем все эти переводы, переложения, вариации на темы «Слова» — живые явления литературы того времени, когда создавались они сами. Поэтому каждое новое издание «Слова о полку Игореве» — это и подведение итогов предшествующей литературной жизни «Слова», и отражение современного художественного восприятия «Слова», и очередной рубеж в дальнейшем постижении сути этого гениального памятника древнерусской литературы.

Л. А. Дмитриев

Василий Жуковский

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Ристекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.

Вам памятно, как пели о бранях первых времен.
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал — того и песнь прежде пелась:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей
пускал!
Он вещие персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.

Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился,

И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем дань в полон.
Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона!»

Вспала князю на ум охота,
А знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу,— он рек,— преломить копье
На конце поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или выпить шеломом из Дона».

О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропюю Трояновой чрез поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, оного Олега внуку:
Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещей Боян, внук Велесов:

Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода!

И рек ему буй-тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь,
Оба мы Святославичи!
Седлай же, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы пред Курском!
Метки в стрельбе мои куряне,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,

Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сими скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил князь Игорь в золотое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозою шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных!
Див кличет на верху древа:
Велит прислушать земле неизвестной,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан тьмутороканский.
И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону
великому.

Кричат в полночь телеги, словно распущенны лебеди;
Игорь ратных к Дону ведет!
Уже беда его птиц скликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клектом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червленые щиты...
О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих.
Русские поле великое червлеными щитами прегородили,
Ища себе чести, а князю славы.

В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки
половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали красных дев
половецких,
А с ними и золото, и паволоки, и драгие аксамиты!
Ортмами, епанчицами, и кожухами, и разными узорочьями
половецкими

По болотам и грязным местам начали мосты мостить,
А стяг червлёный с белою хоругвию,
А челка червлёная с древком серебряным
Храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —
Далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, чёрный ворон, неверный половчанин!

Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает к Дону великому!

И рано на другой день кровавые зори свет поведуют;
Чёрные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дону великого!
Тут-то копьям поломаться,
Тут-то саблям притупиться
О шелома половецкие,
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
И ветры, Стрибоговы внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гремит,
Реки текут мутно,
Прахи поля покрывают,
Стяги глаголют!
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русские щитами червлёными.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным;
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие,
Порубленные калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!

Какою раною подорожит он, братие,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О свычае и обычае милой супруги своей, Глебовны красныя.

Были веки Трояновы,
Миновались лета Ярославовы;
Были битвы Олега,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тьмуторокане!
Молву об нем слышал давний великий Ярослав, сын
Всеволодов;
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
И на конскую зеленую попону положили его
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи взял отца своего
Между угорскою конницею ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и выросло меж-
доусобием.

Погибала жизнь Дажьдбожиих внуков,
Во крамолах княжеских век человеческий сокращался.
Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто граяли враны,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили:
Хотим полететь на добычу!

То было в тех сечах и в тех битвах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломы,
Трещат харалужные копя
В поле незнаемом
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костями была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле взошло бедой!

Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает!
Жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы!
Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина не достало;
Тут пир dokonчили бесстрашные русские,
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю!
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле преклонилось.
Уже невеселое, братья, время настало;
Уже пустыня силу прикрыла!

И встала обида в силах Дажьбожиих внуков,
Девой вступя на Троянову землю,
Крыльями всплеснула лебедиными,
На синем море у Дону плескаяся.
Прошли времена, благоденствием обильные,
Миновались брани князей на неверных.
Брат сказал брату: «То мое, а это мое же!»
И стали князья говорить про малое, как про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех сторон приходили с победами на
Русскую землю!..

О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А храброму полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле
поскакали,

Мча разорение в пламенном роге!
Жены русские всплакали, приговаривая:
«Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядеть,
А злата-сребра много утрачено!»
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,

Тоска разлилась по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русския.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами набегали на Русскую землю,
Дань собирая по белке с двора.

Так-то сии два храбрые Святославичи,
Игорь и Всеволод, раздор пробудили,
Их усыпил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь Киевский.
Гроза был Святослав!

Притрепетал он врагов своими сильными битвами
И мечами булатными;

Наступил он на землю Половецкую,

Притоптал холмы и овраги,

Возмутил озера и реки,

Исушил потоки, болота;

А Кобяка неверного из луки моря,

От железных великих полков половецких

Вырвал, как вихорь!

И Кобяк очутился в городе Киеве,

В гряднице Святославоной.

Немцы и венеды,

Греки и моравы

Славу поют Святославу,

Клюют Игоря-князя,

Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,

Насыпая ее золотом русским.

Там Игорь-князь из золотого седла пересел на седло отрока;

Уныли в градах забрали,

И веселие поникло.

И Святославу смутный сон привиделся:

«В Киеве на горах в ночь сию с вечера

Одевали меня,— рек он,— черным покровом на кровати
тесовой;

Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;

Сыпали мне пустыми колчанами

Жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно

И меня нежили.

А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.

И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,

Слетевшись на выгон в дебри Кисановой...

Уж не послать ли мне к синему морю?»

И бояре князю в ответ рекли:
«Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского,
Поискать города Тьмутороканя
Или выпить шеломом из Дона.
Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах.
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской земле
И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя грянула на волю,
Вергнулся Див на землю!
Вот уж и готские красные девы
Вспели на берегу синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают месть Шураканову.
А наши дружины гладны веселием!»

Тогда изронил Святослав великий слово златое, со слезами
смешанное:

«О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честью вы победили,
С нечестием пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седине!
Уже не вижу могущества моего сильного, богатого,
многовойного брата Ярослава
С его черниговскими племенами,
С монгутами, татранами и шелбирами,
С топчаками, ревугами и олберами!
Они без щитов с кинжалами засапожными
Кликом полки побеждали,
Звеня славою прадедов.

Храбрая мысль носит вас на подвиги,
Высоко взлетаете вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
Дрогнули от них земля и многие области хановы,
Литва, деремела, ятвяги,
И половцы, копьа свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило,
И древо свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!
Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу!
Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
Вы же, Ингвар и Всеволод, и все три Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
На что вам золотые шеломы,
Ваши польские копьа, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича!
Не течет уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславлю;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские,
Утратил он славу деда своего Всеслава,
Под червлеными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
«Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приделал,
И звери кровь полизали!»
Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода.
Один изронил ты жемчужную душу
Из храброго тела
Через золотое ожерелье!
Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.

И ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслава,
Пришлось преклонить вам стяги свои,
Пришлось вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,
Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславова!
О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли
Половецкия!

Ни седьмом веке Трояновом
Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до золотого престола Киевского.
Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
Синею мглою обвешенный,
К утру ж, вонзивши стрикузы, раздвинул врата
Новугороду,

Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немизе.
На Немизе стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немизы не добром были посеяны,
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;
До петухов он из Киева успевал к Тьмуторокани,
К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрени зазвонили
В колокола у святых Софии,
А он в Киеве звон слышал!
Пусть и вещая душа была в крепком теле,
Но часто страдал он от беды.
Ему первому и вещей Боян мудрым припевом предрек:
«Будь хитер, будь смышлен.
Будь по птице горазд,
Но божьего суда не минуешь!»
О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые и первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам
Киевским!

Стяги его стали ныне Рюриковы,

Приугасла заря вечерняя.
Игорь-князь спит — не спит:
Игорь мыслю поле меряет
От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи;
Овлур свистнул за рекою,
Чтоб князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвигнулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;
Взнергнулся князь на быстра коня,
Соскочил с него босым волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,
Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду, и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,
Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней!

Донец говорит: «Ты, Игорь-князь!
Не мало тебе величия,
Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!»
Игорь в ответ: «Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Тебе, лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зелену траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами
Под навесом зеленого древа,
Охранявшему его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернедыми на ветрах.
Не такова,— примолвил он,— Стugna-река:
Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов расторгает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил брега зеленые.

Плачет мать Ростислава
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобой,
А деревья печалию к земле преклонило».

Не сороки защекотали —
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.

Молвил Гзак Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злаченными!»
Гзак в ответ Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка опутаем красной девицей!»

И сказал опять Гзак Кончаку:
«Если опутаем красной девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красной девицы
И начнут нас бить птицы в поле Половецком!»

Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга дочери
когановой.

«Тяжко,— сказал он,— быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!»
Худо Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе —
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
Ко святой Богородице Пирогощей.
Радостны земли,
Веселы грады! —
Песнь мы спели старым князьям,

Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!

Между 1817 и 1819

Михаил Деларю

**ПЕСНЬ ОБ ОПОЛЧЕНИИ ИГОРЯ,
СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА**

Или начать нам, друзья, старым складом сказаний
воинских

Песнь о походе Олега внуча, Игоря-князя?

Песнь же ту нам начать по событиям дней настоящих,
Но не по замыслам вещим Бояна,— Боян, замышляя
Витязя славу воспеть, соловьем растекался по древу,
Серым волком в полях, сизокрылым орлом в поднебесьи.
Вспомнив сказанья лет прежних о брани, пускал он,
бывало,

Десять соколов быстрых на стаю лебязью: лишь только
Сокол на лебедь падет, лебедь песнь запоет — Ярославу ль,
Храброму ль князю Мстиславу, который пред ратью
касожской

Смял их вождя, Святослава ли красному сыну Роману.
Только Боян, о друзья, не десять соколов быстрых
На лебединую стаю пускал, но на струны живые
Вещие персты влагал, а те сами хвалу рокотали.

Други! Начнем же сказанье свое Владимиром древним
До современного Игоря-князя, который, облекши
Крепостью ум и мужеством сердца его поощривши,
Ратного духа исполнился весь и за русские грани
Храбрые рати свои навел на половцев землю.

Тут князь Игорь на светлое солнце воззрел и, увидев
Все дружины свои от затмения прикрытые мглою:

«Братья,— сказал,— и дружина! Под саблю смерть
краше плена;

Сядем же, братья, на борзых коней да на Дон синий
взглянем!»

Вспало князю на ум отведать великого Дону,

И желанье ему заступило весть неба. «Хочу я,—
Молвил,— копье притупить о конец Половецкого поля,
С вами, русины, хочу свою голову здесь положить я
Или шеломом моим испить великого Дону!»

О Боян, соловей старины! Если б эти дружины
Ты нам воспел, скача соловьем по мысленну древу,
И небе летая умом, свивая славу времен двух,
Мчась по Трояна тропе через доли на горы! Воспеть бы
Было песнь Игорю, внуку Олега: «Не буря загнала
Соколов стаю чрез степи широкие; галки стадами
К Дону несутся великому...» или начать было б песнь ту
Так, о Боян, соловей старины, внук Велесов вещий:
«Кони ржут за Сулой, гремит слава в Киеве-граде,
Трубы трубят в Новгороде, стяги взвезают в Путивле,
Игорь ждет милого брата...» И вот буй-тур Всеволод
молвит:

«Брат один, один свет светлый, Игорь родимый ты, оба
Мы сыновья Святослава! Седлай, брат, коней своих
борзых;

Кони ж мои уж готовы, оседланы прежде под Курском.
А куряне мои — надежный народ; каждый ратник
Пóбит под трубами, вскóрмлен копьем, взлелеян под
шлемом;

Путь им известен, овраги знакомы; их луки исправны,
Тулы отворены, сабли наточены; сами как волки
Пó полю скачут, ища себе чести, князьям своим — славы». Игорь в злат стремень вступил и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заслоняло; ночь, застонавши
Черной грозой, хищных птиц разбудила; в степи воют
звери...

Див с верху древа кричит, велит слушать земле
неизвестной,

Волге, Поморью, Сулэ, Сурожу и Корсуню, а также,
Тьмутороканский болван, и тебе!.. А меж тем половчане
По непробитым путям побежали к великому Дону:
Скрып от телег их в ночи словно крик лебедей
распушенных.

Игорь к Дону войско ведет: уже хищные птицы
Князя беду сторожат; волки бури ждут по оврагам;
Клект орлов созывает зверей на кровавые кости;
Лай лисиц на червленые русских щиты раздается...
О земля Русская, ты за холмами уж!.. Долго ночь меркнет,
Свет денницы запал, еще мгла поля покрывает;

Стих соловей, говор галок проснулся. Русины щитами
Степь преградили, ища себе чести, князьям своим — славы.
Утром в пяток потоптали они нечестивые рати
И, рассыпавшись стрелами по полю, в стан свой помчали
Красных дев половецких, и золото, и ткани, и бархат,
А епанчами, а шубами, бртмами, всяким нарядом —
Стали мосты уж мостить по болотам и топким проходкам.
Стяг же червлёный, с хоругвью белой, червлёная челка
И серебряный дрот — Святославича храброго доля...
Дремлет в поле Олега гнездо... далеко залетело!
Не на обиду оно рождено было соколу, кречту,
Не на обиду тебе, чёрный вран, половчанин поганый!
Гзак серым волком бежит; Кончак правит к великому
Дону...

Вот, на другой день, денница кровавая свет возвещает;
Чёрные тучи от моря идут, собираясь четыре
Солнца собою прикрыть, а в них синие молнии трепещут.
Быть великому грому, идти дождю стрелами с Дону!
Копьям-то тут поломаться, саблям-то тут пощепаться
О половчан, на Каяле-реке, у великого Дону!
О земля Русская, ты за холмами!.. Вот Стрибога внуки,
Ветры, веют стрелами с моря на Игоря рати!
Стонет земля, реки мутно текут, пыль поля покрывает,
Стяги лепечут: половцы идут от Дона, от моря
И от всех стран... Отступили бесстрашные русские рати.
Криком — нечистая сила, щитами червлёными — наши
Степь преградили. Ты, Всеволод яр-тур, стоишь впереди
всех,
Прыщешь стрелами, саблей булатной гремишь о шеломя!
Где только тур проскакал, золотым своим шлемом блистая,
Там уж лежат половецкие головы; страшно избиты
Шлемы оварские, яр-тур, саблей калёной твоею!
Что ему раны, друзья, копьё и почёт и жизнь позабыл он,
И град Чернигов родной, и отцовский престол
позлащенный,
И своей милой любви — красной Глебовны — нрав
и обычай?

Были Трояна века, миновали летá Ярослава;
Были Олега полки, Святославова сына Олега.
Тот мечом распри ковал и стрелы по полю сеял,
В стремя золотое вступая во граде Тьмуторокани.
Звук той же славы великий любил Ярослав; а Владимир,
Сидя в Чернигове, слух от нее отклонял повседневно.
А Вячеславова храброго юного сына Бориса

Слани на суд привела и на злчное ложе повергла
Но за свою, за Олегову честь. И с той же Каялы
Князь Святополк повелел взять отца среди угорских коней
И Киев, к Софии святой. В этот век Горислава Олега
Свилось всё и росло средь крамол, и жизнь погибала
Дажьдбога внука, и в распрях князей век людской
сокращался.

В век тот на русских полях оратаи редко зывали;
Но часто враны кричали, трупы деля меж собою;
Галки свой хор подымали, собираясь лететь на покормку.
То было в те битвы, в тех ратях; битвы ж такой и не слышно.
С утра до вечера, с вечера до света стрелы летают;
Сабли о шлемы гремят; трещат булатные копыя
В поле чужом, неизвестном, среди земли Половецкой.
Черную почву под конским копытом засеяли кости;
Кровь полила их: печалью взошли по земле они Русской...
Что зашумело, что зазвенело пред ранней зарею?
Игорь ворочает рать: ему жаль брата милого тура!
Билися день они, бились другой; на третий к полудню
Пали знамена у Игоря. Тут, у быстрой Каялы,
Братья расстались. Вина кровавого тут недостало;
Тут пир dokonчили храбрые русы: сватов попили,
Сами навек полегли за родимую Русскую землю!
Никнет от жалости знак; под печалию древо согнулось...
Тяжкое время настало, друзья! Степи силу прикрыли.
В силах Дажьдбогова внука восстала обида: вступивши
Девой на землю Трояна, всплескала крылом лебединым;
Плещуци на море синем, у Дону, грозу пробудила.
Брань у князей на неверных исчезла; стал спорить брат с
братом:

То мое и это мое! И начали князи
Важным ничтожное звать и крамолу ковать друг на друга.
Враг же отвсюду вторгался с победою в Русскую землю.
О! далеко зашел сокол, преследуя птиц, к синю морю;
Храбрым же Игоря ратям уже не воскреснуть! За ними
Крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали,
В пламенном роге пожар разнося. И русские жены
Всплакались, так вопия: «Уже нам друзей своих милых
Мыслью не взмыслить, думой не вздумать, очами не
взвидеть;
Златом же, серебром тем и подавно уже не брэнчать нам!»
Как восстал, братья, Киев с печали, Чернигов с напасти!
Скорбь разлилася по Русской земле; течет средь отчизны
Морем печаль, а князья друг на друга крамолу ковали!

Враг, уже сам набега с победой на Русскую землю,
Дань брал по белке с двора: Святославы храбрые дети,
Игорь и Всеволод, зло разбудили, которое было
Усыплено отцом их вторым, грозой Святославом,
Киевским князем великим. Грозен тот был; погромил все
Воинством сильным своим и мечами булатными; ставши
На Половецкую землю, холмы притоптал и овраги;
Реки, озера взмутил; иссушил и потоки и блата;
А Кобяка, нечестивого князя, из лукоморья,
Из середины железных великих полков половецких,
Вихрю подобно исторг: и пал Кобяк в Киеве-граде,
В гриднице князя... Тут немцы, венеды, тут греки,

моравцы

В честь Святослава поют, корят Игоря-князя, что благо
Наше в Каяле погреб, засыпав дно золотом русским;
Тут Игорь-князь пересел из золотого седла в седло пленных!
Стены градские уныли, веселие долу поникло...

А Святослав смутный сон видел. «Снилось мне, — говорит
он, —

Будто в ночь эту на киевских холмах меня одевали
С вечера черным покровом на тисовом ложе, и будто
Черпали мне вино синее с горечью, сыпля из тощих
Недр мерзких раковин жемчуг великий на лоно и нежа.
Будто уж доски без князя в моем терему златоверхом.
Бесовы враны кричали всю ночь на болоньи у Пленска,
Были в Кисановой дебри и не сошли к синю морю».

— «Князь! — отвечали бояре. — То скорбь уж умом
овладела.

То два сокола с отчих злаченых престолов слетели
Тьмутороканя искать или шлемом Дону напиться.
Соколам тем уж крылья подсекли сабли поганых,
Их же самих опутали крепко железные путы.

Было темно в третий день: померкли два солнца; погасли
Оба багряных столпа, а с ними два месяца юных,
Князь Святослав со Владимиром-князем, подернулись
мглою.

Тьма свет покрыла на бреге Каялы: по Руси простерлись
Половцы, словно пардов гнездо, и в бездну напастей
Ввергли ее и великую дерзость тем придали хану.

Уж нанеслася хула на хвалу; нужда встала на волю;
Див уж низвергся на землю! Вот готские красные девы
На берегу синя моря воспели; звеня русским золотом,
Бусово время поют, лелеют месть Шарокана.

Мы же, о князь! мы, дружина твоя, уже чужды веселья!»

Князь Святослав изронил со слезами тут слово златое:
«О сыновья мои, Игорь и Всеволод! рано вы стали
Половцев землю мечами губить, а себе искать славы!
С честью ли вы одолели? С честью ль кровь вражью
пролили?»

Храбрые ваши сердца залалены в огне и отваге,
Что вы соделали, дети, моей седине серебристой!
Власти не вижу уж я богатого, сильного брата;
Войск Ярослава не зрю из черниговских воев, могутов,
Также татранов, шельбиров, топчаков, ревугов, ольберов.
То, без щитов и оружия, криком полки побеждают,
В славу предков звоня. Но вы гордо сказали друг другу:
«Сами мужаемся, сами грядущую славу похитим,
Сами поделится прежней!» А диво ли, братья, и старцу
Вновь покаяние? Когда сокол, понявшись, перья роняет,
То высокó птиц взбивает, не даст гнезда он в обиду.
Горе лишь то, что князья мне не в помощь: лета
изменились».

Чул у Ромна кричат под саблями половцев наши,
Стонет Владимир под ранами: скорбь и тоска сыну Глеба!
Всеволод-князь! Не мыслью тебе прилететь издалеча
Отчий престол золотой поблюсти. Ты веслами можешь
Волгу всю раскропить, а шлемами вычерпать Дон весь.
Был бы ты здесь, была бы тогда раба по ногате,
Раб по рэзани б был. Стрелять и на суше живыми
Ты самострелами можешь — сынами удалыми Глеба!
Вы, смелый Рюрик с Давидом! Не ваши ли шлемом
злаченным

Плавали в вражьей крови? Не ваши ли храбрые рати
Турам подобно рыскают, пораненным саблей каленой
В поле чужом? Вступите, князья, в стремена золотые
За оскорбление наших времен, за Русскую землю,
За Святославича смелого раны, за Игоря-князя!

Галицкий князь, Осмомысл Ярослав! Высокó восседаешь
Ты на престоле своем златокованом; подпер хребет ты
Угорских гор железною ратью своей, заступивши
Путь королю, затворивши ворота Дуная, метая
Тяжкие грузы чрез тучи, суды ряда до Дуная.

Грозы твои по зёмлям текут; ты врата отворяешь
Киеву-граду; с престола отцов золотого стреляешь
Ты салтанов далеких земель. Стреляй же, властитель!
Бей Кончака, нечестивца кощя, за Русскую землю,
За Святославича смелого раны, за Игоря-князя!
Ты, князь смелый Роман, со Мстиславом! Отважная дума

Носит на дело ваш ум. Высоко ты плаваешь в деле,
Словно сокол на ветрах ширясь, когда тот стремится
Птицу в бою одолеть. У ваших под шлемом латинским
Брони железные есть: от них-то земля потряслась,
Многие хановы страны погибли. Литва, и ятвяги,
И деремела, и половцы копыя свои побросали,
Главы свои подклонили под ваши булатные сабли.
Но уж, князь Игорь! Свет солнца убыл; не добром уже
древно

Листья сронило. По Рóси, Сулэ города поделили;
Храбрым же Игоря ратям уже не воскреснуть! Дон кличет,
Князь правоверный, тебя и зовет всех князей на победу.
Храброе племя Олега уже подоспело на битву...
Всеволод, Ингварь и все три птенца из Мстиславова рода,
Все не худого гнезда шестокрыльцы! Не жребьем ли битвы
Добыли власть вы себе? Начто ж ваши шлемы золотые,
Ляшские копыя, щиты вам начто?.. Заградите своими
Острыми стрелами полю ворота за Русскую землю,
За Святославича смелого раны, за Игоря-князя!..
Уж Сулá серебром не струится к Переяславлю,
И Двина болотом течет, под криком поганых,
К грозным тем полочанам... Один Изяслав Василькович
Острым мечом позвенел о шелома литвы, заглушивши
Славу деда Всеслава, а сам под щитами отчизны
Лег на кровавой траве, пораженный мечами литовцев.
Ложем избравши ее, он промолвил: «Твою, князь, дружину
Птицы крылами одели, а звери кровь полизали».
Не был тут брат Брячислав, ни Всеволод не был, — единый,
Душу жемчужную он изронил из храброго тела
Чрез ожерелье золотое. Уныли победные гласы,
Ратей веселье поникло; трубят городенские трубы...
О Ярослав и все внуки Всеслава! Склоните знамена,
Скройте мечи вы свои поврежденные! Вы уже чужды
Дедовской славы! Вы-то своими крамолами стали
Кликать на Русскую землю, на жизнь Всеслава, поганых...
Было ль какое насилье дотоль от земли Половецкой!
В век седьмой от Трояна Всеслав бросил жребий о деде,
Милой ему. О пределы подпершись клюками, скочил он
К Киеву-граду и добыл копьем там золотого престола.
Лютым зверем оттоль поскакал из Белáграда в полночь,
Синею мглой обернувшись, а к утру отбил стенобоем
Новуграду врата, расшиб Ярославову славу,
Волком помчался к Немиге с Дудуток... там, на Немиге,
Стелют снопы головами, молотят цепами стальными,

Жизнь кладут на току, веют душу от тела. Немигский
Брег не добром был засеян — засеян костями сынов
русских...

Князь Всеслав суды людям судил, князьям рядил грады,
Сам же волком рыскал в ночи; из Киева-града
До петухов он дорыскивал Тьмутороканских владений;
Хорсу великому путь перерыскивал волком он серым.
В Полоцке был он, когда позвонили ему рано утром
В колокола у Софии, а он звон уж в Киеве слышал.
Хоть и вещь душа в ином теле да часто страдала.
Вещий Боян наш ему-то разумную молвил припевку,
Так говоря: «Ни хитрú, ни горазду,— летал хоть бы
птицей,—

Не миновать суда божия!» О, стонать земле Русской,
Прежнее время и прежних князей поминая! Нельзя же
Было древнего князя Владимира к киевским высям
Нам навсегда приковать: ныне стяги его уже стали
Юрика-князя одни, а князя Давида — другие.

Роги носящим хвосты чешут; копыя поют на Дунае...
Слышен глас Ярославны; пустынной кукушкою с úтра
Кличет она. «Полечу,— говорит,— по Дунаю кукушкой,
Мой бобровый рукав омочу в каяльские воды,
Раны кровавые князю на страждущем теле отру им!»
Плачет на ранней заре Ярославна в Путивле на стенах,
Так говоря: «О ветер, ветер могучий! К чему, властелин, ты
Веешь напротив? К чему на свободных крылах своих
мчишь ты

Ханские стрелы на воинов друга? Иль мало под небом
Гор тебе веять, лелея судов стаи на море синем?

Что же, могучий, веселье мое по ковы́лю развеял?»

Плачет на ранней заре Ярославна в Путивле на стенах,
Так говоря: «О Днепр пресловутый! Ты каменны горы
Сквозь Половецкую землю пробил; ты суда Святослава
До Кобякова войска лелеял; взлелей же, могучий,
Друга ко мне, чтоб не слала я слез к нему на море с úтра!»
Плачет на ранней заре Ярославна в Путивле на стенах,
Так говоря: «Светлое солнце, тресветлое солнце!

Всем тепло и красно ты! К чему ж, властелин, ты простерло
Луч свой горячий на воинов друга? В поле безводном
Жаждой им луки светло, печалью им тулы заткало?»
Прыснуло в полночи море; идут смерчи синею мглою;
Князю Игорю бог кажет путь из земли Половецкой
В Русскую землю, к престолу отцов золотому. Погасли

Зори вечерние. Игорь-князь спит... Игорь бдит, Игорь
мыслью

Мерит поля до мала Донца от великого Дона.
Конь о полуночи. Свистнул верный Овлур за рекою,
Князю велит разуметь... Князю Игорю боле не быть там!
Вскликнуло, стукнуло поле; трава зашумела, подвиглись
Половцев вежи... А Игорь в тростник поскакал горностаем,
На воду гоголем белым; взлетел на коня удалого,
И, соскочивши проворно с него, босым волком помчался
К лугу Донца, и соколом взвился под мглой, избивая
И лебедей и гусей на завтрак, обед и на ужин.
Ежели Игорь соколом несся, Овлур мчался волком,
Трусая студеную рёсу; коней же они надорвали...
Вот Донец говорит: «Немало тебе, князь, величья,
А Кончаку, нечестивцу, досады, а Русь веселья!»
Игорь в ответ: «И тебе, о Донец, немало величья!
Ты лелеял князя средь волн, расстилал ему зелень
На серебристых своих берегах, одевал его теплой
Мглою под сенью зеленого древа; стерег на воде ты
Гоголем князя, чайкой средь волн, чернетями на ветрах.
Не такова ль река Стugna? Своею недоброй волной
Чуждые воды она пожрала и струги разбила!
Днепр затворил Ростиславу младому темный свой берег:
Плачется мать Ростислава по юноше князе. Уныли
С грусти цветы, и древо с печалью к земле преклонилось».
То не сороки стрекочут, а по следу Игоря ездит
Гзак с Кончаком. В то время уже не каркали враны,
Галки замолкли, сороки притихли; одни только дятлы,
Тихо ползя по ветвям, к реке своим стуком путь кажут,
Да соловьи веселыми песнями свет повешают.
Гзак говорит Кончаку: «Коли сокол к гнезду путь свой
держит,
Не расстрелять ли злачеными стрелами нам соколенка?»
Гзаку Кончак говорит: «Коли сокол к гнезду путь свой
держит,
Мы соколенка опутаем лучше девицей красной».
Гзак же в ответ Кончаку: «Коль опутаем девицей красной,
То нам не будет ни соколенка, ни девицы красной,
И станут птицы нас бить посреди Половецкого поля!»
Рек Боян, певец Ярослав, Олега, Когана,
На Святослава походы: «Тяжко без плеч голове быть;
Горе и телу без головы!» — так без Игоря Руси.
Солнце светится на небе; Игорь-князь в милой отчизне.
Девы поют на Дунае, их песни до Киева вьются.

Игорь едет через Боричев к Деве святой Пирогощей.
Страны рады, грады веселы; пели князьям песнь:
Прежде старым, потом молодым. Слава Игорю-князю!
Слава буй-туру, слава Владимиру, Игоря сыну!
Здравье князьям и дружине, нечистую силу разящим
Из христианство! Слава князьям, и дружине их слава!

Аполлон Майков

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях,—
Песнь о храброй Игоревой рати
И о нем, о сыне Святославле!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном!
Песнь слагая, он, бывало, вещей,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орел ширял под облаками!
Как вспомнит брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустит
Десять быстрых соколов вдогонку;
И какую первую настигнет,
Для него и песню пой та лебедь,—
Песню пой о старом Ярославе ль,
О Мстиславе ль, что в бою зарезал,
Поборов, касожского Редэдю,
Аль о славном о Романе Красном...
Но не десять соколов то было —
Десять он перстов пускал на струны,
И князьям, под вещими перстами,
Сами струны славу рокотали!..

Поведем же, братия, сказанье
От времен Владимировых древних,
Доведем до Игоревой брани,
Как он думу крепкую задумал,
Наострил отвагой храброй сердце,
Распалился славным ратным духом

И за землю Русскую дружину
В степь повел на ханов половецких.

У Донца был Игорь, только видит —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрел на светлое он Солнце —
Видит: Солнце — что двурогий месяц,
А в рогах был словно уголь горящий;
В темном небе звезды просияли;
У людей в глазах позеленело.
«Не добра ждать», — говорят в дружине.
Старики поникли головами:
«Быть убитым нам или плененным!»
Князь же Игорь: «Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чем плененну!
Но кому пророчится погибель —
Кто узнает, нам или поганым?
А посядем на коней на борзых
Да посмотрим синего-то Дону!»
Не послушал знаменья он Солнца,
Распалась взглянуть на Дон великий!
«Преломить копьё свое, — он кликнул, —
Вместе с вами, русичи, хочу я
На конце неведомого поля!
Или с вами голову сложити,
Иль испить златым шеломом Дону!»

О Боян, о вещий песнотворец,
Соловей времен давно минувших!
Ах, тебе б певцом быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орлом под сизы тучи,
С древней славой новую свивая,
В путь Троянов мчась чрез дол на горы,
Воспевать бы Игореву славу!

То не буря соколов помчала,
То не стаи галчьи побежали
Чрез поля-луга на Дон великий...
Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!..

За Сулой-рекою да ржут кони,
Звон звенит во Киеве во стольном,
В Новеграде затрубили трубы,

Веют стяги красные в Путивле...
Поджидает Игорь мила брата;
А пришел и Всеволод, и молвит:
«Игорь, брат, един ты свет мой светлый!
Святослави мы сыны, два брата!
Ты седлай коней своих ретивых,
А мои оседланы уж в Курске!
И мои куряне ль не смышлены!
Повиты под бранною трубою,
Повзросли под шлемом и кольчугой,
Со конца копья они вскормлены!
Все пути им сведомы, овраги!
Луки туги, тулы отворены,
Остры сабли крепко отточены,
Сами скачут, словно волки в поле,
Алчут чести, а для князя славы!..

И вступил князь Игорь во злат стремя,
И дружины двинулись за князем.
Солнце путь их тьмою заступало;
Ночь пришла — та взвыла, застонала
И грозою птиц поразбудила.
Свист звериный встал кругом по степи;
Высоко поднявшись по дереву,
Черный Див закликал, подавая
Весть на всю неизвестную землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебе, болван тмутороканский!
И бегут неезжими путями
К Дону тьмы поганых, и отсюду
От телег их скрип пошел, — ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Дон великий держит,
А над ним беду уж чуют птицы
И несутся следом за полками;
Воют волки по крутым оврагам,
Ощетинясь, словно бурю кличут;
На красны щиты лисицы брешут,
А орлы своим зловецким клетком
По степям зверье зовут на кости...

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!

Ночь редее. Бел рассвет проглянул,
По степи туман понесся сизый;
Позамолкнул щекот соловьиный,
Галчий говор по кустам проснулся...
В поле Русь, с багряными щитами,
Длинным строем изрядилась к бою,
Алча чести, а для князя славы.

И в пяток то было,— спозаранья
Потоптали храбрые поганых!
По полю рассыпавшись, что стрелы,
Красных дев помчали половецких,
Аksamиту, паволок и злата,
А мешков и всяких узорочий,
Кожухов и юрт такую силу,
Что мосты в грязях мостили ими.
Всё дружине храброй отдал Игорь,
Красный стяг один себе оставил,
Красный стяг, серебряное древко,
С алой челкой, с белою хоругвью.

Дремлет храброе гнездо Олега.
Далеко, родное, залетело!
«Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебе, быстр сокол, пестер кречет,
Ни тебе, зол ворон половчанин...»

А уж Гзак несется серым волком,
И Кончак за Гзаком им навстречу...

И в другой день полосой кровавой
Повешают день кровавый зори...
Идут тучи черные от моря,
Тьмой затмить хотят четыре солнца...
Синие в них молнии трепещут...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрелами!
Поломаться копьям о кольчуги,
Потупиться саблям о шелома,
О шелома половчан поганых!

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки их Игоревы сыплют...
Помутились, пожелтели реки,
Загудело поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли уж знамена плещут...
Ото всех сторон враги подходят...
И от Дона, и от синя моря,
Обступают наших отовсюду!
Отовсюду бесовы исчадья
Понеслися с гиканьем и криком.

Молча Русь, отпор кругом готовя,
Подняла щиты свои багряны.

Ярый тур ты, Всеволод! Стоишь ты
Впереди с курянами своими!
Прыщешь стрелами на вражьих воев,
О шеломы их гремишь мечами!
Где ты, буй-тур, ни поскачешь в битве,
Золотым посвечивая шлемом, —
Там валяются головы поганых,
Там трещат аварские шеломы
Вкруг тебя от сабель молодецких!
Не считает ран уж он на теле!
Да ему о ранах ли тут помнить,
Коль забыл он и Чернигов славный,
Отчий стол, честны пиры княжие
И своей красавицы княгини,
Той ли светлой Глебовны, утехи,
Милый лик и ласковый обычай!

Были веки темного Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храброго Олега...
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по Русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод Великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одр его сложила
На зеленом поле у Канина...

Пал млад князь, пал храбрый Вячеславич
За его ж, за Ольгову обиду!
И с того зеленого же поля,
На своих угорских иноходцах,
Ярополк увез и отче тело
Ко святой Софии в стольный Киев.
И тогда ж, в те злые дни Олега,
Сеялось крамолой и растилось
На Руси от внуков Гориславы;
Погибала жизнь Дажьбожьих внуков,
Сокращались веки человекам...
В дни те редко ратаи за плугом
На Руси покрикивали в поле;
Только вороны каркали на трупах,
Галки речь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину.

Так в те брани, так в те рати было,
Но такой, как Игорева битва,
На Руси не слыхано от века!

От зари до вечера, день целый,
С вечера до света реют стрелы,
Гремлют остры сабли о шелома,
С треском копья ломаются булатны
Среди неведомого поля,
В самом сердце Половецкой степи!
Под копытом черное всё поле
Было сплошь засеяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошел посев по Руси — горем!..

Что шумит-звенит перед зарею?

Скачет Игорь полк поворотити...
Жалко брата... Третий день уж бьются!
Третий день к полудню уж подходит:
Тут и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тут и оба брата
На Каяле быстрой разлучились...
Уж у храбрых русичей не стало
Тут вина кровавого для пира,
Попоили сватов, да и сами
Полегли за отческую землю!

В поле травы с жалости поникли,
Деревя с печали преклонились...

Невеселый час настал, о братья!
Уж пустыня скрыла поле боя,
Где легла Дажьбожья внука сила,—
Но над ней стоит ее Обида...
Обернулась девою Обида
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины
И, крылами плещучи у Дона,
В синем море плеща, громким гласом
О годах счастливых поминала:

«От усобиц княжских — гибель Руси!
Братья спорят: то мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихие!

Залетел далече ясный сокол,
Загоняя птиц ко синю морю,—
А полка уж Игорева нету!
На всю Русь поднялся вой поминоков,
Поскочила Скорбь от веси к веси
И, мужей зовя на тризну, мечет
Им смолой пылающие роги...
Жены плачут, слезно причитают:
«Уж ни мыслью милых нам не смыслить!
Уж ни думой лад своих не сдумать,
Ни очами нам на них не глянуть,
Златом, серебром нам уже не звякнуть!»

Стонет Киев, тужит град Чернигов,
Широко печаль течет по Руси;
А князья куют себе крамолу,
А враги с победой в селах рыщут,
Собирают дань по белке с дыму...
А всё храбрый Всеволод да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпил было его могучий
Святослав, князь Киевский великий...
Был грозой для ханов половецких!

Наступил на землю их полками,
Притоптал их холмы и овраги,
Возмутил их реки и озера,
Иссушил потоки и болота!
А того поганого Кобяка
Из полков железных половецких,
Словно вихрь, исторг из лукоморья,—
И упал Кобяк во стольный Киев,
В золотую гридню к Святославу...
Немцы, греки, и венециане,
И морава хвалят Святослава,
И корят все Игоря, смеются,
Что на дне Каялы половецкой
Погрузил он русскую рать-силу,
Реку русским золотом засыпал,
Да на ней же сам с седла златого
На седло кощя пересажен».

В городах затворены ворота.
Приумолкло на Руси веселье.
Смутен сон приснился Святославу.

«Снилось мне,— он сказывал боярам,—
Что меня на кипарисном ложе,
На горах, здесь в Киеве, ох, черным
Одевали с вечера покровом;
С синим мне вином мешали зелье;
Из поганых половецких тулов
Крупный жемчуг сыпали на лоно;
На меня, на мертвеца, не смотрят;
В терему ж золотоверхом словно
Из конька повыскачили доски;
И всю ночь прокаркали у Пленска,
Там, где прежде дбрь была Кисаня,
На подолье, стаи черных вранов,
Проносья несметной тучей к морю...»

Отвечали княжие бояре:

«Ум твой, княже, полонило горе!
С злат-стола два сокола слетели,
Захотев испить шеломом Дону,
Поискать себе Тмуторокани.

И подсекли половцы им крылья,
А самих опутали в железа!
В третий день внезапно тьма настала!
Оба солнца красные померкли,
Два столба багряные погасли,
С ними оба тьмой поволоклися
И в небесных безднах погрузились,
На веселье ханам половецким,
Молодые месяцы, два света —
Володимир с храбрым Святославом!
На Каяле Тьма наш Свет покрыла,
И простерлись половцы по Руси,
Словно люты пардусовы гнезда!
Уж хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Див повергнулся на землю,
Рад, что девы готские запели
По всему побережью синя моря!
Золотом позванивают русским,
Прославляют Бусовы победы
И лелеют месть за Шарукана...
До веселья ль, княже, тут дружине!»

Изронил тогда, в ответ боярам,
Святослав из уст златое слово,
Горючьми слезами облитое:

«Детки, детки, Всеволод мой, Игорь!
Сыновцы мои вы дорогие!
Нé в пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни победой, ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
Да сердца-то ваши удалые
На огне искованы на лютом,
Во отваге буйной закалёны!
Что теперь вы, дети, сотворили
С сединой серебряной моею?
Нет со мной уж брата Ярослава!
Он ли сильный, он ли многоратный,
Со своей черниговской дружиной!
А его могуты и татраны,
Топчаки, ревуги и ольберы,

Те с ножами, без щитов, лишь кликом,
Бранной славой прадедам ревнуя,
Побеждают полчища и рати...
Вы ж возмнили: сами одолеем!
Всю сорвем, что в будущем есть, славу,
Да и ту, что добыли уж деды!..

Старику б помолодеть не диво!
Вьет гнездо сокол и птиц взбивает,
Своего гнезда не даст в обиду,
Да беда — в князьях мне нет помощи!
Времена тяжелые настали:
Крик в Ромнах под саблей половецкой!
Володимир ранами изъязвлен,
Стонет, тужит Глебович удалый...
Что ж ты, княже, Всеволод Великий!
И не в мысль тебе перелетети,
Издаля поблюсти стол отчий?
Мог бы Волгу веслами разбрызгать,
Мог бы Дон шеломами расчерпать!
Будь ты здесь, да половцев толпою
Продавали б — девка по ногате,
Смерд-кощей по резани пошел бы!
Ведь стрелять и посуху ты можешь:
У тебя живые самострелы —
Двое братьев, Глебовичей храбрых!

Ты, буй Рюрик, ты, Давид удалый!
Вы ль с дружиной по златые шлемы
Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычат по степи,
Словно туры, раненные саблей!
Ой, вступите в золотое стремя,
Распалитесь гневом за обиду,
Вы за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Остромысл ты вещей, Ярослав...
Высоко на золотом престоле
Восседаешь в Галиче ты крепком!
Подпер ты своей железной ратью,
Что стеной, Карпатские угорья,
Заградив для короля дорогу,
Затворив ворота на Дунае,

Через тучи сыпля горы камней
И судя до самого Дуная!
И текут от твоего престола
По землям на супротивных грозы...
Отворяешь в Киеве ворота,
Мечешь стрелы за земли в салтанов!..
Ах, стреляй в поганого кощея,
Разгроми Кончака за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Ты, Роман, с своим Мстиславом верным!
Смело мысль стремится ваш ум на подвиг!
Ты, могучий, в замыслах высоко
Возлетаешь, что сокол ширяя
На ветрах, над верною добычей...
Грудь у вас из-под латинских шлемов
Вся покрыта кольчатой сеткой!
Перед вами трепетали земли,
Потрясались хиновские страны,
Деремела ж, половцы с литвою
И ятвяги палицы бросали
И во прах кидались перед вами!
Свет, о князь, от Игоря уходит!
Не на благо лист спадает с древа!
По Роси, Суле враг грады делит,
А полку уж Игорева нету!
Дон зовет, Роман, тебя на подвиг,
Всех князей сзывает на победу,
А одни лишь Ольговичи вняли
И на брань, на зов его, доспели...

Ингварь, Всеволод, и вы, три брата,
Вы, три сына храброго Мстислава,
Не худа гнезда птенцы крылаты!
Отчин вы мечом не добывали —
Где же ваши шлемы золотые?
Аль уж нет щитов и ляшских палиц?
Заградите острыми стрелами
Воротá на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле ратном
Все за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Уж не той серебряной струею
Потекла Сула к Переяславлю,
И Двина пошла уже болотом,
Взмущена врагом, под грозный Полоцк!
Услыхал и Полоцк крик поганых!
Изяслав булатными мечами
Позвонил один о вражьих шлемы,
Да разбил лишь дедовскую славу,
Сам сражен литовскими мечами
И изрублен на траве кровавой,
Под щитами красными своими!
И на том одре на смертном лежа,
Сам сказал: «Вороньими крылами
Придел ты, князь, свою дружину,
Полизать зверям ее дал крови!»
И один, без брата Брючислава,
Без другого — Всеволода-брата,
Изронил жемчужную он душу;
Изронил, один, из храбра тела,
Сквозь свое золотое ожерелье!..
И поникло в отчине веселье,
В Городне трубят печально трубы...

Все вы, внуки грозного Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И в ножны мечи свои вложите:
Вы из дедней выскочили славы!
В ваших сварах первые вы стали
Наводить на отчий край поганых!
И от вас, не лучше половецких,
Таковы ж насилья были Руси!
Загадал о дедине любезной
Тот Всеслав, на Киев жребий бросил,
На коня вскочил он и помчался,
Да лишь древком копья добился
До его престола золотого!
В ночь бежал оттуда лютым зверем,
Синей мглой из Белграда поднялся,
Утром бил уж стены в Новеграде,
Ярослава славу порушая...
Проскочил оттуда серым волком,
От Дудуток на реку Немигу...
Не снопы то стелют на Немиге —
Человечьи головы кидают!

Не цепами молотят — мечами!
Жизнь на ток кладут и веют душу,
Веют душу храбрую от тела!
Ох не житом сеяны — костями! —
Берега кровавые Немиги,
Всё своими русскими костями!..
Днем Всеслав суды судил народу
И ряды рядил между князьями,
В ночь же волком побежит, бывало,
К петухам в Тмурокань поспеет,
Хорсу путь его перебегая!
Да! ему заутреню, бывало,
Зазвонят у Полоцкой Софии,
Он же звон у Киевской уж слушал.
А хотя и с вещью душою
Был, великий, в богатырском теле,
Всё ж беды терпел-таки немало!
Про него и спел Боян припевку:
«Будь хитер-горазд, летай хоть птицей,
Всё суда ты божьего не минешь!»

Ох, стонать земле великой Русской,
Про князей вспоминая давних,
Вспоминая прежнее их время!
Да нельзя ж ведь было пригвоздiti
Ко горам ко Киевским высоким
Старика Владимира навеки!
По рукам пошли его знамена
И уж розно машут бунчуками,
Розно копыа петь пошли по рекам!»

Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле неизвестной, поутру
Раным-рано ласточкой щебечет:
«По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бебрян рукав в Каяле,
Оботру кровавы раны князю
На белом его могуче теле!..»

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ветр-ветрило! Что ты, господине,
Что ты веешь, что на легких крыльях
Носишь стрелы в храбрых воев лады!
В небесах, под облаки бы веял,
По морям кораблики лелеял,
А то веешь, веешь — развеваешь
На ковыль-траву мое веселье...»

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой Словутич!
По земле прошел ты Половецкой,
Пробивал ты каменные горы!
Ты лады лелеял Святослава,
До земли Кобяковой носил их...
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб мне слез не слать к нему с тобою
По сырым зорям на сине море!...»

Рано-рано уж она в Путивле
На стене стоит и причитает:

«Светлое, трисветлое ты, Солнце,
Ах, для всех красно, тепло ты, Солнце!
Что ж ты, Солнце, с неба устремило
Жаркий луч на лады храбрых воев!
Жаждой их томишь в безводном поле,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы...»

Сине море прыснуло к полночи.
Мглой встают, идут смерчи морские:
Кажет бог князь-Игорю дорогу
Из земли далекой Половецкой
К золотому отчему престолу.

Погасают сумерки сквозь тучи...
Игорь спит — не спит, крылатой мыслью
Мерит поле ко Донцу от Дона.
За рекой Овлур к полночи свищет,
По коня он свищет, повещает:
«Выходи, князь Игорь, из полона».

Ветер воет, проносясь по степи,
И шатает вежи половицки;
Шелестит-шуршит ковыль высокий,
И шумит-гудит земля сырая...
Горностаем скок в тростник князь Игорь,
Что бел гоголь по воде ныряет,
На быстра́ добра́ коня садится;
По лугам Донца что волк несется;
Что сокол летит в сырых туманах,
Лебедей, гусей себе стреляет
На обед, на завтрак и на ужин.

Что сокол летит князь светлый Игорь,
Что сер волк Овлур за ним несется,
Студену́ росу с травы стряхая.
Уж лихих коней давно загнали.

Вран не каркнет, галчий стихнул говор,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползают по ветвям,
Дятлы тѣктом путь к реке казуют,
Соловьи́н свист зори повещает...

Говорит Донец: «Ох, князь ты, Игорь!
Величанья ж ты себе да добыл,
А Конча́ку всякого проклятья,
Русской всей земле светла́ веселья!»

Отвечал Донцу князь светлый Игорь:
«Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
И тебе да будет величанье,
Что меня ты на волнах лелеял,
Зелену́ траву мне стлал в постелю
На своем серебряном побережьи,
Теплой мглюю на меня ты веял
Под темной зеленою ракитой,
Серой уткой сторожил на русле,
На струях — чирком, на ветрах — чайкой...
Вот Стugna, о Донче, не такая!
Как пожрет-попьет ручьи чужие,
По кустам, по долам разольется...
Ростислава-юношу пожрала,
На Днепре ж, на темном побережьи,
Плачет мать по юноше по князе;

Приуныли с жалости цветочки,
Дерева с печали преклонились...»

Не сороки — чу! — застрекотали:
Едут Гзак с Кончаком в злу погоню.

Молвит Гзак Кончаку на погоне:
«Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Уж младá соколика не пустим,
А поставим друга в чистом поле,
Расстреляем стрелами златыми».

И в ответ Кончак ко люту Гзаку:
«Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Сóкольца опутаем потуже
Крепкой цепью — красною девицей».

Гзак в ответ Кончаку слово молвит:
«Коль опутать красною девицей,
Не видать ни сокольца младого,
Не видать ни красной нам девицы;
А их детки бить почнут нас в поле,
Здесь же, в нашем поле Половецком».

Стародавних былей песнотворец,
Ярослава певший и Олега,
Так-то в песне пел про Святослава:
«Тяжело главе без плеч могучих,
Горе телу без главы разумной».
И земле так горько было Русской
Без удала Игоря без князя...
Ан на небе солнце засветило:
Игорь-князь в земле уж скачет Русской.
На Дунае девицы запели —
Через море песнь отдалась в Киев.
Игорь едет, на Боричев держит,
Ко святой иконе Пирогощей.
В селах радость, в городах веселье;
Все князей поют и величают,
Перво — старших, а за ними — младших.

Воспоем и мы: свет-Игорь — слава!
Буй-тур свету-Всеволоду — слава!
Володимир Игоревич — слава!
Святославу Ольговичу — слава!
Вам на здравье, князи и дружина,
Христиан поборцы на поганых!

Слава князьям и дружине!
Аминь.

1866—1870, 1893

Константин Бальмонт

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Нам начать не благо ль, братья, песню старыми словами,
Песнь, как полк в поход повел он,

славный Игорь Святославич?

По былинам лет тех бывших, не по замыслу Бояна,
Эту песнь зачем мы, братья. Он, Боян, певец тот вещий,
Коль кому восхочет песни, белкой он течет по древу,
По земле он серым волком и орлом под облак сизым.
Вспомнит былъ времен тех первых, об усобицах сказанья,
Соколов пускает десять к лебединой стае белой,

Чуть домчится первый сокол, лебедь первая закличет,—
И певучим словом песни Ярослав проходит старый,
И в певучем слове песни восстает Мстислав тот храбрый,
Он, зарезавший Редедю пред косоожскими полками,
И Роман тот Святославич, в песне он красиволикый.
А Боян пускал не десять соколов проворных, братья,
К лебединой стае белой не летел поспешный сокол,
Нет, он вещице на струны возлагал персты, и звонко
Князю, избранному песней, струны славу рокотали.
Так начнем же, братья, повесть, от Владимира начало
И до Игоря, что ныне ум напряг свой, ум-твердыню,
Заострил свое он сердце, ратным мужеством наполнив,
И привел свои полки он до земли до Половецкой,
Да отмстит, и мщеньем правым, он за Русскую за землю.
Тут взглянул на солнце Игорь, солнце светлое на небе,
Видит он — от солнца черной тьмою воинство покрыто.
И сказал к своей дружине Игорь: «Братья и дружина,
Лучше быть мечом сраженным, чем в бою

быть плененным.

На коней на борзых сядем, Дона синего посмотрим!»

Стали хотью мысли князя против злого предвещанья,
У великого он Дона захотел изведать счастья.

«Преломить хочу,— сказал он,— с вами, русские, конь и
Там, на поле Половецком, может, голову сложу и,
Или — любо будет шлемом мне воды испить из Дона!»
Соловей времен давнишних, о Боян! Тебе бы надо
Песню спеть о том походе, разливаться звонкой трелью,
Соловьём бы проскакал ты вдоль по мысленному древу,
Возлетя умом под облак, ты хвалою звенел бы в песне,
Славу прошлого свивая с этой славой дней текущих,
И полями и горами по тропе Трояна мчался б.

Песню Игорю пропел бы, внуку Ольгову, ты складно:
«То не буря, мол, чрез поле соколов несет проворных,
То не галки стаей мчатся посмотреть на Дон великий».
Ой Боян, ой внук Велесов, это всё ты нам пропел бы.
«Ржут, мол, кони за Сулою, слава в Киеве как звони,
Трубы трубят в Новеграде, стяги вьются над Путивлем», —
Брата Всеволода Игорь, мила брата ожидает.

Молвит Всеволод до брата, говорит буй-тур могучий:
«Свет один ты, светлый Игорь, Святославичи мы оба,
Брат один ты, светлый Игорь, так седлай коней ты борзых,
А мои готовы кони, уж оседланы у Курска,
А мои куряне знают, как быть витязями в битве,
Все под трубами повиты, всяк взлелеян под шоломом
И концом копья воскормлен, свистом ветра был баюкан,
Все им ведомы дороги, все им знаемы яруги,
Уж натянуты их луки, много стрел, колчан отворен,
Уж наточены их сабли, сами скачут серым волком,
Ищут чести в поле бранном для себя, а князю — славы!»
Князь вступил в золотое стремя, едет Игорь чистым полем,
Солнце путь заткало тьмою, ночь ему грозою стонет,
Будит ветер птиц кричащих, свист зверин в норах
звериных,

Кличет див в верхушке древа, чтоб его был слышен голос
По неизвестному краю, и по Волге, и по взморью,
По Суле, и по Сурожу, и в далеком том Корсуне,
И тебе бы клич был слышен, истукан тьматороканский.
А уж половцы до Дона до великого помчались,
По дорогам неготовым бег бежит, кричат телеги,
Словно лебеди, скликаясь, в полночь кличут долгим
кликом.

Игорь к Дону рать уводит. О беде уж знают птицы,
По оврагам волки воют, и орлы к зверям клекочут,
Зов на труп, лисицы лают, ряд узрев щитов червлёных.

АКЪ настало,
Братъ, время
Невеселое . . .

Степь-пустыня
Утаила
Рать погибшую . . .

Но средь силъ
Дажь-Божья внука,
Затаенная,
Поднялась
Его обида
Неизбытная
И вступила
Дьвой
На-землю
Троянову.

Распустила дьва
Крылья
Лебединыя,

Русь, о Русь! Уж ты далеко за грядой холмов сокрылась,
Меркнет ночь, заря запала, сумрак-мгла поля покрыла,
Дремлет посвист соловьиный, говор галичий забредил,
Русь червлеными щитами поле-даль прегородила,
Ищет чести в поле бранном для себя, а князю — славы.

Рано в пятницу разбили силу полчищ половецких
И, рассыпавшись стрелами вдоль по бранному простору,
Вот в полон они помчали красных девок половецких,
С ними золото и ткани, дорогие аксамиты;
Епанчами и плащами мост мостили по болотам
И стелили грязь и топи узорочьем половецким.
Стяг червлен с хоругвью белой, и червленой краски чёлку,
И серебряное древко взял хоробрый Святославич,
Дремлет в поле стая храбрых, Ольгов выводок далече,
Не к обиде порожденный, — что тут сокол, что тут кречет,
Что тебе тут, черный ворон, ты, поганый половчанин!
Гзак несется серым волком, след Кончак направил к Дону.

День-другой, и раным-рано свет кровавых зорь поведан,
Тучи черные от моря мнят прикрыть четыре солнца,
В них дрожанье синих молний — будет гром, и гром
великий,

С Дону дождь пойдет стрелами, дождь готовит

Дон великий,

Тут-то копьям приломаться, тут-то саблям притупиться
По шеломам половецким, на реке на той Каяле,
Что при Доне при великом. Русь, о Русь! Уж ты далеко,
За грядой холмов сокрылась. Вот Стрибожьи внуки, ветры,
Веют с моря, мечут стрелы на полки, где храбрый Игорь.
Земь гремит, и реки мутны, пыль поля запорошила,
Шум знамен: идет от Дона и от моря враг сильный,
Половецкие дружины. Обступили силу русских.
Дети бесовы пресекали поле битвы зычным кликом,
И червлеными щитами Русь поля прегородила.
Тур, о Всеволод, о ярый, ты стоишь на поле брани,
Мечешь стрелы и о шлемы бьешь булатными мечами.
Где ни скочит тур могучий, где шелом златой ни вспыхнет,
Там и головы увидишь половецкие на поле,
И аварские шеломы рассекает он булатом.
Он какую будет раной дорожиться в битве, братья,
Позабывши жизнь и почесть, свой забывши град Чернигов,
Золотой престол отцовский, свичай-хоть супруги милой?
Были древле дни Трояна, было время Ярослава,

Минувала брань Олега, что мечом ковал крамолу,
Тот Олег, тот Святославич, по земле он стрелы сеял.
Он ступает в злато стремя в городе Тьмуторокани,
Уроslав великий слышал звон стремян его; Владимир
Чуть в Чернигове услышит, каждым утром слух замкнет он,
А Борис тот Вячеславич приведен хвальбой был к смерти
За обиду молодого князя храброго Олега,
На зеленую положен был на конскую попону.
Урополк от той Каялы тело вез отца родного,
Меж угорских иноходцев, ко святой Софии, в Киев.
Как Олег был Гориславич, был посев междоусобий,
Циук Дажьбожий был в ущербе, век же в княжих
крамолах
Сокращался человекам. По земле тогда по Русской
Голос пахаря был редок, часто каркал черный ворон,
Ворон с вороном делили труп убитого, и галки
На кормежку сокликались, говоря своею речью.
Так бывало в прежних бранях, в тех полках и в тех
походах,

Но такого не бывало и не слышано сраженья,
Чтоб до вечера от рани, чтобы с вечера до света
Были тучи стрел каленых и гремели сабли в шлемы,
Был бы треск булатных копий на незнаемом том поле,
На незнаемом том поле, средь земли той Половецкой.
Под копытами прибитой, там костями земле посев был,
И она полита кровью, и взошел посев печалью,
Ах, тугой — тоской-бедою на земле взошел он Русской!

Что шумит там, что звенит там раным-рано, пред зарею?
Повернул дружины Игорь, брата милого жалеет.
Бьются Всеволод и Игорь. Бились день, другой день
бились,

А на третий день, к полудню, пали Игоревы стяги.
Тут-то братья разлучились на берегу Каялы быстрой,
Тут кровавого вина им — было много — не достало,
Пир dokonчен храбрых русов, сватов крепко попили,
Сами пили — не допили и за Русскую за землю
Полегли. Трава поникла, их жалея, а деревья
До земли с тоской склонились. Час уж, братья, невеселый.
Силу русскую прикрыла неприязная пустыня,
И обида встала девой — там, над внуками Дажьбога,
Восплескала в край Трояна лебедиными крылами,
Плеск ее на синем море, — трудный час всплескал у Дона.

Уж князья не на поганных мчат усобицу,— брат брату
Говорит: «Мое и это, да и то». На малость — малость,
Словно молвят о великом и себе куют крамолу.
Нечестивые тем часом в Русь приходят отовсюду,
Землю Русскую терзая. Далеко заходит сокол,
К морю, птиц бия, далече. Войско Игоря не встанет,
Жля и Карна, кликнув алчно, по земле несутся Русской,
Мечут меч и мычут пламя, жены русские рыдают:
«Уж ни мыслию не мыслить милых лад своих нам больше,
И ни думаю не сдумать, ни очами поглядеть их,
А уж злата, серебра ли — было — больше не увидим!»
Восстонал тоскою Киев и напастями Чернигов,
Разлилась тоска-истома всю Русскую землю,
Как во рту горячем жажда, скорбь горит землю Русской,
На себя князья ковали — наковали ту крамолу,
Допустили нечестивых,— по земле и рыщут Русской,
От двора беря по белке. Святославича два храбрых,
Игорь с Всеволодом, снова ту неправду пробудили,
Что заснуть сумел заставить Святослав, отец их грозный,
Князь тот Киевский великий. Был грозой он непокорным,
Сильным воинством гремел он и булатными мечами,
Притоптал стопой тяжелой Половецкую он землю,
На холмы он наступивши, утоптал везде яруги,
Возмутил озера, реки, иссушил потоки, топи,
А поганого Кобяка из излучины приморской,
Из железных половецких он полков, как вихрь, исторгнул,
В Киеве Кобяк низринут, в-gridнице он Святослава.
Немцы там и венедейцы, греки там и там морава
Славят песней Святослава, князя Игоря же — кают,
Упрекают, что на дно он той Каялы половецкой
Рушил воинскую силу, злата русского насыпал.
Пременил в ту пору Игорь-князь седло свое златое
На кощеево. Уныли в час тот стены городские,
И веселие поникло.

Святославу же приснился

Мутный сон. «Мне снился Киев на горах,— к боярам
рек он.—

С вечера в ту ночь меня вы кутали покровом черным,
А кровать была из тиса. Зачерпнувши, подавали
Синь-вина мне, вместе с ядом, и на лоно высыпали
Из пустых колчанов вражьих, улещая, крупный

жемчуг.

Нижу в тереме, — так снилось, — в златоверхом все уж
доски
Без конька, без скрепы терем самой верхней, и до света
Вудто вороны, закаркав и у Плесенска, близ вала,
Сев на выгон, ночь сидели, не летели к синю морю».
Говорят бояре князю: «Ум тоска заполонила —
Вот два сокола слетели с златоотчего престола
Поискать Тьматорокани, зачерпнуть шеломом Дона.
Соколам пообрубили крылья сабли нечестивых,
А сими их захватили, сокола в железных путах».
Тьмою третий день был схвачен, два померкли с свете
солнца,
Дни столпа багряных темны, и Олег со Святославом,
Месяц с месяцем младые, черной тьмой заволоклися.
На реке Каяле быстрой тьма покрыла свет горючий,
Русью половцы, как барсы, скачут, логовище бросив,
Сила русская потопла, хан не спит, взбодренный буйством.
Где хвала — хула там стала, и неволит сила волю.
Вражий див слетел на землю. Девы готские запели,
Сев на бреге синя моря и, позванивая златом,
Русским златом, песнь запели, восхваляя время Буса,
Месть лелея Шаруканя. Нам, дружине, нет веселья.

Святослав Великий, в скорби, изронил златое слово:
«Игорь, Всеволод, родные, рано вздумали мечом вы
Половецкую сечь землю, ладить поиски за славой.
Вы бесславным одоленьем завлеклись неправосудно,
Кровь излили нечестивых. Ваши храбрые сердца вы
Сплошь булатом оковали, в яром буйстве закалили.
Вы того ли возжелали седине моей сребристой?
Уж не вижу власти сильной, власти брата Ярослава,
Что богат был, многовоен, с ним в Чернигове бояре,
С ним могуты и татраны, с ним шельбиры и топчаки,
С ним ревуги и ольберы. Без щитов, — кинжалы в руки, —
Кликом воинства сражают, славой прадедов ударив.
Вы же: «Будущая слава — наша, прошлую — поделим».
Разве диво, братья, стару молодеть? Перелинявши,
Сокол птиц взобьет высоко, а гнезда не даст в обиду.
То беда, что не пособие мне князья, — другое время.
Уж под саблей половецкой стонут Ромны, а Владимир
Весь изранен, сыну Глеба — только горе и печали.

Князь ты Всеволод великий, прилетел бы издалека,
Порадел бы о защите златоотчего престола.

Ты веслом разбрызжешь Волгу, Дон шеломами

ты выльешь,

Будь ты здесь — и дешев пленник, а рабыня и дешево,
Через сынов удалых Глеба стрелы птицами ты мечешь,
Ты, буй Рюрик, ты, Давыд наш, где золотые шлемы
ваши?

Не поплыли в лужах крови? И не ваша ли дружина,
Словно туры, заметалась под булатом под каленым?
Вы вступите, господари, в стремена свои золотые,
Чтоб отмстить за час тяжелый, на земле наставший

Русской,

Чтоб за Игоря вступиться, Святославица оправить,
К Осмомыслу Ярославу клич несем мы в самый Галич,
Ты сидишь там на высоком златокованом престоле,
Высь подпер ты гор Угорских всё железными полками,
Королю ты путь заставил, затворил в Дунай ворота,
Камни мечешь через тучи, суд ты рядишь до Дуная,
По земле течешь грозою, в Киев путь ты отворяешь,
С златоотчего престола шлешь удар султанам дальним,
Устреми же, господине, устреми удар в Кончака,
В нечестивого кощея, — порадей же ты о Руси,
Чтоб от ран своих окрепнул буй наш Игорь Святославич,
Буй Роман с Мстиславом храбрым, смелый ум ваш —
зов на подвиг,

Вы, как сокол, что ширяет по ветрам, плывете в выси,
Сокол птицу одолевает, в ветре быстрюю нагонит.
Ведь у вас железны латы и латинские шелома.
Сотряслась земля под вами, слышат ханские владенья,
И литва, ятвяги вместе с деремелой, копыя бросив,
Ниц склонились головами под булатными мечами.
Но для Игоря для князя солнца свет уж умалился,
Не к добру с деревьев листья обронились. И по Роси,
По Суле — в разделе грады. Войско Игоря не встанет.
Дон к тебе, о князь, взывает. Он князей зовет к победе.
Князи Ольговичи храбры, — брань почуяв, поспешили.
Ингварь, Всеволод, все трое вы, Мстиславичи лихие,
Шестикрылый рой, гнезда вы не худого, но, до власти
Устремясь, ее стяжали вы не жребием победным.
Где же шлемы золотые, копыя с польскими щитами?
Стрелы остры, заградите вы ворота, и вступитесь
Вы за Русскую за землю, ранен Игорь Святославич.
Уж Сула струей сребристой не течет к Переяславлю,
И Двина течет болотом к полочанам, в кликах
вражых.

Иислав лишь, сын Васильков, о литовские шеломы
Гринул острыми мечами, славу деда он Всеслава
Татемнил, а сам низлег он под червлеными щитами,
На траве окровавленной, взмах узнав мечей литовских.
И, на ту кровать прилегши, рек: «О князь, твою дружину
Птицы крыльями одели, кровь ее лизали звери».
Приислав там брат с ним не был, не был Всеволод там
брат с ним,

И жемчужную ту душу из бестрепетного тела
Испустил один-один он чрез золотое ожерелье.
Городенские унылым гласом трубы затрубили.
Ярослав и все Всеслава внуки, стяги преклоните,
Вы мечи вложите в ножны. Слава дедов позабыта.
Вы крамолами вманили в землю Русскую неверных,
Жизнь Всеслава омрачая. Распри кликнули насилье
От земли вам Половецкой. На седьмом Трояна веке
Князь Всеслав закинул жребий о девице, сердцу милой.
Он, клюками подпершись, на коней скочил и едет
К граду Киеву, коснулся древком копьевым престола,
Лютым зверем побежал он прочь на полночь из Белграда,
Приукрылся синей мглою и орудьем стенобитным
Новгородские ворота отворил, разбил он славу
Ярослава и с Дудуток до Немиги прыгнул волком.
А снопы-то на Немиге из голов там устилают,
В молотье молотят крепко там булатными цепами,
Жизнь кладут на ток и веют душу вольную от тела.
На берегах окровавленных, на немигских, сея, сеют,
Да не жито, да не травы — сеют густо кости русских.
Князь Всеслав — людей судил он, города князьям
рядил он,

Сам же в ночь он рыскал волком, волк от Киева несется,
До утра — в Тьмуторокани, Солнце-Хорса перерыщет.
До заутрени звонили для него в святой Софии,
В граде Полоцке, а звоны в стольном Киеве он слышал.
Хоть и вещью душою он владел в несмирном теле,
Но от бед страдал он часто. Для таких Боян-провидец
Спел мудреную припевку: «Будь ты хитрым, будь
гораздым,

Будь ты птицею гораздой, не уйдешь суда господня».
О, земле восплакать Русской, первовременье вспомнив
И князей припомня первых! Мог ли быть Владимир старый
Пригвожден к горам, где Киев? Ныне Рюрику достались
Эти стяги и Давыду, но хоть машут бунчуками,
А хвосты их выются порознь, каждый в сторону иную».

Свист ли копий или песня? Что за песня над Дунаем?
Ярославнин слышен голос. Как безвестная кукушка,
Кличет рано: «Полечу, мол, я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукав бобровый я в реке Каяле быстрой,
Раны я утру на князе, кровь утру на теле сильном».
Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле,
Кличет к ветру: «Ветр, ветрило, ты к чему насильно
вещь?»

Ты зачем, о господине, на своих нетрудных крыльях
Стрелы ханские бросаешь на бойцов, где он, мой Ладо?
Мало ль было в высях веять и летать под облаками,
Прилетев, качать-лелеять корабли на синем море?
Ты зачем мое веселье ковылями всё развеял?»

Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле:
«Славный Днепр, пробил ты горы сквозь земли той
Половецкой,

Святославовы суда ты, в стан Кобяков мча, лелеял,
Возлелей, о господине, моего примчи ты Лада,
Чтобы утром я не слала слез к нему на море рано».
Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле:
«Солнце светлое, свет-солнце, ты для всех тепло и красно,
Для чего же, господине, ты стремишь свой луч горячий
На войска, где он, мой Ладо? Для чего в безводном поле
Ты тоской им сушишь луки и колчаны затворяешь?»

Взволновалось сине море в час полуночи глубокой,
Встали мороки и мглятся, князю Игорю дорогу
Кажет бог к отчизне Русской из земли той Половецкой,
К златоотчему престолу. Свет погас зари вечерней.
Игорь спит. А Игорь спит ли? Игорь мыслью поле мерит
От великого ли Дона до Донца, что мал в теченьи.
В полночь конь. Овлур надежный — слышно —
свистнул за рекою,

Разумей, мол, князь. Князь Игорь тут не тут и тут не будет.
Кликнул, стукнул земь в пробеге. Зашумели,
шепчут травы.

Половецкие заставы! Зыбь в них. Бег свой мчит
князь Игорь.

К тростнику он горностаем, белым гоголем на воду,
На коня вскочил, конь борзый, и с коня босым он волком,
И к донецкому он лугу побежал, — под облаками
Реет соколом, — на завтрак, и к обеду, и на ужин
Бьет гусей и лебедей он. Если Игорь — сокол в лёте,
Влур, Овлур — течет он волком и росу с себя стряхает,

Ибо в беге надорвались жарки борзые их кони.
Говорит Донец: «Князь Игорь, для тебя немало славы,
Для Кончака — злой досады и веселья — русским людям».
— «О Донец,— ответил Игорь,— и тебе немало славы,
Что волной лелеял князя, что зеленую траву ты
Стал ему постелью мягкой на серебряном на бреге,
Кутал мглой своею теплой, осенял зеленым дровом,
На воде нырком лелеял, на струях стерег ты чайкой,
На ветрах качал летящей быстро чернетью проворной.
Не такая,— он примолвил,— та река худая, Стugna,
Ток чужой она глотает, в берег кинет струг, разломит,
Юну князю Ростиславу Днепр закрыла-затворила,
Плещет мать по юном князе Ростиславе и тоскует.
Восскорбев, цветы увяли, и к земле склонилось древо».

Чу, стрекочут не сороки, а по Игореву следу
Галк с Кончаком следа ищут. Тут не каркали вороны,
Тут и галки приумолкли, и сороки без трещанья
Только ползали по сучьям, дятлы путь к реке казали,
Соловьи веселой песней свет поведали, распели.
Говорит (тут Гзак Кончаку): «Если сокол улетает,
Мы застрелим соколенка золочеными стрелами».
Говорит Кончак ко Гзаку: «Если сокол улетает,
Мы увяжем соколенка, взявши красною девицей».
Говорит тут Гзак к Кончаку: «Если красною девицей
Нам опутать соколенка, нам не будет соколенка,
И ни красной нам девицы, и не будет нам девицы,
И начнут терзать нас птицы в чистом поле Половецком».
Рек Боян — и о походах, в оно время им пропетых,
Святослава, Ярослава и Олега вспоминая,
Молвил: «Тяжко с головою, но без плеч, и худо телу,
С головою разлучившись». И без Игоря не благо
Русской быть земле. На небе светит солнце золотое.
Игорь-князь — в земле он Русской! И девицы на Дунае
Песнь поют. Их голос слышен вплоть до Киева чрез море.
По Боричеву он едет, Игорь-князь, чтоб помолиться
Блгороднице пресветлой Пирогощей. Люди рады.
В городах идет веселье. Песнь князьям пропета старым,
Молодым за ними также. Слава, Игорь Святославич,
Слава, Всеволод, буй-тур он, и сын Игоря, Владимир!
Здравье, князи и дружина, на неверные полки вы,
Христианам на защиту ратоборствуете. Слава!

20—24 декабря 1929—24 апреля 1930

Сергей Шервинский

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не пристало нам, братья,
Не в лад начинать
Ратных повестей складом старинным
Эту песню
Про доблестный Игорев полк,
Про поход Святославова сына.

Мы начнем по событиям
Теперешних лет,
А не вслед замысленьям Бояна,—
Песнь задумав кому-либо,
Вещий Боян
Растекался по дереву мыслью,
Серым волком он, вещий,
Скакал по земле,
Реял сизым орлом в поднебесье.
Вспоминал про усобицы
Давних времен;
И тогда он десяток
Своих соколов
Напускал на станицу лебязью,
И которую лебедь
Вперед настигал,
Та и первая петь начинала.
Ярославу старинному
Пела она
Или храброму пела Мстиславу,
Что зарезал Редедю
Один на один
На глазах у касожского войска.

И красивому князю
Певала не раз,
Святославу сыну, Роману.
Но Боян не десяток
Своих соколов
На лебедек пускал —
Десять вещей перстов
Налагал он на струны живые,
И те
Сами славу князьям рокотали!

Мы с Владимира древнего,
Братья, начнем,
Кончим нынешним Игорем повесть,
Что решимостью ум
Словно лук натянул
И отвагою
Сердце свое заострил,
Преисполнился воинским духом,
В Половецкую землю
Повел свою рать,
Ополчившись за Русскую землю.

Вот князь Игорь
На светлое солнце взглянул
И увидел: от солнца
Всё войско его
Среди дня темнотою покрылось.
Обратился тут Игорь
К дружине своей,
Молвил: «Братья мои и дружина!
Лучше мертвыми быть,
Чем плененными быть.
Оседлаем же, братья,
Мы борзых коней,
Да и выедем к синему Дону!»
Покорился желанью
У Игоря ум,
И небесное знаменье
Застила в нем
Страсть великого Дона отведасть.
И сказал он:
«Хочу я копые преломить
У окраин степей Половецких.

С вами, русичи,
Голову ныне сложить
Иль напиться шеломом из Дона!»

О Боян, соловей
Стародавних времен!
Как бы ты эти брани,
Защелкав, воспел!
Ты по дереву мысли
Порхал бы, Боян,
Ты ширял бы умом в поднебесье!
Ты бы новую славу
Со старой свивал,
Через степи к горам
Ты бы рыскал, Боян,
Возлетал бы к дороге Трояна!
Князю Игорю так
Запевал бы ты песнь,
Князю Игорю, внуку Олега:
«То не бурей лихой
Соколов занесло
За широкие степи —
То галок стада
Побежали к великому Дону...»
А быть может, и так
Запевалась бы песнь
Вещим внуком Велеса, Бояном:
«Кони ржут за Сулой,
Киев славу звонит,
В Новом-городе
Бранные трубы трубят,
Развешаются стяги в Путивле...»

Игорь милого брата
С дружиною ждет.
И пришел и сказал буй-тур Всеволод:
«Брат один ты мне, Игорь,
Свет светлый один,
Мы с тобой Святославичи оба!
Оседлай же ты, брат,
Своих борзых коней,
А мой-то уже наготове —
Возле Курска заране
Стоят под седлом.

А мой-то куряне —
Бывалый народ,
И пеленаты были
Под трубы они,
Под шеломом баюканы
Были они,
И с копья они вскормлены были.
Им знакомы овраги,
Известны пути,
Их тугие натянуты луки,
Их колчаны открыты,
Их сабли остры,
Сами скачут,
Как серые волки в степи,
Чести ищут себе, князю — славы!»

В золоченое стремя
Тут Игорь вступил
И поехал по чистому полю.
Солнце тьмой заступало
Дорогу ему,
Ночь грозой застонала,
Встревожила птиц,
Свист поднялся звериный,
На дереве Див
Кличет, краю безвестному
Слушать велит,
Слушать Волге, Поморью, Посулью,
Слушать Корсуни, Сурожу,
Слушать тебе,
Идол каменный Тмутороканский!
И уже степняки
По неторным тропам
Побежали к великому Дону,
Половецкие в полночь
Повозки скрипят
Лебединую вспугнутой стаей.
Игорь к Дону дружину ведет,
А в дубах
Птицы ждут его бед;
Накликают грозу
По оврагам неведомым волки.
Уж на кости орлы
Клектом кличут зверей,

А лисицы
На красные брешут щиты.
О, далече ты, Русь,— за шеломом!

Долго ночь не светлеет,
Зари не видать,
Пал туман на поля,
Щекот смолк соловьев,
Говор галок проснулся.
Широкую степь
Преградили стеной
Из багряных щитов
Люди русские,
Чести ища для себя,
А для князя для Игоря — славы.

Утром в пятницу, рано,
Едва рассвело,
Степняков потоптали поганых.
Словно стрелы рассыпались
Вширь по степи,
Половецких помчали красавиц.
Золотые уборы срывали,
Шелка,
Рытый бархат тащили бесценный,
Волокли покрывала,
Из шуб и плащей
Стлали гати по топям
И грязным местам —
Из узорных парчей половецких!
И багряный,
С хоруговью белою стяг,
И на древке серебряном
Алый бунчук —
Всё тебе, удалой Святославич!

В поле Ольгово храброе
Дремлет гнездо,—
Далеко же оно залетело!
Только было оно
Не затем рождено,
Чтобы сокол иль кречет
Обидел его
Или половец, ворон поганый.

Гза бежит серым волком,
Кончак — впереди:
Правят оба к великому Дону.

А на утро другое —
Чуть брезжил рассвет —
Заалели кровавые зори.
С моря черные тучи
На степи ползут,
Все четыре светила
Хотят заслонить,
И трепещут в них синие молнии:
Быть великому грому,
Пролиться дождю
От великого Дона стрелами!
Преломиться копьё,
Притупиться мечу
О поганый шелом половецкий
В той широкой степи
На Каяле-реке,
У великого синего Дона!
О, далече зашла
Ты, родимая Русь,
Ты далече уже, за Шеломом!
Вот задули
Стрибожии внуки — ветра, —
Сыпать начали с моря стрелами
На отважное войско,
На русскую рать.
Застонала земля,
Реки мутно текут,
Пыль покрыла поля,
Слышен говор знамен.
Идут половцы с Дона и с моря.
Зычным криком своим
Преградили поля
Дети бесовы,
Храбрые русские степь
Строем алых щитов преградили.

Яр-тур Всеволод!
Тверд в обороне стоишь,
Ты стрелами на воинов прыщешь,

О шелома гремишь ты
Булатным мечом,
И куда ты, буй-тур, ни поскачешь,
Где шеломом своим
Ни сверкнешь золотым,
Там лежат половецкие головы!
Не один расколот ты
Аварский шелом,
Яр-тур Всеволод, саблей каленой!
Братья-друзи, о ранах
Не думает тот,
Кто забыл и богатство свое,
И почет,
И родимый свой город Чернигов,
Кто забыл и отцовский
Престол золотой,
И красавицы Глебовны,
Милой жены,
Дорогой обиход и обычай!

Было время Трояна,
Минуло оно.
Ярославовы канули годы,
И Олега походы
В былое ушли,—
Святославова сына, Олега.
Тот Олег — он булатом
Крамолу ковал,
Рассевал он по родине стрелы;
В золоченое стремя,
Бывало, вступал
В дальнем городе Тмуторокани —
Того стремени звон
Слышал в Киеве князь,
Древний Всеволод, сын Ярославов.
Что ни утро в Чернигове,
Слыша тот звон,
Затыкал себе уши Владимир.
А Борис Вячеславич
Своей похвальбой
Приведен был на суд и погибель,
И на ниве зеленой
Ему пелена

За обиду Олега
Была послана,—
Молодому и храброму князю.

Прежде с той же Каялы
Отца Святополк
В Киев-град прилелеял,
К Софии святой,
Между двух иноходцев венгерских.

Гориславичем звался
Недаром Олег:
Он усобицы сеял —
Взрастали они.
Погибало
Дажьбожьего внука добро,
И намного в те годы
От княжьих крамол
Человеческий век сокращался.
В те години, бывало,
На Русской земле
Редко-редко покрикивал пахарь.
Только вороны
Каркали часто в степи:
Мертвецов меж собою делили,
Да по-своему галки
Вели разговор,
Налететь на добычу спешили.
И походы бывали
И брани тогда,—
Но подобной не слыхано брани!
Спозаранку до ночи
И с ночи до дня
Всё каленые носятся стрелы,
Всё-то острые сабли
О шлемы гремят,
Всё-то копыя трещат
В незнакомой степи,
Посреди той земли Половецкой!
Под копытами
Черную землю в тот день
Позасеяли кости
И кровь полила,
А взошли на Руси они — скорбью!

Что там будто шумит,
Что там, слышу, звенит
Перед утренней зорей далече?
Это Игорь обратно
Полки повернул —
Пожалел он любимого брата.
День рубились они
И рубились другой —
К полуденному часу
По третьему дню
Князя Игоря пали знамена.
Там у берега быстрой
Каялы-реки
Разлучились два храбрые брата.
Знать, кровавого там
Недостало вина,
И прикончили
Храбрые русские пир:
Напоили сватов,
Но и сами легли
За родимую Русскую землю.
От печали поникла
В ту пору трава,
От тоски преклонились
К земле дерева.
Невеселая, братья,
Година пришла:
Силу русскую степь схоронила.
В силах внуков Дажьбожьих
Обида взросла
И, на землю Троянову
Девой вступив,
Лебедиными стала
Крылами плескать
Возле Дона, у синего моря.
Времена изобилья,
Плеща, прогнала.
Перестали князя
На поганных ходить.
Брату брат говорил:
«То и это — мое!»
И про малое дело
Не в пору князя
Стали молвить: великое дело!

Друг на друга крамолу
Ковали они,
Степняки побеждали
И с разных сторон
Нападали на Русскую землю.
О, далече же сокол
Взвился-залетел,
Птиц преследуя,—
К морю!
Но только вовек
Храбрый Игорев полк не воскреснет!

Тут закликала Карна,
Вопить начала,
Тут Желя поскакала
По Русской земле,
Пламя мечучи огненным рогом.
Стали русские жены
В слезах причитать:
«Нам теперь о желанных
Супругах своих
Уже мыслей не мыслить,
Не думывать дум,
Никогда их воочью не видеть!
Нам отныне ни золотом,
Ни серебром,
Нарядясь, побряцать не придется!»
Киев, братья, в тот год
Застонал от тоски,
Завопил от напасти Чернигов.
Разливается скорбь,
И обильно печаль
По земле растекается Русской.
Но князя продолжали
Крамолу ковать.
Степняки ж отовсюду
С победами вновь
Набегали
И, рыща по Русской земле,
Дань по белке с двора собирали.

Это Игорь и Всеволод,
Два храбреца,

Разбудили
Едва присмирившее зло,
Что успел усыпить
Их отец Святослав,
Князь великий на Киеве, грозный.
Степняков он поганых
Как гром поразил
Силой храбрых полков
И булатных мечей,
Он попрад Половецкую землю,
Притоптал он холмы,
Он овраги сровнял,
Замутил он озера и реки,
Иссушил он ручьи
И болота в степи,
У излучины моря
Схватил Кобяка,
Из великих стальных
Половецких полков,
Словно вихрь, он поганого вырвал,—
И поганый Кобяк
В стольном Киеве пал,
В Святославовой гриднице княжьей.
Святославу хвалу
Венецейцы поют,
И моравы, и немцы,
И греки поют,
Попрекают все Игоря-князя,
Что добро погрузил
На глубокое дно
Той Каялы степной,
Половецкой реки,—
Посорили, мол, золотом русским!

Игорь тут пересел
С золотого седла —
Да в невольничье!
Стены кремлей городских
Приуныли, поникло веселье.

Святославу же смутный
Привиделся сон
На горах, в его Киеве стольном.

«К ночи,— сказывал,—
Черной меня пеленой
Одевали на тисовом ложе
И вино будто синее
Черпали мне,—
А его замешали отравой.
Из колчанов пустых
Чужаков-толмачей
Крупный сыпали жемчуг
На лоно мое
И меня будто нежили. Снилось,
Что на тереме
Золотоверхом моем
Нет у кровли князька,
И раскаркались в ночь
Стаи серых ворон
Возле Плеснска внизу;
Снилось, змеи лесные
По дебри ползут
И несет их на синее море».

Святославу бояре ответили:
«Князь!
Горе, видно, твой ум полонило
С той поры, как два сокола
Взмыли, слетев
С золотого престола отцова,
Понеслись отвоевывать
Тматорокань,
Пить шеломом из синего Дона.
Да подрезали крылышки
Тем соколам
Половецкими саблями,
Их же самих
Заковали в железные путы.
Потемнело,
Два солнца
Померкли в тот день,
Загасились багряные
Оба столпа,
Молодые два месяца с ними
Тьмой покрылись,
И канули в море они —
Много придали буйства поганым!

На Каяле-реке
Тьма окутала свет.
С той поры степняки
По всей Русской земле
Разбрелись, словно выводок пардов.
С той поры и насела
Хула на Хвалу,
Навалилось Насилье на Волю,
Тут на землю низринулся
С дерева Див,
Стали готские
Девы-красавицы петь
На побережии синего моря,—
Вон уж золотом русским
Бряцают они
И давнишнее Бусово
Время поют,
Шарукана отмщенье лелеют.
Мы же, верная княжья
Дружина твоя,
Понапрасну лишь алчем веселья».

Святослав, князь великий,
Тогда изронил
Пополам со слезой
Золотые слова:
«Вы, племянники, Игорь и Всеволод!
Поспешили, не вовремя
Начали вы
Половецкую землю
Мечами дразнить,
Для себя торопились
Вы славу сыскать,
Да бесславно врагов одолели,
Вы бесславно поганую
Пролили кровь.
Из булата у вас
У обоих сердца,
Их сама закалила отвага.
Что ж, племянники,
Вы сотворили с моей
Сединою серебряной ныне?

Я не вижу того,
Кто богат и силен,
Многоратного брата
Не вижу вблизи —
Ярослава с черниговской знатью;
Вкруг него воеводы,
При нем и татаран,
И шельбир, и топчак,
И ревуг, и ольбер,—
А они без щитов,
С засапожным ножом,
Могут криком одним
Опрокинуть врага,
Зазвеневши прадедовской славой!
Но сказали вы:
«Доблесть
Покажем одни,
Мы грядущую славу
Одни заберем,
И былую одни мы поделим!»

Дивно ль, братья, и старому
Стать молодым?
Сокол, перья сменивший,
В поднёбесьи птиц
Избивает, в обиду
Не даст он гнезда.
Зло одно: мне князья не подмога.
Повернули на худо
Для нас времена.
Под погаными саблями
Криком кричат
Возле Римова;
В ранах Владимир лежит,—
Сыну Глебову скорбь и кручина!»

О великий князь Всеволод!
Мыслишь ли ты
Прилететь издалёка,
Защитою встать
Золотому престолу отцову?
Ты ведь веслами Волгу
Разбрызгать бы мог,
Дон шеломами вычерпать мог бы!

Появись ты, князь Всеволод,
Вовремя здесь,
Так была бы раба
По ногате ценой
И по рэзане пленный кочевник.
Можешь посуху
Копья живые метать —
Сыновей Ростиславича Глеба!

Вы, буй Рюрик с Давыдом!
Не ваши ль в крови
Золоченые плавали шлемы?
Не у вас ли, сражаясь,
Дружина рычит,
Словно тур, пораженный
Каленым мечом
На далеком неизвестном поле?
В стремяна золотые
Вступите, князья,
Отомстите обиду,
Родимую Русь,
Раны Игоря, смелого князя!

Ты, о галицкий князь,
Осмомысл Ярослав!
Твой высок златокованный
Княжий престол.
Ты, могучий,
Плечами железных полков
Подпираешь Карпатские горы.
На пути короля
Ты преградою встал,
Затворил ты Дунаю ворота.
Ты громады бросаешь
Поверх облаков,
Суд до самого правишь Дуная!
Твои грозы по странам
Текут, Ярослав,
Отворяешь ворота
И Киева ты,
С золотого престола
Отца своего
Иноземных стреляешь султанов!

Подстрели, государь,
Кончака, погуби
Кочевого поганого хана!
Отомсти, Ярослав,
Ты родимую Русь,
Раны Игоря, смелого князя!

Ты, Роман, и Мстислав!
Ваша храбрая мысль
Вас на подвиг стремится.
Ты на подвиг летишь,
Словно сокол, по ветру
Парящий ввысь,
Устремившийся
В удали буйной своей
Одолеть быстролетную птицу!
Под латинскими шлемами
Латы на вас,
Много стран на земле
Содрогнулось от них:
Деремела, ятвяги,
Литва, хинова.
Перед вами и половцы
Копья свои
Побросали,
Под ваши стальные мечи
Степняки головами склонились!
Князь, для Игоря ныне
Свет солнца погас.
Не к добру обронили
Деревья листву.
По Суле и по Роси
Уже города
Меж собой поделили...
Да только вовек
Храбрый Игорев полк не воскреснет!
Князь, прислушайся:
Дон призывает тебя,
Отовсюду князей
На победу зовет.
Ведь ко времени в бой
Подоспели князья,
Удалые Олеговы внуки!

Вы, о Ингварь и Всеволод!
Также и вы,
О Мстислава сыны,
Трое храбрых князей,
Не худого гнезда шестикрыльцы!
Без побед вы уделы
Забрали себе!
Для чего ж золоченые
Шлемы на вас?
Где щиты ваши, польские копья?
Отзовитесь!
Остры ваши стрелы, князья,—
Заградите же степи ворота!
Отомстить поспешайте
Родимую Русь,
Раны Игоря, смелого князя!

Уж Сула не серебряной
Льется струей
К Переяславлю-городу ныне,
К грозным тем полочанам
Течет и Двина,
Что болото, под клики поганых!

Изяслав, сын Васильков,
Один позвенел
О шеломы литовские
Острым мечом,
Смял Всеславову дедову славу,
Сам же пал,
Под мечами литовскими лег,
На кровавой траве,
Под багряным щитом
Он на смертной постели промолвил:
«Птичьи крылья прикрыли
Дружину твою,
Звери кровь ее, князь, полизали...»
Не пришел к Изяславу
Ни брат Брячислав,
Ни другой не пришел к нему,
Всеволод-брат,—
Он жемчужную душу
Один изронил
Через свой золотой ожерелок.

Сникла радость,
Уныло звучат голоса,
И трубят городенские трубы.
Вы все, внуки Всеслава!
И ты, Ярослав!
Опустите же ныне
Знамена свои,
Поврежденные в ножны
Вложите мечи,—
Ведь из дедовой славы
Вы прынули вон,
Вы ведь первыми начали
Ради крамол
Звать поганых на Русскую землю,
На владенье Всеслава —
С того и пошло
От земли Половецкой засилье.

В век седьмой от Трояна
Тот самый Всеслав
О девице возлюбленной
Жребий метал,
Он подперся лукавством
И сел на коня,
Прямо к стольному
Киеву-граду скакнул,
Золотого престола
Коснулся жезлом,
Лютым зверем скакнул из Белграда,
Среди полночи
Синей завесился мглой,
А наутро взялся за секиры,
Новугороду настезь
Врата растворил,
Ярославову славу
И ту перебил,
Волком рыскнул с Дудуток к Немиге.
Там кладут на Немиге
Снопы из голов,
Их стальными цепами молотят.
На Немиге там
Жизни кладут на току,
Отвешают там душу от тела.

Той Немиги кровавые были брега
Не добром позасеяны —
Русских сынов
Позасеяны были костями.
Князь Всеслав!
И суды
Он, бывало, судил,
И князьям города
Во владенье рядил,
Сам же волком в полуночи рыскал.
Он из Киева
В Тмуторокань поспевал
До петушьего крика дорыскать.
Солнцу-богу
Великому Хорсу — и то
Перерыскивал волком дорогу!
Позвонят ему в Полоцке
В колокола
У Софии святой
К ранней утрени — он
В дальнем Киеве благовест слышит.
Был и духом он вещ,
Был и телом могуч,
А напастей немало
Изведал и он,
И не даром о нем
Прозорливый Боян
В свое время надумал припевку:
«Будь хитер человек,
Будь во всем умудрен,
Будь по птицам по вещим
Гадать умудрен,—
А господня суда не минует!»

Ох и стоном стонать
Ныне Русской земле,
Вспоминая бывшее
И прежних князей!
Но Владимира
К Киевским нашим горам
Не могли мы в те дни
Навсегда пригвоздить!
А теперь боевые
Знамена его —

Теми Рюрик владеет,
А теми Давыд!
Только врозь развеваются
Их бунчуки,
Только розно поют у них копыя!

Поутру над рекою
На ранней заре
Ярославнин слышится голос —
Одинокой кукушкой
Кукует она:
«Полечу по реке я кукушкой,
Омочу я в Каяле
Атласный рукав,
Ладе-князю
Кровавые раны отру
На его истомившемся теле!»

Ярославна тоскует
В Путивле, одна,
На стене крепостной, причитая:
«Ветер, Ветер!
Что веешь навстречу?
Зачем
Ты на крыльцах легких своих,
Государь,
Половецкие стрелы
Стремишь на бойцов
Моего ненаглядного лады?
Или мало под тучами
Веять тебе,
Мало на море синем
Качать корабли?
Для чего, государь,
По траве-ковылю
Ты мое поразвевал веселье?»

Ярославна одна
На путивльской стене
Причитает: «О Днепр Словутич!
Каменистые горы
Ты, мощный, пробил,
Пересек Половецкую землю.

Ты ладьи Святослава
На водах своих
Прилеял к шатрам Кобяковым.
Ты желанного друга
Ко мне приелей,
Государь, чтобы слез
Я не слала к нему
Ранним утром на синее море!»

Ярославна тоскует
В Путивле, одна,
На стене крепостной, причитая:
«Трижды светлое Солнце!
Про всех у тебя
И тепла и отрады достанет.
О, зачем же свои
Огневые лучи
Ты простерло на воинов лады?
Им в безводной степи
Луки жаждой свело
И колчаны тоскою стянуло!»

Вот всплеснулося море
В полуночный час.
С моря мгла поползла.
Князю Игорю бог
Кажет путь из земли Половецкой
К золотому столу
Святослава-отца
На родимую Русскую землю.
Уж погасла заря.
Игорь спит и не спит —
Игорь мыслями мерит
Широкою степь
От великого Дона
По малый Донец.
В полночь свистнул Овлур
За рекою коня —
Князю знак подает,
Чтобы тот разумел.
Вот и нет уже Игоря-князя!

Загремела земля,
Зашумела трава,
Половецкие двинулись вежи.

Горностаем тут Игорь
Скакнул в тростники,
Белым гоголем-птицей
Он на воду сел.
Он вскочил на коня,
Серым волком прыгнул,
На Донец по лугам устремился.
Взмыл он соколом в тучи,
Гусей-лебедей
Бил на завтрак, обед и на ужин.
Если соколом Игорь
В тумане летит,
Так Овлур серым волком
По степи бежит,
Он студеную с трав
Отряхает росу.
Оба борзых коней надорвали.
И промолвил Донец:
«Много, Игорь, тебе
Будет ныне величья,
Стыда Кончаку,
А земле нашей Русской веселья!»
И Донцу отвечает
Князь Игорь:
«Донец!
И тебе в том немало величья,
Что баюкал ты князя
На волнах своих,
Что ему ты зеленую
Стлал мураву
На своих берегах серебристых,
Что под сенью
Зеленого дерева ты
Одевал его теплым туманом,
Что на водах ты гоголем
Князя стерег
И на струях своих
Дикой уткой берег,
Сторожил его чайкой на ветрах».
Не такая — Стugna:
Та, водою скудна,
Непомерно расширилась к устью,
Все чужие потоки
Она пожрала,

Князю юному Днепр
Затворила она,
Ростиславу.
На темном ее берегу
Убивается мать Ростислава,
Всё о юноше плачет,
О сыне скорбит,
Запечалясь о нем,
Приуныли цветы,
Деревя до земли преклонились.

Не сороки стрекочут
В широкой степи —
По следам князя Игоря
Гза и Кончак
Поспешают неведомым полем.
Уж вороны не каркают,
Галки молчат,
Только поползни ползают,
Дятлы стучат —
Путь к реке они Игорю кажут,
И веселыми песнями
Утренний свет
Соловьи по лесам возвещают.

Гза сказал Кончаку:
«Если сокол к себе
На гнездо полетел,
Соколенка его
Золотыми подстрелим стрелами!»
А Кончак отвечал:
«Если сокол к себе
На гнездо полетел,
Соколенка его
Мы опутаем красной девицей!»
Гза сказал Кончаку:
«Если только его
Мы опутаем красной девицей,
Так не будет тогда
Соколенка у нас,
Да не будет и красной девицы!
И, пожалуй, тогда
В Половецкой степи
Станут бить нас залетные птицы!»

Святославовых древних
Походов певец,
Ярославовых, Ольговых, молвил
Так Боян:
«Тяжело
Быть без плеч голове,
Телу без головы!»
Так и Русской земле:
Ей без князя без Игоря тяжко.

Светит солнце.
Князь Игорь
На Русской земле.
На Дунае девицы поют,
И летят
Через море до Киева
Их голоса.
По Боричеву едет князь Игорь
К Пирогощей святой
Богородице в храм,—
Страны рады, и веселы грады!

Вот мы песню пропели
Старинным князьям,—
Пропоем и теперешним славу:
Святославичу Игорю,
Всеволоду
Бую-туру, Владимиру-князю!
Здравы будьте,
Князья и дружина,
Войной
На поганых ходившие
За христиан!
Слава всем — и князьям и дружине!
Аминь.

1934, 1967

Владимир Стеллецкий

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не подобает ли нам, братья,
повести на старинный лад печальные сказанья
о походе Игоревои, Игоря Святославича?
Петься же той песни по былям нашего времени,
а не по замыслению Боянову.
Боян вещий, братья, коли песнь кому хотел сложить,
растекался мыслию по древу,
носился серым волком по земле,
сизым орлом — в подоблачьи:
поминал ведь он, вещий, давних времен ратоборство.
Тогда пускал он десять соколов на стадо лебедей,
которую сокол нагонял,
та первая песнь слагала
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
одолевшему Редёю пред полками касожскими,
молодому ли Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять соколов на стадо лебедей
пускал,
но свои вещие персты на живые струны возлагал,
они же сами князьям славу рокотали.

Поведем же, братья, сказание наше
от старого Владимира до нынешнего Игоря;
напряг он ум волею своею,
отточил он сердце свое мужествои;
исполнившись ратного духа,
повел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю
Русскую.

Тогда Игорьь взглянул на светлое солнце
и видит: от него тьмою
все воины его прикрыты.

И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше убитым быть,
чем полоненным быть,—
сядем же, братья, на своих борзых коней,
поглядим на дали синего Дона!»
Воспылал ум князя желанием,
и знамение жажда ему заслонила
изведать Дона великого.
«Хочу,— молвил,— копые преломить в поле Половецком
вместе с вами, русичи;
хочу либо голову свою сложить,
либо испить шеломам Дона!»

О Боян, соловей старого времени!
Кабы ты эту рать своей песнью воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
взлетая умом под облака,
свивая славу по обе стороны сего времени!
Рыща тропую Трояновой чрез поля на горы,
так бы песнь про Игоря петь Велесову внуку:
«Не буря соколов занесла чрез поля широкие,
и не галки стаями летят к Дону великому...»
Или так бы запеть, вещий Боян, Велесов внук:
«Кони ржут за Сулюю —
звенит слава в Киеве».

Трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле;
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй-тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый — ты, Игорь,
оба мы — Святославичи!
Седлай, брат, коней своих борзых,
а мои готовы, стоят под Курском оседланы,
А мои куряне — бывалые воины:
под трубы боевые повиты,
под шеломами взлелеяны,
с конца копыя вскормлены;
пути им ведомы,
овраги знаемы,
их луки напряжены,
колчаны отворены,
сабли изобрены;

нами скажут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в злат стрéмень
и поехал по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступало,
ночь стонала ему грозою, птиц пробудила,
рык звериный в стада́ их сбил.

Див кличет с вершины древа —
велит послушать земле незнаемой,
Волге, и Поморью, и Посулию,
и Суро́жу, и Кóрсуню,
и тебе, тмутороканский истукан!

А половцы неторными дорогами побежали к Дону
великому;
кричат телеги в полуночи, словно лебеди распуганные.
Игорь воинов к Дону ведет.

А уж беду его стерегут птицы по дубравам;
волки грозу накликают по оврагам;
орлы клетотом на кости зверя зовут;
лисицы брешут на красные щиты.

О Русская земля — о воины! За холм зашли вы
порубежный!

Долго мрак ночи длится.

Заря свет зажгла,
мгла поля покрыла.

Щекот соловьиный уснул,
говор галочий пробудился.

Русичи широкие поля своими алыми щитами перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

Рано поутру в пятницу они потоптали поганые полки
половецкие

и рассыпались стрелами по полю,
помчали красных девок половецких,
и с ними и злато, и шелк, и дорогие аксамиты.

Плащами, покрывалами и бпашнями, и разным узорчьем
половецким

стали мосты мостить по болотам и топким местам.

Чермный стяг, белая хоругвь,
чермная челка, серебряная пика —
храброму Святославичу!

В поле дремлет Ольгово хороброе гнездо, далече залетело!
Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету,
ни тебе, черный ворон, поганый половчйн!
Гза бежит серым волком,
Кончак за ним следом — к Дону великому!

На другой день в ранний час
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут —
хотят прикрыть четыре солнца,
и в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям преломиться,
тут саблям поизбиться
о шеломы половецкие
на реке на Каяле, у Дона великого.
О Русская земля — о войны! За холм зашли вы
порубежний!

*

Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на
храбрые полки Игоревы,
Земля гудит, реки мутно текут,
прах поля застилает, плеща, стяги говорят,
половцы идут от Дона и от моря,
со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля преградили,
а храбрые русичи — алыми щитами!

Яр-тур князь Всеволод!
Стоишь на обороне,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шеломы мечами булатными;
куда, тур, ни поскачешь, своим златым шеломом
посвечивая,
там и лежат поганые головы половецкие.
Порублены шеломы аварские саблями калеными
твоими, яр-тур Всеволод!
Что тому раны, братья,
кто забыл почет и богатство, и града Чернигова отчий
злат престол,
и своей милой жены, ясной Глебовны, свычай и обычай.

Были века Трояновы,
миновались лета Ярославовы;
были походы Олеговы, Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал
и по земле стрелы сеял:
вступает в злат стрéмень во граде Тмуторокани,
а уж звон тот слышал давний великий Всеволод, сын
Ярославов,
а Владимир, что ни утро, закладал себе уши в Чернигове;
Бориса же Вячеславича
похвальба на смертный суд привела,
младого и храброго князя,
и на Канине зеленое ложе постлала за обиду Олегову.
С такой же, как ныне, Каялы повез Святополк отца
своего
между ўгорскими иноходцами ко святой Софии к Киеву.

Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалась и прорастала усобицами,
погибала сторона Дажьбожьего внука,
и княжьих крамолах век людской сокращался;
тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вóроны каркали,
мертвечину деля меж собою,
и галки речь свою заводили,
собираясь лететь на поживу.
То было в те битвы и в те походы,
и о такой битве не слыхано.

С рассвета до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шеломах,
трещат копья булатные
и поле незнаемом, среди земли Половецкой.
Черна́ земля под копытами костью была засеяна,
и кровию полита;
горем взошли они по Русской земле!

Что же шумит, что же звенит издалёка
рано пред зорями?
Игорь на бой полки возвращает:
жаль ему милого брата Всеволода!

Билися день, бились другой,
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы,
тут кровавого вина не достало,
тут пир dokonчили храбрые русичи:
сватов напоили,
а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава с жалости,
а древо с печалью к земле преклонилось.

*

Уже невеселая, братья, година настала,
уже Пустыня Русскую Силу прикрывала!
Восстала враждою обида в полках Дажьдбожьего внука,
вступила девою на землю Троянову,
заплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона,
плещучи, прогнала привольные времена!
Война князей с погаными к концу пришла,
ибо сказал брат брату: «То мое, и это — мое же!»
И начали князья про малое «вот великое» молвить,
и сами на себя крамолу ковать,
а поганые со всех сторон приходили с войною и бедою
на землю Русскую.

О! Далекó залетел сокол — к морю, птиц избивая.
А Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Карна,
И Жля побежала по Русской земле,
жар неся погребальный в пламенном роге.
Жены русские восплакались, причитая:
«Уже нам милых своих ни мыслию помыслить,
ни думою вздумать,
ни очами не увидеть,
а златом и серебром подавно не потешиться!»

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от бед и напастей,
тоска разнеслась по Русской земле,
печаль обильная заструилась среди земли Русской.
А князья сами на себя крамолу ковали,
а поганые, с войной и победами рыская по Русской
земле,
дань собирали по векше с двора.

Те два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод,
пробудили кривду самовольством;
он смирил грозою отец их, великий грозный Святослав
Киевский,
устрашил своими могучими полками и булатными мечами,
штурговя в землю Половецкую,
приотптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота,
и поганого Кобяка из лукоморья,
из железных великих полков половецких, словно вихрь,
выхватил,
и пнал Кобяк в граде Киеве,
и гриднице Святославовой.
Тут немцы и венетичи,
тут греки и морава
поют славу Святославову,
корят князя Игоря,
что добро потопил на дне Каялы, реки половецкой.
Злата русского порассыпали!
Тут Игорь-князь пересел из золотого седла да в седло
невольничье!
Приуныли по градам их могучие кремлі, а веселие поникло.

*

А Святослав горестный сон видел в Киеве на горах.
«В ночь сию с вечера одевали меня, — молвил, —
черным покрывалом на кровати моей тисовой,
черпали мне синее, зловещее вино, с горечью смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганых толмачей
скатный жемчуг на грудь, обряжая меня.
Уже доски без матицы в моем тереме златоверхом!
Всю ночь с вечера вещице вѣроны каркали у Плеснеска на
пойме,
прилетели они из мрака ущелья Кисанского
и понесли к синему морю».

И сказали бояре князю:
«Горе, князь, ум одолело:
слетели два сокола с отчего престола золотого
поискать града Тмуторокани
либо испить шеломом Дона.

Уже соколам крылья подрезали поганые саблями,
а самих спутали путами железными.
Ибо темно стало в третий день: два солнца затмились,
оба столпа багряные погасли — помрачились,
а с ними два молодые месяца, Олег и Святослав, тьмою
заволоклись

и в море погрузились.

Дерзость великую придали они пришлецам-хиновé.
На реке на Каяле Тьма Свет покрыла;
на Русскую землю кинулись половцы, словно выводок
барсов

Уже пало Бесчестье на Славу,
уже ударило Насилье на Волю,
уже низринулся Див на землю!
Запели готские красавицы девы на берегу синего моря,
звеня русским золотом;
поют время Бусово,
лелеют месть за беду Шаруканову.
А уже мы, дружина, лишились веселия!»

Тогда великий Святослав изронил златое слово,
со слезами смешанное, молвив:
«О сыны мои, Игорьь и Всеволод!
До времени начали вы Половецкую землю мечами в слезы
вгонять,

а себе славы добиваться,
но не с честью в бой вступили,
не с честью вы кровь поганую прѣблили!
Ваши храбрые сердца крепким булатом окованы,
а в удали закалены!
Что же содеяли вы моей серебряной седине?
А уже не вижу я власти и помощи могучего, и богатого,
и многоратного брата моего Ярослава
с черниговскими вельможами,
с воеводами, со старейшинами, с боярами-шельбирами;
с воинами-топчаками, с богатырями, с храбрецами,
а ведь они без щитов, с ножами засапожными,
кликом полки побеждают,
звеня прадедовой славой!
Но вы сказали: «Поратуем сами,
новую славой одни завладеем — и прежнюю сами
поделим!»

А так ли уж дивно, братья, старому помолодеть?

А ты, буй Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль стремится ум ваш на дело!
Высоко возносишься, плаваешь, Роман, на поднии в
доблести,

будто сокол, на ветрах ширяющий,
пожелавший в лихости птицу одолеть!
Носят войны ваши панцири железные
под шеломами латинскими!

От них дрогнула земля, и многие племена,
враг-хиновá: литва, ятвяги, деремела и половцы —
копья свои побросали,
а головы свои преклонили
под те мечи вороненые.

Но уже, князь, для Игоря померк солнца свет,
а древо не к добру листву обронило:
по Роси и Сулэ грады поделили,
а Игорева храброго полка не воскресить!

Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу
Ольговичи, храбрые князья, уже потрудились в бою!

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича!

Не худá гнезда шестикрыльцы-соколы!

Не по жребьям побед себе волости добыли!

К чему же ваши золотые шелома, и копья ляшские, и щиты?
Загородите врагам ворота своими острыми стрелами
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

*

Уже Сула не течет серебряными струями для града
Переяславля,
и Двина мутью темной течет тем грозным полочанам под
клики поганых.

Один лишь Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами о шелома литовские,
поверг славу деда своего Всеслава,
а сам под красными щитами на кровавой траве
повержен литовскими мечами,
и, с суженою обручась, молвил:

«Дружину твою, князь, птицы крыльями придели, а звери
кровь полизали!»

Не было тут ни брата Брючислава, ни другого —
Всеволода,

одни изронил он жемчужную душу из храброго тела чрез
златое ожерелие!

Приуныли голоса, поникло веселие,
трубы трубят городенские.

Ярослав, также и вы, все внуки Всеславы!
Долу склоните стяги свои,
вложите в ножны мечи свои пощербленные —
ны отбились от дедовой славы!
Вы крамолами своими стали наводить поганых
на землю Русскую,
на волость Всеславу:
из-за усобицы-смуты пришло к нам насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояновом кинул Всеслав жребий о
дэвице, ему любой.
Он, лукавством опершйсь о коней, скакнул к граду Киеву
и коснулся пикой золотого престола Киевского;
прянул от полков лютым зверем в полночь из Белгорода
и взвился в синем облаке,
и наутро вонзил секиры: отворил ворота Новгорода —
расшиб славу Ярославову.
Скакнул волком до Немиги из Дудуток,
на Немиге снопами головы стелют, молотят цепами
булатными,
кладут жизнь на току, веют душу от тела.
Немиги кровавые берега не добром были засеяны —
засеяны костями русских сынов!

Князь Всеслав людей судом судил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал,
из Киева волком дорыскивал до петухов в Тмуторокань;
великого Хорса в пути обгонял-перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрене позвонили в колокола
у святой Софии,
а он в Киеве звон слышал!
Хотя душа ведуна была в храбром теле,
но часто страдал от напастей.
О нем вещей, мудрый Боян еще встарь припевку сказал:
«Ни хитрому, ни гораздому,
ни провидцу гораздому
суда божьего не миновать!»

О! Стонать Русской земле, вспоминая прежнюю годину
и прежних князей!
Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам
Киевским!

А ныне его стяги стали Рюриковы,
а те — Давыдовы.

Но врозь их полотнища веют, розно их копыа поют.

*

На Дунае Ярославнин голос слышится,
безвестною кукушкой рано кличет:
«Полечу,— молвит,— кукушкою по Дунаю,
омочу шелкóвый рукав в Каяле-реке,
отру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна спозаранку плачет в Путивле у бойниц кремля,
причитая:

«О Ветер-ветрило!

Зачем, господин мой, силой встречною веешь,
зачем стремишь вражьи стрелы на своих легких крыльях
на моего лады воинов?»

Мало ли тебе было, высокó под облаками вея, лелеял
корабли на синем море?»

Зачем, господин, мое веселие пó полю ковыльному
развеял?»

Ярославна чуть свет плачет в Путивле-городе на забороле
кремля, причитая:

«О Днепр Словутич!

Ты пробил волной каменные горы среди земли Половецкой,
ты лелеял на струях своих Святославовы лады до полка
Кобякова —

прилелей, господин, моего ладу ко мне, чтоб не слала
к нему слез на море рано».

Ярославна плачет спозаранку в Путивле на стене кремля,
причитая:

«Светлое и тресветлое Солнце!

Всем ты тепло и пригоже!

Зачем, господин мой, простер горячие свои лучи на воинов
лады,

в поле безводном жаждою им луки согнул,
тоскою колчаны замкнул?»

Взбушевалося море полуночью,
вдут смерчи тучами.

Бог Игорю-князю путь кажет
из земли Половецкой в землю Русскую
к отчему златому престолу.

Погасли вечером зори.

Игорь спит — Игорь глядит,

Игорь мыслию поля мерит
от великого Дона до малого Донца.

В полночь Овлур коня свистнул за рекою,
велит князю разуместь:

«Князю Игорю не быть тут!» — кликнул.

Стукнула земля, зашумела трава —
лежи половецкие всполошились!

А Игорь-князь поскакал горностаем в тростник,

слетел белым гоголем на воду;

вскинулся на борзого коня,

соскочил с него волком-оборотнем

и побежал к лугу Донца,

и полетел соколом под облаком,

побивая гусей и лебедей

на завтрак, обед и на вечер.

Когда Игорь соколом полетел,

тогда Овлур волком побежал,

отрясая студеную росу, —

загнали они коней своих борзых!

Донец сказал: «Князь Игорь!

Немало тебе величия,

и Кончаку горевания,

и Русской земле веселия!»

Игорь сказал: «О Донец мой!

Немало тебе величия,

лелеявшему князя на волнах,

стлавшему ему зеленую траву на своих берегах серебряных,

одевавшему его теплою мглою под сенью зеленого древа;

стерег ты его гоголем на воде,

чайками на струях,

чернетьми на ветрах!»

Не такой слывет река Стугна: недобрую струю имея,

проглотив чужие ручьи и воды,

расширясь к устью,

июношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега.

Плачет мать Ростиславова
по юноше князе Ростиславе.
Приуныли цветы в горести,
а древо с печалью к земле преклонилось.

А не сороки застрекотали —
по́ следу Игореву рыщут Гза с Кончаком.
Тогда вброны не каркали,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали,
поползни стихли, ползали только.
Дятлы стуком путь к реке кажут,
соловьи веселыми песнями свет возвещают.

Молвит Гза Кончаку:
«Коли соко́л ко гнезду летит,
Сокб́лича расстреляем своими золочеными стрелами».
Говорит Кончак Гзе:
«Коли соко́л ко гнезду летит,
Сокб́лича мы опутаем красною д́евицею».
И сказал Гза Кончаку:
«Коли его опутаем красною девицей,
не будет у нас соколенка,
не будет и красной д́евицы,
и почнут нас птицы бить в поле Половецком!»

*

Молвил Боян, до него — Ходына, певец Святославов,
слагатели песен о старом времени —
Ярославовом, Олеговом, жены кагана:
«Тяжко тебе, голова, без плеч,
зло и телу без головы», —
Русской земле — без Игоря!

Солнце светится на́ небе:
Игорь-князь — в Русской земле.
Д́евицы поют на Дунае,
выются голоса их через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей.
Рады села, грады веселы!

Спевши песнь старым князьям, надо и молодым запеть:
«Слава Игорю Святославичу,
Вуй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Здравье князьям и дружине,
что встают за христиан на поганые полки!
Князьям слава и дружине!»

Аминь.

1938, 1984

Николай Заболоцкий

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игорево слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь мыслью за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вешему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в гrome дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десятков.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славила старинный,
Где Мстислав Редедю заколол
Перед всей касожскою дружиной,
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.
Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые,—

Взрагивали струны, трепетали,
Сами князьям славу рокотали.

Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края,
Половецким землям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов,—
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Троянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и долы,
То не стаи галочки летят
К Дону на великие просторы!»
Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулою кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»

Часть первая

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй-тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!

Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят».

2

А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скажут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганных полонену!
Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить
В Половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

Игорь-князь во злат стремян вступает,
 В чистое он поле выезжает.
 Солнце тьмою путь ему закрыло,
 Ночь грозою птиц перебудила,
 Свист зверей несется, полон гнева,
 Кличет Див над ним с вершины древа,
 Кличет Див, как половец в дозоре,
 За Сулу, на Сурож, на Поморье,
 Корсуню и всей округе ханской,
 И тебе, болван Тмутороканский!

И бегут, слышав о набеге,
 Половцы сквозь степи и яруги,
 И скрипят их старые телеги,
 Голосят, как лебеди в испуге.
 Игорь к Дону движется с полками,
 А беда несется вслед за ним:
 Птицы, поднимаясь над дубами,
 Реют с криком жалобным своим,
 По оврагам волки завывают,
 Крик орлов доносится из мглы —
 Знать, на кости русские скликают
 Зверя кровожадные орлы;
 На щиты червлёные лисица
 Дико брешет в сумраке ночном...

О Русская земля!
 Ты уже за холмом.

Долго длится ночь. Но засветился
 Утренними зорями восток.
 Уж туман над полем за клубился,
 Говор галок в роще пробудился,
 Соловьиный щекот приумолк.
 Русичи, сомкнув щиты рядами,
 К славной изготовились борьбе,
 Добывая острыми мечами
 Князю — славы, почестей — себе.

На рассвете, в пятницу, в туманах,
 Стрелами по полю полетев,
 Смяло войско половцев поганых
 И умчало половецких дев.
 Захватили золота без счета,
 Груды аксамитов и шелков,
 Вымостили топкие болота
 Епанчами красными врагов.
 А червлёный стяг с хоругвью белой,
 Челку и копье из серебра
 Взял в награду Святославич смелый,
 Не желая прочего добра.

Выбрав в поле место для ночлега
 И нуждаясь в отдыхе давно,
 Спит гнездо бесстрашное Олега,—
 Далеко подвинулось оно!
 Залетело, храброе, далече,
 И никто ему не господин:
 Будь то сокол, будь то гордый кречет,
 Будь то черный ворон — половчин.
 А в степи, с ордой своею дикой
 Серым волком рыская чуть свет,
 Старый Гзак на Дон бежит великий,
 И Кончак спешит ему вослед.

Ночь прошла, и кровавые зори
 Возвещают бедствие с утра.
 Туча надвигается от моря
 На четыре княжеских шатра.
 Чтоб четыре солнца не сверкали,
 Освещая Игореву рать,
 Быть сегодня грому на Каяле,
 Лить дождю и стрелами хлестать!
 Уж трепещут синие зарницы,
 Вспыхивают молнии кругом.
 Вот где копьям русским преломиться,
 Вот где саблям острым притупиться,
 Загремев о вражеский шелом!

О Русская земля!
 Ты уже за холмом.

Вот Стрибожьи вылетели внуки —
 Зашумели ветры у реки,
 И взметнули вражеские луки
 Тучу стрел на русские полки.
 Стоном стонет мать-земля сырая,
 Мутно реки быстрые текут,
 Пыль несется, поле покрывая,
 Стяги плещут: половцы идут!
 С Дона, с моря, с криками и с воем
 Валит враг, но, полон ратных сил,
 Русский стан сомкнулся перед боем —
 Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр-тур Всеволод! С полками
 В обороне крепко ты стоишь,
 Прищешь стрелы, острыми клинками
 О шеломы ратные гремишь.
 Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
 Золотым посвечивая, там
 Шишаки земель аварских с громом
 Падают, разбиты пополам.
 И слетают головы с поганых,
 Саблями порублены в бою,
 И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
 Если жизнь не ценишь ты свою!
 Если ты на ратном этом поле
 Позабыл о славе прежних дней,
 О златом черниговском престоле,
 О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Трояна,
 Миновали Ярослава годы,
 Позабылись правнуками рано
 Грозные Олеговы походы.
 Тот Олег мечом ковал крамолу,
 Пробираясь к отчему престолу,
 Сеял стрелы и, готовясь к брани,
 В злат стремень вступал в Тмуторокани.
 В злат стремень вступал, готовясь к сече,

Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Каніна брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Протянув носилки между вьюков,
Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь, как ворог,
Внук Даждьбога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,
Вороны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова —
С вечера до самого утра —
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

Что там шумит,
 Что там звенит
 Далеко во мгле, перед зарею?
 Игорь, весь израненный, спешит
 Беглецов вернуть обратно к бою.
 Не удержишь вражескую рать!
 Жалко брата Игорю терять.
 Бились день, рубились день, другой,
 В третий день к полудню стяги пали,
 И расстался с братом брат родной
 На реке кровавой на Каяле.
 Недостало русичам вина,
 Славный пир дружины завершили —
 Напоили сватов допьяна,
 Да и сами головы сложили.
 Степь поникла, жалости полна,
 И деревья ветви преклонили.

И настала тяжкая година:
 Поглотила русичей чужбина,
 Поднялась Обида от курганов
 И вступила девой в край Троянов.
 Крыльями лебязьими всплеснула,
 Дон и море оглашая криком,
 Времена довольства пошатнула,
 Возвестив о бедствии великом.
 А князья дружин не собирают,
 Не идут войной на супостата,
 Малое великим называют
 И куют крамолу брат на брата.
 А враги на Русь несутся тучей,
 И повсюду бедствие и горе.
 Далеко ты, сокол наш могучий,
 Птиц бия, ушел за сине море!

Не воскреснуть Игоря дружине,
 Не подняться после грозной сечи!
 И явилась Карна и в кручине
 Смертный вопль исторгла, и далече
 Заметалась Желя по дорогам,
 Потрясая искрометным рогом.

И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром и золотом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.
И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный —
Святослава храбрые сыны, —
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великою грозою
Усыпил отец их Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил —
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил течение быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до Лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал, — и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

Венецейцы, греки и морава
 Что ни день о русичах поют,
 Величают князя Святослава,
 Игоря отважного клянут.
 И смеется гость земли немецкой,
 Что, когда не стало больше сил,
 Игорь-князь в Каяле половецкой
 Русские богатства утопил.
 И бежит молва про удалого,
 Будто он, на Русь накликав зло,
 Из седла, несчастный, золотого
 Пересел в кощеево седло...
 Приумолкли города, и снова
 На Руси веселье полегло.

Часть вторая

1

В Киеве далеком, на горах,
 Смутный сон приснился Святославу,
 И объял его великий страх,
 И собрал бояр он по уставу.
 «С вечера до нынешнего дня,—
 Молвил князь, поникнув головою,—
 На кровати тисовой меня
 Покрывали черной пеленою.
 Черпали мне синее вино,
 Горькое, отравленное зелье,
 Сыпали жемчуг на полотно
 Из колчанов вражьего изделия.
 Златоверхий терем мой стоял
 Без конька, и, предвещая горе,
 Вражий ворон в Плесенске кричал
 И летел, шумя, на сине море».

2

И бояре князю отвечали:
 «Смутен ум твой, княже, от печали,
 Не твои ль два сокола, два чада
 Поднялись над полем незнакомым —
 Поискать Тмуторокани-града
 Либо Дону зачерпнуть шеломом?»

Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились —
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею,
И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье.

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Мечь лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью...
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово,
Со слезами смешанно, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честью в бою
Вражью кровь на землю проливали.

Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.
Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным сединам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время — без щитов,
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы прадедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
«Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую».
Диво ль старцу, мне, помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовом кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой,—
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук,—
Продавали б девок по ногате,
А рабов — по резани на круг.

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
 Смолкли ваши воинские громы.
 А не ваши ль плавали в крови
 Золотом покрытые шеломя?
 И не ваши ль храбрые полки
 Рыкают, как туры, умирая
 От каленой сабли, от руки
 Ратника неведомого края?
 Встаньте, государи, в злат стремень
 За обиду в этот черный день,
     За Русскую землю,
     За Игоревы раны —
 Удалого сына Святославича!

Ярослав, князь Галицкий! Твой град
 Высоко стоит под облаками.
 Оседлал вершины ты Карпат
 И подпер железными полками.
 На своем престоле золотом
 Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
 И народ зовет тебя кругом
 Осмомыслом — за великий разум.
 Дверь Дуная заперев на ключ,
 Королю дорогу заступая,
 Бремена ты мечешь выше туч,
 Суд вершишь до самого Дуная.
 Власть твоя по землям потекла,
 В киевскиеходишь ты пределы,
 И в салтанов с отчего стола
 Ты пускаешь княжеские стрелы.
 Так стреляй в Кончака, государь,
 С дальних гор на врага ударь —
     За Русскую землю,
     За Игоревы раны —
 Удалого сына Святославича!

Вы, князья Мстислав и буй Роман!
 Мчит ваш ум на подвиг мысль живая.
 И несетесь вы на вражий стан,

Соколом ширяясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Сулѣ, по Рóси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингв́арь, князь Всеволод! И вас
Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честнóм
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
    За Русскую землю,
    За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.

Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шелома позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
А сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагренный,
Упал на щит червлёный, простонав:
«Твою дружину, княже, приодели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через золотое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой проклятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Троянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашёл
И примчался к древнему престолу,
И копьём ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем,
И Всеслав, повиснув в синей мгле,

Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на Киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают —
День и ночь снопы кладут на риге,
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав:
Не добром засеял их оратай,
Но костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Всё ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда».

О, стонать тебе, земля родная,
 Прежние години вспоминая
 И князей давно минувших лет!
 Старого Владимира уж нет.
 Был он храбр, и никакая сила
 К Киеву б его не пригвоздила.
 Кто же стяги древние хранит?
 Эти — Рюрик носит, те — Давид,
 Но не вместе их знамена плещут,
 Врозь поют их копия и блещут.

Часть третья

1

Над широким берегом Дуная,
 Над великой Галицкой землей
 Плачет, из Путивля долетая,
 Голос Ярославны молодой:
 «Обернусь я, бедная, кукушкой,
 По Дунаю-речке полечу
 И рукав с бобровою опушкой,
 Наклонясь, в Каяле омочу.
 Улетят, развеются туманы,
 Приоткроет очи Игорь-князь,
 И утру кровавые я раны,
 Над могучим телом наклонюсь».
 Далеко в Путивле, на забрале,
 Лишь заря займется поутру,
 Ярославна, полная печали,
 Как кукушка, кличет на юру:
 «Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
 Что клубишь туманы у реки,
 Стрелы половецкие вздымаешь,
 Мечешь их на русские полки?
 Чем тебе не любо на просторе
 Высоко под облаком летать,
 Корабли лелеять в синем море,
 За кормою волны колыхать?
 Ты же, стрелы вражеские сея,
 Только смертью веешь с высоты.
 Ах, зачем, зачем мое веселье
 В ковылях навек развеял ты?»

На заре в Путивле, причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь помчался к северу родному —
Сам господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит.
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
Вздогнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.

В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь

И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.

Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.

Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.

Без дорог летит он, без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит.

Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы, Игоря встречая,
Стуком кажут путь к реке.
И, рассвет веселый возвещая,
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея,
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратись».
— «О река! — ответил князь. — Немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.

И когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою,
Чайка князя в небе стерегла».

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав,
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Преклонилось дерево к земле.

6

Не сороки во поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца —
Кони половецкие топочут,
Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетает в терем,
Соколенок попадет впросак —
Золотой стрелой его подстрелим».
И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколенок попадет впросак —
Мы его опутаем девицей».
— «Коль его опутаем девицей,—
Отвечал Кончаку старый Гзак,—
Он с девицей в терем свой умчится,
И начнет нас бить любая птица
В Половецком поле, хан Кончак!»

7

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».

Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
Игорь-князь явился на Руси.

Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.

По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей Богородице святой.

И страны рады,
И веселы грады.

Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:

Слава князю Игорю,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!

Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князьям, и дружине слава!

1946, 1958

Александр Степанов

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Негоже было бы, братья,
начать нам по-прежнему словами славы
скорбное повествование
о походе Игоревои,
Игоря Святославича!
То ведь начаться песне
быльи нашего времени,
а не по воле Бояна.
Вещий Боян, бывало,
захочет ли кому песнь творить,
по мысленному древу раскинется:
серым волком по земле,
сизым орлом под облаком,—
вспоминал-то он, сказывая,
битвы давних времен!

Напускал тогда он десять соколов
на стаю лебедей,—
какую лебедь настигнет сокол,
та первой и пела песнь:
Ярославу Старому
или Мстиславу Храброму,
кто заколол Редедю
пред войском черкесским,
или Роману Красному Святославичу...

А Боян, братья,
то не десять соколов напускал
на лебедей стаю —

он свои пальцы кудесника вскладывал
на живые струны,
и те сами славу князьям
рокотали...

Начнем, братья, доскажем
повествование это
от Владимира Старого
до нынешнего Игоря:
как он мысль свою
крепостью своею напруг,
сердце мужеством
завострил
и, ратного духа полный,
навел
свои храбрые полки
на Половецкую землю —
за Русскую землю!

В ту пору Игорь
взглянул на светлое солнце
и видит:
тьмой от него
покрыло воинов его всех.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше иссеченным быть,
нежели плененным быть.
А сядем, братья,
на своих быстрых коней
да и посмотрим
синий Дон!..»

Вспало на душу князю желание
Дон великий испытать,
и ему недоброе знамение
оно застлало.
«Так хочу же, — сказал, —
преломить копьё
на том ли крае поля Половецкого!
С вами, сыны русские,
сложить голову,
а либо испить шеломом
Дону!..»

О Боян,
соловей времени былого,
ты бы защелкал-запел
этим полкам!
Раскинешься, соловей, по мысленному дереву —
летая думой под облаком,
свивая славу вокруг сего времени,
рыская тропой былой Трояновой
через степи и горы, —
и так бы запел ты Игорю,
Троянову внуку:
«То не буря
соколов занесла за поля широкие,
то не галочки стаи несутся
к Дону великому...»

А не запеть ли, вещей Боян,
Велеса внук:
«Кони ржут за Сулою —
звенит слава в Киеве...
Трубы трубят в Новгороде,
стоят полки в Путивле!
Брата милого, Всеволода,
ждет Игорь...»

Так ведь сказал ему
Ярый тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый —
ты, Игорь,
Святославичи мы!
Брат, седлай своих быстрых коней,
а мои — наготове,
впереди, за Курском, оседланы.
А куряне у меня —
люди испытанные.
Под трубы дружины спеленуты,
под шеломами баюканы,
у острия копья возвращены...
Дороги им ведомы,
кручи — изведаны!

Луки у них расправлены, колчаны открыты,
сабли изострены.

А скачут — что серые волки полем,
чести ища себе,
князю — славы...»

Той порой Игорь-князь
ступил в стремя золотое
и поехал чистою степью.

Солнце
путь ему тьмой заступало,
ночь —
стоная грозой.

Птичий свист пробудился,
зверье встает.

Взвился див на стяге,
кличет на верху древка:
смириться велит земле незнаемой,
Волге, и Поморью, и Посулью,
и Сурожу, и Корсуню,
а и тебе,
каган Тмутороканский!

Но половцы
неезженными дорогами
бегут уже на великий Дон.
Телеги средь ночи —
кричат,
сказать, лебеди всполошённые...

А Игорь воинов к Дону ведет!
Птица пред ним
по дубам
от беды хоронится,
волки тревогу навывают по ярам,
орлы клекотом
на конские кости зверье накликают,
лисы лают
на щиты красные...

О Русская земля,
уже за холмом ты!

Долго ночь меркнет,
заря свет заронила,
по степи туман стелется,

щекот соловьев уснул,
галочий говор проснулся...
Степь великую
русские,
переходя,
красными щитами перегородили,
честь ища себе,
князю — славы.
С зарей, в пятницу рано,
смяли они половцев поганые полки
и, разметавшись стрелами по степи,
умчали
красных девушек-половчанок,
а с ними
и золото, и шелка, и бесценные бархаты.
Шубами, плащами, попонами
гати мостили
по болотам и грязям,
а и всяким ряженьем половецким...
Алое древко и хоругвь белая,
алая челка и копьё серебряное —
смелому Святославичу!

Дремлет в степи
Олегово гнездо храброе.
Залетело — далёко.
Не на обиду рождено
ни соколу, и ни кречету,
и ни тебе, ворон черный,
поганый половчанин...

Гзак серым волком бежит,
Кончак ему следом своим
путь пролагает
к великому Дону...

На другой день
с самой рани
кровавые зори возвещают рассвет.
Черные тучи идут с моря,
Четыре солнца покрыть хотят,
и синие молнии в них трепещут.
Быть грому великому,

стрелами
дождю идти с Дона!
Ломаться здесь копьям,
биться здесь саблям о шелома половцев,
как на той ли, сказать, Каяле,
у великого Дона...

О Русская земля,
уже за холмом — не ты!

То ветры, Стрибоговы внуки,
с моря стрелами веют
на храбрые Игоревы полки.
Земля гудит,
реки, замутились, текут,
поле пылью прикрыло.
Стяги дозорных повешают:
Половцы идут!
И от Дона, и от моря,
и от всех земель своих...

И обступили они русские полки.

Бесово племя
кликом степь перегородило,
а уже русские, храбрые,
загородили ее
красными щитами.

Ярый тур Всеволод,
бой принимаешь — ты!
Осыпаешь воинов стрелами
и гремишь по шеломам мечами
блистающими...
Где, тур, ни проскачешь,
посвечивая шеломам своим золотым,
там лежат
головы окаянные половецкие.
Расколоты калеными саблями
шеломы аварские,
ярый тур Всеволод,
тобою!

Что́ ему раны, братья милые!
Всё забыто:
где честь — где жизнь,
и Чернигова-города отчий престол золотой,
и желанная, краса его Глебовна,
с ее ласкою-обхождением...

Были века Трояновы,
миновали Ярославовы лета...
И были походы Олеговы,
Олега Святославича.

А тот Олег
ковал мечом своим — распрю
и далеко по земле стрелы сеял.

Он в Тмуторокане-городе
ступает в стремя золотое
(не тому ли звону внимал и встарь
великий Ярослав!), —
а Владимир, Всеволодов сын,
сев в Чернигове,
что ни утро зажимает уши...

Бориса же Вячеславича
завела слава на суд божий,
по зеленому берегу Канины
покров постлала,
за Олегову печаль и обиду его —
молодого, смелого князя...

С той Канины
Святополк вез отца своего,
покая меж иноходцев венгерских,
ко святой Софии, к Киеву...

Тогда, при Олеге Гориславиче,
усобицей сеялось всё и взрастало!
Гибло племя Дажьбогова внука,
в усобицах княжьих
скоротались дни человека.
Редко тогда по Русской земле
пахари покрикивали,
но часто в ту пору вороны кричали,
поделяя друг с другом трупы,
да галки говором своим гомонили:
хотят лететь на поживу...

То было в те войны,
в те походы,
а о такой битве и не слыхивали!
С зари и до вечера,
с вечера и до света
летят каленые стрелы,
гремят о шелома сабли,
трещат копыя блистающие
в поле неведомом,
среди земли Половецкой.
Земля — уже черна под копытами,
костью засеяна
и полита кровью.
И взошли они
горем
по Русской земле...

Что мне шумит, что звенит?
Этим утром, перед ранними зорями,
Игорь полк свой переводит вперед!
Брата жаль ему милого, Всеволода...
Тот день бились. И другой день бились.
К полудню третьего дня
Игоревы стяги пали.
Тут и разлучились братья,
на берегу той Каялы...
Недостало тут вина кровавого,
тут покончили пир дружины храбрые Руси.
Сватов — напоили,
а сами
за Русскую землю
полегли.

Трава в жалости никнет,
дерево печалью клонит
к земле.

То ведь, братья,
недобрые времена настали:
какую силу пустыня прикрыла,
и встала Обида среди сил...

Дажьбогова внучка
вступила девою на землю Троянову!

Лебедиными крыльями восплескала
на синем море, у Дона:
плеская,
пробудить бы ей добрые времена!..

Ополчению князей на степняков
кончаться!
Когда и брат брату сказал:
«Это — мое, а и то — мое».
И пустились князья
пустое нарекать меж собой: «Великое!» —
и сами беду себе ковать.
А степняки
со всех сторон нарыскивали с победами
на Русскую землю...

О, далече сокол занесся, птиц побивая, —
к морю!
А храбрых Игоревых полков
не воскресить...
К ним — крик вопленицы!
И горевестница с жалостью метнулась
по Русской земле,
людям раскидывая пепел
в пламенном роге...

Восплакались в голос
русские женщины!
«Уже нам своих милых лад
ни мечтою не примечтать,
ни думою сдумать,
ни очами оглянуть,
и уж ни золота-серебра
для них наскресть, —
не вызволить...»

Застонал, о братья, Киев в скорби
и Чернигов в недоле своей,
тоска разливом пошла по земле Русской,
печаль тяжелая потекла
в глубь Русской земли.
Князья сами
ковали себе беду,

а степняки,
с победами на Русскую землю нарыскивая,
сами дань изымали,
белкой — по связке от двора!

Двое и этих смелых Святославичей,
Игорь и Всеволод,
пробудили кознь
и вражду...

Ее было утишил отец их грозный,
Святослав Киевский великий:
грозой ударил —
сильными своими полками,
в блеске мечей.

Вступил в Половецкие земли,
утоптал, сровнял холмы с оврагами,
взмутил озера и реки,
иссушил родники и топи...

А Кобяка поганого
из станových полков
латников половецких лукоморья
выхватил вихрем!

Упал Кобяк в стенах Киева,
на судном дворе Святослава...

То и немцы, и венецианцы,
то и морава, и греки
славословят Святослава,
а Игоря-князя жалеют:
какую силу он погрузил
на дно Каялы!

Реки половецкие русским золотом
засыпали...

Тут сошел Игорь-князь с седла золотого,
сел в кочевничье.

Уныло стоят стены градские,
и сникло веселие...

А Святослав в Киеве, на горах,
тревожный сон видел.
«Этой ночью, — поведал, — обряжали меня
с вечера
на кровати кедровой
в покров черный

и уже черпали для тела моего синее вино,
мутное,
с горечью смешанное.
На грудь мне крупный жемчуг
сыпали
колчанами тощими нелюбых мне
перебежчиков...
И убирают меня:
уже доски врозь — без конька —
на тереме моем златоверхом...
И всю-то ночь, с вечера,
кричали
вороны зловещие,
на Плеске у дебри Кияни были,
на всполье,
и понесло их к синему морю...»

Бояре говорят князю:
«Это душу, княже, твою
похитила горесть!
То ведь два сокола отлетели
от золотого отчего престола
добыть ли града Тматороканя,
а либо испить шеломом Дону...
Да крыльица соколѧм
саблями поганых подрезали,
а самих
путами окружили железными.
Темно и стало в тот день, в середу,
два солнца померкли,
обоих столпы багряные погасли,
а с ними и молодые месяцы.
Старый Олег и Святослав тьмою заволоклись
и за морем закатились!
На реке Каяле тьмою
свет сокрыло...»

И дерзости превеликой
не то ли придало гунну!
По Русской земле пораскинулись половцы
гнездом гепардов ловчих...
И занеслася хула
над славой,

и громит насилие
волю вольную,
и повергся див с древка на землю...

Да теперь и красные девушки готские
запели на берегу того синего моря,
звеня остальным золотом русским;
время, поют, вещее — переменчиво!
Лелеют мечь Шарукану...
А ведь и мы, дружина,
жаждем веселия!..»

Тогда великий Святослав
слово золотое проронил,
со слезами слитое.
Сказал:
«О дети вы мои,
Игорь и Всеволод!
Рано собралися
земли Половецкой слезы исторгать
мечами,
поискать свою славу.
Но не чести восхитили,
не с честью и поганую кровь пролили...
Вас обоих сердца храбрые
кованы в жаре железном,
в ветре буйном закалены,
а вот чем одарили вы
серебряные седины мои!

Но и не вижу тут воли
сильного и богатого многою ратью
брата моего Ярослава,
с его черниговскими воеводами,
с их могутами и топчаками,
альбир-сальбирами,
а и с татранцами и ругодянами —
выезжими людьми нашими:
те были без щитов,
при ножах засапожных,
кликлом побеждают полки,
перезваниваясь с прадедами славой...
Но вы сказали:
«Мужаться — самим!

Славой пред нами сами поделимся,
то и прежнюю возьмем!..»

А диво ли было бы
брату старому помолодеть?
Сокол, когда в линьке побывает,
взбивает высоко птицу...
Он не даст гнезда своего
в обиду...
То-то и зло,
мне князья не пособят:
в ничто время давешнее оборотилось...
О, это под Римовом кричат,
под половецкими саблями,
раны наносят
Володимиру...
Тяжко, скорбно тебе, сын
Глебович...»

СЛОВО ПЕСНОТВОРЦА
К ВОЕНАЧАЛЬНИКАМ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Ты, князь великий, Всеволод!
И не запала дума
перелететь тебе издалеча,
отчий престол золотой
поберечь!

А можешь ты
раскропить Волгу веслами,
вычерпать Дон шеломами...

Будь ты —
по куне полонянке быть,
по полкуны — пленнику.

А и можешь ты по сухой степи
живой огонь метать самострелами,
как с удалыми сынами Глебовыми...

Ты, ярый Рюрик, и ты, Давыд!
Не у вас ли
золоченые шелома вражьи
по крови плавали!
Не у вас ли храбра дружина!
Словно рыкают туры,
раненные саблями калеными
в дикой степи...

Вступите, государи,
в стремяна золотые —
за обиду сей поры,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
ярого Святославича!

Галицкий Ярослав Осмомысл!
Высоко сидишь
на своем златокованом престоле.
Подпер горы Венгерские
железными своими полками,
заступив пути королю,
затворив Дунаю ворота...

Перебрасывая своих воинов сильных
через горные облака,
суд вершишь до самого Дуная.
Грозы твои растеклись по землям,
и отворяешь ворота Киеву...
Стреляешь ты
с золотого отчего престола
в салтанов за далекими землями.
А стреляй же, государь,
Кончака, степняка-раба —
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
ярого Святославича!..

И ты, ярый Роман, с Мстиславом!
Души смелые
направляют ум ваш на дело!
Высоко всплываешь
на подвиг —
так сокол держится на ветрах,
желая птицу, в отваге, с высоты ударить...

А люди не у вас ли — железные,
под шеломами латинян,
от которых земля потряслась!
И многие племена, гуннам подобные, —
литвины, ятвяги,
прусы и половцы —

опустили копыя свои
и головы преклонили
под те их мечи блистающие...

А ведь Игорю, князь,
свет солнца померк!

И не добром
обронило дерево листву —
города по Роси и по Суле
отторгли...

Не воскресить
храбрых полков Игоревых.

Князь, тебя Дон кличет,
сзывает он князей на победу.
А Ольговичи, князя храбрые,
те поспели уже на бой.

Ингварь и Всеволод!
И вы, все трое Мстиславичей,
не простого гнезда соколá, шестикрылые!

Не победами ли
уделы
под свою власть оттягали!
Что же ваши золотые шелома,
и копыя польские, и щиты!
Загородите ворота степи
острыми стрелами своими!

За землю Русскую,
за раны Игоревы,
ярого Святославича.
Ведь уже не течет Сула струями серебряными
для Переяславля-града,
и Двина болотом течет
для тех ли грозных полочан,
под клич половецкий.

Один был
Изяслав Василькович, —
прозвенел
острыми мечами по шеломам литовским,
побил
славу своего деда, Всеслава,
а сам,
под красными щитами,

на траве кровавой,
побит мечами литовскими.

Изошла юная кровь,
а он только и сказал себе:

«Дружину твою, князь,
птицы крылами как приодели!

А кровь — звери слизали...»

Не случилось тут
ни брата, Брячислава,
ни друга, Всеволода...

Один,

изронил он свою жемчужную душу
из сильного тела

через ожерелье золотое...

Уныли голоса, и сникло веселие.

Не гродненские ему трубы трубят...

Ярослав! И вы, сухие внуки Всеславы!

Опустите же друг перед другом
стяги свои,

в землю вонзите мечи свои —
иззубренные!

Далёко отскакали от дедовской славы!

То ведь неладами своими
вы начали наводить степняков
на землю Русскую —
на добро Всеславово...

Братья, с распри и пошло насилие
от земли Половецкой...

На седьмом Трояновом веке

Всеслав кинул жребий
о девице, ему милой:

ухитрясь, посадил себя на коня!

И подскочил к Киеву-городу,
и коснулся копьем киевского престола
золотого,

а поскакал от них диким зверем
среди ночи —

из Белгорода,

объяв себя облаком синим...

Он, уловив удачу,
с трех кустов — капищ былых —
с трех концов отворил ворота Новгороду,
перешиб славу Ярослава,
а волком скакал до Немиги-реки...
Дуют ток на Немиге: снопы стелют

головами,
молотят —

цепами блистающими,
жизнь кладут на току,
веют —
душу от тела...

Немиги берега кровавые
не добром были сеяны,
сеяны костями сынов русских.

Всеслав-князь
людям суд судил,

князьям волости делил,
а сам волком рыскал в ночи!
Из Киева до Тмутороканя
до ранних петухов дорыскивал,
Хорсу великому ход
волком перебежал.

Ему в Полоцке прозвонят колокола рано
к заутрене у святой Софии,
а он всё еще киевский звон слышит...

Хоть и вещая душа,
а и в другом бывала теле,
он частые беды терпел...

О нем наперво
вещий Боян,
понимаючи,

и припевку сказал:
«Ни хитрому, ни гораздому,
ни с птицей вещуну гораздому
суда божия не минуть...»

О, стонать Русской земле,
вспомнив начальные времена
и первых князей...

Того ли Владимира Старого
приковать было к горам Киевским!

А ныне вот встали его стяги —
одни Рюриковы, а те и Давыдовы,
врозь
концы их раскинуты
и копья...

На Дунае голос слышать
Ярославны.
Кукушкою кличет безвестною
рано.
«Полечу, — говорит, — кукушкою одинокою
по Дунаю...
А я рукав примочу бобровый
в Каяле-реке,
князю раны утру кровавые
на его жарком теле...»

Раннею ранью Ярославна плачет
на стене Путивля,
зовет:

«О Ветер, Ветрило!
За что, господине, силою возвеял?
Что же крыльями легкими своими
стрелоньки степные наносишь
на воинов моего лады?
Знать, мало тебе было в небеси
под облаком веять,
корабли на синем море качая...
Что же веселие мое, господине,
по ковылю развеял?...»

Раннею ранью Ярославна плачет
на стене Путивля-города,
зовет:

«О Днепр Словутич!
Ты и горы каменные пробил
через земли Половецкие,
а и лелеял ты на себе ладьи
Святослава
до Кобякова стану,

прилелей, господине, моего ладу ко мне!
Да не шлю к нему на море слез...
Рано...»

Раннею ранью Ярославна плачет
на стене Путивля,
зовет:

«Светлое Солнце, тресветлое!
Для всех-то красно ты и тепло.
О, господине...

Что же ты простерло луч горячий
над воинами лады...
Во поле безводном
жаждою им луки свело,
горечью им колчаны
забило...»

Вздуваться стало море,
к северу смерчи идут с облаками —
бог указывает Игорю-князю пути
из Половецкой земли
на Русскую землю,
к отчему престолу золотому...

Зори вечерние погасли.
Игорь спит — Игорь бодрствует!
Игорь в мыслях степь померивает
от великого Дона к Донцу малому
конем...

В полночь свистнул Лавор
за рекой:
велит разуметь князю...
И как не было здесь князя Игоря!

Загудело —
ударило смерчем о землю,
прошумели травы,
разметало шатры половецкие...
И тогда Игорь-князь
пробежал в камыши горностаем
и — на воду,
гоголем белым...

Вспрыгнул
на коня резвого —
да соскочил с него волком быстрым!
И к полесью Донца понесся,
а там — соколом,
пролетая пони́зу туманов,
подбивая гусей да лебедей —
к завтраку ли, обеду-ужину...

А как Игорь соколом полетел,
Лавор — волчьим бегом побежал,
отрясая собою
студеные росы:
ведь вконец перетружены
их горячие кони...

Сказал Донец:
«Княже Игорь,
немало тебе величия,
а Кончаку немилости,
а Русской земле радости...»

И сказал Игорь:
«О Донец,
немало величия тебе! —
как лелеял ты на волнах
князя,
как стелил ему зелены травы
на серебряных своих берегах,
одевал его
туманами теплыми
под тенью зелена дерева,
как стерег его —
гоголем белым в заводи,
чайками на струях,
черной утицею на ветрах...»

Не такова, сказать, Стүгна-река:
струясь мелко, — худа!
Чужой стороны ручьи поглотив
и в потоке растекшаяся,
скрыв кусты,
князя юношу Ростислава
притворила на дне
у темного берега...

Плачет мать Ростислава
по юному Ростиславу-князю,
поникли цветы в жалости,
и дерево скорбью к земле преклонило...

Не сороки ли застрекотали?
Вослед Игорю
проехали
Гзак с Кончаком...

Да в ту пору вороны там не каркали,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали,—
сторожко по лознякам
беглецы ползли!

И только дятлы тѣктом своим
путь к реке указывают,
когда еще соловьи веселыми песнями
возвещают рассвет...

Говорил Гзак Кончаку:
«Коли сокол ко гнезду летит,
соколенка прострелим
стрелами позлащенными!»

Отвечал Кончак Гзаку:
«Коли сокол ко гнезду летит,
соколика опутаем
дѣвицею красной!»

Но Гзак Кончаку сказал:
«Когда опутать его
дѣвицею красной —
ни нам соколика,
ни красной дѣвицы,
а там и нас же забьют соколá
в Половецкой степи...»

Реку Бояново, Ходына,
Святославов песнотворец,—
написанное Ярославу
в старые времена Олега-князя,
в харатье:
«Тяжко голове
без плеч,

как зло и телу без головы!» —
тебе, Русской земле,
без Игоря.

Солнце на небе светится:
Игорь-князь в Русской земле!

Дёвицы, подружки Ярославны,
поют на Дунае —
вьются голоса через море
к Киеву.

Игорь едет по Боричеву в гору
к Пирогощей
святой матери божией.
Рады земли,
веселы города.

Слета песнь
старшим князьям,
пора петь
и молодым!
Слава!..

Игорю Святославичу,
Ярому туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу —
слава!

Здравствовать вам,
князья и дружины,
за христиан
побороть идущим
поганые полки.

Воистину слава
князьям и дружине!

Так седлай же, брат,
ты борзых коней,—
а мои у Курска оседланы.
А куряне — бойцы бывалые:
рождены под трубами,
взлелеяны под шлемами,
с конца копья вскормлены;
им дороги ведомы,
все овраги знаемы,
луки их натянуты,
колчаны отворены,
сабли их отточены;
словно волки серые,
скачут они по полю,
ища себе чести,
а князю — славы!»

И взглянул тогда Игорь на светлое солнце,
и увидел он воинов, тьмою прикрытых...
И сказал он дружине:
«Дружина и братья!
Быть уж лучше убитым, чем пленником быть!
Сядем, братья, на быстрых коней,
да поскачем,
да на синий на Дон хоть посмотрим...»
Склонился
князев ум пред желаньем — и знаменье было
жаждой Дона великого заслонено.
«Я хочу на краю Половецкого поля
преломить копие,— так сказал он дружине,—
вместе, русичи, либо мы голову сложим,
либо Дону шеломом сумеем испить!»

И вступил тогда Игорь
во стремя золотое,
и поехал по чистому полю... А солнце
тьмой затменяя дорогу ему преграждало;
ночь грозой застонала и птиц пробудила;
свист звериный раздался,
и Див на вершине
закричал,
чтоб слышали незнаемы земли,
да Поморье,
да Волга,

вместе с челкой червленой и белой хоругвью
Святославичу храброму
в битве достались!

Дремлет в поле Олега гнездо удалое.
Далеко залетело!

А рождено было
не в обиду ни соколу в небе,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон с земли Половецкой!

Гзак бежит серым волком
к великому Дону,
путь Кончак ему кажется...

Назавтра под утро
первый свет возвещают кровавые зори,
тучи черные движутся с моря, как будто
тьмой окутать четыре задумали солнца,—
и трепещут в них синие молнии грозно...
Быть великому грому!

И стрелами с Дона
тут пролиться дождю! Изломиться тут копьям
и побиться тут саблям о вражьи шеломы
на Каяле-реке, у великого Дона!
О Русская земля!
Уже ты за холмом!

Ветры, внуки Стрибога, от синего моря
веют стрелы на воинов Игоря храбрых...
Загудела земля, реки мутными стали,
пыль прикрыла поля, стяги в битве глаголют:
с Дона половцы, с моря идут — отовсюду,
войско русское с разных сторон обступают!
Дети бесовы кликом поля преградили,
преградили и воины князя — щитами.

Яр-тур Всеволод!
Стойко в сраженье стоишь ты!
Прыщешь стрелы в поганых, гремишь о шеломы
ты булатным мечом;

и куда ни поскачешь,
князь, посвечивая золотым своим шлемом,—
там лежат половецкие голсы всюду.

Рассекаешь калеными саблями храбро
ты аварские шлемы,
тур Всеволод!

Ран ли
убояться,
о братья,
забывшему в битве
достоянье и род,
и Чернигов, в котором
отчий стол золотой,
и желанной, прекрасной
Ольги Глебовны милой
обычай, свычай?

Были века Трояна. Прошли Ярослава годы.
Были походы Олега.

Мечом он ковал раздоры
и стрелы над Русью сеял...
В златое вступает стремя
в городе Тмуторокани —
такой же звон уже слышал
князь Ярослав великий...
Сын Всеволода, Владимир,
в Чернигове даже утром,
страшась, запирает ворота.

А князь Борис Вячеславич,
и молодой, и храбрый,
за похвальбу и лихость
на суд приведен был божий,
и в наказанье
саван
зеленый ему был послан
возле реки Канины —
за обиду Олега...

И с той же самой Каялы
отца Святополк отправил
меж угорских иноходцев
в Киев, к святой Софии.

Олег Гориславич княжил —
сеялось, прорастало
распрями —

и погигало
богатство Дажьбожа внука.

Тогда в усобицах княжьих
и век людской сокращался.
По Русской земле в то время
покрикивал пахарь редко,
вороны ж граяли часто,
деля меж собою трупы,
да галки вели свои речи,
сбираясь лететь на добычу.

То было в те давние войны,—
такой же не слыхано рати!
С утра до зари до вечерней,
с вечерней зари и до света
летят каленые стрелы,
гремят о шеломы сабли,
трещат булатные копыя
среди земли Половецкой
в неизвестном поле...

Костями
черна земля под копытом
засеялась, кровью полилась —
и горе взошло на Русь!

Что шумит-звенит издалека мне
рано, до зари, на поле боя?
Игорь оборачивает войско:
мила брата Всеволода жалко...
Бились они день, другой...

На третий
к полдню пали Игоревы стяги.
Тут, на берегу Каялы быстрой,
разлучились братья... Недостало
тут вина кровавого... Тут пир свой
русичи окончили:

и сватов
попили, и в бою том сами
голову за Русь сложили.

Никнет
в жалости трава, к земле родимой
дерево с тоскою преклонилось...

Вот уж невеселая година
наступила, братья... Уж пустыня
нашу рать прикрыла...

И Обида

встала среди войск Дажьбожа внука,
девою вступила в край Троянов
и на синем море, возле Дона,
плещет лебедиными крылами,
прогоняя времена обилья...

А борьба князей против поганых
прекратилась,

и сказал брат брату:

«То мое, и это всё — мое же!..»
Называли малое великим
и крамолу на себя ковали,
а войска поганых отовсюду
шли на землю Русскую с победой!

О, далече залетел ты, сокол,
избивая птиц,— до синя моря!
Вот твое не воскресить уж войско!
Жля и Карна кликнули печально,
поскакали по Руси, кидая
людям жар из пламенного рога!

Жены приговаривают, плача:

«Мыслью

своих милых

нам не смыслить,

думой

своих милых

нам не сдумать,

нам очами

милых не увидеть,

серебра и злата

не потрогать!»

Застонал от горя Киев, братья,
застонал Чернигов от напастей.
Разлилась тоска землю Русской,
потекла печаль по ней обильно,—
а князья себе куют крамолу,
а враги кругом победно рыщут,
дань собирают со двора по белке.

Потому что Всеволод и Игорь,
двое Святославичей бесстрашных,
половцев коварство пробудили;
было усыпил его

грозою

Святослав, князь Киевский, отец их:
сильными прибил его полками,
устрашил булатными мечами,
смело наступил на землю вражью,
притоптал холмы ее, овраги,
замутил и реки и озера,
иссушил потоки и болота.

А Кобяк поганый с Лукоморья,
от полков железных половецких
словно вихрем был исторгнут...

Пал он

в гриднице, в плену у Святослава...

Тут уже венетици и немцы,
тут уже и греки, и моравы
запевают славу Святославу,
Игоря оплакивают князя,
что на дне Каялы половецкой
потопил богатство и насыпал
много злата русского...

Тогда-то

пересел ты из седла златого,
Игорь-князь, в невольничье седло!
Приуныли городские стены,
и веселье на Руси поникло.

Святославу в Киеве приснился
смутный сон.

«Меня,— сказал он,— ночью
одевали черным покрывалом
на кровати тисовой...

Черпали

синее вино, смешавши с горем.
Из пустых колчанов половецких
сыпали на грудь мне крупный жемчуг,
нежили...

И без князька на кровле
видел я свой терем златоверхий...

Всю-то ночь от вечера кричали
вороны у Плесеньска на пойме,
где в предградье дебрь стоит Кияня,—
и неслись они до синя моря!»

И бояре отвечали князю:
«Горе, княже, ум твой полонило:
это ведь два сокола слетели
с отчего престола золотого,
пожелав добыть Тмуторокани,
пожелав испить шеломом Дону!
Подсекли уж соколам обоим
крыльица их

саблями поганых,
а самих в железные путины
половцы опутали...

Темно ведь
было в третий день:

тогда два солнца,
два столба багряные погасли;
с ними же два месяца молодые,
Святослав с Олегом, тьмой прикрылись,
в море погрузились —

и проснулась
смелость превеликая в поганых...
Тьмою свет покрылся на Каяле,
и, подобно выводку гепардов,
половцы землей промчались Русской.
Заслонил позор былую славу,
волю уж ударило насилье,
Див на землю Русскую низвергся...
Красны девы готские у моря,
золотом позвякивая русским,
весело поют про время Буса
да лелеют месть за Шуракана.
...Мы уже, дружина, без веселья...»

И тогда-то Святослав великий
изронил свое златое слово,
со слезами смешанное...

Рек он:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!

Начали рано земле Половецкой
вы досаждать, а себе искать славы.

Но ведь без чести вы одолели,
кровь ведь без чести

поганую пролили.

Храбрые ваши сердца из булата
крепкого скованы и закалёны
в смелости.

Что ж сотворили серебряной
вы седине моей? Что ж Ярослава
власти не вижу — богатого, сильного,
войском обильного брата,
вместе с боярами града Чернигова
да с воеводами... Вместе с татранами,
вместе с шельбирами и с топчаками,
вместе с ревугами и с ольберами, —
те ж,

с засапожными только ножами,
кликом полки без щитов побеждают,
в прадедов славу звоня...

Вы же сказали:

«Поратуем сами,
славу былую себе мы похитим,
славу грядущую — сами поделим!»
Старому помолодеть ведь не диво:
ежели сокол, мужая, линяет —
птиц он высоко взбивает, в обиду
выводок свой

никому не дает он.

Зло только в том,

что князья мне не в помощь!

Худо теперь времена обернулись:
под половецкими саблями в Римове
люди кричат,

князь Владимир — под ранами;
горе, тоска сыну Глеба — Владимиру!»

Всеволод-князь!

Неужели и в мыслях
нет у тебя:

прилететь издалече,
отчий престол золотой поблюсти?
Веслами Волгу ты мог расплескать бы,
Дон ты шеломами вычерпать мог бы!..

Был бы ты здесь —

по ногате тогда бы
тут продавали невольниц...

Резану

стоил бы раб...

Ты ведь посуху даже
копьями можешь сражаться живыми —
храбрыми Глебовыми сыновьями!

Ты, буйный Рюрик, с Давыдом!

Не ваши ль

воины позолоченные шлемы
в кровь окунали?

Не ваша ль дружина

храбрая рыкает, турам подобно,
ранена саблями в поле неизвестном?

Вы, государи, вступите в злат стремень,
мстя за обиду этого времени,
за землю Русскую,
за раны Игоря —
буйного Игоря Святославича!

Князь Осмомысл Ярослав!

На высоком

на златокованом сидя престоле,
горы Венгерские ты подпираешь
войском железным своим,

заступаешь

путь королю ты...

Дунаю ворота

ты затворяешь,

и тяжести мечешь

через облака,

и рядишь до Дуная

суд свой.

По землям текут твои грозы,
Киеву ты отворяешь ворота
и в чужеземных салтанов стреляешь
с отчего ты золотого престола.

Смело стреляй в Кончака, господине,
в раба поганого,

в половецкого, —

за землю Русскую,

за раны Игоря —
буйного Игоря Святославича!

Буйный Роман со Мстиславом!

На подвиг
храбрые мысли ваш ум увлекают,
и высоко, князь Роман, ты взмываешь —
сокол, отважно парящий на ветрах,
в смелости одолевающий птицу!
Панцири есть ведь у вас из железа,
шлемы латинские...

Это от них ведь
дрогнули земли и многие страны:
и хинова,

и литва,

и ятвяги,

и деремела, и половцы тоже —
копья повергли,

главу подклонили,
пав под булатными теми мечами.

Но уж померк,

о князь Игорь,

свет солнца,

древо листву не добром уронило:
ведь города по Суле и по Роси
половцы между собой поделили,
Игореву

воскресишь ли дружину?

Помнишь слова свои:

Дон тебя кличет

и созывает князей на победу!

Ольговичи вот на брань и поспели...

Всеволод, Ингварь,

Мстиславичей трое!

Соколы вы

не худого гнезда ведь!

Но не по праву победы добыты
ваши владенья...

Где шлемы золотые,
польские копья, щиты?

Заградите ж
острыми стрелами Полю ворота —

за землю Русскую,
за раны Игоря,
буйного Игоря Святославича!

Вот уже серебряными струями
не течет Сула Переяславлю,
и Двина под кликами поганых
потекла для полочан болотом...

Изяслав один

мечами острыми
о шелома позвенел литовские,
славу деда своего Всеслава
тем прибив, — а сам в траве кровавой
под червлеными щитами был он
поражен литовскими мечами.
И сказал его любимец:

«Крыльями
птицы, князь, дружину приодели,
звери кровь погибших полизали».
Брата Брячислава в битве не было,
Всеволода — тоже...

В одиночестве
Изяслав тогда из тела храброго
свою душу изронил жемчужную
через золотое ожерелие.
Голоса уныли, и веселие
тут поникло... Над землю Полоцкой
затрубили трубы городенские...

Ярослав, все правнуки Всеславы!
Впору опустить вам стяги ратные
и мечи, в раздорах поврежденные,
спрятать в ножны...

Вы забыли прошлое,
выскочили вы из славы дедовской!
Вы поганых распрями, крамолами
стали наводить на землю Русскую,
на Всеслава-князя достояние.
Из-за вашей ведь, князь, уособицы
наступило половцев насилие!

На седьмом веке Трояна
кинул

Всеслав-князь
жребий

о милой ему девице.
Киева добиваясь,
к хитрости он прибегнул
и, поскакав, коснулся
златого престола древком!
Бежал потом лютым зверем
из Белгорода он в полночь,
объятый синею мглою.
Сумел он урвать удачу
и с третьей попытки смелой
открыл врата Новуграду,
расшиб Ярослава славу
и от Дудуток

волком
скакнул до реки Немиги.
На той на реке Немиге
снопы головами стелют,
а молотят цепами
булатными, и кладут там
жизнь на току,

и душу
отвеивают от тела.
Немиги берег кровавый
был не добром засеян —
русских сынов костями!

Всеслав-князь
суд людям правил,
князьям города рядил он,
а сам

ночью
волком рыскал.
Из Киева — к Тмуторокани
дорыскивал до петухов он.
Великому Хорсу

волком
перебегал дорогу...
В Полоцке у Софии

к заутрене для Всеслава
в колокола звонили —
он в Киеве звон тот слышал.
Хотя и душа провидца
была в его храбром теле,
но часто от бед страдал он.
Провидец Боян разумный
давно уж предрек Всеславу:
«Ни хитрому, ни умелому,
ни птице самой проворной
не миновать
суда божьего!»

О, стонать земле Русской, братья,
былые дни поминая
и первых князей!

Нельзя ведь
Владимира-князя было
к горам пригвоздить высоким
у Киева...

А теперь вот
Рюрика встали знамена
и брата его Давыда,—
но врозь развеваются стяги!
Копья поют!

Слышен голос Ярославнин
на Дунае на далеком —
вот кукушкой безвестной
поутру она кукует...

«Полечу,— заговорила,— я кукушкой
по Дунаю,
омочу рукав бобровый
во реке я во Каяле,
утереть хочу я раны
на могучем теле князя!»

Ярославна рано плачет
во Путивле на забрале,
говоря:

«Ветрило-ветер!
Господин, зачем ты веешь
русским воинам навстречу?»

Половецкие ты стрелы
мчишь зачем на легких крыльях
против Игорева войска?
Разве мало тебе было
высоко под облаками
веять,

корабли лелея
далеко на синем море?
Для чего мое веселье
ты по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет
во Путивле на забрале,
говоря:

«О Днепр Словутич!
Ты и каменные горы
смог пробить,
прошел сквозь землю
Половецкую, лелеял
Святославовы насады
ты до стана Кобякова.
Прилелей же, господине,
моего ко мне ты ладу,
чтоб я слез к нему не слала
поутру на сине море!»

Ярославна рано плачет
во Путивле на забрале:
«Трижды светлое ты Солнце!
Ты для всех тепло и красно.
Так зачем же, господине,
луч горячий ты простерло
над дружиной лады князя?
И зачем в безводном поле
жаждой луки ей согнуло,
колчаны заткнуло горем?»

Прыснуло море в полночи,
смерчи идут облаками;
Игорю-князю дорогу
из Половецкого края
кажет бог в Русскую землю,
к дому, к златому престолу.

Вечером зори погасли...
Игорь и спит — и не спит он.
Мыслью поля измеряет —
путь от великого Дона
к малу Донцу...

Коня

в полночь
свистнул Овлур за рекою —
князю велит разуместь он:
Игорю не оставаться!

Кликнул — земля застучала,
травы вокруг зашумели,
вежи задвигались вражьи, —
князь поскакал горностаем
до тростника

и оттуда —
гоголем белым на воду.
Сел на борзого коня он,
спрыгнул с него серым волком;
к лугу Донца побежал он —
и полетел, словно сокол,
гусей-лебедей избивая
в завтрак,

в обед

и на ужин.

Если князь соколом несся,
то и Овлур бежал волком.
Стылые росы сбивали,
быстрых коней надорвали.

Донец сказал: «О князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле — веселия!»

«Донец, — князь Игорь ответил, —
немало тебе величия:
лелеял ты князя Игоря
на волнах своих... Зеленую
траву постилал ты Игорю
на берегах серебряных...

Его одевал туманами
под сенью зѣлена дерева,
стерег ты Игоря гоголем
на водах,
на струях — чайками
и на ветрах — чернядями...»

Вот не такова Стugna-река:
несущая воды скудные,
чужие потоки пожравшая,
расширившаяся к устью,
она Ростислава-юношу
к себе затворила... Плачет мать
на темном днепровском берегу
по Ростиславу-князю...
Уныли цветы от жалости,
с тоской преклонилось дерево...

Не сороки застрекотали —
то по следу Игоря-князя
скачут Гзак с Кончаком в погоню...
Тогда вороны не граяли,
тогда галки приумолкли
и сороки не стрекотали,—
полозы ползали только.
Дятлы

стуком
к реке дорогу
князю кажут,
веселой песней
соловьи рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит —
соколенка мы расстреляем
золотыми своими стрелами!»

Отвечает Гзаку Кончак:
«Если сокол к гнезду летит —
мы опутаем соколенка
красной девицей половецкой».

И сказал Гзак Кончаку:
«Коль опутаем его девицей —

Андрей Чернов

**СЛОВО О ПОХОДЕ, ВОЙСКЕ И БИТВЕ ИГОРЯ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВА, ВНУКА ОЛЕГА**

Не начать ли нам
Старым складом, братья,
Печальную повесть
Об Игоревоу рати,
Игоря Святославича?

А начаться нашей песне
Не по замыслам Бояна —
По былинам нынешнего времени.

Ибо вещий Боян
Если песнь замышлял;

Он мыслью по древу взмывал,
Серым волком рыскал в полях,
Сизым орлом в облаках!

Говорил, что помнит он
Битвы былых времен,—

И вот напускает
Десять соколѳв
На лебединую стаю!

Которую настигает —
Та прежде песнь слагает

Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Что Редедю заколол
Пред касожскими полками,
Прекрасному Роману Святославичу!

Боян же, братья,
Не десять соколов
На стаю лебедей напускает —
Он десять вещей перстов
На живые струны возлагает.

Они же сами
Славу князьям рокотали!

Начнем же, братья,
Нашу повесть
От старого Владимира
До нынешнего Игоря.

Игорь отвагой укрепил свой ум.
Сердце отточил мужеством.
Исполнился духа ратного!
И храброе войско в поход повел
На землю Половецкую
За землю Русскую.

А когда он посмотрел
На светлое солнце —
Солнце его полки
Тьмою накрыло!

И дружине своей промолвил он:

«Братья мои и дружина!
Лучше пасть,
Чем в полон попасть!
Так сядем же, братья,
На борзых коней —
Хотя бы посмотрим
На синий Дон!»

Опалило княжий разум желание.
Жажда великого Дона вкусить
Сильней недоброго знаменья.

«Хочу, — сказал, —
Копье преломить
О край Половецкого поля!

Хочу, — сказал, —
Голову сложить
Либо Дону шеломом испить
С вами, русичи!»

О Боян,
Соловей былых времен!
Если бы тебе
Петь о походе том,
Скача по мысленну древу соловьем,
Летая умом в поднебесьи,
Свивая славу прошлого и грядущего,
Торопясь тропой Трояна
Через поля на горы,
Так бы ты запел Игорю,
Этому внуку:

«Не бурей соколѳв занесло
В широкие поля из-за леса, —
Это галки стаями летят
К великому Дону!»

Или так бы ты пел,
Вещий Боян,
Внук Велесов:

«Кони ржут за Суюлю,
А слава-то звенит в Киеве!
В Новеграде трубы трубят.
Полки в Путивле стоят».

Игорь ждет — где же милый брат?
И молвил ему
Буй-тур Всеволод:

«Брат один у меня,
Свет один для меня —
Светлый ты, Игорь!
А оба мы — Святославичи!

Так седлай же скорей
Борзых коней
И навстречу скачи!

А мои приготовлены заране —
У Курска звенят стременами.

Бывалые воины —
Дружина моя!
Рождены под трубами,
Взлелеяны под шлемами,
Вскормлены с конца копья!

Им дороги ведомы,
Известны овраги,

Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли наточены!
А сами скачут в поле,
Точно волки серые,—
Ищут
Вместе
Себе чести,
А князю славы!»

Тогда вступал
Игорь-князь
В стремя золотое
И вот поскакал
По чистому полю.

Солнце ему тьмою
Путь преграждало,
Ночь над ним грозою стонала,
Птиц пробудив!
Свист звериный вслед летит!

Но взметнулся Див
На вершине древа,
Кличет во мгле,
Велит трепетать неизвестной земле —
Волге, Поморью и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, Тмутороканский истукан!

А половцы дорогами нехоженными
Побежали к Дону великому.

Кричат телеги в полуночи,
Точно лебеди всполощенные!

Русичи за Игорем
К Дону идут.
А птицы по дубравам их беду стерегут.
Волки по оврагам грозу накликают.
Орлы клекотаньем зверей созывают,
А лисицы лают
На красные щиты.

О Русская земля,
Ты — уже за холмом!

Долго ночь наступала.
Заря отпылала.
Мгла покрыла поля.

Уснул щекот соловьев —
Пробудился говор галок.
Утро настало.

Русичи рядами
Червлеными щитами
Великие поля перегородили!
Ищут себе чести,
А князю славы!

...И потоптали они
Половцев поганые полки
В пятницу спозаранок.
И рассыпались сами
По полю стрелами —
Полоняли красавиц половчанок.
Добыли золото и паволоки.
Добыли дорогие аксамиты.
А наряды драгоценные срывали
И мосты по болотам мостили
Попонами, накидками и кожухами,
Половецкими разными узорочьями.
Червленный стяг,
Белая хоругвь,
Черненное древко —
Красный бунчук —
Храброму Святославичу!

Задремали в ночи
Храбрые Олеговичи.
Далече залетели в Поле!

Не были они
На обиду рождены
Ни соколу, ни кречету,
Ни черному ворону,
Поганому половчанину!

Гзак бежит серым волком,
Кончак ему след пролагает
К Дону великому!

Побутру рано
Свет возвещают —
Блещут кровавые зори.
Черные тучи с моря идут,
Четыре солнца прикрыть хотят,
И трепещут в них
Синие молнии.

Греметь грому великому!
Лететь дождю стрéлами
С Дону великого!

Копьям преломиться,
Саблям притупиться
О шеломы половецкие,
У Дона великого,
На реке на Каяле,
На поле том.

О Русская земля,
Ты уже за холмом!

...Это внуки Стрибога — ветры
С моря стрéлами веют
На храброе войско Игоря!

Земля гудит.
Реки мутно текут.
Над полями пыль катит.
Стяги глаголют — языками бьют:

Тот князь Олег
Мечом раздоры выковывал,
Стрелами землю засеивал.

В стремя золотое вступал
В городе Тмуторокани —

Сам Ярослав прислушивался
К звону его стремян!
А утро настанет —
Владимир Мономах
Уши заткнет в Чернигове!

А Бориса Вячеславича не стало!
Привела его на суд жажда славы.
И у речки Кáнины
Храброму и молодому
Постелила саваном зеленую паполому
За обиду Олега Святославича.

И не с этой ли Каялы худой
Прямо к киевской Софии святой
Меж угорских иноходцев
Повез Святополк
Отца своего Изяслава!

При Олеге Гориславиче посеянное зло
Усобицами по земле проросло!
Достоянье правнуков Дажьдбога
В княжеских крамолах погибало.
Жизни людские сократились.

Редко пахари покрикивали
В те времена,
А вóроны часто кричали —
Трупы на тризне делили.
А галки про свое говорили,
Хотели лететь на добычу.

Так было в былые походы и сечи,
А про такую сечу
Слыхом не слыхивано!

От зари до вечера,
С вечера до зари
Летят каленые стрелы
Друг другу навстречу,
Гремят по шлемам сабли,
Трещат разящие копыя
В поле незнаемом,
Среди Половецкой земли!

Черная земля
Кровью была полита
Под конские копыта,
А засеяна костью.
Бедою взошли они
Средь Русской земли!

Что мне шумит,
Что мне звенит
Рано пред зорями давеча?
Игорь полки заворачивает!
Ибо жаль ему
Милого брата
Всеволода Святославича!

День — бились.
Другой — бились.
А на третий день к полудню
Стяги Игоря упали.

Тут два брата разлучились
На быстрой Каяле,
Тут кровавого вина не хватило,
Тут храброе русское войско
Пир завершило.

Сватов напоили,
А сами полегли
За Русскую землю.

Травы от жалости никнут,
И преклонилось древо
С грустью до земли.

Братья!
Уже настала
Печальная година!
Сила одолела силу —
Степь дружину прикрыла.

Вот и встала Обида
В стане Дажьбожьих внуков
И по земле Трояна
Девою побрела.

И всплеснула лебедиными крыльями
На синем море у Дона.
Так она и расплескала
Обильные времена.

Ибо князья с погаными
Брань прекратили!
Брат говорит брату:
«И твое, мол, — тоже мое!»

Тогда же князья про малое
Промолвили: «Вот великое!»
И каждый выковал
Крамолу на себя!

А поганые набегами
Рыщут с победами
По тебе, Русская земля!

О, слишком далеко
Сокол залетел,
Побивая птиц, — до моря!
А Игореву рать
Уже не воскресить,

Ибо кликнули
Карна и Жля:
Без дороги скачут,
Людям смагу мычут
В пламенном роге!

И запричитали жены русские:
«Уже нам наших милых-любимых
Ни мыслию смыслить,

Ни думою сдумать,
Ни очами — сквозь слезы — увидеть.
А золотом да серебром
Вовек не поиграть!»

А Киев,
Братья,
Стал в тоске стонать.
А Чернигов стонет от напастей.
Разлилась беда по Русской земле,
Печаль потекла обильно!

И сами князья
Ковали крамолу на себя.
А поганые повадились
На Русскую землю:
Подавай им белку
От каждого двора!

Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
Разор пробудили раздором!
А было усыпил его
Отец их Святослав —
Грозный, великий Киевский!

Грозой усмирил,
Полками прибил,
Когда наступил на Поле,
Когда притоптал
Холмы и овраги,
Замутил озера и реки,
Иссушил потоки и болота.

А поганого Кобяка
Возле лукоморья
Исторг, как вихрь,
Из строя железных
Полков половецких!
И в Киеве Кобяк
Упал чуть живой
В гриднице Святославоной!

Тут немцы
И венецийцы,

Морава и греки
Славу Святославу пели,
Князя Игоря каяли —
Дескать, утопил
Богатство русское
На дне половецкой Каялы.

Тут Игорь-князь и пересел
Из седла золотого —
В невольничье.

Уныли городские забрала.
Не стало веселья.

А Святославу
Смутный сон снился
В Киеве на горах.

«Всю ночь,— молвил он,—
Обряжали меня
Черною паполомою
На тисовой кровати.
Черпали мне синее вино,
На беде замешано.

Из худых колчанов
Толмачей поганых

Мне великий жемчуг на лоно высыпали.
Негою меня ублажали.

Надо мной златоверхая крыша высока,
Только вижу, что нет уже на тереме князька!

С вечера в ночи
Серые вороны
Граяли у Плеснеска за городом.
И сами леса Кисани
Ко синему морю полетели».

И сказали бояре князю:

«Горе, князь, твой разум полонило.
То с престола отцова высокого

Слетели два сокола
Тмуторокань добыть
Либо Дону
Шлемами испить.

Но уже им крылья подрезали
Саблями половецкими,
А самих опутали
Железными путами.

И стемнело в третий день.
Погасли два солнца —
Игорь и Всеволод.
Померкли два багряных столпа,
А с ними молодые месяцы
Олег и Святослав
Заволоклись тьмою
И погрузились в море,
Поганым отваги придав.

На реке на Каяле
Тьма свет покорила.
По Русской земле
Половцы рыщут,
Точно выводок пáрдусов!

Уже напала хула на хвалу.
Уже насело насилье на волю.
Уже повержен
Див на землю.

И вскоре
Готские красные девы
Запели по берегу синего моря.
Звеня русским золотом,
Славят время Бусово,
Лелеют месть за хана Шарукана.

А нам, дружине,
Уже не весело!»

Тогда уста Святослава
Изронили злато слово,
Смешанное со слезами:

«Что же вы, братья младшие,
Игорь и Всеволод,
Поспешили мечами вашими
Половецкой земле
Досаждать,
Славу себе добывать!

Но не с честью вы задумали
Половца побить,
Нечестивую кровь пролить!

Ваши храбрые сердца
Отвагой были выкованы,
А закалены в огне.

Что ж вы учинили
Серебряной моей седине!

Я уже не вижу власти
Сильного и богатого
Ярослава, брата моего!
С черниговскими его боярами,
Шельбирами и татранами,
Ревугами и ольберами,
Могутами и топчаками!

Им не надо щитов,
Сабель с ножнами!
С ножами засапожными
Кликом побеждают,
В прадедову славу звоня!

Ну а вы, князья, сказали:

Помужествуем сами!
Славу прошлую похитим,
А грядущую поделим
Сами!

Зло не в том,
Что стал
И сам я стар!
Экое диво — помолодеть!

Старый сокол
В линьке побывает —
Снова высоко
Птиц побивает
И гнезда в обиду не дает.
Нет князьям дела
До моих забот.

Наизнанку времена вывернуты.

Слышно мне: у Римова
Под саблями кричат.
А израненному Владимиру Глебовичу —
Тоска и печаль!

Князь великий Всеволод!
Не думаешь даже
Прилететь издалека —
Отчий престол защитить.
Что тебе — Волга-река!
Веслами можешь ее расплескать,
Шлемами Дон вычерпать!

А если бы
Тут ты был —
Пошла бы раба по ногате,
Продавался бы раб по резане!

Ты же можешь посуху
Стрелять живыми шереширами —
Удалыми Глебовичами рязанскими!

А ты, буй Рюрик,
И ты, Давыд!
Не ваши ли бояре
В шеломах золоченых
Плавали по крови!
Не ваши ли храбрые дружинники
Ревели турами ранеными
Под саблями калеными
В неизвестном поле?
Встаньте, князья,
В золотом стремени!

За обиду сего времени,
За землю Русскую,
За раны Игоря —
Встаньте, князья!

А ты, Осмомысл Ярослав!
Восседаешь высоко
На галицком престоле золотом!

Угорские горы полками подпер,
Дунай на запор запираешь,
Путь королю преступаешь!

И, полки послав на врага,
Твоя, Ярослав, рука
Перекидывает их через облака!

И течет по землям гроза твоя,
И суды ты рядишь до Дуная!

Ты Киеву врата отворял,
Салтанов за морями стрелял
С отцова престола золотого.

Так стреляй же Кончака,
Поганого кочевника!

За землю Русскую,
За раны Игоря,
Встань, князь!

Храбрый Роман и Мстислав!
Мыслью носясь на ветрах,
Правите ратное дело!

Вы на битву высоко летите,
На ветрах, словно соколы, парите,
Птицам не укрыться от вас!

Есть на вас железные панцири
Под шлемами латинскими!
Треснула земля во многих краях —

Хинова, литва, ятвяги, деремела
И половцы копьа бросали,

А головы свои склоняли
Под теми мечами харалужными.

Но уже для Игоря
Солнца свет не светел,
А древо листву не добром уронило!
По Су́ле да по Рóси города пылают,
А дружины Игоря уже не воскресить.

Дон, князья, взывает к вам,
На бой призывает!
А храбрые Олеговичи
Поспели на брань.

Ингварь и Всеволод,
И трое Мстиславичей!
Соколы шестикрылые!

Вы-то свои владения
Мечами не добывали!

Где же ваши копья ляшские?
Что стало с вашими шлемами?

Загородите Полю ворота
Своими острыми стрéлами!

За землю Русскую,
За раны Игоря,
Буюго Святославича!»

Ибо не течет Сула́
Сребряными струями
У города Переяславля.
И Двина болотом потекла
У Полоцка под кликом поганных.

И только Изяслав,
Сын Васильков,
Один позвенел мечами острыми
О шлемы литовские.

Подрубил славу
Деду своему Всеславу,

И под красными щитами
Литовскими мечами
Сам повержен на траву кровавую.

И сказал певец:

«Князь, дружину храбрую
Птицы оденут крылами,
Звери слижут кровь языками!»

Не было тут брата Всеволода,
И брата Брячислава рядом не было!

Ты один изронил
Жемчужную душу
Через золотое ожерелье!

Приуныли голоса.
Поникло веселье.
Трубы трубят на городницах:

Внуки Ярослава и Всеслава!
Склоните стяги свои!
Вложите в ножны свои
Иссеченные мечи!

Славу прадедов попрали
И крамолами своими
Наводить поганых стали
На землю Русскую!

Из-за вашего раздора
Рыщут половцы
До земли Полоцкой!

...На седьмом Трояновом веку
Бросил жребий Всеслав
О милой девѳце.

Был в темнице — оперся на клюку,
Исхитрился — за коней ухватился.

И на Киев наскочил,
И древком копья
К золотому престолу прикоснулся!

И тотчас отскочил
Лютым зверем в полночи!
Синей мглой обернулся в Белгороде!

Утром наворожил —
Удачу добыл,
В три удара отворил врата Новгорода!

Разбил славу Ярослава
И волком прыгнул
Прямо до Немиги с Дудуток!

На Немиге
Стелют головы снопами,
Молотят харалужными цепами.
Жизни кладут на току.
Души отведают от тела.

У Немиги-реки
Берега в крови
Не добром, не зерном они засеяны —
Засеяны костями
Русских сынов.

Князь Всеслав
Людам суд судил,
Князьям города рядил.
А сам в полуночи волком бежал,
Хорсу путь перебежал,
За ночь достигал Тмуторокани!

Ему в Полоцке колокола святой Софии
Рано поутру к заутрене звонили,
А он-то в Кieve
Звон тот слушал!

Хоть и вещая душа
В двух телах его жила —
Он часто от бед страдал.

Для него еще вещей Боян
Такую припевку сказал:

«Ни хитрому,
Ни ловкому,

Ни хитрому ловчему
Божьего суда не миновать!»

О, стонать
Русской земле,
Коли время былое вспоминать!

Того старого Владимира
К Киевским горам
Кто бы посмел пригвоздить?

Ну а ныне встали
Рюриковы стяги
И Давыдовы — с ними — в ряд.
Но в разные стороны летят на ветру!
И копыта поют не в лад.

...Это голос Ярославны
Долетел до Дуная,
Словно птица-зегзица
Кличет, стеной:

«По Дунаю поутру
Раным-рано полечу,
Рукава бебряные
Омочу в Каяле,
Княжьи жаркие раны утру!»

Ярославна рано поутру стенает,
На путивльской стене причитает:

«О Ветер-ветрило!
Зачем, господин,
Веешь против дружин лады милого?
Зачем ты несешь поганые стрелы
На легких своих крылах!
Разве мало тебе было
В вышине под облаками
Веять?
Корабли на синем море
Лелеять?
Зачем, господин,
Радость мою
Развеял по ковылю?»

Ярославна рано поутру стенает,
На городской стене причитает:

«О Днепр Словутич!
Ты пробил
Каменные горы в земле Половецкой,
Ты носил на своей спине
До Кобякова стана
Лады Святослава!
Прилелей, господин,
Ладу моего ко мне,
Чтобы слез не посылала
На море рано!»

Ярославна рано поутру стенает,
На путивльской стене причитает:

«Светлое, тресветлое солнце!
Всех ты ласкаешь,
Почему же
Палящие лучи простираешь
На воинов милого мужа?
Жаждой в безводном поле
За что, владыко, луки им стянуло!
Тоской колчаны заткнуло!»

И в полуночи море плеснуло.
Смерчи идут во мгле.

Это князю Игорю
Господь путь указывает
Из земли Половецкой
К Русской земле,
К отеческому престолу.

Гаснут вечерние зори.
Игорь спит,
Но не спит!
Игорь мыслью поля измеряет
От великого Дона
До малого Донца!

Овлур за рекой свистнул —
Коня в ночи подзывает.

Знак подает князю Игорю,
А тот уже наготове!

Стукнула земля.
Травы всшумели,
Вежи половецкие
Вспять полетели!

А Игорь поскакал
Горностаем к тростникам,
Белым гоголем на воду упал.
И вскочил на спину быстрого коня,
И волком с него соскочил,
И к излучине Донца поскакал,
И соколом под тучами полетел,
А гусей-лебедей он бил
К завтраку, обеду и ужину!

Коли Игорь
Полетел соколом,
Овлур волком
Побежал по полю.

И студеную росу
На бегу отрясали,
И борзых своих
Коней загнали.

И сказал Донец:

«Внемли, Игорь-князь!
Немало тебе величия,
А хану Кончаку огорчения,
А Русской земле веселия!»

А Игорь говорил:

«О река Донец!
И тебе немало величия!

Ты лелеял меня
На волне поутру,
Ты стелил мне зеленую траву
На серебряных своих берегах

И теплыми туманами укутывал
Под сенью дерева зеленого.

Ты стерег меня
Гоголем на воде,
Чайками на струях,
Чериядьми на ветрах...

Не так ли тощая Стugna,
Худая струя,
Чужие выпила ручьи —
Раскинулась к устью!
И подстерегла она
Князя Ростислава!

Там на темном
На днепровском берегу
Мать Ростислава плачет
В печали по юному князю.
Увяли цветы от жалости,
А дерево с грустью
К земле преклонилось».

...А не сороки то стрекодут —
Вслед за Игорем скачут
Гзак и Кончак.

Вороны тогда не каркали,
Галки примолкли.
Сороки не трещали,
Полозы переползали!

Только дятлы перестуком
Путь к реке указывают!
Соловьи веселой песней
Свет предсказывают!

Гзак промолвил Кончаку:

«Если сами
Сокола не поймает,
Золочеными стрелами
Соколенка расстреляем».

А Кончак промолвил Гзаку:

«Если сами
Сокола не пленим,
Красною дэвицей
Соколенка пленим!»

И так сказал Кончаку Гзак:

«Если пленим его
Красавицей девицей,
Расстанемся и с ним,
И с красавицей девицей!

И начнут опять
Птицы нас клевать
В поле Половецком!»

...Скажут Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы,
Старых времен Ярослава — Олега
Великокняжьи любимцы:

«Голове без плеч — тяжело.
Обезглавленному телу — тяжело,—
Так и Русской земле без Игоря!»

Солнце светится на небеси —
Игорь-князь на Руси!

Дэвицы запели на Дунае —
Голоса до Киева вьются!

Игорь едет вниз по Боричеву взвозу
К церкви Пирогощей Богородицы!

Страны рады — грады веселы!

Пели мы славу князьям былым,
Придет время — споем молодым:

Слава Игорю Святославичу,
Буй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Будьте же здоровы, князья и дружины,
Кто встал за христиан
Перед ратями чужими!

Князей восславим,
А дружину помянем —
Аминь.

1978, 1985

Игорь Шкляревский

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не время ли нам, братия,
словом старинным
начать скорбную повесть
о походе Игоря, Игоря Святославича.
И начаться сей песне по былинам,
а не замышленьям Бояна.
Ибо вещей Боян
если песнь кому пропеть собирался,
то растекался белкой по дереву,
по земле — серым волком,
сизым орлом — под облаком!
Вспоминал он и княжьих усобиц начало.
Тогда пускали десять соколов
на стадо лебедей.
И которую лебедь настигал сокол,
та и славу кричала —
старому ли Ярославу,
храброму ли Мстиславу, что зарезал Редедю
в поле перед полками касожскими,
иль пригожему Роману Святославичу.

Боян же, братия, не десять соколов
на стадо лебедей пускал,
а свои вещие персты
на живые струны воскладал.
Сами струны играли
и славу князьям рокотали.

Начнем же, братия, повесть сию
от старого Владимира
до нынешнего Игоря.

Потеснил Игорь ум дерзостью.
Поострил сердце мужеством.
Преисполнился ратного духа.
И храбрые свои навел полки
на землю Половецкую — за землю Русскую

О Боян,
соловей стародавнего времени,
вот бы песни
ты этим полкам выщелкивал!
Растекался по мысленну древу,
по холмам скакал серым волком
и умом летал к облакам,
славу прежних времен настигая
и с нынешней славой свивая.
Рыскал бы по тропе Трояна
через поля на горы,
пел бы Игоря, внука Трояна, дела:
«Не буря соколов занесла
через доли широкие,
стая галок летит к Дону великому».
А еще Боян, внук Велесов,
мог бы так сказать о походе:
«Кони ржут за Сулою —
звонит слава в Киеве!
Трубит в трубы Новгород —
стоят стяги в Путивле!»

Игорь ждет милого брата.
И сказал ему буй-тур Всеволод:
«Один ты, Игорь, свет мой светлый.
Оба мы Святославичи.
Седлай своих коней, брат.
Мои давно под Курском стоят наготове.
Мои куряне — бывалые воины.
Под трубами повиты,
под шеломами возлелеяны,
с конца копья вскормлены,
дороги ими исхожены, овраги изведаны.
Луки у них натянуты.
Колчаны отворены. Сабли наострены.
Сами скачут, как серые волки в поле.
Себе ищут чести, а князю славы».

Тогда глянул Игорь на солнце.
И видит, что тьма от солнца
всё войско его накрыла...
И сказал князь унылой дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам порубленными быть,
чем без чести поворотить.
Сядем же на своих на борзых коней
да глянем на синий Дон».
Князю дума запала —
отведать великого Дона.
И сильнее знаменья была его дума.
«Хочу, — сказал, — копьё преломить
на краю Половецкого поля.
С вами, русичи, голову там положить
либо Дона испить из шелома».

Князь вступил в золотое стремя
и поехал по темному полю.
Солнце мраком дорогу его заградило.
Ночь громовыми стонами птиц пробудила.
Свист звериный поднялся.
Диво кличет на темной вершине,
велит по цепи послушать —
и Поморию, и Посулию,
и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, на границе неведомых стран,
идол каменный, Тмутороканский болван!

А половцы к Дону великому
побежали неезженными дорогами.
«Рцы! Рцы!» —
кричат телеги в полуночи,
будто лебеди всполошились...

Игорь воинов к Дону ведет!
А беда их пасет —
на дубах поджидают их птицы,
волки воют в оврагах, грозу подзывают.
Лисицы на красные брешут щиты.
И орлы собирают на кости зверей.
Слышен клетот и гром.
О Русская земля, уже ты за холмом.

Долго ночь меркнет.
Свет заря заронила.
Мгла покрыла поля.
Свист уснул соловьиный.
Говор галочий пробудился.

Перегородили русичи широкую степь щитами!

Добыли чести, а князю славы —
в пятницу утром они потоптали
поганые полки половецкие.
И рассыпались стрелами в поле.
Красных девок помчали.
А с ними — и золото и аксамиты (бархат рытый)!
Покрывалами, кожухами, плащами
стали грязи гатить и мосты мостить.
По степи раскидали парчу.
Червлёный стяг, боевая хоругвь —
на серебряном древке червлёный бунчук —
храброму Святославичу!

Дремлют в поле Олеговы храбрые внуки.
Залетели далече!
Далеко от родного гнезда.
Не было ведь оно на обиду порождено
ни соколу, ни кречету,
ни тебе —
черный ворон, половчанин поганый!
Гзак бежит серым волком
к великому Дону.
Кончак ему правит дорогу.

На другой день утром рано
зори кровавые весть подают.
Черные тучи с моря идут,
четыре солнца хотят затмить.
А в них трепещут синие молнии.
Быть великому грому!
Идти дождю стрелами с Дону.
И копьям тут преломиться,
и саблям тут притупиться.
На реке на Каяле у Дона великого
собирается гром.
О Русская земля, уже ты за холмом.

Дуют ветры, Стрибожьи внуки.
Несут стрелы с моря
на храбрые Игоревы полки.
Земля гудит. Реки мутно текут.
Пыль поля покрывает... Стяги заговорили:
«Идут половцы с Дона. Идут с моря!»
Со всех сторон обступили
и кликом поля перегородили
бесовы дети, а храбрые русичи
оградились щитами червлеными.

Яр-тур Всеволод!
Ты всех впереди стоишь.
Стрелы в поганных мечешь, гремишь мечами.
И куда ты поскачешь, князь,
золотым шеломом посвечивая,
там и лежат поганные головы половецкие.
Яр-тур Всеволод!
Твоими калеными саблями
расщеплены шлемы аварские.
И что тебе раны,
забытому честь и богатство,
и город Чернигов —
отцовский престол золотой.
Забыл и красавицы Глебовны ласки,
и свычаи, и обычаи...

А были века Трояновы, лета Ярослава.
Двигал Олег походы, сын Святослава.
Мечом он ковал крамолу и стрелы сеял.
В граде Тмуторокани
ступит в золотое стремя —
Всеволод звон услышит, сын Ярослава,
а Владимир в Чернигове
уши с утра затыкает.
Бориса же Вячеславича —
(хотел он вернуть Чернигов) —
храбрость на смерть привела —
постлала зеленое ложе трава
за обиды Олеговы... С той же Каялы
Святополк вывез тело отца,
прилелеяв его меж угорскими иноходцами.
Тогда при Олеге при Гориславиче
сеялись и прорастали усобицы.

Пожинали их внуки Дажьбожьи.
В княжьих раздорах
жизни людей сокращались...
Тогда на Русской земле
редко пахари перекликались,
часто вороны собирались,
трупы между собой делили,
а галки речь говорили —
куда лететь на поживу.
То были другие походы, другие беды
А такого и ворон не ведал!

С утра и до вечера,
с вечера и до света
летят каленые стрелы,
стучат о шеломы сабли,
трещат харалужные копья
в чужом Половецком поле.
Черна земля под копытами,
костьми позасеяна,
кровью полита,—
горем всходит на Русской земле.

«Что ми шумить, что ми звенить»
далече, перед зорями рано?
Игорь полки поворачивает.
Жалко милого брата.
Бились день, бились два,
а на третий день
пали к полудню Игоря стяги.
Разлучились несчастные братья
над быстрой Каялою.
Тут вина не хватило кровавого.
Тут окончили храбрые русичи пир.
Сватов напоили, а сами
за Русскую землю легли.
Никнет трава от жалости.
Низко древо в тоске склоняется.

Братья!
Уж не веселое время настало
для внуков Дажьбога.
Пустота наше войско накрыла.
Дева Обида на землю Трояна ступила.

Замахала крылом лебединым
на Дону возле синего моря
и прогнала счастливые годы.
От усобиц князья ослабели,
и войны не боятся поганые.
Ибо сказал брат брату:
«Это мое, и то мое тоже».
Стали наши князья про малое
«се великое» говорить.
Сами куют свои беды,
а с разных сторон поганые
стали к нам приходить с победами —
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол,
птиц избивая, — к морю.
А Игоря храбрых воинов не воскресить.
Жля над ними уже завопила.
Карна, крикнув,
по Русской земле поскакала
и огонь разметала из рога.
Плачут русские жены:
«Уж нам к своим милым ладам
руками не прикоснуться,
очами не дотянуться
и думами их не достать.
А золота и серебра —
уж давно не подержать».
Застонал, братья, Киев от горя,
от напастей — Чернигов.
Печаль потекла по Русской земле.
Тоска по Русской земле разлилась густая.
А князья всё раздоры куют.
А поганые снова приходят с победами
и по белой монете
дань берут от двора.

Ибо храбрые два Святославича
спесью зло разбудили,
что уж было грозой усыпил Святослав.
Прибил полками могучими,
наступил на поля Половецкие
грозный Киевский князь великий.
Притоптал он холмы и овраги.

Замутил он озера и реки.
Из железных рядов половецких
вихрем выхватил Кобяка.
И в граде Киеве пал Кобяк!
Тут и немцы, и венецианцы,
и чехи, и греки
славу поют Святославу
и корят князя Игоря.
Растерял он дружину в поле.
Утопил нашу славу в Каяле.
Пересел из седла золотого в седло неволи.

Города приуныли, веселье поникло.

А Святослав мутный видел сон
в Киеве на горах.
«С вечера покрывалом черным
на сосновой кровати меня накрывали.
Синим вином поили,—
горчило вино полынью.
Из пустых половецких колчанов
сыпали жемчуг на грудь. Величали.
И кровля была без князька
в моем златоверхом тереме.
И всю ночь на лугу вороны
возле Плеснеска граяли,
снялись и полетели
из дебри Кисановой к синему морю».

И ответили князю бояре:
«Полонила твой ум кручина.
Два сокола далеко улетели
с отчего золотого стола.
Добыть хотели Тмуторокани —
испить шеломами Дону —
да быстро ослабли.
Подсекли им крылья кривыми саблями,
опутали паутиной железной.
Темно было в третий день.
Два солнца затмила тень.
Два красных столба пропали.
Два месяца — Святослав и Олег —
тьмою заволоклись, погрузились в море.
И великую дерзость поганым подали!

На реке на Каяле свет тьма покрыла.
Стали половцы рыскать
по нашей земле, как гепарды.
И насела хула на хвалу.
Погоняет неволя волю.
Вран метнулся к нашему полю.
А готские девы поют у синего моря.
Звенят русским золотом.
Поют они время Бусово,
в сердце месть, Шарукана лелея.
А мы, дружина, живем без веселья.

И тогда Святослав сурово
изронил золотое слово,
со слезами смешанное:
«О сыны мои, Игорь и Всеволод,
рано начали вы мечами
Половецкую землю злить,
сами — ходить за славой.
Без чести вы их одолели,
без чести от них полегли,
а ведь храбрые ваши сердца
из железа надежного скованы были
и отвагой закалены.
Что же вы сотворили
с моей серебряной сединой?»

А уже я не вижу власти
воинами богатого
брата моего — Ярослава,
с черниговскими боярами,
с могутами и татранами,
с шельбирами и ольберами,
с ревугами и топчаками.
Без щитов, с одними ножами
засапозными — кликом полки ломали.
Звенели дедовской славой!
Но сказали вы: «Сами пойдем.
И новую славу возьмем.
И прежнюю всю поделим!»
А не диво и старому помолодети,
коли сокол птиц избивает,
перья с неба роняет,
не даст гнезда своего в обиду.

Но князья мне уже не подмога,
бедой времена обернулись.
Вот и в граде Римове закричали
под саблями половецкими.
И Владимиру в Переяславе
раны храбрые перевязали.
Беда и тоска — сыну Глебову.

Великий князь Всеволод!
Разве думы нет у тебя святой —
отчий стол сторожить золотой?
Что тебе Волгу веслами расплескать!
Шеломами вычерпать Дон!
Сам силен, да еще с двух сторон
с удалыми Глебовыми сынами
можешь посуху копьями закидать.
А пошел бы ты с нами,
раб — по резане и по ногате — раба
у нас бы теперь была.

А ты, храбрый Рюрик, и ты, Давид,
иль шеломы златые со славою
в половецкой крови не плавали?
Или храбрая ваша дружина не рыкает
громче раненых туров
под калеными саблями в поле неизвестном?
Вступите же в золотое стремя
за обиды нашего времени,
за землю Русскую, за раны Игоря,
храброго Святославича.

Осмомysl Ярослав!
Высоко ты сидишь
на престоле своем златокованом.
Ты полками железными подпираешь Карпаты.
Путь королю заступаешь —
затворяешь в Дунай ворота,
клады горными тропами
мечешь над облаками.
По Дунаю караешь и судишь.
Твои грозы текут по земле далеко —
Киеву ворота отворяешь...
И пускаешь в султана стрелы.
А теперь в Кончака пускай!

Накажи поганого идола
за землю Русскую, за раны Игоря,
храброго Святославича.

А ты, свет Романе, и ты, Мстиславе!
Ваша храбрая мысль высоко вас кидает,
на ветрах восходящих яко сокол ширяет,
в буйстве птиц побивающий.
Ведь у вас и оплечья железные,
и шеломы — латинские.
Поле под вами треснуло!
И литва, и ятвяги, и деремела
в страхе копья свои покидали,
и половцы головы преклонили.
Но для Игоря солнце уже потемнело.
Древо лист не к добру обронило.
По Роси и по Суле
города уже стали делить.
А Игоря храбрых воинов не воскресить.
Дон вас кличет, князья, на победу.

Где вы, Ингварь и Всеволод?
И вы, три Мстиславича?
Вроде соколы не из худого гнезда.
Не по жребию славы
земли и города ухватили.
Где щиты ваши ляхские?
Где шеломы золотые?
Оградите же стрелами острыми
ворота степные.
Встаньте вместе, как давеча,
за землю Русскую,
за раны Игоря, храброго Святославича».

И Сула уже
не течет серебристыми струями
к граду Переяславлю.
И Двина помутнела,
погоняема криком поганых.
И один Изяслав, сын Васильков,
позвенел мечами о шеломы литовские,
и свалился он в ранах.
Уронил славу деда Всеслава.
На кровавой траве под щитом лежит.

А трава ему говорит:
«Дружину твою, князь,
птицы крыльями приодели,
звери кровь полизали».
Братья Всеволод и Брючислав опоздали.
Изронил одиноко
он жемчужную душу из храброго тела.
И душа улетела
сквозь золотое его ожерелье.
Голоса приуныли. Поникло веселье.
Затрубили-заплакали городенские трубы...

Ярославовы внуки и внуки Всеслава!
Уж склоните вы стяги свои
и мечи свои в ножны вложите.
Уже выпали вы из дедовской славы
и своими усобицами накликали
поганых — на землю Русскую,
и насилие вам — от земли Половецкой.

На седьмом веке памяти русской
Всеслав жребий кинул,—
словно к девице лóбой,
исхитрившись, скакнул к граду Киеву!
И копьём дотянулся
до киевского золотого стола.
Отскочил лютым зверем
от Белгорода в полночь.
Мглою оборотень укрылся синей.
Утром в Новгород стукнул секирой!
Отворил ворота,
расшиб Ярославову славу.
От Дудуток скакнул до Немиги.
На Немиге снопы головами стелют.
Молотят цепами железными.
Жизнь кладут на току.
Душу от тела веют.
Не зерно у кровавых тех берегов —
посеяли кости русских сынов.
А Всеслав людям суд творил.
Князьям города рядил.
По ночам серым волком рыскал.
В Киеве до петухов
солнцу путь перейдет в тумане.

А чуть свет — он в Тмуторокани!
С темным светом душа была.
В Полоцке на святой Софии
утром колокола звонили,
а он в Киеве слышал звон!..
Хоть и вещью душу Всеслав имел,
а немало и бед терпел.
И Боян про него сказал:
«Ни мудрому, ни лукавому,
ни, как птица, вертлявому
суда божьего не миновать».

О, стонать Русской земле,
как вспомнянутся первые годы
и первые наши князья.
Ведь того же Владимира старого
пригвоздить к горам Киевским —
было нельзя!
Нынче стяги его разлетелись.
Эти — с Рюриком, те — с Давидом.
Развеваются врозь стяги русские.
Копья русские врозь поют.

На Дунае Ярославнин голос слышится.
Зегзицею незнаемой кукует рано:

«Полечу далеко по Дунаю,
долечу до реки до Каялы,
омочу в ней рукав свой белый,
оботру князю кровавые раны
на теле его несчастном».

Ярославна
чуть свет причитает
на стене городской во Путивле:
«О ветер-ветрило,
зачем ты так сильно веешь,
стрелы ворога сеешь на полки моей лады?
Или мало тебе развеять наше горе,
корабли лелеять, волнуя синее море?
Зачем ты мое веселье
по ковылям развеял?»

Ярославна
чуть свет причитает
на стене городской во Путивле:
«О Днепр Словучич,
ты пробил каменистые горы
сквозь землю Половецкую!
На себе ты лелеял челны Святослава
до полков Кобяка.
Прилелей же ко мне мою ладу,
чтоб не слала я издалека
к морю слезы свои так рано!»

Ярославна
чуть свет причитает
на стене городской во Путивле:
«Солнце светло-тресветлое,
всем ты красно и тепло.
Все тебе рады.
Зачем ты лучи горячие
шлешь на полки моей лады?
В поле безводном
луки расслабило зноем,
тоской оплело колчаны...»

И прыснуло море в полуночи.
Смерчи нагнали мглу.
Князю Игорю бог путь кажет
из земли Половецкой
на землю Русскую,
к отчему золотому столу.
Погасли вечерние зори.
Игорь спит. Игорь не спит.
Игорь мыслию мерит поля —
от великого Дона к Донцу.
В полночь свистнул Овлур за рекой коня,
знак подал — наготове быть.
Велит Игорю выходить.
Застучала земля. Зашумела трава.
Половецкие вежи задвигались.
Горностаем князь в тростниках мелькнул.
Белым гоголем на воду пал.
Вскочил на коня борзого,
соскочил босым волком
и к Донцу побежал лугами.

Прянул соколом под облаками,
избивая гусей-лебедей
к завтраку, и к обеду, и ужину.
И когда Игорь соколом полетел,
тогда волком Овлур потек,
и трусил он росу студеную,
ведь коней борзых надорвали.

И сказал Донец:
«Здравствуй, Игорь-князь.
Много тебе — славы,
Русской земле — веселья,
а Кончаку — похмелья».

И ответил реке беглец:
«О Донец! И тебе много славы,
что струги князя водой лелеял,
траву подстилал зеленую
на своих серебряных берегах,
теплой мглой его одевал,
тенью дерева укрывал,
гоголем на воде стерег,
чаицей на волнах, чернядью на ветрах.
Не такая река Стugna.
Хилой своей струей
пожрала чужие ручьи она.
И под куст затянула
князя юного Ростислава —
затворила на дне
возле темного берега.
Плачет мать Ростислава.
Приуныли цветы от жалости,
преклонилось с тоскою дерево».

Не сороки стрекочут —
а по следу за Игорем
едут Гзак и Кончак.
А где Игорь проедет —
там вороны не каркают,
там сороки стихают,
там галки молчат.
Только змеи шуршат.
Только дятлы стучат —
путь к реке кажут.

Да веселые песни
соловьи распевают,
свет-зарю возвещают.

И сказал Гзак Кончаку так:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем стрелой каленой
его соколенка».

А Кончак Гзе говорит:
«Если сокол к гнезду летит,
лучше девицей красной
опутаем соколенка».

И сказал Гзак Кончаку:
«Опутаем соколенка девицей —
не будет ни соколенка, ни девицы!
И станут нас птицы на воле
бить в Половецком поле».

Говорил Боян величаво,
песнотворец дней Ярослава:
«Тяжело без плеч голове.
Худо телу без головы».
Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небесах.
Солнце светит — князь Игорь едет.
Девы поют на Дунае —
через море до Киева выются их голоса.
По Боричеву Игорь едет
ко святой Богородице Пирогощей.
Рады, веселы — грады и веси!

Мы воспели князей былых.
Воспоем же и молодых.
Слава Игорю Святославичу,
слава Всеволоду буй-туру!
И Владимиру, сыну Игоря, — слава.
И да пребудет здрава
рать, поборая за христиан
против гнета полков поганых,
Русь в отпоре своем едином.
Слава нашим князьям и дружинам!

Михаил Максимович

ПЕСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ,
ПЕРЕЛОЖЕННАЯ НА УКРАИНСКОЕ НАРЕЧИЕ

То старина, то и деянье,
Добрим людям на послушанье,
Веселым молодцам на потешенье.

Старинный припев

Часть I

ПОХОД НА ПОЛОВЦЕВ

1. ЗАПЕВ

Чи не добре б було, браття,
    Нам про Ігоря війну
Заспівать жалібну пісню,
    Як співали в старину!
А початися тій пісні
    По сьоголітнім ділам;
Не по умислам високим,
    Як Боян той починав.
Боян віщий, було схоче
    Кому пісню заспівать,
Зараз думкою по древу
    Починає він літать;
Біжить вовком-сіроманцем
    По горах і по долах;
Орлом сизим пролітає
    В піднебесних облаках.
А як речі годів давніх
    Про незгоди споминав,
То на стадо лебедине
    Десять соколів пускав;
І як тільки котрий сокіл
    К тому стаду долітав,
Про старого Ярослава
    Лебідь пісню починав;

То про храброго Мстислава,
Що Редедю поборов
І його перед касозьким
Буйним військом заколов;
То про красного Романа.
Да той, браття, наш Боян
То ж не десять соколів він
Не на лебедів пускав,
А свої літучі перстні
Він на струни накладав;
І живії струни славу
Самі грали тим князям.

Нуте ж, браття, жалібную
Нашу пісню почнемо
Од Владимира старого
Да до Ігоря сього,
Що своїм завзяттям сильним
Кріпкодушний ум вхопив
І його, як меч булатний,
Смілим серцем нагострив,
І, сповнившись духом ратним,
Військо храбрее навів
За святую Руську землю
Да на землю половців.

2. ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА

От поглянув Ігор на ясне сонце,
А сонце мінилось;
І тьмою одразу усе його військо,
Як ніччю, покрилось.
И каже дружині безстрашний князь Ігор:
«О браття й дружино!
Вже ж лучче нам в полі порубаним бути,
Ніж стати в полону;
А сядьмо на коней да побачим, браття,
Ми синього Дону!»
Запала в ум князю одвідати Дону
Велика охота;
І божее знам'я йому заступила
Сердечна скорбота.
«Хочу,— каже,— з вами в Половецькім полі
Коп'є ізломити!

Там голову хочу свою положити
Або сим шоломом того Дону пити!»

О Бояне, соловею

Давньої години!

Коли б ти защебетав був

Про оці дружини!

Коли б ти ізвив був славу

Вкруг сеї години!

Розливаюсь соловейком

По думчому древу,

Пролітая орлом сизим

По синьому небу,

Рища вовком-сіроманцем

По дальньому степу;

По Трояновій дорозі

В гори, в доли мчася,

О, тобі було співати

Внуку того князя:

«То не буря в степ широкий

Соколів промчала;

То на Дон великий тягне

Чорних галок хмара!»

3. ПРИХОД ВСЕВОЛОДА ИЗ КУРСКА

Чи не так би співать лучче,

О Велесів славний внуче:

Іржуть коні за Сулою,

А в Києві дзвентить слава;

Трублять труби над Десною,

У Путивлі стоять стяги...

А князь Ігор над Осколом

Брата друга дожидає,

Іде буй-тур Всеволод князь

І словами промовляє:

«Один брат мені ти рідний,

Один світ мені ти світлий,

Ігор милий! Ми з тобою

Святославичі обое!

Сідлай, брате, свої коні,

А мої тобі готові,

Іще в Курську посідлані.

Для тебе й мої куряни

Люди добрі повдавались:

Під трубами сповивались,
У шоломах колихались,
Кінцем коп'я годувались,
Всі дороги ісходили,
Всі яруги огляділи,
Тугі луки натягнули,
Повні тули розімкнули,
Добрі шаблі нагостили;
А самі, як вовки сірі,
Скачуть в полі, щоб достати
Собі честі, князю слави!»

4. ГРОЗНАЯ НОЧЬ

В той час Ігор князь у стремінь
Золотий ступає,
І по чистому він полю
Іде, проїзжає.
Ясне сонце йому тьмою
Там путь заступало,
А тут темна ніч грозою
Йому застогнала.
Пробудилась сонна птиця,
Звір'є проквіляє;
От і Див уже над дровом
Виє і гукає;
То землі він Половецькій
Звістку посилає:
К Волзі, к Сулі, на Помор'є
В Сурож, в Корсунь славний,
І тобі, Тмутороканський
Ідоле поганий!

Біжать к Дону небитими
Половці шляхами;
Кричать гарби, як лебеді,
Летячи степами.
Ігор князь на Дон великий
З військом поспішає.
А його біди вже птиця
В лозах доглядає;
Вовки сірі по яругах
Грози вижидають;

Орли клекотом на кості
Звір'є закликають;
На щити червоні брешуть
Лисиці по полю.
О святая Руська земле,
Ти вже за горою!
Довго, довго ніч темніє;
Зоря-світ не мріє;
Поля-степи половецькі
Густий туман криє;
Солов'їв не чутно; галич
Говір підіймає.
Руське військо по широкім
Полям поспішає,
Іх червоними щитами
Перегорожає,
Собі честі, князю слави
Воно добуває.

5. ПОБЕДА НАД ПОЛОВЦАМИ

Вони в п'ятницю уранці
Половців спіткали
І поганії полки їх
Побили й стоптали;
І, розсипавшись стрілами
По чистому полю,
Дівчат гарних половецьких
Помчали з собою;
З ними золото і срібло,
Парчі-златоглави,
Оксамити дорогії —
До себе забрали;
А саквами, опанчами,
Кожухами тими
І всім збіжжям, що погані
Половці носили,
По болотах і грязюках
Мости помостили.
А червонеє те знам'я,
Біле корогвище,
І червону пишну чілку,
І срібне ратище —
Святославичу вручали,
Його привітали.

От Олега гніздо сміле
У полі спочило.
Так далеко на чужину
Воно залетіло!
Не в обиду ж було воно
На світ породилось;
Ні соколу, ні кречету
Воно не корилось,
Ані тобі, ворон чорний,
Половчин позорний!
Кза поганий сірим вовком
Біжить, поспішає;
Кончак вражий йому к Дон'
Сліди прокладає.

в. БИТВА СУББОТНЯЯ

А на другий день, в суботу,
Як стало світати,
Почала зоря кривава
На небі палати;
А од моря чорні хмари
Ідуть, вихожають,
На чотири ясні сонця
Вони надвигають;
А в їх сині блискавиці
Дрижать і блискають.
Ой там бути, там гриміти
Великому грому!
Там іти дощу стрілами
З великого Дону!
На тій річці на Каялі
Коп'ям поломається;
Об шоломи половецькі
Шаблям позбивається!
От Стрибогові унуки,
Вітри, з моря віють
І на Ігореве військо
Все стрілами сіють.
Земля стогне; течуть шумно
Річки засмучені;
В'ється пил понад полями;
Лопочуть знамена.

То ж од Дону і од моря
Враги надвигають;
І вже наше храбре військо
Кругом обступають.
Криком-гиком вражі діти
Все поле покрили;
Ми червоними щитами
Перегородили.

Яр-тур Всеволоде,
Наш удалий княже!
Насамперед стоїш в битві
І на військо враже
Прискаєш стрілами
І гримиш мечами
Об оварській шоломи
Половців поганих.
Там, де тур проскаче
Половецьким полем,
Своїм блискаючи ясным
Золотим шоломом,
Там лежать рядами
Голови погані,
І шоломи порубані
Гострими мечами.
Яр-туру не страшні
Ніякі рани,
Бо весь світ він забуває,
Як до бою стане;
Збуває почесть,
Свій рожай удалий,
Золотий престол отцівський
І Чернігів славний;
І княгиню гарну
Глібовну кохану,
Її любий-милий звичай
І добрий обичай.

7. дума о войнах олеговых

Ой були віки Трояна,
Літа Ярослава,
Були війни і Олега,
Сина Святослава.

Той Олег мечем кував нам
Незгоди да свари;
Руську землю засівав він
Гострими стрілами.
В золотий стремінь ступає
У Тмуторокані;
І великий Всеволод-князь
Слухав дзвін той давній;
А його син Володимир
Добре було дбає,
Що в Чернігові повсякдень
Уші затикає.
А Бориса молодого,
Сина Вячеслава,
Із Олегом на суд смертний
Вела туди слава
І зелений йому килим
В Канині послала.
Ярополк взяв отця свого
З тієї ж Канини,
Між угорських іноходців,
В Київ до Софії.

О, тоді, як був Олег той,
Гориславич лютий,
Засівались і врожались
Незгоди да смути;
Вжитки внука Дажбогова
Марне пропадали;
У князьких незгодах люди
Життя коротали.
Тоді рідко в полях руських
Пахарі гукали;
Часто, трупом ділячися,
Вброни кричали,
Да стадами чорна галич
По полях літала
І, збираючись на добич,
Говір підіймала.
То ж було в ті війни люті,
В ті битви криваві;
А такої битви злої
Іще й не чували.

Ой ізранку до вечора,
 З вечора до ранку
 То не хмари громовії
 Гримлять безустанку.
 Гримлять шаблі об шоломи,
 Летять, свистять стріли
 Да тріщать булатні коп'я
 В далекій чужині,
 У тій дикій половецькій
 Безлюдній пустні.
 Чорна рілля копитами
 Була ізорана,
 А засіяна кістками,
 Кров'ю поливана;
 Уродила ж вона Русі
 Тугу й горювання.
 Що шумить там, що дзвенить там
 Рано на світанні?
 То князь Ігор полем скаче,
 Полки завертає,
 Бо за братом Всеволодом
 Серце замирає.
 Бились день і другий бились,
 На третій, в неділю,
 Впали Ігореві стяги
 В обідню годину.
 Там, на березі кривавім
 Бистрої Каяли,
 Разлучилися два брати
 І в неволі стали.
 І кривавого вина там
 Уже не достало.
 Там-то руської дружини
 Весілля кінчали:
 І сватів своїх впоїли,
 І полягли самі;
 Ой лягли за Руську землю
 Вони головами.
 Жалкуючи, в чистім полі
 Трава повалилась,
 І дерев'є аж на землю
 З туги похилилось.

ИГОРЬ В ПЛЕНУ ПОЛОВЕЦКОМ

9. ПЛАЧ ПЕВЦА О РУСИ

І вже, браття, невесела
Настала година,
Уже нашу славну силу
Пустиня покрила.
В силах внука Дажбогова
Уздвиглась обида;
І на землю Троянову
Дівою ступила;
І всплескала вона криллям,
Як лебідка біла,
Там, по синьому по морю,
Край тихого Дону.
Пробудилося привілля
Годів стародавніх!
Да в князів уже пропала
Вражда на поганих.
«Се мое, і то мое єсть»,—
Каже брат до брата;
За малу річ великую
Почали казати;
І самі на себе стали
Незгоду кувати.
А вороги з побідою
На Русь набігали,
З усіх сторін Руську землю
Вони руйнували.
О, далеко залетів ти,
Наш ясний соколе,
За птахами гонячися
На синєе море!
А вже Ігоревої раті
З мертвих не підняти!
Знов Кончак і Кза поганий
З криком поскакали,
І пожар в огневім розі
По Русі помчали.
Заридали руські жони
І заголосили:
«Вже ж нам мислями не змислить
Дружин наших милих;

Ані думками їх здумать,
Ні очима взріти;
А тим золотом і сріблом
Вже нам не дзвеніти!»
Стогне, браття, Київ з туги,
А Чернігів з горя;
Тоска-печаль серед Русі
Розлилась, як море.
А князі самі на себе
Незгоду кували;
А вороги з побідою
На Русь набігали
І собі по білій з двору
Дані забирали.

10. ПЕСНЬ СВЯТОСЛАВУ КИЄВСКОМУ

Святославичі ж то смілі
Ізнов розбудили
Ту ю тяжкую неславу,
Котрую приспав був
Грізний київський владика,
Святослав великий.
Як гроза, там він мечами прогрімів,
І могучими полками страх навів,
І на землю Половецьку наступив,
Там і гори і яруги він зровнив,
Там і ріки і озера замутив,
А потоки і болота ізсушив;
І як вихор на Кобяка налетів,
З лукоморських полків його ухопив;
І впав Кобяк у Києві на горах,
В Святославових високих теремах.
Там і німці, і венедаці,
І греки, й морава
Величають і співають
Славу Святослава;
Князя Ігоря тимчасом
Кають непомалу:
Втопив золото він руське
Й добро у Каялу!
На тій річці половецькій
З сідла золотого
Пересів уже князь Ігор
В сідло полонного.

Сумні стали од печалі
Городові стіни;
Приунили й затужили
Веселі країни.
Святославу ж великому
Сон приснився дивний.
«От у Києві на горах,
На ліжку тисовім,
Сю ніч,— каже,— мене чорним
Вкривали покровом;
Вино синє з отрутою
Мені наливали;
І все тулами пустими
Половців поганих
Буйний жемчуг насипали
І мене ласкали.
У теремі злотоверхім
Сволока не стало;
І всю ніч на Бусовиці
Вороння кричало;
І були яри глибокі
В Плінську на болоні;
А кияни уже стали
На синьому морі».
Одгадали сон бояри
І князеві кажуть:
«Уже туга полонила
Думи твої, княже!
То два соколи ясненькі
Криллям стрепенули
І з престола золотого
В поле полинули,
Щоб ізнов Тматороканя
Города добиться
Або Дону великого
Шоломом напиться.
І вже шаблями підсікли
Крила соколині,
А їх самих пов'язали
В залізні путини.
Було ж темно на третій день;
І два сонця ясні,

Два стовпи тії червоні
Примеркли й погасли;
І два місяці із ними,
Молоді обоє —
То ж Владимир з Святославом —
Заволоклись тьмою.
І у синьому у морі
Вони потонули;
І велике буйство знову
Ханові вернули.
На тій річці на Каялі
Тьма світ заступила,
І по Русі простяглася
Половецька сила;
Як гніздо свиріпих пардів
Вона разійшлася.
І хула на нашу славу
Уже нанеслася,
Загриміла зла неволя
На вольную волю,
І вже Див той ненависний
Кинувся додолу.
От над синім морем стали
Готськії дівчата
Руським золотом дзвеніти
І пісні співати;
Хвалять Бусову годину
І мечь Шарукана...
А тут уже ніякої
Радості нема нам!»

12. ПЛАЧ СВЯТОСЛАВА

І князь виронив крізь сльози
Слова золотії:
«О мій Ігор, Всеволод мій,
Сини молодії!
Рано землю Половецьку
Стали руйнувати,
І мечами там своїми
Слави добувати;
Да не з честю, мої діти,
Ви там воювали,
Бо не з честю кров погану
Ви там проливали!

Ви в булаті закували
Серця ваші смілі
І в великому завзятті
Добре закалили;
Да що ж се ви моїй срібній
Сідині зробили!
Вже не бачу волі й сили
Ярослава брата.
Де чернігівська дружина
Дужа і завзята?
Де можуть, і татрани,
І вдалі шельбири,
І топчаки, і ревуги,
І смілі ольбири?
Без щитів, тільки з ножами
В поле виїзжають;
В предківську дзвонячи славу,
Криком погромляють.
А ви так, сини, сказали:
«Мужаймося самі!
Ми самі собі добудем
Там нової слави,
А славою предківською
Поділимось самі!»
А чи диво ж і старому
Помолодіть, браття!
Коли сокіл ізлиняє,
Має він завзяття,
Він за птицею женеться
Високо й сердито
І гнізда свого нікому
Не дасть ув обиду.
Да то лихо: мені поміч
Од князів минулась
І та добрая година
Внівець обернулась!

13. воззwanie к князьям

От під шаблями поганих
Ромен пропадає,
А молодий князь Владимир
Од ран знемагає,
Тоска й туга сину Гліба
Серце надриває.

О великий Всеволоде!
Іздалека міг би ти
Вже не думкою одною
Прилетить тепер сюди,
Золотий престол отцівський
Од біди постерегти.
Можеш веслами ти, княже,
Тую Волгу розкропить,
А шоломами ти можеш
Дон великий осушить.
Коли б ти був, дешевизна
На поганих тут була б:
По ногаті б полонянка,
По різані був би раб!
Єсть у тебе чим стріляти
І на суші ворогів:
Живих маєш самострілів,
Вдалих Глібових синів.

Смілий Рюриче й Давиде!
Ой наплавалися ви
Там шоломами своїми
Золотими по крові.
Чи не ваші ж то дружини
А як тури заревли
Од калених гострих шабель
У пустинній стороні?
О, ступіть же у стремена
Золотії ви свої,
За обиду сього часу,
За стон Руської землі
І за рани, що добув їх
Смілий Ігор на війні!

О Галицький Осмомисле,
Славний Ярославе!
Злотокований престол свій
Високо поставив.
Ти залізними полками
Підпираєш гори,
Угорському королеві
Заступив дороги
І широкому Дунаю
Зачинив ворота.

Там, метаючи тяжари
Через сині хмари,
Судиш, рядиш по Дунаю
По свому звичаю.
На всі землі, грізний княже,
Грози насилаєш;
І ворота золотії
В Київ одчиняєш;
І з престола золотого
Салтанів стріляєш!
О, стріляй же, господине,
Кончака поганця,
За святую Руську землю,
За Ігоря князя!

О Романе смілий,
Мстиславе завзятий!
Храбра думка носить ум ваш
Все на подвиг ратний.
Несетесь ви бистро
На криваву битву,
Як за птахом ясний сокіл
Женеться по вітру.
Несетесь ви бистро,
Бо єсть у вас крила,
При шоломах тих латинських
Залізнії крила.
Од їх задрижали
Країни погані,
Деремела і ятвяги,
Литва й половчани;
Свої списи гострі
Вони положили
І під ті мечі булатні
Голови вклонили.

А Ігорю князю
Сонце світ вменшило,
І дерев'є не добре
Листя поронило:
По Сулі й по Росі
Городи побраті;
А вже Ігоровой раті
З мертвих не підняти!

Кличе Дон, князі, вас,
Зове на побіду!
Олегові смілі внуки
Готові на битву.
О Ингварю й Всеволоде,
Сини Ярослава,
І всі три брати завзяті,
Три сини Мстислава!
Шестикрильці ви одного
Гнізда неплохого!
Не побідами ж на владсть ви
Жереби побрали?
Нащо ж ви собі шоломи
Золоті надбали?
Нащо й ті щити червоні
З ляцькими списами?
Загородіть же ворота
Гострими стрілами
Половецькому ви полю
За руську недолю
І за Ігореві рани,
За його неволю!

14. ДУМА ОБ ИЗЯСЛАВЕ ПОЛОЦКОМ

Не біжить у Переяслав
Срібноструйна Сула,
Двина мутно к полочанам
Під Литвою потекла.
Один тільки Ізяслав той,
Молодий син Васильків,
Об литовській шоломи
Там мечами подзвонив.
В свого прадіда Всеслава
Грізну славу перебив.
Да й його ж то положили
Там литовській мечі
На кривавую отаву,
Під червонії щити.
І з собою тую славу
Він на смертне ліжко взяв,
І до прадіда Всеслава,
Умираючи, казав:
«Вже твою дружину, княже,
Птиця криллям укрива,

І вже з неї кров гарячу
Звір голодний полизав!»

Не було там з Ізяславом
Ані брата Брячислава,
Ні другого, Всеволода.
Там єдиний, як сирота,
Зронив душу він жемчужну
Із храброго свого тіла
В золотее ожерелля.
І вже втихли шумні ігри,
Уже співи зацімліли;
Тільки труби городенські
Йому сумно протрубили.

О Ярославе й внуки Всеслава!
Вже в вас нестало дідовської слави.
Схиліть же ваші стяги плохії,
Вложіть же й ваші мечі тупії!
Ви ж то своїми сварами злими
Литві поганій слід проложили
В Руськую землю, в волость Всеслава.
Так з половців нам нужда й неслава
Все через свари на Русі стала.

15. ДУМА О ВСЕСЛАВЕ ПОЛОЦКОМ

От у сьомий вік Трояна
Кинув жереби Всеслав:
Про дві діви йому любі
Він задумав, загадав.
В коні вперся він клюками,
В город Київ поскакав
І престола золотого
Там ратищем був дістав,
І з Білгорода впівночі
Лютим звірем поскакав;
Повис в синьому тумані,
У Новгород полетів
І уранці таранами
Там ворота одчинив;
Пишну славу Ярослава
Погромив він і розбив;

І з Дудуток на Немигу
Сірим вовком потузив.
На Немизі головами
Стелять по полю снопи,
Жизнь кладуть на тік, молотять
Там булатніі ціпи,
Там од тіла душу віють;
По кривавим берегам
Не жита, все кості сіють,
Руських кості сіють там.
Всеслав людям суди судив
І ряди рядив князям,
А сам вовком-сіроманцем
Бігав, рискав по ночам.
Із Києва він до півнів
В Тмуторокань добігав,
І великому Хорсові
Вовком путь перебігав.
Дзвонять в Полоцьку в Софії
До заутрені йому,
А він слухав, як у дзвони
Дзвонять в київськiм храму
Душа віща й тіло гарне —
Да біди він бідував.
К тому здавна й Боян віщий
Добру приспівку сказав:
«Будеш хитрий, будеш бистрий,
Хоть і птахом полинеш,
Да все божого ти суду
Не обійдеш, не минеш!»

О постогнеш, Руська земле,
Пом'янувши давній час
І князів великодушних,
Що були тоді у нас!
Володимира старого,
Що, як сонце в небесах,
Прикувать було не можна
Там на Київських горах.
Його стяги величаві
Не в одних уже руках:
Тії Рюрикові стали,
Ті в Давидових полках;

І хоть носять вони роги,
Тільки ж машуть їм хвости.
Вигравають по Дунаю
Його коп'я золоті.

16. ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Чутно голос Ярославни.
Як зозулька на зорі,
Заридала, загукала
У Путивлі на стіні:
«Я зозулькою далеко
По Дунаю полечу
І бобровий рукавець мій
У Каялі обмочу;
Свого милого я князя
До серденька пригорну
І криваві його рани
Я промию, обітру!»

То княгиня Ярославна
У Путивлі на стіні
Заридала, загукала,
Як зозулька на зорі:
«Ой ти вітре, буйний вітре!
Чого все напротив дмеш
І на легких своїх крильцях
Стріли ханськії несеш?
Чи то ж мало тобі віять
З облаками угорі
Да по синьому по морю
Колихати кораблі!
Нащо ж, вітре, буйний вітре,
Нащо радість ти мою
В чистім полі вже розвіяв
По срібному ковилю!»

То княгиня Ярославна
У Путивлі на стіні
Заридала, загукала,
Як зозулька на зорі:
«Ой ти Дніпре-Славутицю!
На простір собі пробив
Круті гори кам'яніі
Через землю половців.

І до війська Кобякова
В час великої війни
Ти доносив, Дніпре славний,
Святославові човни.
Принеси ж до мене князя,
Друга милого мого,
Щоб я слъоз моїх не слала
Все на море до його!»

То княгиня Ярославна
У Путивлі на стіні
Заридала, загукала,
Як зозулька на зорі:
«Сонце ясне і прекрасне!
Всім тепло і світ даєш;
Нащо ж військо мого друга
Ти лучем своїм печеш?
Нащо їм в безводнім полі
Луки смагою звело,
І їх тули за плечима
Лютим горем затягло!»

Часть III

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИГОРЯ НА РУСЬ

17. БЕГСТВО ИГОРЯ

Море приснуло к півночі,
Стовп туманний потягнувсь:
То бог каже путь-дорогу
Князю Ігорю на Русь,
Щоб з неволі на отцівський
Золотий престол вернувсь.
От вечірні зорі згасли;
Ігор спить; ні, він не спить,
Поле мислями він мірить,
Де Донець да Дон біжить.
Кінь за річкою готовий,
От і свиснув там Овлур,
Звістку князю посилає —
І князь Ігор як не був!
Стукнув, гукнув степ широкий
І травною прошумів;

Уздвигнулись опівночі
Сонні вежі половців.
А князь скочив горностаєм
В очерет високий
І поплив, як білий гоголь,
Через Тор глибокий,
А там кинувсь на коня він,
Мчитьсь скільки духу;
З коня скочив, побіг вовком
К донецькому лугу;
А там соколом він ясным
Летить у тумані;
Б'ючи гуси і лебедів
На страви доладні —
На обід і на вечерю,
На снідання ранне.
Летить соколом князь Ігор;
За ним вовком босим
Овлур мчитьсь, труся в лузі
Холоднії роси.
Надірвали вони в гоні
Свої бистрі коні.

18. ДОНЕЦ-РЕКА

От біжить Донець веселий,
До Ігоря каже:
«Ой не мало честі й слави
Буде тобі, княже,
А Кончакові досади,
А Русі одради!»
Ігор каже: «Донче любий!
Буде й тобі слави,
Що ти князя так леліав
На хвилях привітних,
Що під деревом зеленим
На берегах срібних
І зеленую травицю
Йому постилав ти,
І теплими туманами
Його укривав ти;
Що його так доглядав ти
З води гоголями,
А чорнятами на вітрах,
На струях чайками.

Чи така ж річка Стугна?
Лиху бистрю має,
Що руч'ї вона чужії
У себе вбирає,
А з себе глибокі струги
В кущах прокладає.
Молодого Ростислава
Вона утопила,
І Дніпровий темний берег
Йому затворила.
Плаче й тужить стара мати
По своїм дитяті,
По коханім Ростиславі,
Молодім княжаті.
Жалкуючи, в чистім полі
Пов'янули квіти
І дерев'є аж на землю
Похилило віти.

19. погоня

Не сороки то скрегочуть
По дикому полю,
То Кза скаче із Кончаком
За князем в погоню.
У той час уже сороки
Там не скреготали,
І ворони не кричали,
І галки мовчали;
Вони тільки в густих лозах
Помалу скакали.
Дятли стуком путь-дорогу
Ік Донцю взначають,
Солов'ї веселим співом
Ясний день вітають.

А лихий Кза до Кончака
Каже, промовляє:
«Коли вже наш ясний сокіл
До гнізда літає,
Золоченими стрілами
Соколяця ми розстріляєм!»
А Кончак до Кзи лихого
Каже, промовляє:

«Коли вже наш ясний сокіл
До гнізда літає,
То красною дівчиною
Сокольця ми стенетаєм!»
А лихий Кза до Кончака
Так відповідає:
«Як красною дівчиною
Його стенетаєм,
То не буде сокольця в нас,
Ні дівчини тої,
І почне нас птиця бити
В Половецькім полі».

Боян віщий, піснетворець
Годів стародавніх,
Співаючи про походи
Князів наших славних,
Святослава, Ярослава
І Олега того,
Про походи на когана
Сказав таке слово:
«Тяжко-важко да без плечей
Голові зостаться,
Біда-горе й тому тілу
Без голови статься!»
І тобі так, Руська земле,
Без Ігоря-князя.

20. ИГОРЬ НА РУСИ

Ясне сонце в небі сяє,
Ігор в Руськім краї.
От дівчата заспівали
На тихім Дунаї.
В'ються пісні голоснії
Через море в Київ:
Іде к святій Пирогощі
Ігор на Боричев.
Звеселилися країни,
Городи зраділи.
Старих князів величають,
Молодим співають:
Слава Ігореві князю,

Буй-тур Всеволоду,
Владимиру молодому
І всьому їх роду!
Многа літа князям славним
І дружинам справним,
Що б'ють військо бусурманське,
За мир християнський!
Слава князям і дружинам
По всім країнам!

1857, 1859

Тарас Шевченко

Отривок из

«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

(Бой на Каяле)

З передсвіта до вечора,
А з вечора до досвіта
Летить стріла каленая,
Бряжчить шабля о шеломи,
Тріщать списи гартовані
В степу, в незнаемому полі,
Середі землі Половецької.

Земля чорна копїтами
Поорана, поритая;
Костьми земля засіяна,
А кровію политая.

І журба-туга на тім полі
Зійшла для Руської землі.

Що гомонить отам, зичить
Удосвіта? То повертає
Той Ігор військо на пригоду
Тому буй-туру Всеволоду.

І бились день,
І другий билися,
Та коло полудня на третій
Поникли Ігореві стязі.

Отак на березі Каяли
Брати різнились, бо нестало
Крові-вина!.. Допировали
Хоробрі русичі той пир,
Сватів упоїли,
А самі простяглися
За землю Руськую. Хилилась
І слалась, плачучи, трава;
Високігнулись дерева..,
Додолугнулись, журились!

6 юля 1860

Максим Рыльський

СЛОВО ПРО ІГОРІВ ПОХІД

Чи не гоже було б нам, браття,
Розпочати давніми словами
Скорбну повість про Ігорів похід,
Ігоря Святославовича?
А зачати нам отую пісню
По сьогоднішніх бувальщинах,
Не по намислу Бояновім.
Боян бо наш віщий,
Як хотів кому пісню творити,
Розтікався мислю по дереву,
Сірим вовком по землі,
Сизим орлом попід хмарами.
Спогадає перших днів усобиці —
Випускає він десять соколів
А на зграю лебединую:
Котру сокіл доганяє,
Та перша і пісню зачинає —
Чи старому князю Ярославові,
Чи Мстиславові хороброму,
Що зарізав Редедю
Перед полками касозькими,
А чи красному Роману Святославовичу.
Боян же, браття, не десять соколів
Напускав на зграю лебединую,—
Накладав він на живі струни
Віщі персти свої,
І самі вони славу князям рокотали.
Зачнемо ж ми, браття,
Від старого Володимира
До Ігоря сьогоднішнього.
Ігор сей, славен князь,
Міццю розум оперезав,

Мужністю сердечною нагострив,
Ратного духу виповнився
Та й повів полки свої хоробрі
На землю Половецьку,
За землю Руську.

О Бояне, солов'ю наш давній!
Тобі б сей похід ошебетати,
По дереву мислі пурхаючи,
Розумом ширяючи під хмарами,
Давню славу звиваючи з новою,
Летючи тропою Троянвою
Через степи на море.
Тобі б співати пісню Ігореві,
Ігореві, Олега внукові:
«Не буря ясных соколів
Занесла через поля широкі,—
Галич лине зграями
К Дону великому».
А чи так би заспівати тут,
Віщий Бояне, внуче Велесів:
«Іржуть коні за Сулою,
Слава дзвенить у Києві,
Сурми сурмлять в Новгороді,
Стяги мають у Путивлі-граді».
Дожидає Ігор брата Всеволода.
Каже йому буй-тур Всеволод:
«Один брат, один світ світлий, Ігорю,
Обидва ми Святославовичі.
Сідлай, брате, свої коні бистрі,
Мої-бо вже готові стоять,
Під Курськом осідлані.
А мої куряни — вправні воїни,
Під сурмами сповиті,
Під шоломом викохані,
З кінця списа годовані.
Всі путі їм відомі,
Яруги їм знайомі,
Луки в них напружені,
Сагайдаки відкриті,
Шаблі нагострені;
Самі скачуть, як вовки сірі в полі,
Шукаючи собі честі,
А князеві слави».

Глянув Ігор на ясне сонце
 Та й побачив — військо тьма покрила,
 І сказав до дружини-вояцтва:
 «Браття мої, друзі вірні!
 Лучче нам порубаними бути,
 Ніж полону зазнати!
 А сядьмо, браття,
 На бистрі свої коні,
 На синій Дон погляньмо».
 Зажадалося князеві
 На провіщання не зважати,
 Пошукати долі на Дону великім.
 «Хочу, — каже, — з вами, русичі,
 Чи списа зломити
 При полі Половецькому
 Та й наложити головою,
 Чи шоломом пити воду з Дону».
 Ой же ступив та Ігор-князь
 У золоте стремено
 Та й поїхав по чистому полю.
 Сонце йому тьмою шлях закрило,
 Буря розбудила птаство,
 Звіра в табуни ізбила свистом.
 Див кричить на верху дерева,
 Велить послухати землі незнаній, —
 Волзі та й морю,
 Сулі та й Сурожу,
 Корсуню ще й тобі,
 Тмутороканський ідоле!

А половці дорогами небитими
 Помчалися к Дону великому.
 Риплять вози опівночі,
 Мов ті лебеді ячать сполохані.
 Ігор на Дон війська веде,
 А вже лихо його тяжкее
 Підстерігають птахи на дубах,
 Вовки грозу в ярах навивають,
 Орли-білозерці клекотом
 Звірину скликають на кості,
 Лисиці брешуть на щити багрянні.

О Руська земле,
Уже ти за могилою!

Довго ніч темніє.
Зоря-світ запалала.
Сивий туман покриває поле,
Примовкає солов'їний щебет,
Галчиний гомін здіймається.
Загородили русичі
Поле щитами багряними,
Шукаючи собі честі,
А князеві слави.

* * *

У п'ятницю рано-пораненьку
Разтоптали вони полки погані,
Полки половецькі,
Стрілами у полі розсипались,
Умикали красних дівчат половецьких,
Тканинами, оксамитами та кожухами
Ще й уборами пишними половецькими
Мости по болотах вимощували.
Багряне древко, а корогва біла,
Багрян бунчук, а держало срібне —
Відважному Святославовичу!

Дрімає в чистому полі
Олегове гніздо хоробре,
Далеко залетіло-залинуло!
Не вродилось воно кривду терпіти
Ні від сокола, ні від кречета,
Ані від чорного того ворона,
Від поганого половчанина!
Біжить Гзак, сірим вовком стелеться,
Кончак слід йому показує
К Дону великому.

Ой рано-вранці пораненьку
Кривава зоря світ-день ізвістує,
Чорні хмари находять з моря,
Чотири сонця закрити хочуть.
Трепече в них синя блискавка,—
Бути грому великому,

Литися дощеві стрілами
З Дону великого.

Тут же то списам поламатися,
Тут же то шаблям пощербитися
Об шоломи половецькі
На річці Каялі
Близько Дону великого!
О Руська земле,
Уже ти за могилою!

Се вітри, внуки Стрибогові,
Віють з моря стрілами
На хоробрі полки Ігореві.
Земля гуде,
Вода в ріках каламутиться,
Порохи поле вкривають,
Гомонять стяги,
Половці наступають від Дону,
Від Дону та й від моря
І відо всіх сторін широких,
Обступили полки руські.
Діти бісові поле чисте
Криком перегородили,
А хоробресильні русичі
Своїми щитами багряними.

Славний яр-тур Всеволоде!
Стоїш ти на полі ратному,
Сиплеш на воїнів стрілами,
Гримиш об шоломи половецькі
Мечами гартованими.
Де тільки тур виросте,
Золотим своїм шоломом посвічуючи,
Там і лежать зітнуті
Нечестиві голови половецькі,
Ще й шоломи аварські,
Шаблею посічені булатною —
Твоєю, яр-тур Всеволоде!
Чи то на рани зважати йому,
Що забув і почесі й життя своє,
І веселий Чернігів-город,
І отецький золотий престол,
І всі звичаї та обичаї
Красної своєї дружини Глібівни!

Були віки Троянові,
Минулися літа Ярославів,
Одгули війни Олегові,
Олега Святославовича.
Той-бо Олег мечем незгоду кував,
Стріли розсівав по землі.
Як ступав він в золоте стремено
У Тмуторокані,—
Дзвін той чув син Ярославів,
Великий Всеволод.
А Володимир-князь у Чернігові
Уші собі щоранку затикав.
Бориса ж Вячеславовича
Хвальба на суд привела,
На тирсі зеленій
Погребний покров слала,
Карала за кривду Олегову,
Молодого князя відважного.
Тож із Каяли тієї
Ізвелів князь Святополк
Тіло батька свого взяти,
Між іноходцями угорськими покласти.
Везти до святої Софії київської.
Отоді за Олега Гориславовича
Сіялись-росли усобиці,
Гинули внуки Даждьбогові,
В княжих чварах віку позбавлялися,
Отоді в землі Руській
Не так ратаї гукали-покликали,
Як ворони крякали-кричали,
За трупи перекір маючи,
Чорні галки одна одну кликали,
На поживу вилітаючи в поле.

Так було за битв колишніх,
А такого побою ще не чувано!
З ранку красного до вечора,
З вечора до світу ясного
Летять стріли гартовані,
Гримлять шаблі об шоломи,
Тріщать списи булатні
У полі невідомому,
Серед землі Половецької.
Чорна земля під копитами,

Кістями засіяна,
Кров'ю полита,—
Тугою зійшли тії кості
На Руській зємлі!
Що то шумить, що то дзвенить
Перед зорею ранньою?
Ігор полки свої повертає,
Жаль йому брата любого Всеволода.
Бились день та бились і другий,
А на третій, в південну годину,
Похилились Ігореві стяги!

Тут брати розлучились
Над рікою Каялою бистрою.
Не стало вина кривавого,
Закінчили своє погуляння русичі,
Сватів своїх добре напоїли,
Самі полягли за землю Руську.
Никне трава жалощами,
Дерево з туги к землі клониться.
Невесела, браття, настала година,
А що силу руську пустиня вкрила!

Встала тоді обида
В силах Даждьбожого внука,
Дівою ступила на землю Троянову,
Сплеснула крильми лебединими,
На синьому морі
Біля Дону плещучись,
Прогнала часи достатку.
Перестали князі невірних воювати,
Стали один одному казати:
«Се моє, а се теж моє, брате!»
Стали вони діла дрібні
Вважати за великі,
На себе самих підіймати чвари,—
А невірні з усіх сторін находили,
Землю Руську долали.
Ох, далеко ж ти залетів,
Ясен соколе,
Птиць край моря побиваючи!
Ігорового війська преславного
Довіку вже не воскресити!

Зайшов тоді стогін великий,
 Розтялися тяжкі прокльони
 По землі Руській.
 Ой покликнули Карна і Жля,
 Побігли по Руській землі,
 Огонь роздмухуючи
 В розі полум'яному.
 Жони руські заплакали,
 Словами промовляючи:
 «Вже ж нам про милих своїх
 Ні мислю не помислити,
 Ні в думці не подумати,
 Ні очима їх не побачити,
 Вже ж нам серебром-золотом
 Довіку не тішитись!»

Застогнав тоді Київ тугою,
 Заголосив Чернігів напастями,
 Журба розлилась по Руській землі,
 Печаль гірка розтеклася.
 А князі самі на себе
 Незгоду взяли кувати,
 А невірні набігали на Руську землю,
 По білиці з двору данини брали.
 Тож бо два хоробрі Святославовичі,
 Ігор та Всеволод,
 Розбудили лихо недобре,
 Що приспав був отець їх,
 Святослав грізний великий Київський.
 Був же він грозою на ворога,
 Приборкав його полками сильними
 Ще й мечами булатними,
 Наступив на землю Половецьку,
 Потоптав гори та яруги,
 Скаламутив ріки й озера,
 Висушив болота і потоки,
 А невірного Кобяка з лукомор'я
 Од залізних полків половецьких
 Мовби той вихор вихопив,—
 І упав Кобяк у Києві,
 У світлиці Святославовій.

Тут німці і венеційці,
Тут греки і морав'яни
Славу співають Святославові,
Гудять Ігоря Святославовича,
Що потопив скарби в Каялі половецькій,
Руського золота в неї насипав.
Пересів Ігор князь із сідла золотого
В сідло невольницьке,
Мури в містах засмутилися,
Померкли веселощі.

* * *

Смутен сон приснився Святославові
На горах Київських.
«Укрили мене,— каже,— звечора
Чорним заиналом на ліжку тисовому,
Черпали мені синього вина
З отрутою мішаного,
Сипали мені на лоно
Сагайдаками порожніми поганськими
Перли великі
Та ще й мене голубили,—
А вже в моїм теремі злотоверхім
Покрівля розвалена,
З вечора до ранку самого
Сизокрилі ворони крякали
Коло Плісненська на оболоні,
Похоронні сани їхали
До синього моря».
І сказали бояри князеві:
«Туга, князю, ум полонила!
Се ж бо злетіли два соколи
З отецького столу золотого
Пошукати города Тматорокані,
А ще й з Дону шоломом напиться.
Повтинали поганці їм крила,
Закували їх самих у залізо.

Темно було того дня:
Померкли два сонця,
Два багряні стовпи погасли,
Ще й два молоді місяці,

Олег і Святослав,
Тьмою огорнулись.
На ріці Каялі мла світ закрила,
Розсипались по землі половці,
Мов та згряя лютих пардусів,
Потопили наших у морі,
Хану своєму велику дали потугу.
Уже ганьба славу поборола,
Уже насильство побило волю,
Уже див шугнув на землю.
Заспівали готські діви красні
На березі синього моря,
Руським золотом видзвонюють,
Співають про часи недавні,
Славлять помсту Шароканову.
А нам тепер, друзі-дружино,
Не до веселощів!»

Зронив тоді великий Святослав
Золоте слово, зо слізьми змішане:
«Дітки мої, Ігорю і Всеволоде!
Рано взялись ви землю Половецьку
Мечами разити,
А собі слави шукати.
Не з честю ви ворога подолали,
Не з честю пролили кров поганську.
Серця ваші хоробрі
З булата міцного викуті,
Буйною відвагою гартовані.
Що ж бо зробили ви
З сивиною моєю срібною?
Уже не бачу я влади сильного,
На війська багатого
Брата мого Ярослава
З чернігівськими боярами,
З могутами і з горянами,
З зайдиголовами та з похожанами,—
Ті без щитів,
Із ножами захалаявними
Криком війська побивають,
Прадідною славою видзвонюючи.
Ви ж сказали: «Самі мужаймось,
Самі візьмем славу прийдешню,
Колишньою самі поділимось».

Чи то диво, браття,
Старому помолодіти?
Коли сокіл перелиняє,
Високо він птахів ганяє,
Не дає гніздо своє скривдити.
Тільки ж лихо: не маю підмоги
Від князівства, братів моїх кривних.
Невесела година настала!
Уже Римів кричить
Під шаблями половецькими,
А Володимир поранений-порубаний,
Туга і печаль сину Глібовому!

Великий князю Всеволоде!
Чи не прилинув би ти здалека
Отчий золотий престол покріпити?
Твої-бо воїни можуть
Волгу веслами розплескати,
А Дон шоломами вилити,
Коли б ти був,—
Продавалась би невільниця по ногаті,
А невільник — по різані.
Ти-бо можеш на суходолі
Живими стріляти самострілами —
Завзятими синами Глібовими!

Ти, буй-Рюриче, і ти, Давиде!
Чи не ваші воїни
Золотими шоломами
У крові ворожій плавали?
Чи не ваша хоробра дружина
Рикає, мов ті тури,
Ранені шаблями гартованими
В полі незнаному?
А вступіть же, панове-браття,
В золотее стремено
За кривду сьогочасну,
За землю Руську,
За рани Ігореві,
Хороброго Святославовича!

Галицький Осмомисле Ярославе!
Високо сидиш ти
На своїм золотокованім престолі.

Підперши гори Угорські
Своїми залізними військами,
Заступивши королеві дорогу,
Зачинивши ворота на Дунаї,
Через хмари каміння кидаючи,
Суд по Дунай рядячи.
Грози твої по землях течуть.
Одчиняєш ти браму Києву,
Стріляєш із отчого столу золотого
На султанів у далеких землях.
Стріляй, господарю, Кончака,
Раба поганого,
За землю Руську,
За рани Ігореві,
Хороброго Святославовича!

А ти, буй-Романе, і ти, Мстиславе!
Мисль одважна
Покликає ваш розум на діло.
Високо плаваєш ти, Романе,
В подвигах ратних,
Як той сокіл на вітрі ширяючи,
Птицю долаючи одвагою.
Маєте ви залізнi нагрудники
Під шоломами латинськими.
Та й не одна країна гунська,
Литва ще й ятвіги,
Деремела й половці
Списи свої покидали,
А голови преклонили
Під тими мечами будатними!

Та вже князю тому Ігореві
Світ-сонце примеркло,
А дерево не на добро
Листя своє зронило,
Понад Россю та й понад Сулою
Городи поділено!
Уже Ігорового війська славного
Не воскресити!
Дон тебе, князю, кличе,
Князів на подолання ззиває.
Хоробрі князі Ольговичі
Готові до бою!

Інгвар і Всеволод
І всі ви, три Мстиславовичі,
Не лихого гнізда кречети,—
Чи не в битвах,
Не в звитягах славетних
Здобули ви собі володіння?
Де ж ваші золоті шоломи,
Щити добрі і списи ляські?
Загородіть полю ворота
Гострими своїми стрілами
За землю Руську,
За рани Ігореві,
Хороброго Святославовича!»

Уже Сула бистрая
Не рине срібними струмнями
До города Переяслава,
Двина-ріка тече болотами
Назустріч грізним полочанам,
Крик поганих розтинається!
Сам тільки Ізяслав, син Васильків,
Подзвонив мечами своїми гострими
У шоломи литовські.
Приголубив він славу ратну
Діда свого Всеслава,
А самого його під щитами багряними
Литовські мечі приголубили.
І сходив він кров'ю юною,
Сам собі слово промовляючи:
«Дружину твою, княже,
Укрили птиці крилами,
Звірі її кров полизали».

Не було там брата Брячислава,
Ані другого, Всеволода,
Сам-один зронив він перлову душу
Крізь золоте намисто.
Голоси жалобою лунають,
Навкруги веселощі примовкли,
Трублять труби городенські.
Ярославе і всі внуки Всеславові!
Преклоніть ви свої корогви,
Укладіте в піхви мечі оганьблені,
Втратили-бо ви дідівську славу!

Ви своїми чварами
Зачали наводити невірних
На землю Руську,
На життя Всеславове!
Що ж то була за наруга
Через лихі усобиці
Від землі Половецької!

На сьомім віці Трояновім
Метнув князь Всеслав жереб
На дівчину, йому любу.
Сів він на бистрого коня,
Помчався до Києва-города,
Діткнувся кінцем списа
До золотого столу київського.
Поринув він лютим звіром
Серед ночі темної
Із города Білгорода,
Окрився млою синьою,
А вранці-рано
Відчинив сокирами браму новгородську.
Розбив славу Ярославову,
Скочив вовком до Немиги з Дудуток.

Не снопи кладуть на Немизі,—
Кладуть голови молодецькі,
Молотять ціпами булатними,
Стелять на току життя,
Одвівають душу від тіла.
Береги криваві немизькі
Не добром-збіжжям засіяні,—
Засіяні кістьми синів руських.
Всеслав-князь людей судив.
Городи мирив із князями,
А сам вовком серед ночі темної
Вибігав із города з Києва,
До півнів сягав Тмутороканя,
Вовком путь перебігаючи
Великому Хорсові.
Йому в місті Полоцьку
Дзвонили дзвони до заутрені
У святій Софії раннім-рано,
А вже в Києві він чув той дзвін.

Віща душа була
В тілі його молодецькому,
А не раз, не два біди зазнавала.
Тим же то Боян віщий
І склав колись мудру приповідку:
«Ні мудрому, ні меткому,
Ні за пташку прудкішому
Суда божого не минути!»

Ой і стогнати землі Руській,
Колишні часи і князів колишніх
Пригадуючи!
Не можна ж було прикути
Того старого Володимира
До гір Київських!
Стали-бо корогви
Одні Рюрикові, інші — Давидові,
В різні боки вони розвіваються,
Списи співають на Дунаї!

* * *

Ярославни княгині чути голос.
Як та чайка-жалібниця,
Стогне вона вранці-рано.
«Полечу, — каже, — зозулею по Дунаю,
Умочу бобровий рукав
У Каялі-ріці,
Обмию князеві криваві рани
На тілі його дужому!»
Плаче-тужить Ярославна
Вранці в Путивлі на валу,
Словами промовляючи:
«О вітре, вітрило!
Чому, господарю, силою вієш?
Чому мечеш ворожі стріли
На крилах своїх легких?
Проти воїнів мого милого?
Чи то мало тобі шугати нід хмарами,
Кораблі на синім морі гойдаючи?
Чому, господарю, по ковилі срібній
Розсіяв ти мої радощі?»

Плаче-тужить Ярославна
Вранці в Путивлі на валу,
Словами промовляючи:
«О Дніпре-Славуто!
Пробив ти кам'яні гори
Крізь землю Половецьку,
Гойдаєш кораблі Святославові,
До полків несучи Кобякових.
Принеси ж ти, господарю,
До мене мого милого,
А не слала б я сліз йому ревних
На море пораненьку!»
Плаче-тужить Ярославна
Вранці в Путивлі на валу,
Словами промовляючи:
«Сонце світле, трисвітле!
Для всіх ти тепле і красне!
Чому ж, сонце-господарю,
Простерло гаряче своє проміння
На воїнів мого милого
У полі безводному,
Спрагою їм луки посушило,
Тугою сагайдаки склепило!»

* * *

Опівночі море заграло,
Мла іде стовпами-вихрами,
Ігореві-князю бог путь являє
Із землі Половецької
На землю Руську,
До отецького золотого престолу.
Погасла зоря вечорова,
Ігор спить, Ігор не спить,
Ігор мислю поле міряє
Од великого Дону
Та й до Дінця малого.
Овлур свиснув на коня за річкою,
Подає вістку князеві...
І нема вже князя Ігоря!
Стогне-гуде земля,
Шелестить трава,
Намети половецькі сколихнулися.

А Ігор-князь поскочив горностаєм
Між очерети високі,
Білим гоголем на воду полинув.
Іспав же він на коня бистрого
Ще й помчався вовком-сіроманцем
До лугу донецького,
Ще й полетів ясным соколом,
Гуси-лебеді в тумані сизому
На підживок собі забиваючи.
Коли Ігор соколом летить,
Овлур сірим вовком стелеться,
Студену росу струшуючи:
Заморили ж вони бистрі свої коні.

Каже Донець: «Княже Ігорю!
Не мало тобі слави,
Кончакові — досади лютої,
А Руській землі веселощів!»

Каже Ігор: «О Донець-ріко!
Не мало тобі слави,
Що носив ти князя на хвилях,
Стелив йому траву зелену
На берегах срібних,
Окривав теплим туманом
У затінку зеленого дерева,
Стеріг на воді гоголем,
На хвилі птахом-рибалкою,
На вітрі качкою-чорнухою!»
Не така ж та річка Стугна,
Що мало води в собі має,
Та чужі забирає собі потоки,
Широко в гирлі розливаючись!
Потопила вона край темного берега
Юнака князя Ростислава.
Плаче мати Ростиславова
По юнакові Ростиславу князеві!
Никли квіти жалощами,
Дерево з туги к землі клонилося!

Не сороки заскрекотали,—
Ідуть Гзак і Кончак
Слідом Ігоревим.

Тоді ворони не крякали,
І галич примовкла,
І сороки не скрекотали,—
Тільки полози повзали,
Тільки дятли стукотом
Шлях до річки показували,
А ще соловейки співом веселим
Ясен світ віщували.

Каже Гзак Кончакові:
«Коли сокіл до гнізда відлітає,—
Не пустім молодого соколяти,
Золотими стрілами застрельмо».

Каже Кончак Гзакові:
«Коли сокіл до гнізда відлітає,—
То опутаймо соколя його
Красною дівчиною».

Каже Гзак Кончакові:
«Як опутаєм його
Красною дівчиною,
То не бачити нам ні соколяти,
Ані дівчини тієї красної,
Тоді нас птахи почнуть бити
В полі нанюму Половецькому!»

* * *

Сказав Боян, піснетворець давній
Часу Олега ще й Ярослав,
Про дні сказав Святославові:
«Тяжко голові без плечей,
А зле тілу без голови».
Так само тяжко й Руській землі
Без князя Ігоря.

Сонце сяє в небі ясному,
Ігор-князь — у Руській землі!
Дівчата співають на Дунаї,
В'ються голоси через море
До Києва-города.
Іде Ігор Боричевим
До святої Богородиці Пирогошої.

Землі раді, городи веселі,
Співають вони про давніх князів,
Про молодих виспівують.
Слава славна Ігорю Святославовичу,
Буй-турові Всеволоду,
Володимирові Ігоревичу!
Здоров'я князеві й дружині,
Що борються за народ християнський
Із військами поганями!
Князям і дружині слава!

Аміль.

1939, 1952

Янка Купала

СЛОВА АБ ПАЛКУ ІГАРАВЫМ

1

Ці не добра было бы нам, брацці,
Старадаўнымі словы пачаці

Сказ аб Ігара трудным паходзе,
Святаславіча-князя прыгодзе?

А пачацца сягачасным ладам
Песні той,— не Баянавым складам!

Бо Баян чарадзейны, як песняй
Захацеў каму пеці пачэсне,

Расцякаўся ён мысляй па дрэву,
Шэрым воўкам па полі пасеву,

Сізакрылым арлом пад аблокі,—
Так захопліваў свет ён далёкі!

Помніў ён бо, як кажуць, старыны
І разрухі ўсе даўных часінаў.

Выпушчаў дзесяць сокалаў радам
Ды на белае лебедзяў стада,

А якая з іх сокалу ўпала,
Тая першая песню пяла

Ці старому тады Яраславу,
Ці харобраму князю Мсціславу,

Што ў борцы зарэзаў, як згледзеў,
Перад войскам касожскім Радзедзю,

Або краснаму пела Раману
Святаславічу ў хвалу й пашану.

Але, брацці, не сокалаў дзесяць
Выпушчаў ў свет Баян з пералесіц,

Не лябжае стада, бы ў байцы,—
А ён клаў свае вешчыя пальцы

На пявучыя струны, а тыя
Пелі славу князям, як жывыя.

Дык пачнем жа мы, брацці, сказ гэты
Ад старога ўладзіміра летаў

Да сучаснага Ігара-воя,
Што скуў розум свой сілаю ўдвое.

Навастрыў сваё сэрца адвагай,
Барацьбянай напоўніў дух смагай

І павёў цераз сёлы і вёскі
Свае дужыя, храбрыя войскі

На зямлю Палаўчан, на змаганне
Ды за Рускай зямлі бытаванне!

2

Як зірнуў тады Ігар на сонца,
Бачыць — цемра зацмення бясконца

Яго войска пакрыла, як сажай.
Тут дружыне сваёй ён і кажа:

«Ой вы, брацці мае і дружына!
Лепей будзе, каб кожны з нас згінуў,

Чымся быць усім нам у палоне.
Сядзьма ж, брацці, на быстрыя коні

Ды на Дон сінявокі паглянем!»
На вум князю залегла жаданне:

Не зважаючы з неба варожбаў,
Сягнуць Дона вялікага ложбаў.

«Вось хачу,— кажа,— вострую дзёду
Заламаць за бяду і абіду

Аб канец Палавецкага поля;
Хачу з вамі, русіны, за волю

Палажыць сваю голаў да скону
Ці напіціся шоламам Дону».

О Баяне, часінаў мінулых
Салавейка! На струнах бы чулых

Ты апеў бы паход слаўны гэны,
Імкнучы, салавейча нязменны,

Па выдуману дрэву далёка,
Дасягаючы духам аблокаў,

Часаў даўных звіваючы й новых
Сваёй славай абедзве паловы,

След Траянавы сочачы, скоры,
Цераз поле, даліны, на горы!

Ты бы песню тады аб набеггах
Спеў для Ігара, ўнука Алега:

«Ой, не сокалаў несла віхура
Цераз поле шырокае — бура!

А каціліся галіцы стадам
Да вялікага Дона з нападам...»

Ці запець было, вешчы Баяне,
Ўнуча Велеса, гэта п'яанне:

«Коні рзуць за Сулою-ракою
Слава ў Кіеве звоніць з зарою!»

Чутны трубы з Наваграда,
Стаяць сцягі у Пуціўлі;
Ігар брата Ўсевалода
Жджэ прыходу кожнай хвілі.

І прыйшоў брат і казаці
Стане буй-тур Усяволад:
«Ты ў мяне адзін, мой браце,
Свет мой светлы, Ігар-волат!

Мы з табой абодва сённі
Святаслававыя дзеці,
Дык сядлай свае, брат, коні,
Коні быстрыя, бы ўспеці.

А мае нападатове
Ўжо, як знаеш, асядланы
Яшчэ ўперад у дуброве,
Каля Курска, раным-рана.

А мае ж куршчане любы
Табе ведамыя кметы:
Пад гудамі гулкіх трубаў
Спарадзіліся ў дасветы.

Гадавалі іх шаломы,
А канцом дзіды ўскармлёны,
Шляхі ім усе вядомы
І знаёмы яры, склоны.

Ў іх нацягнутыя лукі,
Нарыхтованыя стрэлы;
Шаблі вострыя у рукі
Пахапалі, дзержаць смела.

Як ваўкі сівыя ў поле,
Самі мчацца ў бой крываваы,
Каб здабыць сабе чэсць, волю,
Каб прыдбаці князю славы!»

Князь Ігар тады ў залатое сядло
Сеў і паехаў па чыстым разлогу,
А сонца на небе, згасіўшы святло,
Цемрай яму заступіла дарогу.

Ноч, стогнучы жудкія грозьбы яму,
У полі маркотным птушшо разбудзіла.
А выцце звярынае ў гэтую цьму
У стада пужлівае птахаў тых збіла.

Паверх лесу кліча ўжо чарамі Дзіў,
Слухаці кажа зямлі незнаёмай —
Корсунь, Памор'е і Сураж зацьміў,
Волзе, Пасуллю папутаў заломы.

Кажа й табе яго слушаць, балване,
Што разбаярыўся ў Тмутаракане!

А полаўцы шляхам пабеглі нябітым
К вялікаму Дону, як зверы, жудосна;
Калёсы у поўнач крычаць іх адны там,
Маўляў, тыя лебедзі, спуджаны сосну.

Вось Ігар-князь к Дону вядзе сваіх вояў,
А птахаў яго бяда сочыць па суччы;
Ваўкі па бярогах варожаць благое,
І брэшучь лісіцы на шчыты бліскучы.

Арлы заклікаюць звер'ё клекатаннем
Збіраць на пабоішчы косці людскія...
— О Рускае племя! Далёкім сяганнем
Ты ўжо перайшло рубяжы палаўцкія.

Доўга ў мроку ноч танула,
Зараніца світ збліжала,
Поле мглою зацягнула,
Ранне жніва сваё жала.

Сціхнуў свергат салаўіны,
Узбудзіўся гоман галчы...
О харобрыя русіны!
Прад навалаю паганчай

Загародзілі шчытамі
Вялікае тое поле,
Здабываючы чэсць самі,
А для князя славы болей!

А во ў пятніцу рана стапталі
 Палавецкае войска паганае;
 Ў полі стрэламі там засвісталі,
 Загулялі пабеду праслаўную.

Ўзялі красных дзяўчат палавецкіх
 І папаны, аксаміты, золата —
 Ўсё, што ўпала да рук удалецкіх,
 Што бітвой не было ў попел змолата.

Палавецкім багаццем — плашчамі,
 Кажухамі, тканінай залотнаю
 Памасцілі масты пад нагамі,
 Загацілі праходы балотныя.

Сцяг чырвоны, дзіда серабрана
 І бунчук па абычаю добраму
 Ў нагароду за славу, за раны,
 Святаславічу, князю харобраму!

Дрэмле Алега харобрае
 Ў полі на шчытах гняздо.
 Ой, заляцела, адважнае,
 Дужа далёка яно!

А не было ж яно зроджана
 Ў крыўду нікому нідзе —
 Ні быстракрыламу крэчату,
 Ні сакалу, ні бядзе

І ні табе, палаўчаніне,
 Чорны паганы груган!..
 Крыўдзе тваёй не спакорыцца
 Вольны Алегавы стан.

Гза бяжыць шэрым воўкам
 Там па полі, па дзікаму,
 А Канчак яму сцежку
 Значыць к Дону вялікаму.

На другі дзень вельмі рана
 Над зямлёй крываваы зоры
 Світ усходні абвяшчаюць,
 Хмары чорныя йдуць з мора.

Сонцы два прыкрыці хочуць,
Як дзве ясныя заранкі,
А во ў хмарах гэных чорных
Ззяюць сінія маланкі.

Быці вялікаму грому
Над каласамі паспелымі;
Дожджу ісці каляному
З Дона вялікага стрэламі.

Тут паламаціся дзідам
Па-над Каял-ракі доламі,
Тут пашчарбаціцца шаблям
Аб палавецкія шоламы.

О зямля Руская! З славай
Воі твае маладзецкія
Перасягнулі далёка
Ўжо рубяжы палавецкія.

Вось ветры, Стрыбожыя ўнукі,
Паваялі стрэламі з мора
На храбрае Ігара войска,
Ўзгадована ў долі і ў горы.

Зямля і дудніць і трасецца,
Цякуць памутнеўшыя рэкі;
Туман пакрывае ўсё поле,
А сцягі гамоняць: на векі!

Ідуць полуўцы ад Дона
І ад мора ўсплылі,
Войска рускае навокал
Нетрай абступілі.

Перагарадзілі поле
Шатанята клікам,
А харобрыя русіны —
Шчытамі і пікай.

Ой ты, яр-тур Усяволад!
Стаў ў боі забіякай:
Засыпаеш ты варожых
Стрэламі ваякаў.

І грывіш аб іх шаломы
Стальнымі мячамі;
Дзе ўпадзеш, тур, залатымі
Свецячы шчытамі,

Там кладуцца ў рад галовы
Полаўцаў паганых,
І аварскія шаломы
Шабляй пашчапаны.

Якая цана ранам, брацці, таму,
Хто забыўся жыцця ясныты,
На горад Чарнігаў хто ў боях забыў
І на бацькаў пасад залаты?

На мілую любу, Глябоўну сваю,
Яснавокую краску-жану,
На звычай, абычай прадзедаў стары,—
Хто ўсё гэта забыў у вайну?..

4

Былі слаўныя, дзеяў Траяна, вякі,
Прамінуплі гады Яраслава,
І паходы Алега былі працяклі —
Ўсё Алега з сыноў Святаслава.

Той Алег бо мячамі разруху каваў,
Па зямлі сеяў стрэлы разгонам,
Калі ў горадзе Тмутаракані ступаў
Ў залатое страмя ён са званам,

Чуў здалёку той даўны трывожлівы звон
Яраслававы сын, Усяволад.
А Ўладзімір штورانя, пакінуўшы сон,
Зачыняўся ў Чарнігава-горад.

А Барыса таго Вячаславіча,
Маладога і храбрага князя,
На апошні суд слава паклікала,
За якою ганяўся ў адвазе.

І навекі пасцелю зялёную
У каяльным заценні паслала —
Ўсё за крыўды, абіды Алегавы,
Што загубства разводзіў нядбала.

З той Каялы-ракі між угорскімі
Інаходцамі сам паляляеў
Яраполк свайго бацьку да Кіева,
Да сялібы святое Сафеі.

Пры Алегу тады Гарыславічу
Моц было міжусобіц, няладаў;
Жыццё гінула ўнука Даждзбожага,
Люд свой век скарачаў у княжых звадах.

На зямлі тады Рускай узбуранай
Рэдка пеў аратай за сахою,
Груганнё зато часта пагрумквала,
Ў полі дзелячы труп між сабою.

А на ежу ляцеці збіраючысь,
Галкі гоман заводзілі й гулі.
Так было ў тыя войны й пабоішчы,
А такіх бітваў слухам не чулі!

5

Ад раніцы да вечара,
Ад вечара да раніцы
Лятуць стрэлы гартоўныя,
Грымяць мячы аб шоламы,

Трашчаць дзіды сталёвыя,
Шумяць харугві стужкамі
Сярод палёў наведаных,
Сярод зямель Палоўцавых.

Зямля тая ўчарнелая,
Пабітая капытамі,
Касцямі ўся пасеяна,
Крывёю ўся палітая.

Вялікай абхапілася
Зямля тугою Руская.

Што там шуміць, што там звініць
Рана йшчэ перад зарою?—
Ігар палкі ўводзіць свае:
Жаль яму ўсеўлада-брата.

Біліся дзень, дзень і другі,
Трэцяга дня пад палудня
Сіла змагла, сіла лягла,
Рухнулі Ігара сцягі.

Тут два браты разлучыліся
На беразе быстрой Каялы,
Тут не хапіла крывавага
Віна ды ў гульні небывалай.

Тут пір дакончылі храбрыя
Русіны — не дарма набеглі —
Сватаў спаілі, а самі там
За Рускую землю палеглі.

Ў полі далёкім ад жаласці
Маркотна ные травіца,
А пад тугой цяжкай дзерава
К зямлі сірацінай хіліцца.

6

Во, невясёлая, брацці, гадзіна настала!
Сілу пустыня прыкрыла ўжо грознай навалай:

Крыўда паўстала у ўнука Дажджбожага сілах,
Дзевай яна на Траянаву землю ўступіла,

Крыллем лябяжым па моры ўспляснула, а ў Доне
Плюскатам спудзіла шчасныя часы ў бяздонні.

Князевы споркі — людзям ад паганых загуба;
Стаў гаварыць брат да брата са злосці, нялюба:

«Гэта і гэна маё!» Ды пачалі казаці
Князі аб малым: «Во гэта вялікае, браце!»

А на сябе самі згубства каваці няўстанне...
Скрозь жа на Русь набягалі з пабедай пагане.

О, як далёка сакол заляцеў ў гэну пору,
Птушак пужлівых збіваючы — к сінямю мору!

А ўжо адважнага Ігара войска не ўскрэсіць!
Па ім Карына заклікала, гледзя на месяц.

Жэля по Рускай зямлі паняслася з трывогай,
Смагу наводзячы людзям у полымя рогу.

Жоны заплакалі рускія ў жальбах нябылых:
«Ўжо нам ні мысляй памысліць мужоў сваіх мілых».

Ані падумаці думай, ні вочмі сваімі
Іх азіраць на пуховай пасцелі жывымі.

Срэбрам і золатам тым пагатове ніколі
Нам не пацешыцца ў долі, самотнае долі!»

І застагнаў жа, о брацці, грод Кіеў тугою,
А той багаты Чарнігаў — напасцю благою!

Журба па Рускай зямлі разлілася разводдзем,
Ды пацякла ненасытная жальба ў народзе.

А на сябе самі князі загубства кавалі,
А тут паганья самі адны не чакалі,

Панаваліўшысь на Рускую землю з пабедай,
Дань вымагалі па белцы з двара даўным следам.

Тыя бо два Святаславічы, храбрыя воі —
Ігар, Ўсяволад — няпраўду збудзілі сабою,

Што быў прыспаў іхні бацька, той грозны вялікі
Кіеўскі князь, Святаслаў. Ён жа не для прылікі

Грозьбаю быў над варожымі сіламі злымі
З войскам харобрым сваім і мячамі стальнымі.

На Палавецкія зямлі нагой наступіўшы,
Узгоры і яры пакуль не стаптаў, стуль не выйшаў.

І замуціў там азёры і рэкі ў чаротах,
І засушыў там крыніцы і дрыгвы-балоты,

А паганага Кабяка з узлучыны морскай,
Як бураломнае віхрышча, выхапіў дзёрзка.

Ад тых палкоў палавецкіх, жалезных, агромных,
Ажно зваліўся Кабяк ў Святаслава харомах!

Тут венеды і немцы, тут грэкі й маравы
Славу вялікую дружна пяюць Святаславу;

Ігара каюць, нашто патапіў ён багацце —
Ў донні Каялы-ракі палавецкай загаціў,—

Золата рускага ўсыпаўшы там вельмі многа.
Там жа князь Ігар ссаджаўся з сядла залатога

Ды на сядло ўжо нявольніка ціха садзіўся.
Ў гарадах сцены занялі, шум-гоман спыніўся.

7

А на горах у Кіеве гэтае ночы
Святаславу прысніўся сон смутны, прарочы.

«Адзявалі мяне,— кажа,— з вечара зморна
На цісвай краваці пасцілкаю чорнай;

Віно сіняе чэрпалі мне, бы ў вяселлі,
А ў віне тым благое намешана зелле.

А з пустых палавецкіх каўчанавых жэрлаў
Мне на грудзі там сыпалі буйныя пэрлы,

Ды так песцяць мяне. А ўжо дошкі ў праломах
І без скрэп на маіх златаверхіх харомах.

Усю звечара ноч груганне грукмацела,
На балонь каля Плеснеска ўжо даляцела,

Пабыло на балоцістых нетрах Кісані
І да сіняга мора няслася на ранні!»

І казалі на гэты сон князю баяры:
«Ўжо туга, княжа, розум адзела твой хмарай!

Гэта з бацькава там залатога пасаду
Сакалы два зляцелі сачыці прынаду —

Горад Тмутаракань пашукаці з разгону,
Або ўдоваль напіціся шоламам Дону.

І ўжо сокалам гэным шаблямi паганых
Пападсечана крылле на дзікіх палянах,

А саміх у жалезныя спуталі пугы.
Ў трэці дзень патануў свет у цемрадзі лютай:

Сонцы два пацямнелі, слупы агнявыя
Згаслі два, з імі месяцы два маладыя.

Святаслаў і Алег апрануліся цьмою,
І на моры яны патанулі абое,

І вялікай буянасці хану дадалі.
Цьма пакрыла святло на рацэ на Каяле,

А па Рускай зямлі, як гняздо тое рысяў,
Чарадою скрозь полаўцы параспаўзліся.

Ўжо ўзнялася над хвалай благая пахула,
Ўжо насілле над воляй уссела — сагнула,

І ўжо рынуўся Дзіў на зямлю на прыселлі.
Вось бо гоцкія красныя дзевы запелі

На пахілістым беразе сіняга мора,
Рускім звонячы золатам, сочачы зоры.

Ўсё пяюць яны Бусавы часы і справы
І Шараканавай помсты лялеюць праявы.

А ўжо мы во, твая маладая дружына,
Больш не знаём з табою вясёлых часінаў».

Тады вялікі Святаслаў
Азваўся словам залатым,
Змяшаным з горкімі слязьмі,
І так сказаў баярам тым:

«О сыны мае, Ігар і Ўсевалад!
Рана пачалі крышыці
Мячамі зямлю Палавецкую,
А сабе славу сачыці.

Але толькі не з чэсцяй уходалі,
Бо вы не ў чэсці і хвале
На тым полі далёкім паганскую
Кроў на зямлю вылівалі.

Вашы сэрцы ў сталь крэпка закованы —
Ўзброены гартам адвагі,
Але што ж натварылі сівізны вы
Тамка маёй без развагі?

Не даждалі багатага й сільнага
Брата майго Яраслава
На падмогу з яго мнагавоямі,
З войскам чарнігаўскім бравым.

А ваякі яны ўсе сусветныя:
Там і магуты, й шальберы,
І татраны упобач з равугамі;
Там тапчакі і альберы.

А яны бо з нажмі захаляўнымі
І без шчытоў б'юцца жвава —
Пабяджаюць палкі толькі клікамі,
Звонячы прадзеднай славай.

Але вы там казалі: «Мужаймасы
Самі з сваімі мячамі!
Славу самі захопім пярэдняю
Й з задняй падзелімся самі».

А ці ж дзіва тут, брацці, вялікае
Памаладзецці й старому!
Калі сокал у годах — ён высака
Птушку ўзбівае ад дому;

Не папусце гнязда свайго роднага
Ў крыўду, як бача трывогу,
Але гора ўсё ў тым, што во буйныя
Князі ужо мне ў непадмогу:

Тыя часы ў нішто абярнуліся.
Вось бо ля Рымава зрана
Пад шаблямі крычаць палавецкімі,
А Ўладзімір — у ранах!

І туга і нуда сыну Глебаву,
А ўсё з таго, што крышыці
Не ў час шлі зямлю Палавецкую
А сабе славу сачыці!..»

8

О княжа вялікі, Ўсяволадзе!
Ці не думкай табе б прыляцеці
Здалёку, каб трон-пасад бацькавы
Залаты ўберагчы ў ліхалецці?

Распырсаць бо можаш ты вёсламі
Многаводную Волгу на бокі
І можаш сваімі шаломамі
Да дна вычарпаць Дон сінявокі.

Каб быў ты, была бы нявольніца
Па адным, а не болей, нагаце,
А з ёй і нявольніка кожнага
Па разане маглі бы купляці.

Ты можаш бо зводдалі, насуха,
Над шырокімі бітваў палямі
Жывымі страляць самастрэламі,
Тымі ўдалымі Глеба сынамі.

Ты, Давід, і буй-Рурык! Не вашыя ж гэты
Пазалочаны шоламы гэнага лета

У крыві, бы ў рацэ рыбы, плавалі цінай?
Ці ж не ваша адважная колісь дружна,

Маўляў туры, рыкае ў няведаным полі,
Гартаванымі шаблямі ранена ў волю?

Уступіце, сябры, ў залатыя страмёны
За ўсю крыўду вялікую часаў сягонных

І за Рускую землю, за Ігара раны,
Святаславіча буйнага — здзекі ў паганых.

Яраславе Асмомысле Галіцкі! Кутам
На пасадзе высока сядзіш златакутым.

Ты сваімі палкамі жалезнымі ўвышы
Падпёр горы Угорскія, шлях заступіўшы

Каралю й зачыніўшы вароты Дунаю,
Цераз воблак шыбаючы берамы з краю,

Да Дуная суды свае судзячы спраўна!
Твае грозьбы па землях цякуць многаслаўна!

Адчыняеш ты Кіеву насцеж вароты
Ды з свайго залатога пасаду адно ты

Султаноў за зямлямі страляеш няслаба.
О, страляй, княжа, ў сэрца паганага раба

Канчака за зямлю Русь, за Ігара раны,
Святаславіча буйнага — здзекі ў паганых!

А ты, буйны Рамане, і ты, Імсціславе!
Думка храбрая носіць ваш розум па справе,

Плывіцё вы на справу з адвагай, высока,
Быццам сокал на ветрах, лунаючы лёгка,

Птаха хочучы сходаць у бітвах з вятрамі,
Ёсць бо ў вас пад лацінскімі йшчэ шаламамі

І з жалеза наперснікі; з іхняга звону
Ўжо затрэсліся землі й шмат розных старонаў —

Палаўчане, хінова, літва, дарамела, яцвягі,—
Свае кінулі ў полі і дзіды і сцягі

І галовы свае накланілі пад тья
Вашы, князі, магутныя мечы стальныя.

А ўжо, княжа Ігар, бліск сонца сцямніла,
Не на добрае й дзерава лісць свой згубіла!

Во па Росі й Суле гарады падзялілі.
А ўжо Ігара войска не ўскрэсіць у сіле!

Дон цябе, княжа, кліча, ждучы твайго следу,
І князёў заве іншых к сабе на пабеду.

Во харобрыя князі Альговічы,— ў бойцы
Непамернай таей утамілісь малойцы.

Ўсяволад, Ингвар, Імсціславічы ўсе тры!
Не благога гнязда птахі хованы ў ветры,—

Сабе ўладу не ў інчасці ж пабедным прыдбалі?
Залатыя ў вас шюламы што заняпалі?

Што замоўклі ў вас ляцкія дзіды з шчытамі?
Полю загарадзіце вароты страламі

Вы за Рускую землю, за Ігара раны,
Святаславіча буйнага — здзекі ў паганых!

9

Ўжо бо Сула не цячэ ручаінай
К Пераяслаўлю быстрой, срабранай;
Дзвіна ўжо балотам цячэ безупыну
Да палаўчан, пад воклік паганаў.

Адзін Ізяслаў толькі, сын Васільковы,
Сам пазваніў мячамі сваімі
Аб шлемаў літоўскіх стальныя аковы,
Ускалыхнуўшы днямі былымі.

Свайму переняў славу дзеду Ўсяславу,
Сам пад чырвоным шчытам пабіты
Мячамі літоўскімі, лёг на крывавай
З Хоццем траве. А кажа тады той:

«Дружыну тваю апранулі, князь, крыллем
Птахі, а зверы кроў палізали!»
Не быў тут брат Брачыслаў, над кавыллем,
Ані другі — Ўсяволад. У жалі

Адзін ён жамчужную з храбрага цела
Выпусціў душу праз ажарэлле.
Заныла гамонка, вясёласць знямела,
Трубы ў Гародні смутна запелі.

Яраславе і ўнукі вы ўсе Ўсяслава!
Апусціце ўжо сцягі свае,

Пахавайце мячы пашчарбаны, бо слава
Ужо дзедава вас не спаўе!

Вы бо сваркай сваёй напусцілі
Скрозь паганых па Рускай зямлі,
Па надзеле Ёсяслава, з чаго і насілілі
Ад зямлі Палавецкай пайшлі.

У сёмы Траянавы век
Уздумаў Ёсяслаў варажыць
Аб мілай дзяўчыне сабе,
Што з славай яго заручыць.

Пусціўшыся ў хітрыкі, ён
На борздага ўсеўся каня
І скочыў, памчаўся чым свет
Да Кіева-града, да дня.

І кіеўскі дзідаю там
Пасад дакрануў залаты;
Ад іх скочыў зверам лютым
З Белгорада ў поўнач; тады

Ахутаўся сіняю мглой,
А раннем, узняўшысь да зор,
Навограду браму лязом
Сякераю насцеж адпёр.

Разбіў Яраслававу там
Прыдбаную славу мячом
І скочыў праз поле і лог
К Нямізе з Дудутак ваўком.

На Нямізе снапы сцелюць
Галавамі,
А малоцяць жа стальнымі
Іх цапамі.

На таку жыццё кладзецца
Неспадзейна,
І душу ад цела веюць
Безнадзейна.

Берагі ў крыві Нямігі
Па калені;

Не дабро на іх пасеяў
Сейбіт жменяй.

А былі яны гусценька
Ў процьмах вузкіх
Там засеяны касцямі
Сыноў рускіх.

Усяслаў-князь людзям суд судзіў,
Гарадамі князеў надзяляў,
А сам поначы, свету на здзіў,
Ваўкалакам ці воўкам гуляў.

Ен бо з Кіева да петухоў
Горад Тмутаракань дасцігаў
І вялікаму Хорсу без слоў
Воўкам шлях борзда перабягаў.

Таму ў Полацку рана званы
Пазванілі ў Сафеі святой
Да завутрані — ён жа праз сны
Ужо ў Кіеве звон чуе той.

Хоць і вешчая, кажучь, душа
Ў дзёрзкім целе ягоным была,
Але часта бяды без нажа
Нацярпеўся, што доля дала.

Яму першаму вешчы Баян
І прыпеўку дасціпна злажыў:
«Хітры, быстры, ні птах той быстран
Суду божага не перажыў!»

О, стагнаці ўжо Рускай зямлі,
Як успомніць князеў з былых пор!
Ўладзіміра таго не маглі
Прыкаваці да Кіеўскіх гор.

А цяпер яго сцягі нішто:
Адны Рурыку славу шумяць,
А другія — Давідавы ўжо...
Але стужкі іх розна вісяць.

Пяюць дзіды на Дунаі,
 А ў Пуціўлі Яраслаўна
 Безуцешнаю зязюляй
 Наракае раным-рана:

«Паляту я ўдаль зязюляй
 Па Дунаю за дубровы,
 Памачу ў рацэ Каяле
 Рукавок я свой бабровы.

І зляту да князя ў полі,
 Дзе ў зялёнай лёг пасцелі,
 Ды крывавыя ўтру раны
 На яго магутным целе».

Яраслаўна рана плача
 У Пуціўлі на сцяне,
 Наракаючы зязюлькай,
 Долю горкую кляне:

«О, вецер, вятрыска!
 Чаму, ўладар, лётам
 Сваім гэтак вееш
 У вочы сіротам?»

Чаму ты на крыллях —
 І вольны і смелы —
 На мужніх ваякаў
 Мчыш ханскія стрэлы?

Ці ж веяці мала
 Табе пад аблокі —
 Ўгары, ў паднябессі
 Шырокім, далёкім?

Або ў сінім моры
 Лялеяць, гайдаці
 Чаўны з караблямі
 Да ціхае гаці?

Чаму ты, ўладару,
 Мне радасць асіліў,
 Вясёласць развеяў
 Па дзікім кавылі?»

Яраслаўна рана плача
У Пуціўлі на сцяне,
Наракаючы зязюлькай,
Долю горкую кляне:

«О Днепра Славуціч!
Ты ў каменных горах
Праз полаўцаў землі
Дол высек у мора.

Кабякаву войску
Чаўны Святаслава
Сабой ты лялеяў,
Акрылены славай.

О, мне прылялей жа
Ўладару, ў харомы
Саколіка-мужа
З зямлі незнаёмай!

Каб слёзаў я рана
Ў тузе небывалай
К яму цераз поле
На мора не слала!»

Яраслаўна рана плача
У Пуціўлі на сцяне,
Наракаючы зязюлькай,
Долю горкую кляне:

«О светлае сонца,
Трысветлае! Ўсюды
Цяплом і красою
Яснееш, як цуды.

Чаму ж, уладару,
Свой промень пякучы
На мужняе войска
Нанесла, не ждучы?

На полі бязводным
Ты смагай пагнула
Ім лукі, а тугай
Заткала утулы?!»

Пырснула мора на поўнач,
Смерчы ідуць чарадой;
Ігару-князю дарогу
Ані краснае дзевы, ды нас

Знача з зямлі Палавецкай
Шляхі да Рускай зямлі,
Дзе жджэ на Ігара доўга
Бацькаў пасад дарагі.

Патухла вячэрняя зорка.
Князь Ігар і спіць, і не спіць —
Ад Дона вялікага думкай
Да Данца малога бяжыць.

Апоўначы свіснуў савою
Аўлур на каня за ракой,
Уцяміць загадвае князю,
А Ігар-князь знікнуў як стой.

Той клікнуў — зямля загрузэла;
Трава зашумела быллём;
Упуд палавецкія вежы
Спалохаў, зварушыў жыллём.

А князь Ігар ужо гарнастаем
Паскакаў па траве к трыснягу,
На вадзе выплыў гогалем белым,
На каня узваліўся ў бягу.

І саскочыў з яго босым воўкам,
Пакаціўся да логу Данца,
Й паляцеў сакалом пад імгламі,
Забіваючы там без канца

На сняданне, абед і вячэру
Белых лебедзяў, шэрых гусей.
Як ляцеў сакалом гэтак Ігар,
Тады воўкам Аўлур з сілы ўсей

Пакаціўся, сцюдзёныя росы
Абтрасаючы вокал сабой.
Коні быстрых сваіх падарвалі,
Летучы пуцявінай пустой.

І кажа рака Донец: «Ігару-княжа!
Не мала во бітвы далі
Вялічча табе, а Канчаку дакукі,
А радасці Рускай зямлі!»

А Ігар-князь кажа: «О Донча! Не мала
Вялічча сабе ты прыдбаў,
Што князя на хвалях лялеяў і шчыра
Зялёну траву падсцілаў

Яму на сваіх берагах серабраных,
І цёплай атуліваў мглой
Пад ценем зялёнага буйнага дрэва,
Да пільна сцярог з цемнатою

Яго на вадзе сваёй гогалем белым,
А чайкай паверх ручаёў,
Ды качкай-чарнедзьяй на ветрах шумлівых
Паказываў сцежку і вёў.

А Стугна, рака ўжо куды не такая,
Худы бо ў яе перацёк;
Чужыя папіўшы, глынуўшы крыніцы
І хвалі разліўшы, дзе ўток,

Яна маладому князю Расціславу —
Без часу і не на дабро —
Пры беразе цёмным наскрозь зачыніла
Дарогу сабой на Дняпро.

Тужыць Расціславава маці і плача
Па князі сваім маладым...
А кветкі занылі, а дрэва са смуткам
К зямлі пахілілась благім»...

Ой, не сарокі ўстракаталі!
А гэта Ігаравым следам
Гза з Канчаком упобач едзе,
Як па жніво сусед з суседам.

Тады ўжо груганы над косцямі
Не грумкалі, і галкі змоўклі,
Не сакаталі і сарокі,
Па лозах распаўзліся, моклі...

Па лесе тукатам няўтомным
След дзятлы к рэчцы адбіваюць.
А салаўі вясёлай песняй
Блізкае ранне выйгрываюць.

І гаворыць так Гза Канчаку:
«Калі сокал ляціць у гняздо,
Залатымі страламі сваймі
Мы застрэлім сакольца яго!»

А Канчак жа адказвае Гзе:
«Калі сокал ляціць да гнязда,
Краснай дзевай сакольца тады
Мы апутаем,— што за наўда!»

А Гза кажа на то Канчаку:
«Калі дзеваю краснай яго
Мы апутаем, то ўжо тады
Мець не будзема мы ні таго

Маладога сакольца ў сябе,
Ані краснае дзевы, ды нас
На палях палавецкіх пачнуць
Кляваць птахі ў нявеселы час!»

12

І сказаў жа аб днях Святаслава
Той Баян-песнятворца старын
І далёкай пары Яраслава
І Алегавых даўных часін:

«Хоць і цяжка табе, многасмелай
Галаве, без плячэй у людзях,
Але трудна й табе жыці, целу,
Без сваёй галавы на грудзях!»

Так і Рускай зямлі ненарокам
Цяжка мераць без Ігара дні.
Сонца свеціць на небе высокім,
А князь Ігар на Рускай зямлі.

Красны дзевы пяюць на Дунаю,
Галасы іх плывуць і лятуць
Неўгамонна ад краю да краю,
Цераз мора да Кіева йдуць.

Ігар едзе праз спуск Барычоўскі
К абразу Пірагошчы святой.
Рады князю староны і вёскі,
Гарады веселяцца з сабой.

Пеўшы песню старым князям, справам,
Потым пець маладым песняй бур:
Святаславічу Ігару слава!
Слаўся, храбры Ўсяволад буй-тур!

І Ўладзімір, сын Ігара-воя,
Малады князь — на страх палаўчан!
І князям і дружыне здароўя,
Выступаючым за хрысціян,

У няведамай дзікай краіне,
Пашматаўшым паганых палкі.
Слава буйным князям і дружыне
На далёкія векаў-вякі!»

1921

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ
ПЛАЧА ЯРОСЛАВНЫ

Федор Глинка

* * *

Ярославнин голос слышится
На стене Путивля-города:
«Полечу я,— говорит она,—
По реке Дунаю зэгзицей,
Омочу рукав бобровый мой
Во струях Каялы быстрья,
Раны оботру кровавые
Я на теле друга милого!»
Ярославнин голос слышится
На стене Путивля-города:
«О ветрила, ветры буйные!
Вы к чему так сильно веете?»

Вы бушуйте средь песков и вод,
Корабли носите по морю,
Но зачем мое веселие,
Как ковыль-траву, развеяли?

Быстротечный и преславный Днепр!
Принеси скорей назад ко мне
Моего супруга милого.
Я бы рано посылать к нему
Перестала слезы по морю!..»

(1816)

* * *

Вольное подражание

Посвящено ее сиятельству
княгине Зинаиде Александровне
Волконской

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре;
В Путивле плачет Ярославна
Одна на городской стене:
«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его молодой».

В Путивле плачет Ярославна
Зарей на городской стене:
«Ветер, ветер, о могучий!
Буйный ветер, что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутил поток реки,
Вея ханскими стрелами
На родимые полки?»

В Путивле плачет Ярославна
Зарей на городской стене:
«В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли?
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли,
Что же страхом ты усеял
Нашу долю, для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»

В Путивле плачет Ярославна

Зарей на городской стене:

«Днепр мой славный! Ты волнами
Скалы половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил.
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студеных вод,
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывет».

В Путивле плачет Ярославна

Зарей на городской стене:

«О река! Отдай мне друга,
На волнах его лелей,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей,
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слез к нему не слала
Синим морем на заре».

В Путивле плачет Ярославна

Зарей на городской стене:

«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».

И тихо в терем Ярославна

Уходит с городской стены.

11 октября 1825

* * *

Не голубки воркование
 Разливается по рощице:
 Ярославны голос стелется
 По стенам Путивля древнего.

«Где ты, Игорь,— радость, счастье
 Ярославны одинокия,
 Как в долине ландыш вянущей?
 Прилети веселой птичкою
 На поля цветущей родины,
 Прилети в мои объятия,
 Осуши с лица печального
 Поцелуем слезы горькие...
 Ах, когда б была я горлицей —
 Полетела б к другу-голубю
 Вдоль Дуная серебристого;
 Прилетела б в поле ровное —
 Там крылом любви невинная
 У шатра в лугу муравчатом
 Обняла бы князя милого!
 Отерла бы раны горькие
 Рукавом бобровым с ласкою!..
 Ветер, ветер! Что с насилем
 Веешь крыльями холодными?
 Ах, зачем стрелу пернатую
 Не отвеял ты от Игоря?..
 Ах, зачем мое веселие
 Ты развеял резво по лугу
 Вместе с листьями поблекшими?
 Мало ль гор крутых — играть тебе
 С облаками серебристыми;
 Корабли лелея по морю,
 Веять в паруса игривые?..
 Солнце светлое, прекрасное!
 Всем ты мило, всем прелестно ты,
 Всем сердцам блистишь ты радостью
 На лазури неба чистого!
 Ах, зачем лучи каленые
 Пролило на милых воинов?..
 Лук засох унывших ратников,

АНЬЮ рамнею,
Задолго
Передъ зорями,
По Дунаю
Ярославны голосъ
Слышится.
За рькой она
Кукушкой,
Неопознана,
Въ тишинь
Кукуя,
Стонетъ, плачетъ
Жалобно.

По Дунаю
Полечу
Кукушкой
Въщю,
Прилечу
На ту Кялу,
На далекую,
Окуну рукавъ
Бобровый
Въ воды
Быстрыя.

Притупились стрелы острые,
Щит и шлем покрыты пылью!..
Светлый Днепр! Река широкая!
Ты пробил сквозь горы каменны
Путь в пределы половецкие.
Ты лелеял Святославоны
Ладии — на белых парусах,
Белой, лебединой стаею
Рассекавшие поверхность вод!
Ах, лелея на зыбях своих,
Ты носи ко мне любезного —
Дабы с утренней денницею
Или с месяцем серебряным
Мне не лить с тоскою, горестью
Слез на волны моря синего!..
Ах, когда бы знала бедная,
Что сразили друга Игоря,
Не ходила б к морю синему!
Не мочила бы бобрового
Рукава в слезах катящихся!
Не смотрела б в даль пустынную,
Не белеют ли там парусы,
Резвым ветром воздымаемы!
Не лила бы слез потоками
На песок, на камни хладные!»

1820-е годы

Лев Мей

* * *

Поют копы на Дунай-реке.
Ярославны голос слышен...
Перелетною кукушкой
Поутру она кукует.
«Полечу, — княгиня молвит, —
Я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукав бобровый
Во Каяле во реке,
Вытру раны я у князя
На его кровавом теле!»

Ярославна рано плачет
Во Путивле на оgrade,
Приговариваючи:
«Ох ты, ветер, буйный ветер!
Для чего насильно веешь,
Для чего на легких крыльях
Ты стрелков наносишь ханских
На удалую дружину
Моего милова друга?
Али мало тебе веять
Вверх под облако, лелея
Корабли на синем море?
Для чего мое веселье
По ковыль-траве развеял?»
Ярославна рано плачет
Во Путивле на оgrade,

Приговариваючи:
«Ох ты, Днепр мой пресловутый!
Через каменные горы
В Половецкую страну
Ты пробился, ты лелеял
Святославовы насады
До Кобякова полку;
Прилелей же мне милова,
Чтобы на море поутру
Мне не слать к милому слез!»
Ярославна рано плачет
Во Путивле на оgrade,

Приговариваючи:
«Ох ты, солнце, мое солнце,
Солнце светлое мое!
Всем светло и всем красно ты:
Для чего ж лучом горячим
Опалило ты дружину
Моего милова друга
И в безводном поле жаждой
У нее луки стянуло,
И колчаны ей истомой
Заложило, запекло?»

< 1850 >

* * *

Звучный голос раздается
Ярославны молодой.
Стоном горлицы несется
Он пред утренней зарей:

«Я быстрее лесной голубки
По Дунаю полечу —
И рукав бобровой шубки
Я в Каяле обмочу:
Князю милому предстану
И на теле на больном
Окровавленную рану
Оботру тем рукавом».

Так в Путивле, изнывая,
На стене на городской
Ярославна молодая
Горько плачет пред зарей:

«Ветер, что ты завываешь
И на крыльях на своих
Стрелы ханские вздымаешь,
Мечешь в воинов родных?
Иль тебе уж на просторе
Тесно веять в облаках,
Корабли на синем море
Мчать, лелеять на волнах?
Для чего ж одним размахом
Радость лучшую мою
Ты развеял легким прахом
По степному ковылю?»

Так в Путивле, изнывая,
На стене на городской
Ярославна молодая
Горько плачет пред зарей:

«Днепр мой славный, ты волнами
Горы крепкие пробил,
Половецкими землями
Путь свой дальний проложил;

На себе, сквозь все преграды,
Ты лелеяла, река,
Святославовы насады
До улусов Кобяка:
О, когда б ты вновь примчала
Друга к этим берегам,
Чтобы я к нему не слала
Слез на море по утрам!»

Так в Путивле, изнывая,
На стене на городской
Ярославна молодая
Горько плачет пред зарей:

«Солнце ясное трикраты!
Всем ты красно и тепло!
Для чего лучом утраты
Войско милого сожгло?
Для чего в безводном поле
Жаждой луки им светло
И, что гнет тоски-недоли,
На колчаны налегло?»

< 1854 >

Елпидифор Барсов

* * *

Копья поят на Дунае.
Чу! Ярославны слышится глас;
Рано бесприветной кукушкой кукует она.
«Полечу,— говорит,— кукушкой по Дунаю;
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Утру у князя его кровавые раны
На его мужественном теле».

Ярославна рано плачет в Путивле,
На городской стене, приговаривая:

«О ветер-ветрило,
Почто, господине, так упорно веешь?»

Зачем несешь ты на своих легких крыльях
Хиновских стрелков
На воинов лады моей?
Или мало тебе гор,
Чтобы веять из-за них под облаками,
Лелея корабли на синем море?
Почто, господине, развеял ты
Мое радование по ковыль-траве?»

Ярославна плачет в Путивле-граде,
На городской стене, приговаривая:

«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы —
Сквозь землю Половецкую;
Ты лелеял на себе Святославовы насады
До полку Кобякова.
Прилелей же, о господин, мою ладу ко мне,
Чтоб не слала я рано к нему слез на море!»

Ярославна рано плачет в Путивле,
На стене городской, приговаривая:

«О светлое, тресветлое Солнце!
Ты для всех тепло
И для всех красно.
Почто же, господине,
Простерло ты свой знойный луч
На воинов лады моей
В безводной степи!
Нуждою их луки свело,
Истомой их тулы заткнуло?»

(1887), 1904

Александр Прокофьев

* * *

Копья свищут на Дунае,
А Ярославна на ветру
Что кукушка что лесная
В Путивле плачет поутру:

«Я кукушкой печальной
По Дунаю полечу,
И в реке Каяле дальней
Я рукав свой омочу.

Там, где бой начнется снова,
Встречу князя поутру,
Рукавом ему бобровым
Кровь с жестоких ран сотру».

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

«Ветер, ветер в чистом поле,
Быстролетный, милый друг,
По неволе иль по воле
Веешь сильно так вокруг?

Ты зачем, взметнув потоки
Дуновеньем легких крыл,
Тучей ханских стрел жестоких
Войско милого покрыл?

Мало ль оболочек кисейных,
Кораблей по синь-морям,
Так зачем мое веселье
Разомчал по ковылям?»

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

«Славный Днепр мой! Ты в просторы
Волны быстрые промчал
Через каменные горы,
Через землю половчан.

Без тревоги, без печали
Волны синие твои
Поднимали и качали
Святославовы лады.

Сжался, Днепр мой, надо мною,
Над тоской наедине
И с попутною волною
Друга ты примчи ко мне».

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

«Солнце, солнце золотое,
В небе ярко ты горишь,
Солнце красное, родное,
Всем тепло и свет даришь.

Что ж ты нынче золотые
Стрелы мечешь для того,
Чтоб палить и жечь в пустыне
Войско мужа моего?

Луки жажда им согнула,
И, взлетая от песка,
Им колчаны позамкнула
В поле лютая тоска».

9 апреля 1938

Сергей Городецкий

* * *

До Дуная долетает
Горький голос Ярославны.
Одинокую кукушкой
На заре она тоскует:
«Полечу я вдоль Дуная,
Омочу рукав шелковый
В голубой волне Каялы,
Окровавленные раны
Оботру я на могучем
Теле лады моего».

Рано утром Ярославна
На стене Путивля-града
Причитает, горько плача:
«Ветер, ветер ты могучий!
Для чего ты, господин мой,
Веешь воинам навстречу,
Гонишь буйными крылами
Стрелы острые на войско
Князя, лады моего?

Аль тебе простора мало
В небесах под облаками?
Аль не любо уж лелеять
Корабли на синем море?
Для чего же, господин мой,
Ты мое развеял счастье
По степному ковылю?»

Ярославна рано утром
На стене Путивля-града
Причитает, горько плача:
«Днепр мой славный, Днепр широкий,
Ты сквозь каменные горы
По просторам половецким
К морю путь себе пробил.
На волнах своих лелея,
Нес ты лодьи Святослава
До Кобяковых полков.
Возлелей же, господин мой,
На волнах своих мне ладу,
Чтобы слез к нему на море
Мне чуть свет не посылать».

Ярославна утром рано
На стене Путивля-града
Причитает, горько плача:
«Солнце, светоч мой пресветлый!
Всех теплом своим ласкаешь,
Всем красой своей сияешь,
Для чего же, господин мой,
Зной лучей своих разящих
Простираешь ты навстречу
Войску лады дорогого
И в безводном поле жаждой
Сводишь луки им тугие
И колчаны жжешь тоской?»

< 1938 >

* * *

Среди придунайских плавней
Копья в дали рассветной
Поют в ответ Ярославне,
Кукующей неприметно.

Она говорит: «Кукушкой
С Дуная бы я вспорхнула,
Рукав с бобровой опушкой
В Каялу бы окунула.

Кровавые князьи раны
На теле твоём могучем
Утерла б я, мой коханный,
Своим рукавом плакучим».

Вот зорный плач Ярославны
В Путивле, с башни дозорной:
«О ветер, вихрун державный!
К чему твой порыв задорный?

К чему ты стрелы поганых
Крылом, натянутым туго,
Несешь во мглах и туманах
На знаменщиков супруга?

Иль мало тебе, что струги
Несешь на волну с волны ты,
Что в небе пути для вьюги,
Заоблачные, открыты?

Взамен веселья былого
К чему мне печаль бобыля,
Тобой, государь, сурово
Навеянная с ковыля?»

Вот зорный плач Ярославны
В Путивле, с башни дозорной:
«О Днепр, о сударь преславный,
Ведь камень пробил ты горный!

Волною твоей качаем,
Грозил Святослав Кобяку,
Он плыл Половецким краем
И лодки вел на вояку.

Чтоб слез в морские поимни
Не стряхивала с плеча я,
Супруга, сударь, верни мне,
Обратной волной качая!»

Вот зорный плач Ярославны
В Путивле, с башни дозорной:
«Свет солнца, трем светам равный,
Ты любишь и стебель сорный!

Мор жажды зачем простер ты
Над мужним полком, владыка?
В колчане проклятья сперты,
И лук повело, как лыко...»

〈 1938〉

Иван Новиков

* * *

Не копыя поют на Дунае —
То слышен мне глас Ярославны,
Кукушкой неузнанной рано
Кукует она.

«Полечу я кукушкой,—
Говорит,— по Дунаю,
Омочу рукав я бобровый
Во Каяле-реке,
Оботру я князю
Раны кровавые
На застывающем
Теле его...»

Ярославна рано плачет,
На Путивльской стене
Причитая:

«О Ветер-Ветрило!
К чему, господине,

Веешь насильем?
Стрелы поганские
На крылах своих мирных
На воинство милого
Гонишь — к чему?
Тебе не довольно ли было б
Высоко под облаком веять
Да на синём море
Колыхать корабли?
К чему, господине,
По ковылю ты развеял
Веселье мое?»

Ярославна рано плачет,
Во Путивле-городе
На стене причитая:

«О Днепр ты Словутич!
Каменные горы пробил ты
Сквозь Половецкую землю,
И на себе колыхал ты
Ладьи Святославовы
До стана Кобякова;
Прилелей на волнах, господине,
Моего ладу ко мне,
Чтобы не слала к нему я
Ранней зарею
Слезы на море».

Ярославна рано плачет,
На Путивльской стене
Причитая:

«О светлое,
Трижды светлое
Солнце!
Для всех ты тепло и отрадно!
Так к чему ж, господине,
На воинство милого
Свой луч простираешь
Горячий?
В поле безводном
Жаждой им луки стянуло,
Колчаны кручиной свело...»

⟨1938⟩, 1958

* * *

Копья поют на Дунае,
 Слышится плач Ярославны.
 Одинокой кукушкой
 Плачет она поутру.
 «Полечу,— говорит,—
 по Дунаю кукушкой,
 В Каяле-реке омочу я
 рукав свой бобровый,
 На теле могучем
 Князя
 Кровавые раны утру».
 Плачет с утра на Путивльской
 стене Ярославна,
 Так причитает она:
 «О ветер-ветрило!
 Зачем, господин мой,
 Веешь ты сильно?
 Зачем на войско милого мужа
 Ты ханские стрелы домчал
 На легких крыльях своих?
 Мало ль тебе в вышине
 Было под облаком веять,
 Корабли
 На море синем лелеять?
 Зачем, господин мой,
 По ковылям
 Мое ты веселье развеял?»

В городе плачет Путивле
 С утра на стене Ярославна,
 Так причитает она:
 «О Днепр Словоутович!
 Сквозь Половецкую землю
 Горы
 Ты, господин мой, пробил.
 Ты лелеял ладьи Святослава
 До войска Кобякова.
 Мужа взлелей мне обратно,
 Чтоб на море
 Слез я не слала с утра».

Плачет с утра на Путивльской
стене Ярославна,

Так причитает она:
«Солнце, пресветлое солнце!
Всем, господин мой,
Ты даруешь красу и тепло.
Зачем же в безводных степях
Горячий свой луч
Ты на воинов мужа простерло?
Их колчаны
Замкнуло тоской?
Луки их
Жаждой свело?»

< 1939 >

Дмитрий Семеновский

* * *

Раным-рано, в смутный час рассветный,
Ярославнин голос слышен мне.
Чу, она зегзицей бесприветной
Горько кличет в тишине:
«Я взовьюсь над полем, над дубровой,
По Дунаю быстро полечу
И в Каяле свой рукав бобровый
По дороге омочу.

Князь мой ранен. Кровью заалели
Злые раны на груди его,
Смою кровь на мужественном теле
У супруга моего!»

Раным-рано, далеко-далёко,
В городе Путивле на стене
Ярославна плачет одиноко,
Причитая в тишине:
«Что ты, ветер, веешь с буйной силой?
О ветрило-ветер, для чего
Мчишь ты стрелы хана, легкокрылый,
В воев лада моего?»

Мало ль ты под облаками веял,
На морях лелея корабли?
Что ж мое веселье ты рассеял
В ковыле степной земли?»

Раным-рано, далеко-далёко,
На стене Путивльской городской
Ярославна плачет одиноко,
Воскликая вдаль с тоской:
«Днепр Словутич, каменные гряды
Ты сквозь землю половцев пробил,
Святослава легкие насады
В стан Кобяка ты носил.
О, когда бы, на волнах лелея,
Ты, могучий, лада мне принес,
Чтоб не слала рано по заре я
В даль, на море, горьких слез!»

Раным-рано, далеко-далёко,
На Путивльской городской стене
Ярославна плачет одиноко,
Воскликая в тишине:
«Солнце, трижды светлое светило!
Всем тепло, красно ты, солнце, всем!
Что ж ты воев лада опалило
Огненным лучом? Зачем
В стороне безводной, незнакомой
Луки воям зноем ты свело
И глухой полуденной истомой
Им колчаны запекло?»

⟨ 1939 ⟩

Александр Скрипов

* * *

На забрале голос Ярославны
Слышится — кукушкой кукует:
«Полечу кукушкой по Дунаю,
Омочу я свой рукав шелкóвый
Во Каял-реке той половецкой,
Оботру кровавые я раны
На могучем белом теле князя».

Рано утром Ярославна плачет,
На стене Путивля причитает:
«О могучий ветер ты, ветрило,
Почему же, господин мой, веешь,
Мечешь стрелы половцев поганых
И несешь их на крылах воздушных
На дружины дорогого лады?
Или мало для тебя простора
В высоте под облаками веять
Иль лелеять в море корабли?
И зачем же, ветер, ты развеял
По ковыль-траве мое веселье?»
Рано утром Ярославна плачет,
На стене Путивля причитает:
«О широкий Днепр мой,
Днепр Словутич!
Ты пробил ведь каменные горы,
По земле струишься Половецкой,
На своих волнах, вздыхая тихо,
Святославовы суда лелеял
И донес их до полков Кобяка.
Прилелей же моего ты ладу,
Чтоб не слать мне слез
Ему на море».
Рано утром Ярославна плачет,
На стене Путивля причитает:
«Светлое-пресветлое ты солнце,
Всех теплом и лаской согреваешь,
Почему же, солнце,
Зноем дышишь
На дружины дорогого лады?
Храбрых воинов
В безводном поле
Жаждой мучишь,
Гнешь тугие луки
И колчаны их замкнуло горем!»

1939

Ты пробился
и сквозь каменные горы,
через землю Половецкую,
ты, лелея, нес на себе
корабли Святослава
на сраженья с Кобяком,—
прилелей,
государь,
моего ладу ко мне,
дабы не слала к нему слез,
на зорях, к морю!..»

Ярославна рано кличет,
в Путивле,
на кремлевской стрельнице,
рыдая:

«Светлое
и пресветлое солнце!
Всем тепло и красно еси!
Что же ты,
государь,
жестокий луч обратило
против лады воинов —
в степи безводной
жаждою тетивы иссушило,
мúкою
колчаны замкнуло?!»

⟨1945⟩, 1970

Николай Старшинов

ГОЛОС ЯРОСЛАВНЫ

Лишь багряной каемкою дальней
Обозначится солнца восход,
Ярославна свой голос печальный
На путивльской стене подает:

«Полечу я зегзицей свободной
Над Дунаем в седых облаках
И в Каяле-реке ясноводной
Омочу свой бобровый рукав.
Упаду я зегзицею наземь.

И на том на злосчастном юру
Отыщу я могучего князя
И кровавые раны утру...»

Ярославна тревожно запела,
Нарушая рассветную тишь:

«Что же, ветер, ты ханские стрелы
На полки моих русичей мчишь?
Разве мало тебе, господине,
До земли пригибать ковыли?
Разве мало тебе в море синем
По волнам провожать корабли?
Или в небе сопутствовать грому?..
Почему же ты недругом стал?
По всему ковылю голубому
Ты веселье мое разметал...»

Ярославна взволнованный голос
Посылает на ясный восток:

«Днепр Словутич! Сквозь камни и горы
Ты к земле Половецкой протек.
Ты носил Святослава насады
До полков Кобяка самого.
Прилелей же далекого лада
И верни мне с победой его...»

Лишь далекой каемкою алой
Обозначится солнца восход,
Ярославна свой голос усталый
На путивльской стене подает:

«Солнце, ясное наше светило,
Ты для всех и красно и тепло.
Что ж ты наши полки ослепило?
Что ж лучами ты их обожгло?
Ты так жарко сияешь над полем, —
Луки жаждой у них сведены.
И зачем ты безвыходным горем
Переполнило их колчаны?..»

1945

* * *

Далеко к Дунаю доносится плач Ярославны,
Чуть свет, одинокая, чайкой печальною кличет:
«Слетать бы мне чайкою вниз по реке по Дунаю,
Шелковый рукав омочить бы в Каяле прохладной,
Омыла б я князю кровавые, жаркие раны!»

Чуть свет разливается-плачет краса Ярославна,
Одна на путивльской стене городской причитая:
«Ветер ты, Ветер! Недоброе дело содеял,
Стрелы на воинов лады крылами привеял;
Мало ль тебе в облаках по поднёбесью веять,
В синих морях корабли, господине, лелеять?
Радость мою по степным ковылям ты развеял!»

Чуть свет разливается-плачет краса Ярославна,
Одна на путивльской стене городской причитая:
«Днепр мой Словутич! Свободно течешь ты, могучий,
Путь свой в земле Половецкой пробив через кручи.
Ты ведь в походе лелеял лады Святослава,
До Кобяка ты домчал его бранную славу.
Игоря-ладу ко мне прилелей, господине,
Слезы устала я слать ему на море сине».

Чуть свет разливается-плачет краса Ярославна,
Одна на путивльской стене городской причитая:
«Светлое солнце! Для всех ты тепло и отрадно,
Воинов лады за что ж истомило нещадно,
В поле безводном им жаждою луки согнуло,
Горем-тугою им стрелы в колчанах замкнуло?»

1961

Николай Рыленков

* * *

На заре, на зорьке рано-рано,
Со своей тоской наедине,
Плачет, причитает Ярославна
На путивльской городской стене:

«Я взовьюсь кукушкой бесприютной,
На Дунай далекий полечу,
Где-нибудь в Каяль-реке попутной
Свой рукав бобровый омочу.

Наяву ль, во сне ли в час туманный,
В той ковыль-траве, в степном дыму,
Оботру запекшиеся раны
Милу другу, князю моему...»

Так за всех, кто из чужого края
Милых ждет, вздыхая в тишине,
Плачет Ярославна, причитая
На путивльской городской стене.

«Ветер, ветер, почему, могучий,
Ты забыл старинное родство,
Вражьих стрел зачем ты мечешь тучи
На дружину князя моего!

Мало, что ль, за облаками мчаться,
Гнать по синю морю корабли.
Для чего ж мое ты отнял счастье,
Разметал в глухой степной дали?»

Так, горючих слез не утирая,
В ранней рани далеко слышна,
Плачет Ярославна горевая,
Причитает на стене одна.

«Солнце, дважды светлое и трижды,
Тает мгла перед тобой, как дым,
Всем тепло отрадное даришь ты,
Что же с милым сделало моим?»

Ты жарой полки его спалило,
Половецкой рати помогло,
Луки храбрых русичей скрутило,
Заперло колчаны, как назло.»

Так, вплетая голос в шум дубравный,
В камышинный шелест над рекой,
Плачет, причитает Ярославна
На стене путивльской городской.

«Днепр Слоутич! Горных кряжей камень
Ты пробил и в степи путь открыл,
Святослава с верными полками
На полки Кобяковы носил.

Так неужто ты, родной, допустишь,
Чтоб текли мои в печали дни?
Успокой мне сердце, Днепр Слоутич,
Сохрани мне друга и верни...»

1962, 1966

Алексей Домнин

* * *

Лишь заря забрезжит золотая,
Так в Путивле со стены высокой
Кличет Ярославна, причитая,
Словно чибис плачет одинокий,
И от стен Путивля до Дуная
Слышит стон ее земля родная:

«Птицей обернусь я утром рано,
Над седым Дунаем полечу я,
И в Каяле свой рукав багряный
Светлую волною омочу я
И омою князю злые раны,
Боль-тоску слезою заврачую».

Жалобясь, тоскуя и рыдая,
Кличет Ярославна молодая:
«О ветрило-ветер! Ты скажи мне,
Почему ты, степь окутав пылью,
Носишь стрелы ханские на крыльях,
Мечешь их на русские дружины?
Мало ли тебе небес весенних?
Мало ль править парус кораблю?
Так зачем, зачем мое веселье
Поразвеял ты по ковылю?»

На заре взывает Ярославна
С крепостной стены Путивля-града:

«Днепр Словутич!
Широко и плавно
Ты течешь сквозь горы и преграды,
Ты лелеял русские насады
Воинам Кобяковым на горе.
Прилелей, о Днепр, ко мне ты ладу,
Чтоб не слала слез к нему на море!»

Кличет, солнце раннее встречая,
Ярославна в скорби и печали:
«Ты прекрасно, солнце, и свободно!
Грешь ты зеленые просторы.
Так зачем лучи в степи безводной
На дружины милого простерло,
Мертвым зноем луки им стянуло,
Жаждою колчаны им заткнуло?»

(1971), 1978

Юрий Бариев

* * *

Ярославнин голос рано
долетает до Дуная.
Как неведомая птица,
Ярославна причитает:
«Легкокрылою зегзицей
полечу я по Дунаю
и рукав шелковый белый
омочу в реке Каяле,
оботру я раны князю
на его горячем теле».
На стене Путивля-града
Ярославна рано плачет:
«Господин, Ветрило-Ветер!
Ты зачем так сильно веешь
и хиновьи стрелы мечешь
на своих на крыльях легких
в войско милого мне лады?
Разве мало было веять,
корабли в морях лелея?
Ты зачем мое веселье
по ковылию развеял?»

На стене Путивля-града
Ярославна рано плачет:
«Ты могуч, Днепро Словутич!
Путь пробил себе сквозь горы
в Половецких землях к морю.
Святославовы, лелея,
нес ладьи на синих волнах
Кобякову рать развеять.
Возлелей ко мне ты ладу,
чтоб к нему поутру в горе
я не слала слез на море».
На стене Путивля-града
Ярославна рано плачет:
«Трижды светом светло Солнце!
Ты для всех теплом отрадно.
Отчего — скажи мне, Солнце,—
жжешь лучами войско лады
и в безводном поле жаждой
луки ратников стянуло,
горем их колчан заткнуло?»

1984

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Тарас Шевченко

* * *

В Путивлі-граді вранці-рано
Співає, плаче Ярославна,
Як та зозуленька кує,
Словами жалю додає.
«Полечу, каже, зигзицею,
Тією чайкою-вдовицею,
Та понад Доном полечу,
Рукав бобровий омочу
В ріці Каялі. І на тілі,
На княжім білім, помарнілім,
Омию кров суху, отру
Глибокії, тяжкії рани...»

І квилить, плаче Ярославна
В Путивлі рано на валу:
«Вітрило-вітре мій єдиний,
Легкий, крилатий господине!
Нащо на дужому крилі
На вої любії мої,
На князя, ладо моє миле,
Ти ханові метаеш стріли?
Не мало неба, і землі,
І моря синього. На морі
Гойдай насади-кораблі.
А ти, прелютій... Горе! Горе!
Моє веселіє украв,
В степу на тирсі розібгав».

Сумує, квилить, плаче рано
В Путивлі-граді Ярославна.
І каже: «Дужий і старий,
Широкий Дніпре, не малий!
Пробив еси високі скали,
Текучи в землю половчина,
Носив еси на байда <ка>х
На половчан, на Кобяка
Дружину тую Святославлю!..
О мій Словутицю преславний!
Моє ти ладо принеси,
Щоб я постіль весела слала,
У море сліз не посидала,
Сльозами моря не долить».

І плаче, плаче Ярославна
В Путивлі на валу на брамі.
Святеє сонечко зійшло.
І каже: «Сонце пресвятеє
На землю радість принесло
І людям і землі, моєї
Туги-нудьги не розвело.
Святий, огнений господине!
Спалив еси луги, степи,
Спалив і князя і дружину,
Спали мене на самоті!
Або не грій і не світи...
Загинув ладо... Я загину!»

4 іюня 1860

Кондратий Рылеев

БОЯН

На брег Днепра, разбив болгар,
Владимир Солнце возвратился
И в светлой гриднице, в кругу князей, бояр,
На шумном пиршестве с друзьями веселился...

Мед, в стариках воспламенивши кровь,
Протекшую напомнил младость,
Победы славные, волшебницу-любовь
И лет утраченных былую радость.

Беспечнее веселый круг шумел,
Звучнее гусли раздавались.
Один задумчиво Боян сидел,—
В нем думы думами сменялись...

«Какое зрелище мой видит взор! —
Мечтал певец унылый.—
Бояр, князей и витязей собор,
И государь, народу милый!

Дивятся их бесчислию побед
Иноплеменные державы,
И служит, трепеща, завистливый сосед
Для них невольным отголоском славы.

Их именами все места
Исполнены на Севере угрюмом,
И каждый день из уст в уста
Перелетают с шумом...

И я, дивясь их делам,
Пел витязей — и сонмы умолкали,
И персты вещие, по золотым струнам
Летая, славу рокотали!

Но, может быть, времен губительных полет
Всесокрушающею силой
Деянья славные погубит в бездне лет,
И будет Русь пространною могилой!..

И песни звучные Бояна-соловья
На пиршествах не станут раздаваться,
Забудут витязей, которых славил я,
И память их хвалой не будет оживляться.

Ах, так — предчувствую: Бояна вещей глас
Веков в пучине необъятной,
Как эхо дальное в безмолвной ночи час
Меж гор, умолкнет невозвратно...

По чувствам пламенным не оценит
Певца потомок юный;
В мрак неизвестности все песни рок умчит,
И звучные порвутся струны!

Но отлети скорей,
Моей души угрюмое мечтанье,
Не погашай последней искры в ней
Надежды — жить хоть именем в преданье».

1821

Александр Островский

(ПЕСНЬ ГУСЛЯРОВ ИЗ «СНЕГУРОЧКИ»)

Вещие, звонкие струны рокочут
Громкую славу царю Берендею,
Долу опустим померкшие очи,
Ночи

Мрак безрассветный смежил их навечно,
Зрячею мыслью рысучей оглянем
Ближних соседей окрестные царства.

Что́ мне звенит по заре издалече?
Слышу и трубы, и ржание коней,
Глухо стези под копытами стонут.

Тонут

В сизых туманах стальные шеломы,
Звонко бряцают кольчатые брони,
Птичьи стада по степям пробуждая.

Луки напряжены, тулы открыты,
Пашут по ветру червленые стяги,
Рати с зарания по полю скачут.

Плачут

Жены на стенах и башнях высоких:
Лад своих милых не видеть нам боле,
Милые гибнут в незнаемом поле.

Стоны по градам, притоптаны нивы,
С ўтра до ночи и с ночи до свету
Ратаи черными вранами рыщут.

Прыщут

Стрелы дождем по щитам вороненым,
Гремят мечи о шеломы стальные,
Сулицы сквозь прободают доспехи.

Чести и славы князьям добывая,
Ломят и гонят дружины дружины,
Топчут комонями, копьями нижут.

Лижут

Звери лесные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитых,
Тугой поникли деревья и травы.

Веселы грады в стране берендеев,
Радостны песни по рощам и долам,
Миром красна Берендея держава.

Слава

В роды и роды блюстителю мира!
Струны боянов греметь не престанут
Славу златому столу Берендея.

1873

КОВЫЛЬ

Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предъ зорями?

«Слово о полку Игореве»

1

Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?

Холодеет ночь перед зарею,
Смутно травы шепчутся сухие,—
Сладкий сон их нарушает ветер.
Опускаясь низко над полями,
По курганам, по могилам сонным,
Нависает в темных балках сумрак.
Бледный день над сумраком забрезжил,
И рассвет ненастный задымился...

Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?

Холодеет ночь перед зарею,
Серой мглой подернулись балки...
Или это ратный стан белеет?
Или снова веет вольный ветер
Над глубоко спящими полками?
Не ковыль ли, старый и сонливый,
Он качает, клонит и качает,
Вежи половецкие колышет
И бежит-звенит старинной былью?

2

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходит вдаль. Кругом всё степь да степь.
Шумит трава дремотно и лениво,
Немых могил сторожевая цепь
Среди хлебов загадочно синеет,
Кричат орлы, пустынный ветер веет
В задумчивых, тоскующих полях,
Да тень от туч кочующих темнеет.

А путь бежит... Не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили
На синий Дон? Не в этих ли местах,
В глухую ночь, в яругах волки выли,
А днем орлы на медленных крылах
Его в степи безбрежной провожали
И клетком псов на кости созывали,
Грозя ему великую бедой?
«Гей, отзовись, степной орел седой!
Ответь мне, ветер буйный и тоскливый!»

...Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...

1894, <1900>

КНЯЗЬ ВСЕСЛАВ

Князь Всеслав в железы был закован,
В яму брошен братскою рукой:
Князю был жестокий уготован
Жребий, по жестокости людской.
Русь, его призвав к великой чести,
В Киев из темницы извела.
Да не в час он сел на княжьем месте:
Лишь копьем дотронулся Стола.
Что ж теперь, дорогами глухими,
Воровскими в Полоцк убежав,
Что теперь, вдали от мира, в схиме,
Вспоминает темный князь Всеслав?

Только звон твой утренний, София,
Только голос Киева! — Долга
Ночь зимою в Полоцке... Другие
Избы в нем, и церкви, и снега...
Далеко до света, — чуть сереют
Мерзлые окошечки... Но вот
Слышит князь: опять зовут и млеют
Звоны как бы ангельских высот!
В Полоцке звонят, а он иное
Слышит в тонкой грезе... Что́ года
Горестей, изгнанья! Неземное
Сердцем он запомнил навсегда.

<1916>

* * *

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А всё как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас — то здесь, то там — тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

1898

Владимир Соловьев

ОТВЕТ НА «ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ»

К. К. Случевскому

Всё, изменяясь, изменило,
Везде могильные кресты,
Но будят душу с прежней силой
Заветы творческой мечты.

Безумье вечное поэта —
Как свежий ключ среди руин...
Времен не слушаясь запрета,
Он в смерти жизнь хранит один.

Пускай Пергам давно во прахе,
Пусть мирно дремлет тихий Дон:
Всё тот же ропот Андромахи,
И над Путивлем тот же стон.

Свое уж не вернется снова,
Немеют близкие слова,—
Но память дальнего бывшего
Слезой прозрачною жива.

19 июня 1898

Максимилиан Волошин

ГРОЗА

Див кличет по древию, велит послушати
Волзе, Поморью, Посулью, Сурожу...

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой.

И тутнет гулкая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью,—
Земле незнаемой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

С туч ветер плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам...
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло...

То, Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

(1907)

ПЕВЦУ «СЛОВА»

Стародавней Ярославне тихий ропот струн:
Лик твой скорбный, лик твой бледный, как и прежде, юн.

Ранним-рано ты проходишь по градской стене,
Ты заклятье шепчешь солнцу, ветру и волне,
Полететь зегзицей хочешь вдаль, к реке Каял,
Где без сил, в траве кровавой, милый задремал.
Ах, о муже-господине вся твоя тоска!
И, крутясь, уносит слезы в степи Днепр-река.

Стародавней Ярославне тихий ропот струн:
Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде, юн.

Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто Слово спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел?
Или русских женщин лики все в тебе слиты?
Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна — ты!
На стене ты плачешь утром... Как светла тоска!
И, крутясь, уносит слезы песнь певца — в века!

1912

Марина Цветаева

НА ЗАРЕ...

На заре — наimedленной кровью,
На заре — наиявственнейшей тишь.
Дух от плоти косной берет развод,
Птица клетке костной дает развод.

Око зрит — невидимейшую даль,
Сердце зрит — невидимейшую связь...
Ухо пьет — неслыханнейшую молвь...
Над разбитым Игорем плачет Див.

17 марта 1922

ТРУБЫ ТРУБЯТ В НОВОГРАДЕ

Трубы трубят в Новограде,
И стоят в Путивле стяги.
Мила Всеволода-брата
Игорь ждет. И вот ему
Буй-тур Всеволод промолвил,
Свету-брату своему:

«Брат единый, брат мой светлый,
Святославичи мы оба,
Кóней ты скорей, брат Игорь,
Снаряди своих лихих.
А мои уже готовы,
Ждут у Курской стороны.
А испытаны куряне —
С веку витязи они.
Все взлелеяны под шлемом,
Под трубою повиты,
Их с конца копья вскормили,
Все им ведомы пути,
Все овраги им знакомы;
Луки все напряжены,
И открыты все колчаны,
Сабли острые верны.
Словно волки, в поле скачут,
И себе всё чести ищут,
Славы князю своему».

Игорь-князь вступил в злат стремя,
Чистым полем едет он,
Солнце путь закрыло тьмою,
Ночь в лесах будила птиц,
Стонучи ему грозою.
Свист зверей вблизи поднялся,
Див на дереве кричит
И неизвестным всем землям
Слушать весть свою велит:
Волге, Корсуню, Посулью,
Сурожу, где море есть,
И тебе, Тьмутороканский
Идол, слушать эту весть!

К Дону половцы бежали
По неезженным путям,
Словно лебеди распуганные,
В ночь кричат телеги там.
И ведет князь Игорь войско
К Дону. Птицы пред бедой
По дубам разносят вести;
По оврагам волчий вой;
Клётком всех зверей на кости
В эту ночь зовут орлы;
И разлаялись лисицы
На багряные щиты.

О, теперь ты за курганом
Скрылась, Русская земля!
В небе свет-заря пылает,
И покрыл туман поля.
Пробудился говор галок,
Соловьиный щекот смолк.
Русские щитами поле
Городили в эту тьму
И себе искали чести,
Славы князю своему.

<1938>

Александр Прокофьев

(ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»)

ПЯТАЯ ПЕСНЯ

Перед зарею раным-рано
Что там шумит, что там звенит?
То Игорь скачет полем бранным
И молоньи из-под копыт!

Два дня потоки стрел каленых
Летящих видела земля.
На третий Игоря знамена
Упали разом на поля.

Там полегли колчан с булатом,
Там смяты русские полки,
Там разлучились оба брата
На берегу Каял-реки.

Там кончен долгий пир богатый,
Там гостевали, как могли,
Там напоили вповаль сватов,
А сами в поле полегли.

За землю Русскую!

И тонет

В бескрайних тучах синева,
Печаль деревья долу клонит,
И никнет с жалости трава...

16 мая 1938

ЯРОСЛАВНА

Сохранен твой след осенним ливнем,
Грозами и русскою зимой,
Ярославна — свет мой на Путивле,
Свет мой, день мой, век недолгий мой!

Где же, где же он, гонец крылатый,
С доброй вестью с грозных берегов:
Копьями, колчанами, булатом
Заслонен твой Игорь от врагов!

Видно, спор с ветрами не был равным.
Дальний друг, одно известно мне:
Плачем исходила Ярославна
На Путивля каменной стене.

Вот ко всем путям, тобой любимым,
Славословя, припадаю я:
К той земле, которой ты ходила,
К той воде, которая твоя!

Ты такая ясная, простая,
Ты такая русская в дому...
Пусть же никогда не зарастает
Торный путь к порогу твоему!

1939

ЯРОСЛАВНА

Тихо мерцает серьга голубая,
Косам завидует ива любая,
Ветви купая в озерной воде.

Спится — не спится... и князь не приснится.
Давеча билась в окошко синица:
Словно бы к новой какой-то беде.

Солнце в оконце глядит слюдяное..
Скучное солнце сегодня какое.
Нету доселе от князя гонца.

Очи отерла холщовую тканью
Да потихонечку, раннюю ранью,
Тяжко вздыхая, спустилась с крыльца.

Легкой стопою на тропку ступила.
Чу!.. где-то кличет кукушка уныло.
«Ой горемычная, словно как я».

Тих опустевший Путивль. Недалеко
Спит городская стена одиноко.
Скорбь посетила родные края.

Бьется за Русскую землю дружина,
Чтобы над ней воронье не кружило,
Бьется далече родимая рать.

По небу тучи плывут и уходят,
Доблесть высокая в юном народе
Будет с веками расти и мужать.

Век ли кручиниться нам по светлицам,
Косам неприбранным по ветру виться,
Бисеру слезному очи мутить?

Утро росистое. Пахнет как славно.
Ветер платочек сорвал с Ярославны.
«Всё бы тебе, господине, шутить».

Встала над тихой путивльской стеною,
Запричитала кукушкой лесною,
Слышат — не слышат в степи ковыли.

Руки простерла в печали-кручине:
«Ветер, ветрило, к чему, господине,
Мечешь хиновские стрелы вдали?»

Утренний ветер в ответ ей крепчает,
Ветер полыни седые качает,
Треплет кустарник, ветлою шумит.

Воды днепровские там, за холмами,
Плещут, встают буревыми волнами:
«Чей это голос нас горько корит?»

Солнце малиной зарделось далече,
Слушает женские смелые речи,
Спряталось в облачном легком дыму.

Слышит князь Игорь: не копыа запели,
Ветер поет — как над вешней капелью —
Голосом лады в далеком дому.

1939

Ольга Берггольц

* * *

Фашистам не удалось взять Ленинград штурмом. Они замкнули вокруг него кольцо блокады.

...Я буду сегодня с тобой говорить,
товарищ и друг ленинградец,
о свете, который над нами горит,
о нашей последней отраде.

Товарищ, нам горькие выпали дни,
грозят небывалые беды,
но мы не забыты с тобой, не одни,—
и это уже победа.

Смотри — материнской тоскою полна,
за дымной грядюю осады,
не сводит очей воспаленных страна
с защитников Ленинграда.

Так некогда, друга отправив в поход,
на подвиг тяжелый и славный,
рыдая, глядела века напролет
со стен городских Ярославна.

Молила, чтоб ветер хоть голос домчал
до друга сквозь дебри и выси...
А письма летят к Ленинграду сейчас,
как в песне, десятками тысяч.

Сквозь пламя и ветер летят и летят,
их строки размыты слезами.
На ста языках об одном говорят:
«Мы с вами, товарищи, с вами!»

А сколько посылок приходит с утра
сюда, в ленинградские части!
Как пахнут и варежки, и свитера
забытым покоем и счастьем...

И нам самолеты послала страна, —
да будем еще неустанней! —
их мерная, гулкая песня слышна,
и видно их крыльев блистанье.

Товарищ, прислушайся, встань, улыбнись
и с вызовом миру поведай:
«За город сражаемся мы не одни, —
и это уже победа».

Спасибо. Спасибо, родная страна,
за помощь любовью и силой.
Спасибо за письма, за крылья для нас,
за варежки тоже спасибо.

Спасибо тебе за тревогу твою —
она нам дороже награды.
О ней не забудут в осаде, в бою
защитники Ленинграда.

Мы знаем — нам горькие выпали дни,
грозят небывалые беды.

Но Родина с нами, и мы не одни,
и нашею будет победа.

4 октября 1941

Людмила Татьяничева

ЯРОСЛАВНА

Снова дует неистовый ветер —
Быть кровавому, злему дождю.
Сколько дней, сколько длинных столетий
Я тебя, мой единственный, жду.

Выйду в поле,— то едешь не ты ли
На запененном верном коне?
Я ждала тебя в древнем Путивле
На высокой на белой стене.

Я навстречу зегзицей летела,
Не страшилась врагов-басурман.
Я твое богатырское тело
Столько раз врачевала от ран.

Проходили согбенные годы
Через горы людской маеты,
И на зов боевой непогоды
Откликался по-воински ты.

Не считал ты горячие раны,
И на землю не падал твой меч.
Откатилась орда Чингисхана
Головою, скошённою с плеч.

И остался на вечные веки
Ты грозой для пришельцев-врагов.
Омывают российские реки
С рук твоих чужеземную кровь.

...Снова ветер гудит, неспокоен,
Красный дождь прошумел по стране.

Снова ты, мой возлюбленный воин,
Мчишься в бой на крылатом коне.

Труден путь твой, суровый и бранный,
Но нетленной останется Русь,
И тебя я, твоя Ярославна,
В славе подвигов ратных дождусь.

<1943>

Николай Браун

ЯРОСЛАВНА

Догорела заря-заряница,
Во полуночи Див прокричал.
Ярославне ночами не спится —
Улететь бы на дальний Каял.

Долететь бы до княжьего стана,
Приподнять бы палатки края:
«Где ты, Игорь мой, князь мой желанный,
Трижды светлая лада моя?»

Кабы мне обернуться зегзицей,
Куковала бы я над тобой,
Стерегла бы твой сон до денницы,
Перед войском летела бы в бой.

Я простерла бы крылья, как руки,
К тайным силам небес и земли,
Чтобы Велеса добрые внуки
В поле ратном тебя берегли,

Чтобы стрелы не сохли в колчане,
Чтоб копьё не тупилось в бою,
Чтоб стрелой не пробил половчанин
Сердце Игоря, ладу мою!»

И, слезой обжигаясь горячей,
Одержима горючей тоской,
Причитает княгиня и плачет
До зари на стене городской.

Будто видит: ковыль серебрится,
Реют стяги, как слава чисты,
Рыщут волки, и брешут лисицы,
На червлёные брешут щиты.

«Где ты, Игорь мой, воин мой? Жив ли?»
Предрассветные дали молчат.
Над бревенчатым тихим Путивлем
Петушинные крылья стучат.

1943

Павел Антокольский

ЯРОСЛАВНА

Поэма

1

Над какой стеной зубчатой
Слышен голос тот стародавний?
Иль поют за Днепром девчата
О прабабке своей Ярославне?

Или, может, в снегах Урала,
Где ощерена вся природа,
Сказки горные собирала
Ярославна, душа народа?..

Или, может, фронтам в усладу,
По ночам, на волне короткой
Льется песня такого склада,
Песня женщины нашей кроткой?..

Там железо грохочет в тучах,
Там свинцовая вьюга хлещет,
Бьются реки в корчах падучих,
На всё сущее смерть клеветет.

Так не бойся, не плачь, стихия!
Пусть одной только песней женской
Только эти губы сухие
Отвечают муке вселенской.

Есть у женщин такое право:
В половодьях любой непогоды
Быть надежную переправой
Через беды и через годы.

Льется песня та золотая,
Никогда уже не истлеть ей.
Это время поет, взлетая
В огневые врата столетья.

Ну так вспыхни же и не стихни,
Так склонитесь же, слов не троя,
И прислушайтесь к песне ихней —
Вы, мужья, сыновья и братья.

2

Полечу зегзицей по Дунаю.
Ой не знаю, где он за Карпатами,
То ли умер, то ли жив, не знаю,
То ль зарыт германскими лопатами.

Полечу зегзицею далече,
Омочу бибрян рукав, не вымою.
Может, он железом искалечен,
Может, в ту же ночь непоправимую.

В ту ли ночь, а может, и не в ту же.
Сколько их прошло, никем не считано.
А о чем кричит ночная стужа,
Не пойму никак, о чем кричит она.

Ты не плачь, я и сама б умела,
Да не плачу, выстою пред гибелью.
Я сама бледна, белее мела,
Да не твой мороз лицо мне выбелил.

Встань же, солнце, милое трикраты,
Как вставало, помнишь, в годы ранние.
Никакой не может быть утраты,
Нет отчаянья. Нет умиранья.

Мы сойдемся и дровец наколем,
Накалим времянку мы ко времени.

Мы студить жилище не позволим,
Жены человеческого племени.

Мы наварим щей, хлебов намесим.
Если жив, откликнись только голосу.
Сколько нас,— сочти страну по всеям.
Сколько нас,— сочти поля по колосу.

3

Я знаю, как росла ты, как училась
В Путивле иль в Чернигове, дитя.
Как в ту весну всё это и случилось,
И сразу ты влюбилась не шутя.

Какой он был, твой Игорь,— русский, рослый,
Как в ту весну, в ту самую весну
Он по-матросски налегал на весла,
Когда переплывали вы Десну.

Как духовой оркестр играл у входа
В сад городской, в грядущие года,
А Игорь пел: «О, дайте мне свободу...»
Ты помнишь это, Ярославна?

«Да».

Я знаю, как был этот праздник прерван,
Как был он призван раннею весной
В сороковом году иль в сорок первом
И вы прощались ночью над Десной.

Как он писал из армии, бывало:
«О русская земля, ты за холмом...»
Как ты ждала у городского вала
Любимого в отчаянье немом.

Как ветер бил в глаза твои и скулы,
Как шла в тумане сонная река,
Как за рекой таинственные гулы
Ты слушала всю ночь издалека.

Я знаю, как ты слушала, не веря...
Еще никто не верил, что война
Стучится в наши кованые двери,
Скребется когтем по стеклу окна.

Я знаю, как ты напрягала зренье,
Как утопал родной твой городок
В лиловой, белой, розовой сирени
И как завыл окраинный гудок.

А ты не понимала, ты томилась
Своим непониманьем молодым.
Ты все-таки надеялась на милость,
На ту сирень, на тот лиловый дым...

Надеялась на самолетный клекот,
На дальний путь по переплету шпал,
На юношу в Прибалтике далекой...
А он в то утро без вести пропал.

4

И пошла по земле Ярославна,
Первых встречных пытала о нем.
Трепетало на станции главной
Небо мертвенно-синим огнем.
По краям вдоль обочин дороги
Мертвых танков лежали куски.
А в душе у нее — ни тревоги,
Ни надежды, ни слез, ни тоски,—
Только сила, что, горы сдвигая,
До небес достигает седьмых
И в аду не сгорает нагая,
А не выдаст любимых своих.

Вы видали ее на вокзале
В платье латаном, в рваном платке.
Вы и слова с чужой не сказали
На ее нечужом языке,—
Проводили глазами — и сразу
Стерлась в памяти бедная тень.
...Понабило вагон до отказа,
Застучала колес дребедень.

Под Орлом ли, в Клину, или в Лубнах,
В сорок первом иль в сорок втором,
Над путями в отгулах стотрубных
Отбомбил, что положено, гром.

Отпылали цистерны. На шпалах
Пятна нефти мерцали всю ночь.
Мчались тучи, и ветер трепал их,
Разрывал и отбрасывал прочь.

Но ждала героиня рассказа
Небывалого света в ту ночь.
Вы ее повстречали, и сразу
Смыло в памяти милую дочь
Ярослава... А может, и ваша
Поднималась над заревом сёл.
И сиял вам всё ярче и краше
Ее золотом шитый подол.
И оттуда, далёко-далече,
Словно звон телеграфной струны,
Словно в юности, пело о встрече
Напряженное сердце страны.

...Ни огарка, ни лампы. А в окнах
За пробитой фанерой дожди.
Жди зари, на платформе промокнув,
Эшелона последнего жди.
Никуда ты уже не уедешь,
Никуда от судьбы не уйдешь!
Что ты, милая девушка, бредишь?
Видно, вправду глупа молодежь!

Но когда переполнилась чаша
И казалось, что горя не снести,
Рядом с нею вся родина наша
Проступила из мглы вся как есть!
Нет, не сказка, не дочь Ярослава,
Не ушедших времен голоса —
Это молодость наша и слава
Вся как есть на земле, вся краса!
Всё, чем сердце богато от века,
Вся его доброта и мечта!
Потому что любовь человека
Пошлой скуке ничьей не чета.
Потому что, по шпалам шагая,
До небес достигает седьмых
И в аду не сгорает нагая,
Но не выдаст любимых своих.

И без страха и без колебання
Она знала дороги свои:
Может, в Лубнах, а может, в Любани,
Может, в Люблине — сердце Любви.

5

Еще утрат ничто не залечило,
Хоть об стену разбейся головой.
Еще травы ничто не научило
Казаться нам не кровью, а травой.
Еще на языке военных сводок
Зовется водным рубежом река.
Еще немислим и преступен отдых
И даль так невозможно далека.

И женщина к стеклу прижалась тесно...

Но почему блеснула та звезда
И с той звезды, как с высоты отвесной,
Звенящий голос долетел сюда?
И сквозь окно дохнуло вдруг прохладой,
Как будто берег видится морской,
И девушка, рожденная Элладой
Ей плечи тихо тронула рукой:
«И я жила, отравленная горем,
Немало сотен лет. И я бреду
Из века в век по каменистым взгорьям,
По странам мира странствую в бреду.
Не видят света мраморные очи,
Не плещут складки мраморных одежд.
Но вся любовь, все дни мои и ночи
Освещены зарницами надежд.
Отец мой слеп. И лиры не удержит
Рука его, что создана для струн.
Кто ослепил его? Не громовержец.
Кто гнал его? Не божеский перун.
Всё было, всё! Медно-лиловый запад
Дымился за пролетами аркад.
Он угасал не сразу, не внезапно,
Тот европейский медленный закат.
Плыла, качаясь, душная истома.
Звенела чья-то жалость, как струна.
Была в тот вечер выгнана из дома
Вся средневропейская страна.

А мой отец? Сказать по правде, сам он
Не мог поднять отяжелевших век,
Сам пренебрег и возрастом и саном
Он — средневропейский человек.
Сам между двух стаканов пьяной пены
Цедил сквозь зубы: «Немцы не беда!» —
Сам потерял он зренье постепенно
И не заметил, кажется, когда...
Но он сейчас веселым делом занят,
И поводырка не нужна ему.
Он где-то на Балканах партизанит,
Или в Пирее поднял всю тюрьму,
Или бежал из скотского загона,
Чтобы поджечь германские леса...» —

Так говорила дева Антигона,
Гречанка, вечной юности краса.

6

«Для чего понадобилась встреча
Этих женщин? Что ты доказал?
Что, законам всем противореча,
Времена спешат на твой вокзал,
Всякое нарушив расписание,
Перепутав семафоры лет?
Слушай! Не в свои садишься сани,
Ты, реалистический поэт!

Для чего встречаются в поэме
Греческий Софокл и наш Боян?
В грозное ответственное время
Ты такую дичью обуян!
Странный бред, бессмысленная прихоть,
Бесполезная нагрузка...»

Стой!

Крик разъяренный, посмотри хоть
В суть и смысл поэмы непростой.

Не спеши клеймить меня, не надо!
Бедных героинь моих не тронь!
Слышишь, как крепчает канонада?
Это *наша* правда, *наш* огонь.

Подойдем к друзьям-артиллеристам,
Постучим в землянку. Путь далек.
Может быть, вот этот фитилек
Желчный твой утихомирит приступ.

Сколько книг в землянке у ребят!
О каких гуманитарных вузах,
О каких (прошу прощенья!) музах
Книжные названья говорят?

Что такое? Что за чудо! Боже!
Эта книга — «Слово о полку...»
Следующая в тисненой коже —
Как вместить название в строку?

Чья-то репутация подмокла;
Чьи-то шансы медленно растут.
Три свои критические стекла —
Пред тобой трагедии Софокла!
Значит, Антигона тут как тут!

Собеседник с яростию вышиб
Дверь землянки и удрал домой.
Видно, по соображеньям высшим
Избегал дискуссий критик мой!

7

Между тем канонада росла и звала
Всех разбойников черных на суд.
Ни траншеи восточного вала, ни мгла,
Ни отчаянье их не спасут.

Мы их бомбами бьем, и «катюшами» жжем,
И листовками хлещем в глаза.
Посмотрите, над водным вон тем рубежом
Закипела к рассвету гроза.

И моя Ярославна, моя красота,
Пусть участвует в нашем бою,
Ибо песня о ней высоко поднята.
Я о верности женской пою.

Я не вычитал древней картины из книг,
Не придумал ее почудней,
Но ко всем тыщелетиям сердцем приник
На все тысячи маленьких дней...

Если к водному ты подошла рубежу,
Если ты на моем берегу, —
Ярославна, ты слышишь меня? Я служу
Нашей родине так, как могу.

8

День придет. Не так далек он.
Слушай, милая, меня.
Ослепит квадраты окон
Сноп внезапного огня.

Флаг расплещется под ветром.
Затрубит оркестр. И ты
Встанешь утром в платье светлом
Небывалой красоты.

Ты одна из дома выйдешь,
Но вернемся мы вдвоем.
Ты сначала не увидишь
Шрама на лице моем.

Я начну как можно суше.
Только ты не бойся слез.
Только слушай, только слушай,
Как мне солоно пришлось.

За грядою гор горбатых
Снова горная гряда.
В той краине, на Карпатах,
Битва шла не дни — года.

Битва шла в далеких селах
За далекую страну.
Много нас, парней веселых,
Поседело в ночь одну.

Много нас, парней что надо,
Стало пеплом той земли.
Но сквозь ночь и канонаду
Мы, как острый нож, прошли.

Я любил тебя в тесной землянке,
Под залиvistый хохот пурги,
В раскаленном до ужаса танке,
Когда били по танку враги.
Я любил тебя с той непогоды,
Что, три года крутятся и гоня,
Не сломила меня за три года,
Только жить научила меня.

Молчи. Не надо вспоминать. Смотри
В глаза мои до самой до зари.
Как много дней, как много лет подряд
Ты с половцами бился, говорят,
И падал на Дону, и вновь вставал
На Перекоп и на Троянов вал,
И крепко спал под каменным крестом
На Бородинском поле. А потом
Под Сталинградом, смертью смерть поправ,
Поил коня у волжских переправ.
И вся земля, вся русская земля —
Леса, овраги, хлебные поля,
Проселки, избы, озими, стога,
Студеных рек нагие берега,—
Вся даль земная мчалась за тобой
В иную даль, где шел бессмертный бой.

9

Сразу он и она замолчали.
Встали рядом, почти не дыша.
Видно, радость труднее печали.
И, оттаявши, ломит душа,

Ничегошеньки не понимая,
Синей влагой течет и течет,
Как река полноводная в мае,
Потерявшая времени счет.

Видно, гор голубые отроги
Не Карпаты для них, не Памир,
А крутой поворот на дороге,
За которым рождается мир.

Там всё в цвету. Там юный человек
Встречает гимном свой железный век.
Морская соль сладка для моряка.
Ломает камень горная кирка.

Над колыбелью женщина поет.
Не спит мечтатель. Над землей встает
В короне, спаянной из горных руд,
Владыка мира — человеческий труд.

Что печалишься, дочь Ярослава?
Что журишься, дружина моя?
Иль печаль твоя — вечная слава
Всем погибшим за други своя?

И она обняла его плечи,
Смотрит в очи, не прячет лица...
Нет конца, нет конца этой встрече,
Да и в песне не надо конца...

1944, (1966)

ДЕВА ОБИДА

Въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука,
вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала
лебедиными крылы на синѣм морѣ, у Дону.

Дева Обида! Надежда моя!
Где же ты? Встань! Сосчитай убиенных.
Слушай, как хлещут штормами моря,
Слушай, как звон отдается в антеннах.

Слушай. Довольно тебе над толпой
Вспыхивать косноязычием молний.
Где же ты, милая? Ясно пропой,
Песнями душу народа наполни.

О, не смежай опечаленных век!
Встань над руинами взорванных башен.
О, посмотри на обугленный век,
Как он безумен, бездомен и страшен!

Встань. Распахни эту тьму. Овладей
Даром ваянья и песенным даром.
Дева Обида, надежда людей!
Те, что погибли,— погибли недаром.

Участь высокая не тяжела,
Люди пошли на мученья и беды,—
Только бы дважды и трижды жила
Дева Обида — сестра Победы.

23 апреля 1945

Владимир Зотов

ЯРОСЛАВНА

С каждой почтою полевою
Уж не жду от тебя письма,
А всё жду, что лесной тропею
Вдруг ты выйдешь ко мне сама.
Выйдешь, вскинешь родные руки
И замрешь на моей груди,
За четыре года разлуки
Мне прошепчешь: «Не уходи!»
Три зимы и четыре лета
Нас военный ветер несет.
Я у ветра спрашивал, где ты,
Да ответа он не дает.
Я не знаю, в каком Путивле,
На высокой белой стене,
Ты гадаешь по звездам: «Жив ли?»,
Вспоминаючи обо мне.
Сняв простреленную фуражку,
Я гляжу на свою звезду,—
Пусть порой мне смертельно тяжко,
Всё равно я к тебе приду!

1944

десять пальцев,
от песен скорченных,
задевают струны,
а струны
сами славу князьям рокочут.
Или вдруг
заструятся
грустью,
журавлиною перекличкою...
У Бояна
стозвонные
гусли —
пе-ре-лив-чатые.

2

КОПЬЯ ПОЮТ НА ДУНАЕ

Над Путивлем Солнце-радость
велико,
а светит слабо.
На валу,
ограде града,
плачет лада Ярославна.

Плачет, голос поднимая,
до рассвета цвета ситца:
«Полечу я по Дунаю
бесприютною зегзицей.
Рано, рано
на Дунае
омочу рукав бобровый,
князю раны вспеленаю,
ототру
от крови
брови».

Над Путивлем ветер стылый
носит запах сечи душной.
Плачет лада:
«О ветрило!
Отчего враждебно дуешь?
Отчего,
о Ветр-Ветрило,
добродушный и обширный,

мечешь
на воздушных крыльях
стрелы
в русскую дружину?

Мало ли тебе, бездомный,
облака гонять по югу,
мало на море студеном
корабли волной баюкать?
Мало пригибать посевы,
дыбить мех
лесному зверю?
Отчего ж мое веселье
по ковыль-траве
развеял?»

Над Путивлем Солнце-радость
велико,
а светит слабо.
На валу,
ограде града,
плачет лада Ярославна,
плачет лада,
стоном стонет,
Солнцу слабому грозитя:

«Полечу к тебе я, Солнце,
бесприютною зегзицей.
Отчего в безводном поле,
жар-лучи
кидая наземь,
пропитало потной солью
ты дружину мужа-князя?
Отчего тугие луки
ты им, Солнце,
раскачало,
покоробило им тугой
камышовые колчаны?»

Над Путивлем красны тучи,
будто Игоревы раны.
Поднимая голос круче,
плачет лада Ярославна:

«О могучий Днепр Словутич!
Расколол ты горы-камни,
горе-лодки Святослава
с Кобяковыми полками
ты столкнул...
О господине!
Прилелей мне мужа завтра.
Не хочу
        покрытым тиной,
а хочу
        живым, глазастым».

3

СЮУРЛИЙ

Налегла на Сюурлий
мгла —
        лиловый чад,—
замигала,
        заюлила
юркая заря
        над разливом Сюурлий.

Соловьи закрыли клювы,
но, в предвестье орд,
вытаращив очи-клювы,
        воронье ревет
над разливом Сюурлий.

Прислонив щиты к телегам —
там казна и раб,—
дремлют правнуки Олега.
Богатырский храп
над разливом Сюурлий.

Хан Кончак полки скликает,
и крадется Гза...

Замолчала под клинками
ратная гроза
над разливом Сюурлий.

Та Стугна затворила
день
князю-мальчику
Ростиславу.

На Стугне
расцветает
май,

жеребцы
потрясают
челками.

А по мальчику
плачет мать,
исцарапав ногтями щеки.

На заутрене бор
мокр.
Грай ворон черноперых
смолк.

Дятлы ползают по сучьям,
стуча.

Над рябинами
ползучий

чад.
Сняли свой ночной дозор
соловьи.
Углубился Игорь в бор,—
слови!

И сказал Кончаку Гза:
«Если сокол убежал
из гнезда,
не допустим соколенка
домой,
доконаем закаленной
стрелой».

И сказал Гзе Кончак:
«Если сокол в гнезде
зачах,
краснощекую
сочную девицу
мы положим около сокола;
никуда он тогда
не денется,

ЯРОСЛАВНА

Ты навеки будешь славна
В русских думах, в русских снах,
Ярославна, Ярославна,
Князя Игоря жена.

Рассыпают гуслей струны
О тебе тревогу слов.
Над Путивлем грозы шумны,
Громок звон колоколов.

Тучи крыльями качает
Над Путивлем воронье.
В бедах князя выручает
Сердце гордое твое.

Над судьбой земли рассветной
Дивным солнцем встала ты —
Символ верности заветной,
Символ женской красоты.

Ты раскинь цветные зори,
Ветры черные развей,
Помоги мне нынче в горе
Чистой памятью своей.

⟨ 1962 ⟩

Юлия Друнина

ЯРОСЛАВНЫ

Каленые стрелы косили
Дружинников в даях глухих.
И трепетно жены России
Мужей ожидали своих.

«Любимый мой, Игорь мой славный!
Бескрайни тревожные дни!..» —
Вновь милых зовут Ярославны,
Но смотрят на небо они.

Не в поле — меж звездами где-то
Двадцатого века маршрут!
Послушные «кони» — ракеты —
Своих властелинов несут.

А ежели «всадник» задремлет,
Слетают счастливые сны:
Всё видит желанную Землю
Он в облике милой жены.

1970

Элида Дубровина

НА БЕРЕГАХ ДОНЦА

Как странно мне у этих берегов
Стоять и слушать вещей шум дубравы
И думать о делах минувшей славы,
Величии Трояновых веков.

Как жутко мне в могучем забытьи
Воссоздавать трагические даты,
И вспоминать моей земли утраты,
И забывать скитания свои.

Такой покой немислимый кругом...
Скажи, чем ранишь сердце, Украина?
В щемящий, древний путь зовет равнина
За Кременецким сказочным бугром.

Молчи, Стрибог! В шумящих тополях
Неизреченной негой веет воздух...
Но, как река времен, темно и грозно
При свете звезд течет Изюмский шлях.

Оттуда шли предвестники беды,
И наша кровь об этом не забыла!
И чудится — за гривой чернобыла
Крадутся вновь лазутчики Орды.

А знойный ветер пахнет чабрецом,
А там, в садах, прибежище прохлады,
И звезды осыпаются в левады,
Огнем переливаясь над Донцом.

Плывут, плывут над родиной века,
Как думы гусяров, как сновиденья...
Стрел Кончака пронзительное пенье
Уже не слышат степи и река.

Не станов половецких огоньки —
Огни плотин окрестность осветили,
И скорбный плач не слышится с Путивля,
Не кличут князя Игоря полки.

Лишь гул машин и тихий всплеск волны
Послышатся в ночи и стихнут снова...
Но нам родства не позабыть святого.
Так вейте, вейте, ветры старины!

Чтоб вечно помнить славы имена,
Чтоб чудилось, как, плача в поле диком,
О золотое стремя бьется с криком,
Рассыпав косы, светлая жена...

<1977>

Анатолий Землянский

ЯРОСЛАВНЫ

Их солдатками называли
В русских селах и городах.
Половина земной печали
В тех тяжелых жила глазах.

Нет, совсем не худая слава
Слову горькому жизнь дала.
Отставала, как шлак от сплава,
От солдатки моей хула.

Хоть, бывало, как хмель, как тина,
Налипала, маня без слов,
Взглядов сальная паутина
Многоопытных мужиков.

Отбивалась. И, точно с бою
Ею взятая высота,
Поднималась еще одною
Неприступностью чистота.

Ночью вдвое тоски и муки.
Малых сказками усыпив,
Сон свой тихому реву в руки
Отдавала, про всё забыв.

Проходили солдаты мимо —
Заходилась душа тоской.
Хоронили убитых — выла,
Каждый был для нее родной...

Год — что век. Нескончаем. Скалы
Рухнуть могут, согнется сталь...
У нее — только вид усталый
Да не высказана печаль...

Всех их вижу в поре несладкой,
Вижу в горестный миг и час...
Ярославна была солдаткой —
Ярославны они у нас!

<1978>

Михаил Дудин

А Ярославна все-таки тоскует

К. Случевский

Устало море биться о ступени.
Померкло солнце, и отхлынул зной.
Былых времен разбуженные тени
В вечерний час беседуют со мной.
А кто сказал, что прошлое неявно?
Времен и судеб неразрывна связь.
Не перестанет плакать Ярославна,
Пока из мертвых не воскреснет князь.

1983

Людмила Щипахина

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

И доколе мне плакать?
Лететь по Дунаю кукушкой?
Отшумели века
В этом горестном кличе любви.
Но и нынче всё мокнет
Рукав мой с бобровой опушкой
То в Каяле-реке,
То в слезах, то в горячей крови.

И сегодня мой зов
Так же эхо полесское множит,
Чтоб в погибельный час
Различил его преданный слух.
Но доколе без плачей
Земля обходиться не может?
И доколе страдать
Обречен мой тоскующий дух?

Стонут стены Путивля,
Готовясь к пожарам грядущим,
А каленые стрелы
И нынче — всё целят в ребро.

Вот зачем в утешенье
Нужна я сегодня живущим...
Чтоб оплакивать смерть
И хранить в этом мире добро.

Этот плач роковой
Не иссякнет, не сгинет бесславно...
И покуда земля
Не скудеет от вечных щедрот,
Будут жен на Руси,
Как меня, величать
Ярославны...
А от них нарождается
Миролюбивый
Народ.

1985

III
ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА
НА ПОЛОВЦЕВ В 1185 ГОДУ

А в это время Игорь Святославич, внук Олегов, выступил из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего, из Рыльска, и Владимира, сына своего, из Путивля. И у Ярослава попросил в помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями черниговскими. И так двинулись они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое. Когда подошли они к реке Донцу в вечерний час, Игорь, взглянув на небо, увидел, что солнце стоит словно мертвец. И сказал боярам своим и дружине своей: «Видите ли? Что значит знамение это?» Они же все посмотрели, и увидели, и понурили головы, и сказали мужи: «Князь наш! Не сулит нам добра это знамение!» Игорь же отвечал: «Братья и дружина! Тайны божественной никто не ведает, а знаменье творит бог, как и весь мир свой. А что нам дарует бог — на благо это или на горе нам — это мы увидим».

И, сказав так, переправился через Донец, и подошел к Осколу, и ждал там два дня брата своего Всеволода: тот шел другой дорогой из Курска. И оттуда двинулись к Сальнице. Здесь приехали к ним разведчики, которых посылали ловить языка, и сказали приехавшие: «Видели врагов, враги ваши во всем вооружении ездят, так что либо поезжайте без промедления, либо возвратимся домой: не подходящее сейчас для нас время». Игорь же обратился к братии своей: «Если нам придется, не приняв боя, вернуться, то позор нам будет хуже смерти; пусть же будет так, как нам бог даст». И, порешив так, ехали всю ночь.

Наутро же, в пятницу, в обеденное время, встретились с полками половецкими; успели подготовиться половцы: вежи свои отправили назад, а сами, собравшись от мала до велика, стали на противоположном берегу реки Сюрлий. А наши построились в шесть полков: Игорь в полку посередине, а по правую руку — полк брата его Всеволода, по левую — Святослава, племянника его, перед этими полками — полк сына его Владимира и другой полк, Ярославов, — ковуи с Ольстином, а третий полк впереди — стрелки, собранные от всех князей. И так построили полки свои. И обратился Игорь к братии своей: «Братья! Этого мы искали, так дерзнем же! И двинулись на половцев, возложив на бога надежды свои. И когда приблизились к реке Сюрлию, то мы ехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле в сторону русских, ускакали. Еще не успели русские переправиться через реку Сюрлий, как обратились в бегство и те половецкие полки, которые стояли подалее за рекой.

Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями-стрелками бросились их преследовать, а Игорь и Всеволод двигались медленно, держа строй своих полков. Передовые отряды русских избивали половцев и хватали пленных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, доскакав до веж, захватили там большой полон. Некоторые с захваченными пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И когда собрались все полки, обратился Игорь к братии своей и к мужам своим: «Вот бог силой своей обрек врагов наших на поражение, а нам даровал честь и славу. Но видим мы бесчисленные полки половецкие — чуть ли не все половцы тут собрались. Так поедем же сейчас, ночью, а к утру пустится преследовать нас, то разве все смогут лишь лучшие из половецких конников переправятся, а уж нам самим — как бог даст». Но сказал Святослав Ольгович дядьям своим: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». Согласился с ним Всеволод и предложил заночевать здесь. И сказал Игорь: «Не удивительно будет, мудрые братья мои, и умереть тут». И легли здесь.

Когда же занялся рассвет субботнего дня, то начали подступать полки половецкие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них против кого ехать, — так много было половцев. И сказал Игорь: «Вот думаю, что

собрали мы на себя всю землю Половецкую — Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича, и Тертробича». И тогда, посоветовавшись, все сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца, ибо говорили: «Если поскачем — спасемся сами, а простых людей оставим, а это будет нам перед богом грех: предав их, уйдем. Но либо умрем, либо все вместе живы останемся». И, сказав так, сошли с коней и двинулись с боем. Тогда по божьей воле ранили Игоря в руку, и омертвела его левая рука. И опечалились все в полку его: был у них воевода и ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках.

Когда же настала ночь субботняя, все еще шли они, сражаясь. На рассвете же в воскресенье вышли из повиновения ковуи и обратились в бегство. Игорь же в это время был на коне, так как был ранен, и поспешил к ним, пытаясь возвратить их к остальным полкам. Но, заметив, что слишком отдалился от своих, снял шлем и поскакал назад к своему полку, ибо уже узнали князя и должны были вернуться. Но так никто и не возвратился, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. А с ковуями не бежал никто из бояр, только немного простых воинов да кое-кто из дружинников боярских, а все бояре сражались в пешем строю, и среди них Всеволод, показавший немало мужества. Когда уже приблизился Игорь к своим полкам, половцы, помчавшись ему наперерез, захватили его на расстоянии одного перестрела от воинов его. И, уже схваченный, Игорь видел брата своего, Всеволода, ожесточенно сражающегося, и молил он у бога смерти себе, чтобы не увидеть гибели брата своего. Всеволод же так яростно бился, что и оружия ему не хватало. И сражались, обходя вокруг озеро.

И так в день святого воскресенья низвел на нас господь гнев свой, вместо радости обрек нас на плач и вместо веселья — на горе на реке Каялы. Воскликнул тогда, говорят, Игорь: «Вспомнил я о грехах своих перед господом богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, а предал разграблению город Глебов у Переяславля. Тогда немало страданий испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими, дочери с матерями своими, подруга с подругой своей.

И все были в смятении: тогда были полон и скорби живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, в огне очистились от скверны этой жизни. Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилосердных побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я,— воскликнул Игорь,— и недостойн я остаться жить!

И вот теперь вижу отмщение от господа бога моего: где ныне возлюбленный мой брат? Где ныне брата моего сын? Где чадо, мною рожденное? Где бояре, советники мои? Где мужи-воители? Где строй полков? Где кони и оружие бесценное? Не всего ли этого лишился я теперь, и, связанного, предал меня бог в руки беззаконникам. Это все воздал мне господь за беззакония мои и за жестокость мою, и обрушились содеянные мною грехи на мою же голову. Неподкупен господь, и всегда справедлив суд его. И я не должен разделить участи живых. Но теперь вижу, что другие обретают венец мученичества, так почему же я — один виноватый — не претерпел страданий за все это? Но, владыка господь бог мой, не отвергни меня навсегда, но какова будет воля твоя, господи, такова и милость нам, рабам твоим».

И тогда окончилась битва, и разлучены были пленники, и пошли половцы каждый к своим вежам. Игорь же взял в плен муж именем Чилбук из Тарголовищ, а Всеволода, брата его, захватил Роман Кзич, а Святослава Ольговича — Елдечук из Вобурцевичей, а Владимира — Копти из Улашевичей. Тогда же на поле битвы Кончак поручился за свата своего Игоря, ибо тот был ранен. И из стольких людей мало кто смог по счастью и случайности спастись, невозможно было скрыться беглецам — словно крепкими стенами окружены были полками половецкими. Но наших русских мужей около пятнадцати убежало, а ковуев и того меньше, а остальные в море утонули.

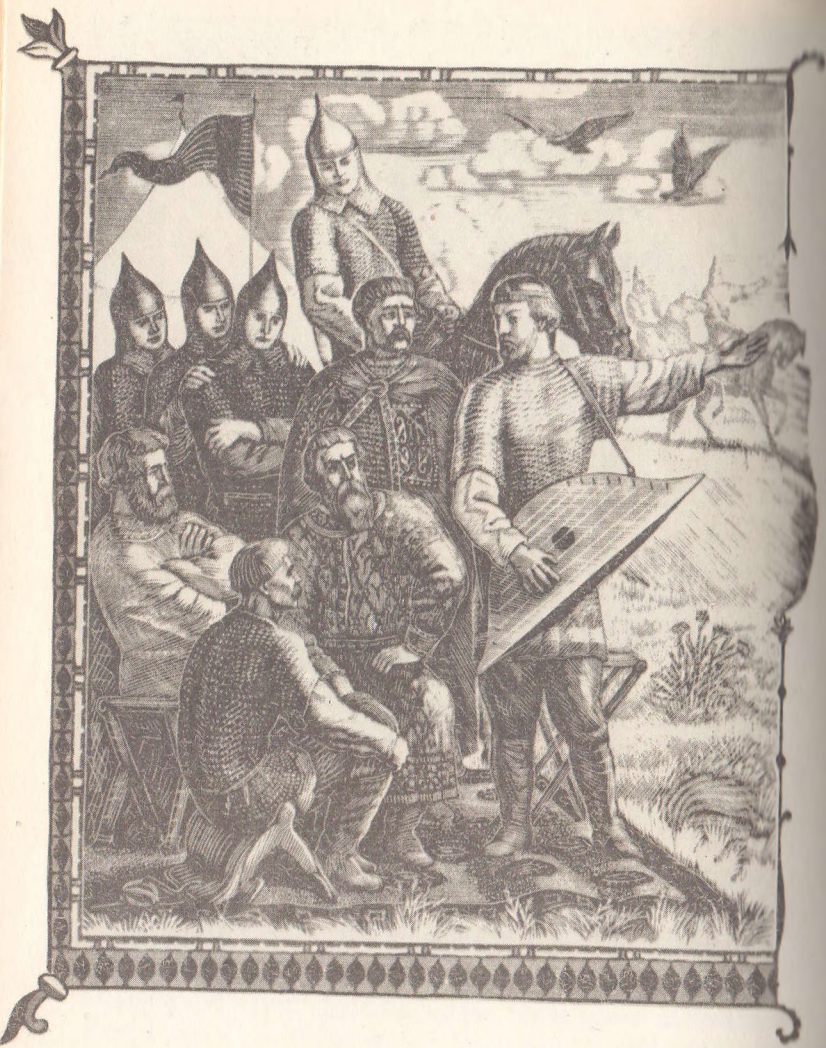
В это время великий князь Святослав Всеволодович отправился в Карачев и собирал в верхних землях воинов, намереваясь на все лето идти на половцев к Дону. Когда уже на обратном пути оказался Святослав у Новгорода-Северского, то услышал о братьях своих, что пошли они втайне от него на половцев, и был он этим очень раздосадован. Святослав в то время плыл в ладьях; когда же прибыл он в Чернигов, прибежал туда Беловод Просович и поведал Святославу о слу-

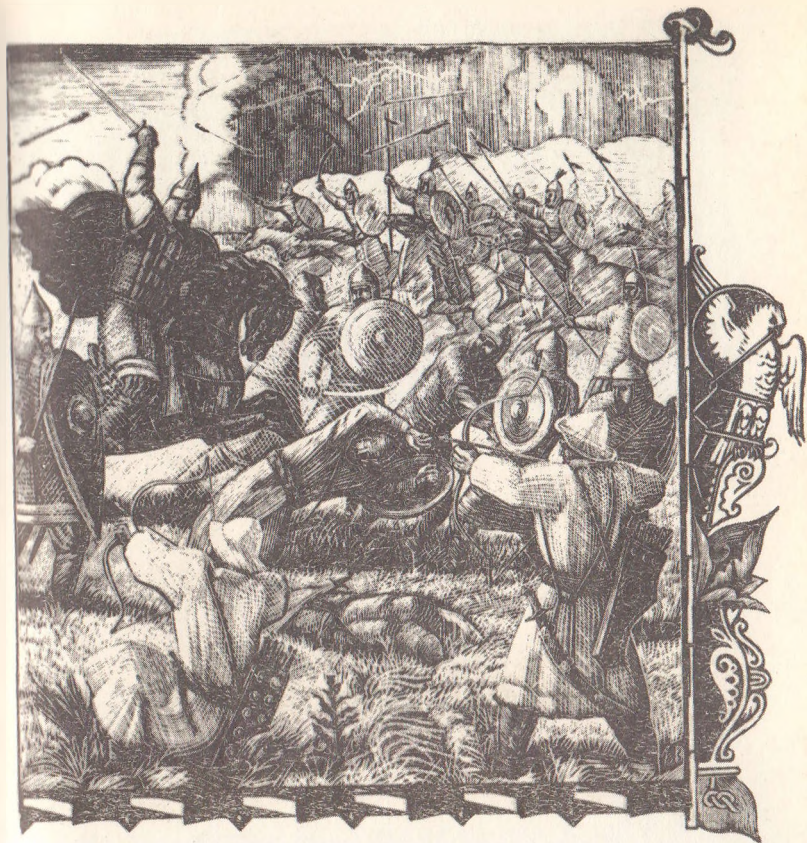
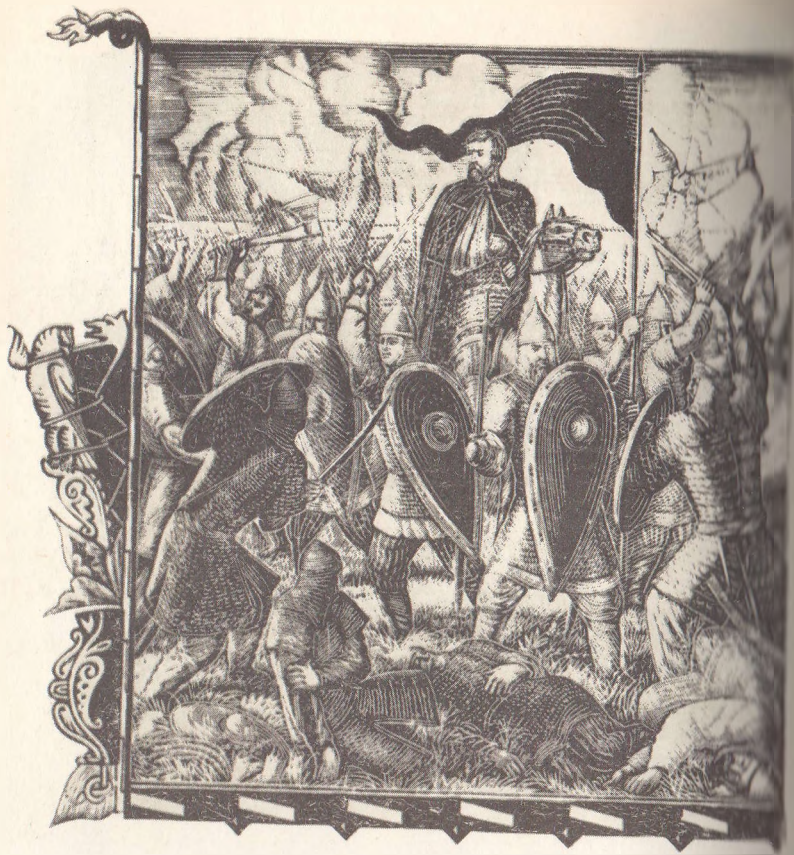

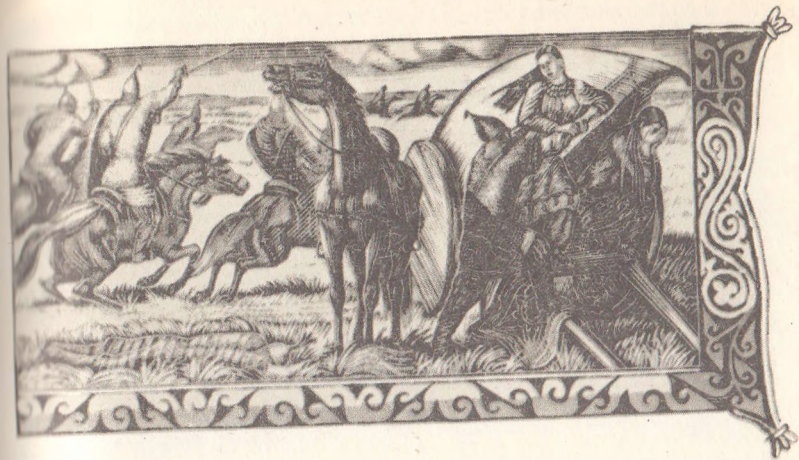

Alexis Comte de Moussin Pouchkin
Conseiller intime de Sa Majesté Impériale, Secrétaire
de l'Académie des Beaux Arts de Paris, Chevalier de l'Ordre
Impérial de l'Alexandre Nevski, grand-croix de l'Ordre de St. Vladimir

А. И. Мусин-Пушкин,
владелец и издатель рукописи
«Слова о полку Игореве»

чившемся в Половецкой земле. Святослав, узнав обо всем, вздохнул тяжело и сказал, утирая слезы: «О дорогая моя братия, и сыновья, и мужи земли Русской! Даровал мне бог победу над погаными, а вы, не сдержав пыла молодости, отворили ворота на Русскую землю. И как я только что досадовал на Игоря, так теперь оплакиваю его, брата своего».

После этого послал Святослав сына своего Олега и Владимира в Посемье. Узнав о случившемся, пришли в смятение города посемские, и охватила их скорь и печаль великая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и во всей земле Черниговской: князья в плену и дружина пленена или перебита. И метались люди в смятенье, в городах смуты начались, и не милы были тогда никому и свои близкие, но многие забывали и о душе своей, печалась о своих князьях. Затем послал Святослав к Давыду в Смоленск, со словами: «Сговаривались мы пойти на половцев и лето провести на берегах Дона, а теперь половцы победили Игоря, и брата его, и сына; так приезжай же, брат, охранять землю Русскую». Давыд же приплыл по Днепру, пришли и другие на помощь и стали у Треполя, а Ярослав с полками своими стоял в Чернигове.

Поганые же половцы, победив Игоря с братией, немало возгордились и собрали всех людей своих, чтобы пойти на Русскую землю. И начался у них спор. Говорил Кончак: «Пойдем к Киеву, где была перебита братия наша и великий князь наш Боняк». А Гза говорил: «Пойдем на Сейм, где остались их жены и дети: там для нас готовый полон собран, будем города захватывать, никого не опасаясь». И так разделились надвое: Кончак пошел к Переяславлю, и окружил город, и бился там весь день. Владимир же Глебович, князь Переяславля, был храбр и силен в бою. Выехал он из города и напал на врагов, и лишь немногие из дружины решились ехать за ним. Жестоко бился он и был окружен множеством половцев. Тогда остальные переяславцы, видя, как мужественно бьется их князь, выскочили из города и выручили князя своего, раненного тремя копьями. А славный воин этот, Владимир, тяжело раненный, въехал в город свой, утер мужественный пот за отчизну свою. И послал Владимир к Святославу и к Давыду с просьбой: «Половцы у меня, так помогите же мне». Святослав послал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя со смоленцами.

Смоленцы же начали совещаться и сказали так: «Мы пришли к Киеву, если бы была там сеча — сражались бы, но зачем нам другой битвы искать, не можем — устади уже». А Святослав с Рюриком и с другими, пришедшими на помощь, пошли по Днепру против половцев; Давид же возвратился назад со своими смоленцами. Половцы, услышав об этом, отступили от Переяславля. И, проходя мимо Римова, осадили его. Римовичи затворились в городе и заполнили все заборолы, и, по воле божьей, рухнули две городницы с людьми на сторону осаждавших. На остальных же горожан напал страх. Кто из них выбежал из города и бился в болотах подле Римова, те и спаслись от плена, а кто остался в городе — тех всея пленили. Владимир же посылал к Святославу Всеволодовичу и к Рюрику Ростиславичу, призывая их к себе на помощь. Но Святослав задержался, ожидая Давида со смоленцами. И так опоздали князья русские и не догнали половцев. Половцы же, взяв город Римов, с полным отправились восвояси, а князья вернулись по своим домам, печалясь о сыне своем Владимире Глебовиче, получившем тяжелые смертельные раны, и о христианах, взятых в полон погаными.

Вот так бог казнит нас за грехи наши, привел на нас поганых не для того, чтобы порадовать их, а нас наказывая и призывая к покаянию, чтобы мы отрешились от своих дурных деяний. И наказывает нас набегам поганых, чтобы мы, смирившись, опомнились и сошли с пагубного своего пути.

А иные половцы двинулись по другой стороне (Сулы) к Путивлю. Гза с большим войском разорил окрестности его и села пожег. Сожгли половцы и острог у Путивля и вернулись восвояси.

Игорь же Святославич в то время находился у половцев, и говорил он постоянно: «Я по делам своим заслужил поражение и по воле твоей, владыка господь мой, а не доблесть поганых сломила силу рабов твоих. Не стою я жалости, ибо за злодеяния свои обрек себя на несчастья, которые я и испытал». Половцы же, словно стыдясь доблести его, не чинили ему никакого зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не ограничивали его свободы: куда хотел, туда ездил и с ястребом охотился, а своих слуг пять или шесть также ездило с ним. Те стра-

жи его слушались и почитали, а если посылал он кого-нибудь, то беспрекословно исполняли его желания. И погна привел из Руси к себе с прицтом, не зная еще божественного промысла, но рассчитывая, что еще долго там пробудет. Однако избавил его господь по молитвам христиан, ибо многие печалились о нем и проливали слезы.

Когда же был он у половцев, то нашелся там некий муж, родом половчин, по имени Лавр. И пришла тому мысль благая, и сказал он Игорю: «Пойду с тобою в Русь». Игорь же сначала не поверил ему, к тому же лелеял он дерзкую надежду, как это свойственно юности, замышляя бежать в Русь вместе со своими мужами, и говорил: «Я, страшась бесчестия, не бросил тогда дружину свою и теперь не могу бежать бесславным путем». С Игорем же были сын тысяцкого и конюший его, и те убеждали князя, говоря: «Беги, князь, в землю Русскую, если будет на то божья воля — спасешься». Но все не находилось удобного времени, какого он ждал. Однако, как говорили мы прежде, возвратились половцы из-под Переяславля, и сказали Игорю советчики его: «Не угоден богу твой дерзкий замысел: ты ищешь случая бежать вместе с мужами своими, а что же об этом не подумаешь: вот придут половцы из похода, и, как слышали мы, собираются они перебить и тебя, князь, и мужей твоих, и всех русских. И не будет тебе ни славы, ни самой жизни». Запал князю Игорю в сердце совет их; испугавшись возвращения половцев, решил он бежать.

Но нельзя ему было бежать ни днем, ни ночью, потому что стерегли его стражи, но посчитал он самым подходящим время на заходе солнца. И послал Игорь к Лавру конюшего своего, веля передать: «Переезжай на тот берег Тора с конем поводным», — ибо решился он бежать с Лавром на Русь. Половцы же в это время напились кумыса. Когда стало смеркаться, пришел конюший и сообщил князю своему Игорю, что ждет его Лавр. Встал Игорь в страхе и в смятении, поклонился образу божьему и кресту честному, говоря: «Господи, в сердцах читающий! О, если бы ты спас меня, владыка, недостойного!» И, взяв с собой крест и икону, поднял стену шатра и вылез из него, а стражи тем временем забавлялись и веселились, думая, что князь спит. Он же, подойдя к реке, перебрался на другой берег, сел на коня, и так поехали они с Лавром через вежи.

Принес ему господь избавление это в пятницу вечером. И шел Игорь пешком до города Донца одиннадцать дней, а оттуда — в свой Новгород, и все обрадовались ему. Из Новгорода отправился он к брату своему Ярославу в Чернигов, прося помочь ему в обороне Посемьи. Обрадовался Игорю Ярослав и обещал помощь. Оттуда направился Игорь в Киев, к великому князю Святославу, и рад был Игорю Святослав, а также и Рюрик, сват его.

Перевод О. В. Творогова

Н. М. КАРАМЗИН

⟨Пересказ-перевод «Слова о полку Игореве»⟩

Игорь, князь Северский, желая воинской славы, убеждает дружину идти на половцев и говорит: «Хочу преломить копие свое на их дальнейших степях, положить там свою голову или *шлемом испить Дону!*» Многочисленная рать собирается: «Кони ржут за Сулою, гремит слава в Киеве, трубы трубят в Новгороде, знамена развеваются в Путивле: Игорь ждет милого брата, Всеволода». Всеволод изображает своих мужественных витязей: «Они под звуком труб повиты, концом копья вскормлены; пути им сведомы, овраги знаемы; луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся в поле, как волки серые; ищут чести самим себе, а князю славы». Игорь, *вступив в золотое стремя*, видит глубокую тьму пред собою; небо ужасает его грозой, звери режут в пустынях, хищные птицы станицами парят над воинством, орлы *клектом* своим предвещают ему гибель, и лисицы лают на багряные щиты россиян. Битва начинается; полки варваров сломлены; их девицы красные взяты в плен, золото и ткани в добычу; одежды и наряды половецкие лежат на болотах вместо мостов для россиян. Князь Игорь берет себе одно багряное знамя неприятельское с древком серебряным. Но идут с юга черные тучи или новые полки варваров: «Ветры, Стрибоговы внуки, веют от моря стрелами на воинов Игоревых». Всеволод впереди с своею дружиною: «Сыплет на врагов стрелы, гремит о шлемы их мечами булатными. Где сверкнет золотый шишак его, там лежат головы половецкие». Игорь спешит на помощь к брату. Уже два дни пылает битва, неслыханная, страшная: «Земля облита кровию, усеяна костями. В третий день

пали наши знамена: *кровавого вина* не достало; кончили пир свой храбрые россияне, напоили гостей и легли за отечество». Киев, Чернигов в ужасе: половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен, и девицы их «поют веселые песни на берегу синего моря, звеня русским золотом». Сочинитель молит всех князей соединиться для наказания половцев и говорит Всеволоду III: «Ты можешь Волгу *раскропить* веслами, а Дон вычерпать шлемами»; Рюрику и Давиду: «Ваши шлемы позлащенные издавна обгаются кровию; ваши мужественные витязи ярятся, как дикие волы, уязвленные саблями калеными»; Роману и Мстиславу Волынским: «Литва, ятвяги и половцы, бросая на землю свои копыя, склоняют головы под ваши мечи булатные»; сыновьям Ярослава Луцкого, Ингварю, Всеволоду и третьему их брату: «О вы, славного гнезда *шестокрильцы!* Заградите поле врагу стрелами острыми». Он называет Ярослава Галицкого *Осмомыслом*, прибавляя: «Сидя высоко на престоле златокованом, ты *подпираешь* горы Карпатские *железными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь к Киеву, пускаешь стрелы в земли отдаленные». В то же время сочинитель оплакивает гибель одного кривского князя, убитого литовцами: «Дружину твою, князь, птицы хищные приделали крыльями, а звери кровь ее полизали. Ты сам выронил *жемчужную* душу свою из мощного тела чрез золотое ожерелье». В описании несчастного междоусобия владетелей российских и битвы Изяслава I с князем полоцким сказано: «На берегах Немена стелют они снопы головами, молотят цепами булатными, веют душу от тела... О, времена бедственные! Для чего нельзя было *пригвоздить* старого Владимира к горам Киевским» (или сделать бессмертным)!.. Между тем супруга плененного Игоря льет слезы в Путивле, с городской стены смотря в чистое поле: «Для чего, о ветер сильный! легкими крылами своими наваял ты стрелы ханские на воинов моего друга? Разве мало тебе волновать синее море и *лелеять* корабли на зыбях его? ...О Днепр славный! Ты пробил горы каменные, стремяся в землю Половецкую; ты нес на себе ладии Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мне друга милого, да не шлю к нему утренних слез моих в синее море!.. О солнце светлое! Ты для всех тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воинов моего друга в пустыне безводной?..» Но Игорь уже свободен: обманув стражу, он летит на борзом коне

к пределам отечества, стреляя гусей и лебедей для своей нищи. Утомив коня, садится на ладью и плывет Донцом в Россию. Сочинитель, мысленно одушевляя сию реку, заставляет оную приветствовать князя: «Не мало тебе, Игорьь, величия, хану Кончаку досады, а Русской земле неселія». Князь ответствует: «Не мало тебе, Донец, величия, когда ты лелеешь Игоря на волнах своих, стелешь мне траву мягкую на берегах *сребряных*, одеваешь меня теплыми мглами под сению древа зеленого, охраняешь гоголями на воде, чайками на струях, чернетьми на ветрах». Игорьь, прибыв в Киев, едет благодарить всевышнего в храм Пирогощей Богоматери, и сочинитель, повторив слова Бояновы: «Худо голове без плеч, худо плечам без головы», восклицает: «Счастлива земля и весел народ, торжествуя спасение Игореву. Слава князьям и дружине!» Читатель видит, что сие произведение древности ознаменовано силою выражения, красотами языка живописного и смелыми уподоблениями, свойственными стихотворству юных народов.

1816, 1818

А. С. ПУШКИН

⟨«Песнь о полку Игореве»⟩

Песнь о полку Игореве найдена была в библиотеке графа А. Ив. М(усина-)Пушкина и издана в 1800 году. Рукопись сгорела в 1812 году. Знатоки, видевшие ее, рассказывают, что почерк ее был полуустав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но, хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшим: прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными. Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей *Истории* мимоходом разрешил некоторые загадочные места.

Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдавался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха ⟨Rowley⟩. Джонсон тотчас уличил Макферсона. Но ни Карамзин, ни Ерм(олаев), ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности «Песни о полку Игореве». Великий скептик Шлецер, не выдав «Песни

о полку Игореве», сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее подлинно древним произведением, и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидна казалась ему истина!

Других доказательств нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под которого невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? но Карамзин не поэт. Держ(авин)? но Державин не знал и русского языка, не только языка «Песни о полку Игореве». Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Яр(ославны), в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя! Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание *всех* наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна? Гомер, если и существовал, искажен рапсодами.

Ломоносов жил не в XII ст(олетии). Ломоносова оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирий(ских), ни болгар(арских), ни богем(ских), ни молдав(авских) и других наречий славянских).

*Слово о полку Игоревѣ (Игоря) сына Святъславля,
внука Ольгова*

«Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о полку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начатиже ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню».

§ 1. Все занимавшееся толкованием «Слова о полку Игореве» перевели: «Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы, было воспеть древним складом, старым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о

полку Игореве, Игоря Святославича?» Но в древнем славянском языке частица *ли* не всегда дает смысл вопросительный, подобно латинскому *ne*; иногда *ли* значит только, иногда — *бы*, иногда — *же*; доньше в сербском языке сохраняет она сии знаменования. В русском частица *ли* есть или союз разделительный или вопросительный, если управляет ею отрицательное *не*; в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры так же, как и частицы *и*, что, *а*, как уж, уж как (*замечание Тредьяковского*).*

В другом месте «Слова о плку» *ли* поставлено так же, но все переводчики перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь.

Во-первых, рассмотрим смысл речи: по мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же песнь по былинам сего времени (то есть по-новому) — а не по замыслению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие! ** — Если же признаем, что частица *ли* смысла вопросительного не дает, то выдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начатся же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна. Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна. Глагол *бьшетъ* подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени (с неправильностью в склонении, коему примеры встречаются в летописях) и предполагает условную частицу — Не прилично было *бы*. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего.

---

* Замечание 1-ое. В русском языке сохранилось одно слово, где *ли* после *не* не имеет силы вопросительной — *неже-ли*. Слово *неже* употреблялось во всех славянских наречиях и встречается и в «Слове о полку Игореве»: лучше же потяту быти, неже полонену быти.

** Очень понимаем, почему А. С. Шишков не отступил от того же мнения. Ему, сочинителю «Рассужд(ения) о дре(внем) и нов(ом) (слоге)», было бы неприятно видеть, что и во время сочинителя «Слова о полку Игореве» предпочитали былины своего времени старым словесям.

«Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакъ».

§ 2. Не рѣшу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит, но, во всяком случае, поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песни в старину. Здесь полагаю описку, или даже поправку, впрочем незначительную: растекашеться мыслию по древу — тут пропущено слово *славѣм*, которое довершает уподобление; ниже сие выражение употреблено.*

«Помняшеть бо речъ пѣрвыхъ временъ усобицѣ».

§ 3. Ни один из толкователей не перевел сего места удовлетворительно. Дело здесь идет о Бояне; всё это продолжение прежней мысли: Поминая предания о прежних бранях (усобица значит ополчение, брань, а не междуусобие, как перевели некоторые. Междуусобие есть уже слово составленное), напускал он и проч. «Помняшеть бо речъ пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пушашеть ї соколовъ на стадо лебедѣй etc.», т. е. 10 соколов, напущенные на стадо лебедей, значили 10 пальцев, возлагаемых на струны. Поэт изъясняет иносказательный язык Соловья старого времени, и изъяснение столь же великолепно, как и блестящая аллегория, приведенная им в пример. А. С. Шишков сравнивает сие место с началом поэмы «Смерть Авеля».** Толкование Ал(ександра) С(еменовича) любопытно (том 7, стран. 43). «Итак, надлежит паче думать, что в древние времена соколиная охота служила не к одному увеселению, но тако ж и к некоторому прославлению героев или к решению спора, кому из них отдать преимущество. Может быть, отличившиеся в сражениях военачальники или князья, состязавшиеся в славе, выезжали на поле каждый с соколом своим и пускали их на стадо лебединое с тем, что, чей сокол

---

* *Примечание.* Г-н Вельтман перевел это место: *былое воспеть*, а не вымысел Бояна, *когдо мысли текли в вышину, как соки по дереву.* Удивительно!

** Но что есть общего между манерной прозой господина Геснера и поэзией «Песни об Игоре».

удалее и скорее долетит, тому прежде и приносить общее поздравление в одержании преимущества над прочими».

Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется: ему кажется неприличным для русских князей *доказывать первенство свое, кровию приобретенное*, полетом соколов. Он полагает, что не князья, а стихотворцы напускали соколов, а причина такого древнего обряда, думает он, была скромность стихотворцев, не хотевших выставить себя перед товарищами. А. С. Шишков, в свою очередь, видит в мнении Я. Пожарского *крайнюю неосновательность и несчастное самолюбие* (том 11-й, страница 388). К крайнему нашему сожалению, г. Пожарский не возражил.

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря (здесь определяется эпоха, в которую написано Слово о полку Игореве); иже истягну умь крѣпостію». (Истянул — вытянул, натянул, изведать, испробовал. *Пожарский*: опоясал, первые толкователи) — напрягши ум крепостию своею). Истянул, как лув, изострил, как меч,— метафоры, заимствованные из одного источника.

«Наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половъцькую на землю Руськую. Тогда Игорьъ възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорьъ къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти» — лучше быть убиту, нежели полонену.

«А всядемъ, братіе, на свои брѣзья комони, да позримъ синего Дону». Суеверие, полагавшее затмение солнечное бедственным знаменованием, было некогда общим.

«Спала Князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго». — Слова запутаны. Первые издатели перевели: Пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвещание и изведать (счастья на) Дону великом. *Печаль ему заступить* имеет несколько значений: омрачить, помешать, удержать. Пришлось князю, мысль похоти и горестъ знамение ему удержало. Спали князю в ум желание и печаль. Ему знамение мешало

(запрещало) искусити Дону великого. «Хощу бо (так хочу же, сказал) рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго(...) а любо испити шеломомъ Дону». «О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію, по мыслену древу, летая умоумъ подъ облакы, сплетая хвалы на все стороны сего времени (если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу), рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы». («Четыре раза упоминается в сей песни о Трояне, т. е. тропа Трояня, пещи Трояни, земля Трояня и седьмый век Троянов, но кто сей Троян, догадаться ни по чему не возможно», говорят первые издатели). 5 стр., изд. Шишк(ова). Прочие толкователи не последовали скромному примеру: они не хотели оставить без решения то, чего не понимали.

Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием Троянова вала. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о коем четыре раза упоминает «Слово о полку Игореве», есть не кто иной, как римский император. Но и тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется (стр. 14, изд. Ши(шкова)): «Вступилъ Дъвою на землю Трояню(...) на синѣмъ море у Дону». Где же тут Бессарабия? «Следы Трояна в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян» (Вельтман). Почему же?

«Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку» — etc. Поэт повторяет опять соображения Бояновы и, обращаясь к Бояну, вопрошает: «или, не так ли петь было, вещий Бояне, Велесов внуче?» —

«Комони ржуть (за Сулою; звенить слава въ Кыевъ; трубы трубятъ въ Новѣградъ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила) брата Всеволода».

Теперь поэт говорит сам от себя, не по вымыслу Бояню, но былинам сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описание стоит иносказаний соловья стараго времени.

«И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есвъ Святъславличя: сѣдлай, брате, свои бръзья комони, а мои ти готови (готовы — значитъ здесь известны, значение сие сохранилось в иллирийском сл(овинском) наречии: ниже мы увидим, что половцы бегутъ *неготовыми* — неизвестными — до-

рогами. Если же *неготовыми* значило бы *не мощными*, то что ж бы значило *готовые кони?*), осѣдлани у Курьскы на переди. А мои ти Куряни свѣдоми (сие повторенно того же понятия другими выражениями подтверждает предыдущее мое показание. Это одна из древнейших форм поэзии. Смотри Свящ(енное писание)) *къ мети* подѣ трубами повити» (г. Вельтман <пишет: «*Кмет* значит *частный начальник, староста*»). Кметъ значит вообще крестьянин, мужик. Каг *gospòda stori krivo, kmeti mòrjo plàzhat' shivo*¹).

1836

---

¹ Коль господа чинят несправедливость, крестьяне должны платиться жизнью (словенск.).— *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

В Большой серии «Библиотеки поэта» «Слово о полку Игореве» публикуется в третий раз.¹ Предлагаемая вниманию читателей книга имеет особый характер: ею начинается Третье издание серии и вместе с тем она выходит к 800-летию «Слова о полку Игореве».

Каждая новая книга в Большой серии, посвященная этому произведению, — не простое повторение предыдущих, с некоторыми исправлениями и добавлениями, а в какой-то мере новый этап в литературной жизни самого памятника. «Слово о полку Игореве» — и в этом его гениальность и необычность — стало неотъемлемой частью русской и мировой культуры XIX—XX вв. Все время появляются новые исследования на темы и мотивы «Слова». Многие стороны современной жизни «Слова о полку Игореве» нашли отражение в этой книге. Во вступительных статьях, комментариях к тексту произведения учтены те новые данные по литературной истории «Слова», по толкованию его текста, которые накопились после выхода в 1967 г. «Слова о полку Игореве» во втором издании Большой серии.

Так как любое воспроизведение и любая реконструкция древнерусского текста «Слова» в конечном счете восходят к первому изданию памятника 1800 г., настоящий сборник закономерно открывается публикацией этого текста, вслед за которым дается и перевод, принадлежащий первым издателям. Отличительная особенность сборника в том, что здесь печатается также реконструкция древнерусского текста «Слова о полку Игореве», осуществленная Н. А. Мецкерским и А. А. Бурькиным, с приведением в подстрочном аппарате различий (сравнительно с этой реконструкцией) по текстам первого издания, Екатерининской копии, выписок А. Ф. Малиновского и Н. М. Карамзина. Прозаическим переводом реконструированного текста завершается первый раздел книги.

Во втором разделе помещены переводы и переложения «Слова о полку Игореве» XIX в., начала XX столетия и советского времени, представляющие историю переводов «Слова» в русской поэзии на

¹ «Слово о полку Игореве»/Вступит. статья Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградовой. Подготовка текста и комментарии Л. А. Дмитриева. Л., 1952; «Слово о полку Игореве»/Вступит. статья Д. С. Лихачева. Составление и подготовка текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Примечания О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967.

материале наиболее интересных и показательных образцов. Несколько издававшихся и ранее переводов (В. И. Стеллецкого, С. В. Ботвинникова, А. Г. Степанова) отредактированы их авторами для этого сборника заново. Из появившихся в последние годы переводов «Слова» и книги печатаются переводы А. Ю. Чернова и И. И. Шкляревского.

«Слово о полку Игореве» в равной степени является достоянием трех братских литератур, имеющих единые истоки, — русской, украинской и белорусской. В настоящей книге на украинском и белорусском языках печатаются наиболее известные переводы «Слова», дающие представление о литературной истории «Слова о полку Игореве» на Украине и в Белоруссии.

Особую поэтичность плача Ярославны в «Слове о полку Игореве» отмечал еще Пушкин. В настоящей книге переводы плача Ярославны выделены под особой рубрикой и значительно пополнены по сравнению с предшествующими изданиями «Слова» в «Библиотеке поэта».

Значительно расширен подбор стихотворных произведений на тему и мотивы «Слова о полку Игореве» как за счет ранее не включавшихся текстов, так и за счет целого ряда новых поэтических вариаций на тему «Слова», появившихся в печати в последнее время.

В приложениях к книге публикуется перевод-пересказ «Слова о полку Игореве» из «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина и статья А. С. Пушкина, отражающая большой интерес к этому памятнику древнерусской литературы великого русского поэта, собиравшего переводы «Слова о полку Игореве».

Читателю этой книги следует иметь в виду, что публикуемые в ней переводы древнерусского текста содержат различные трактовки одних и тех же мест «Слова о полку Игореве». Подобные расхождения, отражающие разные периоды в изучении памятника и тесно связанные с общей стилистической манерой каждого перевода, должны сохраняться, тем более что истолкование так называемых темных мест древнерусского текста и поныне остается дискуссионной проблемой. Не всегда возможной оказалась и унификация собственных имен, написание и произношение которых с течением времени изменялось, и притом неоднократно (например: Дажьбог — Дажьбог; Плеснск — Плесенск — Плеснеск — Пленск; Тьмуторокань — Тмуторокань; Шуракан — Шуракан и т. п.).

Настоящий сборник сопровождается примечаниями двух типов, что обусловлено спецификой материала и структурой книги. Древнерусский текст «Слова о полку Игореве» вызывает необходимость в филологическом и историческом комментировании. Филологическая часть комментария содержит обзор спорных прочтений и так называемых темных мест, возникших в процессе неоднократной переписки текста памятника, вследствие чего в нем образовались типичные для древнерусских рукописей искажения и ошибки, непонимание устаревших слов, неверное прочтение отдельных языковых форм позднейшими переписчиками и первыми издателями. Филологический комментарий содержит также пояснения архаической лексики и гапаксов (слов, известных лишь в пределах одного произведения), трудных для понимания мест и грамматических связей. Здесь же приводятся параллели системе поэтических образов и речений «Слова» из оригинальных и переводных сочинений древнерусской литературы. Историческую часть комментария составляют краткие сведения о лицах и событиях, упоминаемых в тексте «Слова». Подробные данные о жизни и судьбах героев произведения можно найти в книге: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

Для удобства пользования комментарием все пояснения снабжены нумерацией, отсылающей читателя к соответствующим строкам древнерусского текста. Во внутренних (перекрестных) отсылках также применяется порядковый номер строк.

Примечания ко второму разделу книги и приложению ограничиваются библиографическими справками. Каждое примечание в этих разделах начинается со ссылки на первую публикацию перевода или оригинального произведения. Если первопечатный текст подвергался переработке или в него вносились какие-либо смысловые изменения, дополнительно (после точки с двумя дефисами) указывается издание, по которому печатается в настоящем сборнике окончательный вариант произведения. В некоторых случаях — по мере необходимости — примечания дают краткие историко-литературные сведения, справки из области мифологии, географии и т. д. Двойные даты, указываемые под переводами и оригинальными произведениями, означают наличие двух существенно отличающихся редакций текста, разделенных значительным промежутком времени. Примечания к переводам и переложениям, к тексту первого издания и переводу первых издателей написаны Л. А. Дмитриевым. Комментарии к древнерусскому тексту и его переводу написаны Н. А. Мещерским и А. А. Бурькиным. Примечания к «Летописной повести о походе Игоря Святославича» написаны О. В. Творговым.

Л. А. Дмитриев

Список условных сокращений, принятых в примечаниях

- Адрианова-Перетц — Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968.
- Булаховский — Булаховский Л. А. Избранные труды: В пяти томах. Киев, 1978. Т. 3: Славистика. Русский язык. (В этот том вошли следующие статьи: 1. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка; 2. О первоначальном тексте «Слова о полку Игореве»; 3. Лінгвістичні уваги про міфологічні назви «Слова о полку Игоревім»; 4. Заметки к спорным местам «Слова о полку Игореве»; 5. Функции чисел в «Слове о полку Игореве»; 6. К лексике «Слова о полку Игореве»).
- «Вестник ЛГУ» — «Вестник Ленинградского государственного университета».
- ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- Ипат. лет. — Ипатьевская летопись: Полное собрание русских летописей. Спб., 1908. Т. 2 (фототипическое воспроизведение — М., 1962).
- Лихачев — Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.
- Менгес — Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- Мещерский — Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.
- Мещерский. Из наблюдений — Мещерский Н. А. Из наблюдений над

- текстом «Слова о полку Игореве» // «Вестник Ленинградского государственного университета». 1976, № 14, вып. 3.
- Мещерский. К вопросу о территориальном приурочении — Мещерский Н. А. К вопросу о территориальном приурочении текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики // «Ученые записки Карельского пединститута». Петрозаводск, 1956. Т. 3, вып. 1.
- Мифы народов мира — Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980, 1982. Т. 1 — 2.
- Обнорский — Обнорский С. П. «Слово о полку Игореве» // Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 33—98.
- ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.
- Перетц — Перетц В. Н. «Слово о полку Игоревім». Пам'ятка феодальної України — Руси XII віку. Київ, 1926.
- Потебня — Потебня А. А. «Слово о полку Игореве». Воронеж, 1878.
- Рыбаков — Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
- Сб. статей — Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934.
- Словарь-справочник — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965—1984. Вып. 1—6.
- «Слово»-БП — «Слово о полку Игореве» / Вступит. статья Д. С. Лихачева. Составление и подготовка текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967 (Б-ка поэта, БС).
- «Слово» в украинских переводах — «Слово о полку Игоревъ» в українських художніх перекладах і переспівах XIX—XX ст. / До вид. підготував чл.-кор. АН УРСР С. І. Маслов. Київ: Вид. Акад. наук УРСР, 1953.
- «Слово»-50 — «Слово о полку Игореве»: Сборник исследований и статей / Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.
- «Слово»-61 — «Слово о полку Игореве»: Поэтические переводы и переложения / Под общей редакцией В. Ф. Ржиги, В. Д. Кузьминой и В. И. Стеллецкого. М., 1961.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. 1—38.
- Уч. зап. — Ученые записки.
- Шарлемань — Шарлемань Н. В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР». М.; Л., 1948. Т. 6. С. 111—124.
- Яacobсон — Яacobсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в США // «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР». М.; Л., 1958. Т. 14. С. 102—121.

I

Слово о полку Игоревъ Игоря сына Святъславля внука Ольгова. Текст первого издания (с. 3). Первое издание вышло в свет под загл. «Ироиическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столетія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ наречіе» (М., 1800). Первое издание, в осуществлении которого принимали участие владелец рукописи «Слова» А. И. Мусин-

Пушкин и археографы Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, воспроизвели рукопись «Слова», погибшую в московском пожаре 1812 г. Вместе с рукописью была уничтожена и большая часть тиража издания. Однако до нас дошло довольно большое число экземпляров этой книги (к настоящему времени их зафиксировано около 70). Изучение сохранившихся экземпляров дало возможность установить полиграфические особенности этого издания, уточнить историю работы над ним первых публикаторов. Оказалось, что уже после того как книга была набрана и сброшюрована, издатели решили заменить в книге часть страниц — это были восьмушки (со страницами 1—2, 7—8, 15—16 и 37—38). Большинство дошедших до нас книг первого издания — экземпляры с замененными восьмушками, но есть несколько архетипных экземпляров с первоначальным оттиском восьмушек. Анализ внесенных изменений в перепечатанные восьмушки приводит к заключению, что замена их была вызвана обнаруженным противоречием комментария, помещенного на с. 37, с комментарием на с. 2 и 7, а также ошибкой, сделанной в примечании на с. 15—16. При перепечатке заменяемых восьмушек, заодно с основными изменениями, были внесены некоторые стилистические поправки в текст перевода и комментариев, исправлены типографские ошибки. В древнерусский текст было внесено три изменения, которые объясняются не дополнительной сверкой текста с рукописью, а влиянием орфографических норм конца XVIII в. и стремлением к корректорскому единообразию. Древнерусский текст «Слова» дошел до нас и в так называемой Екатерининской копии, в составе бумаг Екатерины II (была преподнесена императрице А. И. Мусиным-Пушкиным). В настоящее время она хранится в Центральном гос. архиве древних актов, в Москве; шифр: Ф. 31, № 182. В Екатерининской копии есть ряд разночтений с текстом первого издания. Кроме того, до нас дошли выписки из древнерусского текста «Слова» в бумагах А. Ф. Малиновского (в настоящее время хранятся в ГИМ; шифр: Ф. 33, № 63) и в первых трех томах «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. В этих выписках, которые, возможно, восходят непосредственно к списку «Слова», также встречаются отдельные разночтения с первым изданием. Историю первого издания, описание сохранившихся экземпляров его и публикацию всех текстов, связанных с этим изданием, см.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование. М.; Л., 1960. Текст «Слова о полку Игореве» первого издания воспроизводится в полном соответствии с этим изданием в его архетипном виде, с сохранением деления текста на слова и пунктуацией первых издателей. В подстрочных примечаниях разночтения перепечатанных восьмушек обозначаются — П₁. Там же оговариваются исправления явных типографских опечаток и отдельные полиграфические дефекты в наборе текста.

Песнь о походе Игоря, сына Святослава, внука Ольгова. Перевод первых издателей (с. 12). В основе перевода, помещенного в первом издании параллельно с древнерусским текстом, лежит первоначальный перевод «Слова о полку Игореве», выполненный А. И. Мусиным-Пушкиным. Ранние варианты этого перевода сохранились в бумагах Екатерины II и в трех списках перевода «Слова» XVIII в. При подготовке перевода к печати большую работу над его совершенствованием проделал А. Ф. Малиновский; первоначальный вариант переработанного им перевода сохранился в его бумагах. Малиновский придавал большое значение своей работе над переводом «Слова». На подаренном им Е. Р. Дашковой экземпляре первого издания (в настоящее время

хранится в Гос. публичной исторической библиотеке, в Москве) он написал: «Ея сиятельству милостивой государыне княгине Екатерине Романовне Дашковой всеусерднейшее приношение от трудившегося в объяснении и переводе сего древнего отечественного умопроизведения». Тексты всех переводов «Слова», предшествовавших переводу первого издания, опубликованы в указанной книге Л. А. Дмитриева «История первого издания „Слова о полку Игореве“».

Л. А. Дмитриев

Слово о пълку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля внука Ольгова. Реконструкция древнерусского текста (с. 22). Реконструированный текст памятника преследует цель показать, какой вид он мог иметь в рукописном оригинале XII в. В основу реконструкции первоначального текста «Слова» положены вышеперечисленные источники текста, различия которых приводятся в подстрочных примечаниях «Слова». Орфография, принятая в реконструкции, соответствует тому графико-орфографическому облику, какой имеют подлинные древнерусские рукописи XII в., дошедшие до наших дней. Ввиду этого все обнаруженные в первом издании и Екатерининской копии написания, характерные для позднейшего времени, заменяются. Так, снимается надстрочный знак при букве «й», последовательно отражающийся в первом издании. Вместо написаний «плькъ», «влъкъ» и им подобных всюду восстанавливается «пълкъ», «вълкъ»; в глагольных окончаниях 3-го лица настоящего времени вместо колеблющегося написания: -тъ или -ть восстанавливается -тъ.

Взамен темных мест, и поныне вызывающих споры в их истолковании, принимаются существующие в исследованиях о «Слове» прочтения, которые кажутся наиболее убедительными и приемлемыми. Все они оговорены (с необходимыми ссылками) в комментариях к соответствующим строкам памятника. Пунктуация, насколько это возможно, обусловлена смысловым и синтаксическим членением текстов. Употребление прописных букв приближено к современным нормам. В древнерусских рукописных книгах текст записывался без разделения на слова и фразы, причем обычная строка рукописей насчитывала в среднем 42—43 знака. Такой размер строки в той или иной мере учтен в настоящем издании при разбивке текста на строки. Для удобства чтения в реконструкции устранены переносы слов из одной строки в другую. Необходимость выявить позднейшие языковые напластования, снять возникшие при переписке искажения и воссоздать первоначальный авторский текст «Слова о полку Игореве» уже давно осознается исследователями. А. А. Потехина в своем издании памятника (Воронеж, 1878; 2-е изд. — Харьков, 1914) восстанавливал в тексте древнерусские языковые формы. В. Н. Перетц в своем труде «Слово о полку Игоревѣ» (Київ, 1926) предпринял попытку реконструировать такую рукопись «Слова», которая могла бы служить протографом дошедшей до издателей мусин-пушкинской рукописи: эта реконструкция ориентировалась на рукописные книги XV в. — даты переписки предполагаемого протографа. Реконструкция акцентной системы «Слова о полку Игореве», призванная с научной точностью установить ритмическую структуру памятника и учитывающая новейшие разыскания в области истории русского ударения, подготовлена В. В. Колесовым (Колесов В. В. Ударение в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 23—76). В своде вариантов и разночтений (см. с. 22—35) не фиксируются те из них, которые относятся к делению текста на слова, пунктуации, употреблению «й», прописных и строчных букв. Разночтения подобного рода приведены в указанной выше книге Л. А. Дмитриева.

Слово о полку Игоревѣ. Загл. памятника взято первыми издателями из рукописи сборника, в котором они его обнаружили. «Слово» — широко распространенный в древнерусской литературе термин, обозначающий эпическое или ораторское произведение, содержащее обращение к кому-либо. «Словами» назывались также воинские, исторические, бытовые повествования, например: «О полонении Иерусалима Иосифа Евреина слово первое» (всего таких «слов» семь), «Слово об аргиявнехъ» (древнегреческий эпос, цитируемый в переводном памятнике XV в. «Рыдание Иоанна Евгеника»), «Слово о безбожном царе Мамае», «Слово об Акире Премудром», «Слово и дивна повесть Динары царицы» (это произведение, аналогично «Слову о полку Игореве», называется в самом тексте «повестью»). В загл. произведения слово «полкъ» может означать: поход, война или войско, дружина. Колебания первых издателей в передаче этого слова отразились в трех вариантах его написания: плѣкъ — пѣлъкъ — полкъ, которые имеются и в Екатерининской копии и бумагах А. Ф. Малиновского. С этими разными значениями слово «полкъ» в дальнейшем проходит через весь текст памятника. *Игоря сына Святѣслава внука Ольгова*. Названия отца и деда при имени князя обычны для литературного этикета русского летописания старшего периода. Ср.: «В то же время Святославичъ Игорьъ, внукъ Олговъ поѣха из Новагорода» (Ипат. лет. Стб. 637). Игорь (1152—1202) — сын Святослава Олеговича, князя Черниговского, с 1178 по 1198 г. был князем Новгород-Северским; с 1198 г. княжил в Чернигове. 1. *Нелѣпо ли ны бѣшеть*. Принято думать, что текст памятника начинается риторическим вопросом: «не следует ли начать?», «не пристало ли начать повествование о походе Игоря?». Такое понимание не бесспорно. Мы принимаем толкование, данное А. С. Пушкиным (см. приложение к наст. изданию, с. 427), согласно которому в начале памятника мы встречаем не вопросительное, а утвердительное предложение: «Неприлично было бы...» Данное прочтение согласуется с пунктуацией текста в первом издании, где в конце первой фразы стоит восклицательный знак. В Екатерининской копии эта фраза заканчивается вопросительным знаком, что свидетельствует о колебаниях в понимании текста издателями. Впоследствии в большинстве изданий появился вопросительный знак. Глагол «бѣшеть» — форма имперфекта в значении сослагательного наклонения (см.: Булаховский. С. 449—450). *Братіе* — обычное в древнерусской словесности обращение к коллективу слушателей и читателей. *Старыми словесы*. Здесь стилистическая характеристика древних воинских повестей, слог которых автор «Слова» не считает соответствующим своему времени и описываемым им событиям. 2. *Трудныхъ повѣстїи*. Слово «трудный» в древнерусском языке означало как ратный, воинский, так и печальный, скорбный. Поэтому одни (первые издатели В. А. Жуковский, Н. С. Тихонравов, А. А. Потебня, А. С. Орлов, В. И. Стеллецкий) переводили: печальные, горестные, другие (М. Д. Деларю, С. В. Шервинский, И. А. Новиков, Н. К. Гудзий, В. Н. Перетц, Д. С. Лихачев): воинские, ратные. В данном словоупотреблении органически и диалектически совмещены оба значения. Подобная игра многозначными словами характерна для авторского стиля «Слова» (см. коммент. к загл. и к 110—111, 140). *⟨Пѣсьнь⟩ о полку Игоревѣ*. В тексте пропуск, нарушена синтаксическая связь между словами: неясно, каким существительным управляет глагол «начяти». Некоторые, например С. П. Обнорский, считают, что глагол «начяти» относится к словосочетанию «трудныхъ повѣстїи» (Обнорский. С. 66), но это грамматически невозможно. Восстановление пропущенного слова «пѣсьнь» подтверждается началом

следующего предложения, где это слово употребляется в сочетании с указательным местоимением «тъи», отсылающим к предмету, который уже должен быть назван. 3—4. *По былинамъ* — здесь: по действительным событиям. «Былина» — слово, распространенное в современном русском языке для обозначения фольклорного эпического жанра, совершенно неизвестно древнерусской письменности и нигде более, кроме «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», где оно является прямым заимствованием из «Слова», не встречается. Нет этого термина и в фольклоре: сказители, певшие былины, чаще всего называли их «старинами». 5. *Боянъ* — певец, живший в Киевской Руси, по мнению большинства ученых, в XI в. Время его жизни устанавливается в соответствии с датами жизни упоминаемых князей (см. ниже). Местом его деятельности, если верить весьма позднему сообщению «Задонщины», был Киев. Имя Боян встречается в граффито XII в. на стене Софии Киевской (Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 60—71), в новгородских берестяных грамотах XI—XII вв. (см. № 509, 516, 526: Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1958—1976 гг. М., 1978. С. 104, 111, 124—125), в старейшей псковской грамоте конца XIII в. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова/Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 317). Этимологию имени Боян см.: Менгес. С. 80—83. *Въщии* — эпитет, указывающий на синкретизм словесно-художественных и определенных культурных функций. Как писал В. Л. Комарович, «...слово „вещий“ имело почти столь же широкое распространение, как и „волхи“ или „кудесник“; это были синонимы лишь с незначительными, неуловимыми теперь оттенками значений» (Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 93). 6. *Растъкашеться мыслію по древу*. По поводу слова «мыслью» существуют разные мнения. Одни авторы (Н. А. Полевой, Карелкин, И. А. Новиков, Н. М. Егоров, Н. В. Шарлемань, В. В. Мавродин), исправляя текст на «мысію», видят здесь название какого-то зверька — мыши, белки или белки-летяги. Другие следуют в понимании текста за первыми издателями. Сильным аргументом в пользу именно такого понимания является наличие в «Слове» сочетания «мысленое древо» (Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 46). Как полагает В. В. Колесов, в мусин-пушкинской рукописи «Слова» могло быть написание «мысію», требующее чтения «мыслію», как его и поняли первые издатели (Колесов В. В. «Растъкашеться мыслію по древу» // «Вестник ЛГУ». 1971, № 2, вып. 1. С. 138—139). В. В. Колесов дает подробное филологическое обоснование совмещения слов «мышь» и «мысль» в древнерусских памятниках, своеобразной стилистической игры квазиомонимами — омографами. 7. *Сизымъ орломъ*. Слово «сизый» (сизый) как эпитет орла широко употребляется в фольклоре, однако в древнерусских памятниках оно нигде не встречается. По мнению некоторых ученых (см.: Каринский Н. М. Мусин-пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV—XVI вв. // «Журнал министерства народного просвещения». 1916, декабрь. С. 199—214), начальное «ш» вместо «с» в этом слове указывает на псковское происхождение рукописи памятника, однако этимология этого слова неясна. С. П. Обнорский считает все примеры, иллюстрирующие псковское происхождение мусин-пушкинской рукописи, недостоверными и сомнительными (Обнорский С. 35). 7—8. *Помняшеть бо речъ пьрвыхъ времянь усобиць*. Обычно «речь» исправляют на «рече», понимая данную глагольную форму как вводное слово. Но фраза может быть понята и без

исправления: существительное «речь» выступает как прямое дополнение при глаголе «помняшьеть», а «първыхъ времянь усобиць» — несогласованное определение к нему (род. п. ед. ч.). 8—9. *Тѣгда пуццашеть ї соколовъ на стадо лебедеи*. Образ сокола, преследующего лебедя, типичен для русского и украинского фольклора (Перетц. С. 139—140), но применение этого образа к игре на музыкальных инструментах не находит никаких аналогий. 9. *Которыи дотечяше*. «Которыи» — в данном случае форма род. п. ед. ч. ж. р., зависящая от глагола «дотечяше». Рассмотрение ее как формы им. п. м. р. отпадает, так как далее следует местоимение ж. р. ед. ч. «та». 10. *Старому Ярославу*. Имеется в виду киевский князь Ярослав Владимирович (ум. 1054), известный в исторических трудах под именем Ярослава Мудрого. 10—12. *Храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ пълкы касожьскими*. Подразумевается Мстислав Владимирович (ум. 1036), брат Ярослава Мудрого, княживший в Тмуторокани и Чернигове. Здесь речь идет об одном из воинских подвигов Мстислава, описанном в «Повести временных лет» под 1022 г., — его единоборстве с касожским князем Редедей. Касоги — древнее название одного из кавказских племен — черкесов или кабардинцев, данное им их ираноязычными соседями; ср. осет. кхсхг — черкес, кабардинец (Турчанинов Г. Ф. Ономастические этюды // Лингвистические исследования. 1975: Вопросы грамматики языков народов СССР. М., 1975. С. 145, 148—149). 12. *Красному Романови Святѣславличю*. Роман Святославич, внук Ярослава Мудрого, сын великого князя Киевского Святослава Ярославича, старший брат Олега Святославича Черниговского, известного под именем Олега Гориславича (см. ниже, 106—107, 116—119). Летописные сведения о нем крайне скудны. В 1079 г. он был убит половцами. Обращают на себя внимание симпатии автора «Слова» к предкам черниговских князей, чем, вероятно, объясняется употребление эпитета «красный», которого в применении к Роману летописи не знают. 14. *На живыя струны*. В первом издании: «живая», но в этом случае нарушено согласование: «живая» — форма ср. р. На основании этого места текста можно думать, что песни Бояна сопровождалась игрой на каком-то струнном музыкальном инструменте, по-видимому на гуслях, далее названных «мысленным деревом». 15. *Они же сами княземъ славу рокоталу*. Обращает внимание, что местоимения «они» и «сами» стоят в форме мн. ч. м. р., т. е. они согласованы с «пърсты», а не «струны». В этом нельзя видеть нарушения норм употребления местоимений. Скорее всего, автор говорит, что именно Бояновы персты приводили в движение струны. Слово «рокотати» в древнерусских памятниках не зафиксировано, но встречается в диалектах и имеет параллели в других славянских языках (см.: Булаховский. С. 524—525; Евгеньева А. П. Несколько замечаний к истории и употреблению в русском литературном языке слов «рокотать» и «трепетать» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 28). После публикации «Слова» глагол «рокотать» вошел в литературный язык, особенно в язык поэзии. 16—17. *Отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря*. Вопрос о том, кого нужно понимать под «старым Владимиром», остается нерешенным. По-видимому, автор называет так Владимира I Святославича (ум. 1015), княжение которого знаменовало собой начальный этап письменной истории Древней Руси. Видеть, как считает Б. А. Рыбаков, в «старом Владимире» Владимира Мономаха нет оснований, так как тематический и исторический кругозор автора «Слова» явно выходит за рамки XII в. 17—18. *Иже истягну умъ крѣпостію своєю и поостри и сѣрдця своего мужьствомъ*. Глаголы «истягнути» и «поострити», известные как термины кузнечного ремесла, иногда употребляются в древнерусской книжной словесности в сочетании

со словами «ум», «мысль». В приведенном словосочетании нельзя рассматривать форму «сърдця» как род. п. неполного объекта. Резонно предположение А. А. Потехина о связи формы «сърдця» с «мужеством» и употреблении слова «умъ» в качестве объекта одновременно при двух глаголах (Потехин. С. 15). На этом основании восстанавливается энклитическое местоимение «й» (его) после «поостри», которое могло выпасть в результате гаплогической ошибки одного из позднейших переписчиков, т. е. пропуска одной из двух рядом стоящих букв.

19. *Напълнивъся ратнаго духа.* Традиционно-книжное выражение, близкая параллель к которому есть в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (Мещерский. С. 297).

20. *На землю Половецкую на землю Русьскую.* Эти словосочетания могли употребляться и для обозначения территории, занятой определенным народом, и для наименования самих народов.

21. *Тъгда Игорь възръ на свѣтлое свѣнце.* Некоторые исследователи (А. И. Соболевский, В. Н. Перетц, Н. К. Гудзий и др.) предлагали переставить абзац от «тъгда Игорь възръ...» до слов «испити шелоомъ Дону» после первого употребления формулы «ищучи себѣ чти, а князю славы», мотивируя свое мнение тем, что последовательность событий выглядит нарушенной, а также ссылаясь на то, что в древнерусских текстах перестановки частей текста вследствие выпадения листов рукописей встречаются довольно часто (см. Мещерский. С. 65). Требование соблюдать строгую хронологическую последовательность событий — не довод к перестановке: время хронологическое не всегда совпадает с временем художественным. В самом тексте о солнечном затмении говорится дважды (см. далее: «свѣнце смутьмою путь заступаше»), что, возможно, отвечало творческому замыслу автора «Слова».

21—22. *Видѣ отъ него тъмою вся своя воя прикрыты.* Двойное употребление вин. п. (в вин. п. стоят существительное «воя» и причастие «прикрыты») — оборот, характерный для книжной речи и функционально соответствующий дополнителю придаточному предложению. В этом месте «Слова» речь идет о реальном солнечном затмении 1 мая 1185 г., которое застало войско Игоря на восьмой день похода. У многих народов солнечное затмение считалось символом недоброго предзнаменования. Автор «Слова» сразу же после упоминания о затмении переходит к изложению речи Игоря перед войском, подчеркивая тем самым решительность князя, его мужество и отвагу.

23—24. *Луче жь бы потяту быти, неже полонену быти.* В летописях и воинских повестях обычно полководцы в решающий момент перед началом походов и битв обращаются с призывной речью к своему войству, побуждая его на героическую борьбу с противником. Данным фразой находят многочисленные соответствия в воинских повестях. Ср., например: «леплеи смърть славному взяти, негли жити пленени» (Мещерский. С. 335) и т. п.

25. *Бързыйя комони.* «Комонь» — босвой конь, эпитет «бързыйя» применительно к коню обычен для славянского фольклора.

25—26. *Позримъ синего Дону.* Обращает внимание, что эпитет «синий» при упоминании Дона более в «Слове» не повторяется.

26. *Спала князю умъ похоти.* Фраза может быть понята трояко. 1) Разожгло князю ум желание (похоти), и жалость (страсть) ему знамение заступила. Это предложенное А. И. Соболевским и Р. О. Якобсоном толкование текста следует признать наиболее аргументированным и грамматически и семантически. В таком случае «спала» — форма 3 л. ед. ч. аориста от глагола «спалати», «умъ» — прямое дополнение в вин. п. ед. ч., «похоти» — сильное желание. 2) Пришло князю на ум желание; тогда «спала» — форма перфекта 3 л. ед. ч. ж. р. от глагола «спѣсти»; при слове «умъ» необходимо вставить предлог «на» (ср. словосочетание

«вспасть на ум»). 3) Н. М. Дылевский видит в «спала» существительное со значением «огонь», сближая его с однокоренными образованиями в славянских языках (Дылевский Н. М. «Спала князю умъ похоти» в «Слове о полку Игореве» // Людмил Стоянов. Исследования и статьи за творчество му. София, 1961. С. 317—331); «похоти» при этом прочтении — сказуемое в форме аориста 3 л. ед. ч. от глагола «похытити» (с опiskой). О «похитить» см. ниже, 216. 28—29. *Konje prilomiti konecъ поля Половецкаго*. В данном случае это выражение означает не только начать битву, но и достичь противника, нанести ему удар. 30. *Любо испити шеломомъ Дону* — традиционная формула, характерная для летописей и воинских повестей (см. Ипат. лет. под 1201 г., Новгородскую первую летопись под 1224 г. и др.). Само выражение «пить шеломомъ» или «поить коней из реки» означает: завладеть ее берегами, завершив поход, одержав победу. После первого издания «Слова» этот образ вошел в русскую поэтическую традицию. Ср.: «Не испить врагу шеломом Дона!» (Кедрин Д. Дума о России). 31. *О Бояне, соловію стараго времени*. Уподобление поэта соловью знакомо древнерусской литературе с XI в. (см.: Адрианова-Перетц. С. 58). Далее весь абзац посвящен сравнению двух стилистических манер — манеры Бояна, которая кажется автору «Слова» архаической, и собственной манеры автора «Слова». Здесь получает свое развитие наменное ранее противопоставление: «начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню». 31—32. *А бы ты сія пѣлки ущекоталь*. «А бы... ущекоталь» — древнерусская форма сослагательного наклонения: «Вот если бы...» Глагол «щекотать» известен в русских говорах, его употребление здесь развертывает метафору уподобления поэта соловью. 32. *Скача, славію, по мыслену древу*. Словосочетание «мысленое древо» не может быть оторвано от выражения «растѣкашеться мыслію по древу», что отмечали многие комментаторы. Выражение «мысленое древо» может быть поставлено в связь с древнеанглийским *glēo-bēam* или *gatenwudu* — «дерево веселья», «дерево радости» и является, таким образом, заместительным словосочетанием для обозначения музыкального инструмента (см.: Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 46). В. Ф. Ржига, отмечая, что «растекаться мыслью по древу» означает поэтическое творчество, приводит параллель из скальдической поэзии, где выражение «древо песен, покрытое листвою славы», обозначает поэтическое произведение (Ржига В. Ф. «Мысленное древо» в «Слове о полку Игореве» // Сб. статей. С. 111). Цитируемый текст принадлежит Эгилу Скаллагримсону — одному из самых известных скальдов. Возможно, что «скача... по мыслену древу» означает: исполняя песни, сложенные ранее. 33. *Лѣтая умомъ подѣ облакы*. Параллели к этому словосочетанию из других памятников см.: Адрианова-Перетц. С. 59—60. Интересно, что данный отрывок буквально повторяет изложенное ранее: «растѣкашеться мыслію по древу... сизымъ орломъ подѣ облакы». 33—34. *Свивая славы оба полы сего времени*. Некоторые ученые (Ф. И. Буслав, Н. С. Тихонравов) предлагали исправить «славы» на «славію», но эта конъектура недостаточно обоснованна. Ключ к раскрытию метафоры заложен в противопоставлении двух стилистических манер — Бояна и автора «Слова». Под «славой» здесь следует понимать хвалебную песнь (лексема «слава» восходит к тому же корню, что и «слыть» и «слово»). При подобном восприятии текста речь в нем идет о сочетании разных стилистических манер и художественных приемов, более архаичного и нового, в одном произведении. Именно такое сочетание разных стилистических манер и характерно для «Слова о полку Игореве»: автор, противопоставляя

свой стиль Боянову, вместе с тем «свивает их», вводя в текст извлеченной из песен Бояна или намеренно меняя стилистическую окраску и подражание его слогу. По-видимому, сочетание разных стилей могло быть узаконенным художественным приемом. Ф. Петрарка в одном из своих сонетов (Parte I, XL, S'amore o Morte//Petrarca Fr. Il canzoniere Milano, 1908. P. 57) говорит, что «ткет новую ткань» (tela novella), сплетая «стиль новых и древнюю речь» (lo stil de moderni e'l vecchio prisco). Глагол «сплести» для обозначения поэтического творчества хорошо известен (отсюда наименование стилей: «плетение словес», «извитие словес») и обычен для средневековой поэзии. 34. *Рыщя въ тропу Трояню*. По поводу того, кто такой Троян «Слова» и как следует понимать словосочетания «тропа Трояня», «земля Трояня», «на седьмомъ вѣцѣ Троянѣ», существует обширная литература, содержащая множество гипотез, которые сводятся к нескольким основным. 1) Троян — славянское языческое божество (Ф. И. Буслаев, Е. В. Барсов, Д. С. Лихачев, А. Болдур). 2) Троян — римский император Траян (53—117) (Н. М. Карамзин, М. А. Максимович, Н. П. Дашкевич, В. Мансикка, М. С. Дринов, Н. С. Державин, Б. А. Рыбаков). Тгораецт Траіани — памятник или комплекс памятников, воздвигнутых на территории нынешней Румынии в 108—109 гг. в честь побед императора Траяна и город Municipium Tgoraецт Traiani (см. обзор: Державин Н. С. «Троян» в «Слове о полку Игореве»//Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.; Л., 1941. С. 45 и сл.). «Земля Трояня» — территория юго-западной Руси и Бессарабии, сохранившая имя императора Траяна в топонимах (Там же. С. 17—19). 3) Троян — русский князь или триумvirат русских князей с разными трактовками (Н. А. Полевой, О. М. Бодянский, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров, Н. В. Шляков, Г. А. Ильинский). 4) Троян — образ, навеянный преданиями и книжными источниками о Троянской войне (П. П. Вяземский, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, Вс. Ф. Миллер). Наиболее правдоподобным представляется мнение И. В. Ягича, согласно которому Троян «Слова» — это результат наложения воспоминаний об императоре Траяне на народные представления о божестве Трояне (Jagič V. Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. Zagreb, 1867. Kn. 1. С. 99). Текст сербских народных преданий о короле Трояне, передвигавшемся на большие расстояния ночью до петухов, чтобы не быть застигнутым солнцем, близок легенде о Всеславе Полоцком (см. ниже, 268—270 и 282—289), на что обратил внимание уже Ф. И. Буслаев (Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: Русская народная поэзия. Спб., 1861. Т. I. С. 385—391). На основании того, что в южнославянских легендах о Трояне встречаются змеборческие мотивы, можно думать, что Троян как божество древних славян восходит к иранскому пантеону, где ему соответствует Траэаона — победитель дракона (Топоров В. Н. Траэаона // Мифы народов мира. Т. 2. С. 523—524). Параллели к иранским мифам о Траэаоне имеются в скифской мифологии (Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 81—86, 128). Последний по времени обзор обширной литературы о Трояне: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 320—321. Однако собственная точка зрения Л. Н. Гумилева, по мнению которого Троян — это имя, калькированное с тюркского «троица», вызывает возражения. 35. *Пѣти было пѣснь Игореву того <Велеса в нуку*. «Пѣти было» — безличная конструкция, по значению тождественная сослагательному наклонению. Из древнерусского текста неясно, к кому именно относится словосочетание «того внуку». Первые издатели, а за ними

и многие исследователи поняли так, будто речь идет об Игоре — внуке Олега Святославича, и вставили в скобках курсивом имя «Олга» после «того». М. В. Щепкина предположила, что речь идет о самом авторе «Слова» — внуке Бояна (Щепкина М. В. О личности певца «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 74—75). Скорее всего, однако, здесь говорится о самом Бояне, названном далее Велесовым внуком. Славянское божество Велес обычно признается богом богатства, благополучия, покровителем скота. Называние Бояна далее Велесовым внуком, возможно, означает связь культа Велеса с обрядовыми песнями и поэзией (Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Велес // Мифы народов мира. Т. 1. С. 227). 35—36. *Не буря соколы занесе*. В тексте воспроизводится один из запевов в стиле Бояна. Представленная здесь стилистическая фигура — отрицательный параллелизм — характерна для песенных фольклорных жанров, но не для «Слова» и книжной литературы. 37. *Чили възсъпѣти было*. «Чили» — сложный по составу сопоставительный союз, соответствующий современному «или». Вся фраза вводит еще один запев в стиле Бояна. 38—39. *Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Киевѣ*. Сула — пограничная река, отделявшая русские земли от территории постоянных кочевий половцев. Возможно, этот запев в манере Бояна следует понимать так: «Кони русских воинов ржут за Сулой — весть о победах достигла Киева». То, что здесь упомянут Киев, указывает на конец речений, имитирующих манеру Бояна, и на начало повествования о походе Игоря. Эта фраза не принадлежит к собственно авторской речи «Слова», так как Киев не играл никакой роли в организации похода. 39—40. *Трубы трубять въ Новѣградѣ*. Новгород-Северский — стольный город одноименного княжества (на востоке современной Черниговской обл.), откуда Игорь Святославич 23 апреля 1185 г. выступил в свой поход. 40. *Стоять стязи въ Путивль*. Путивль — резиденция Владимира Игоревича, сына Игоря Святославича. 41. *Игорь ждеть мила брата Всеволода*. Всеволод Святославич (ок. 1155—1196) — родной брат Игоря, князь Трубчевский и Курский. Как сообщает Ипатьевская летопись, он шел иным путем из Курска. В летописном некрологе его под 1196 г. сообщается, что он был «во Ольговичехъ всих удалѣе рожаемъ и воспитаемъ и возрастомъ и всею добротой и моужьственою доблестью» (Ипат. лет. Стб. 696). 42. *Буи туръ* — разъяренный дикий бык, постоянный эпитет Всеволода. Встречается в «Слове» настолько часто, что создается впечатление о том, что «буи туръ» — прозвище, которое Всеволод носил при жизни. Дикие быки — туры водились на Руси до первой трети XVII в. и часто служили объектом княжеской охоты. Подобный эпитет подчеркивал мужество, отвагу и силу Всеволода. Прилагательное «буи» имело также значение: буйный, безумный. 43—44. *Съдлаи, брате, своя бързья комони* — типичное для воинской повести и фольклора обозначение подготовки к началу похода. 44. *А мои ти готови*. «Ти» — частица, употреблявшаяся при передаче прямой речи. 45. *Осъдлани у Курьска на переди*. Курск, основанный в X в., был довольно крупным городом. Он был расположен недалеко от половецкой степи — его жители часто вступали в борьбу с половецами, не случайно далее о них говорится как об опытных воинах. 46. *Къ мети* — отборные воины. Слово это известно в древнерусских памятниках, однако первые издатели не поняли и, неверно разделив текст на слова («къ мети»), дали перевод: «в цель стрелять знаючи». На их ошибку вскоре указал Н. М. Карамзин. В первом издании своей «Истории Государства Российского» он повторил мусин-пушкинский текст «Слова» и отразил это в своем пересказе, но уже два года спустя (1818) во втором издании он исправил текст

цитаты из «Слова» и оговорил: «къметями назывались слуги и дружини» (Карамзин Н. М. История Государства Российского: 2-е изд. Спб., 1818. Т. 3. С. 219—220.; примеч. 263, 272. См.: Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 48—49).

46—47. *Подъ трубами повити, подъ шеломи въззельяни, конецъ коня възскърлени.* Изображение воинов, с детства постигающих воинское искусство, перекликается с текстом «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «(римляне) яко родившеся с оружием, николи отлучаются ихъ» (Мещерский. С. 296); «учать бо ся из младенчества ратному обычаю» (Там же. С. 294). «Мы под шеломом състаревшеся» (Там же. С. 353).

48. *Луци у нихъ напряжени.* Образ натянутого лука символизирует в древнерусской литературе готовность к бою, способность к стойкому сопротивлению (см.: Мещерский Н. А. Из наблюдений. С. 85—86). Обычно в качестве параллели к этому месту приводит место из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «лукъ напряженъ» (Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и др.). В более исправном тексте хронографической редакции в данном месте читается: «лукъ съпряженъ», что оправдывается окружением целого — иудеи говорят о бессилии сопротивляться римлянам. Следовательно, данное место может приводиться как параллель только к словосочетанию «луци съпряже» в плаче Ярославны. 49. *Тули отворени.* Тул — колчан. Здесь своеобразный, присущий автору «Слова» художественный прием — повторение стилистических маркированных словосочетаний. Ср.: «луци напряжени, тули отворени» (при описании выступления в поход), «луци съпряже, тули затьче» (в плаче Ярославны), «звенить слава въ Киевѣ» (в начале текста) и «вьются голоси через море до Києва» (в финале) и др.

50. *Ищучи себѣ чти, а князю славы.* Противопоставление «честь» — «слава» отражает определенные идеологические категории княжеско-дружинной среды в эпоху Киевской Руси. Как отмечает Ю. М. Лотман, «Честь подразумевает материальную награду (или подарок), являющуюся знаком определенных отношений. «Слава» подразумевает отсутствие материального знака. Она невещественна и поэтому в идеях феодального общества — более ценна...» (см.: Лотман Ю. М. Об оппозициях «честь», «слава» в светских текстах Киевского периода // «Уч. зап. Тартуского университета». 1967, вып. 19. С. 105). В Ипатьевской летописи Игорь после первой победы над половцами говорит дружине: «Се Бог силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и слава!» (Ипат. лет. Стб. 640).

51. *Тѣгда възступи Игорь князь въ златѣ стремянь.* Устойчивое выражение, характеризующее выступление князя в поход. Эпитет «золотой» постоянно сопровождает в «Слове» атрибуты княжеской власти, ср. далее: «златѣ столѣ», «злаченыхъ шеломи», «златоверхии терем». 52. *Нощь стонуци ему грозоу птичь убуди.* Не совсем ясно, что имеется в виду — реальная гроза, происшедшая во время похода до сражения с половцами, или гроза — символ недоброго предзнаменования. «Птичь» — птицы, собирательное существительное.

53. *Свисть звѣринѣ възста.* В первом издании: «свисть звѣринѣ въ стазби». Надо полагать (вслед за Н. С. Тихонравовым, В. Н. Щепкиным, А. С. Орловым), что «зби» представляет собой внесенную в текст маргиналию «зри»: «перевернутое» р, сходное с б, характерно для скорописных почерков XVI—XVII вв. — времени, которым обычно датируется мусин-пушкинская рукопись «Слова». В данном случае маргиналия могла относиться к слову «дивѣ». 54—55. *Дивѣ кличетъ върху древа.* Лексема «Дивѣ» (дух, демон) помимо «Слова» встречается в апокрифе «Книга таин Еноха»: «Аз исльдовахъ и написахъ тутешъ громныи и дивѣ молниинѣ» (Рукопись архива Библиотеки Академии

наук СССР, № 45. 13.4, л. 361. См.: Мещерский Н. А. Из наблюдений. С. 83). Слово «Дивъ» могло быть заимствовано из иранских языков (ср. перс. *dēv*, *div*; авест. *daeva*; санскр. *dēva* — бог) через тюркское посредство (Менгес. С. 192—193). То, что Див кличет на вершине дерева, связывает его с образом былинного Соловья-разбойника как силы, враждебной Русской земле. 55. *Велить послушати земли незнаемъ* — земле, удаленной от Русской земли. *Вълзъ* — имеются в виду низовья Волги. *Поморіе* — северное побережье Азовского и Черного морей. *Посуліе* — побережье реки Сулы; упоминание ее среди весьма отдаленных мест — странно. *Сирожъ* — современный Судак. Название его восходит к греческому *Σουρδαία*, вошедшему в древнерусский язык через болгарское посредство (Менгес. С. 132—134). *Корсунь* — Херсонес Таврический, упоминается в «Повести временных лет» под 988 г. и до этого в рассказе о путешествии апостола Андрея на Русь. Херсонес Таврический — греческая колония в Крыму, основан в V в. до н. э. (ныне в черте Севастополя). С конца IV в. находился в зависимости от Византии. В 989 г. был взят Владимиром Святославичем, после чего связи Херсонеса с Русью стали особенно тесными. В конце XII в. Херсонес переживает период последнего расцвета: в начале XIII в. он попадает в зависимость от Трапезундской империи и в середине XV в. перестает существовать. 57. *Тьмутороканьскыи бълванъ*. Как пишет К. Г. Менгес, «Бълванъ „Слова“, сопровождаемый эпитетом Тьмутороканский, персонифицирован и является, несомненно, каменной бабой, стоящей поблизости от древней Тьмуторокани» (Менгес. С. 88). Возможно, что это словосочетание связано с упоминающимся в средневековых греческих источниках названием поселения *Βαδώνης*, находившегося неподалеку от Тьмуторокани (см.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901. Т. I. С. 48). Тьмуторокань — древний русский город на Таманском полуострове. В VI в. здесь располагался греческий город Гермонасса, в VIII—IX вв. — поселение Таматарха, входившее в состав Хазарского каганата. В 965 г. князь Святослав Игоревич, разгромив Хазар, основал на месте Таматархи Тьмутороканское княжество, ставшее южной границей русских земель. В XII в. из-за вторжения половцев Тьмуторокань теряет связь с другими русскими княжествами. В «Слове о полку Игореве» мы встречаем последнее упоминание о ней: в XIII—XIV вв. на месте Тьмуторокани существовало поселение, входившее в состав Золотой Орды. Названия Тьмуторокань и Тамань связаны по происхождению (см.: Добродомов И. Г. Тьмуторокань и Тамань // «Русская речь», 1973, № 5. С. 129—133). 57—58. *Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому*. Бегство половцев было поспешным, и они двигались не по обычным путям. 59. *Рци* — сравнительный союз: как, как будто. *Роспущени* — в первом издании: «роspущени»; поправка Д. Дубенского «роspужени» принята почти всеми исследователями. В древнерусском языке существовал глагол «роspудити» — разогнать. Видеть в этой форме глагол «роspустить», как считает Г. В. Сумаруков, совершенно невозможно (см.: Сумаруков Г. В. «Кто есть кто» в «Слове о полку Игореве». М., 1983. С. 89—91). 60—61. *Уже бо бѣды его насеть птичь по дубію*. «Бѣды» — форма род. п. ед. ч., беспредложное управление. «По дубію» (вместо «подобію») — исправление Н. С. Тихомирова, Е. В. Барсова и других исследователей: по-видимому, в диграфе «оу» не был выписан знак «у». П. В. Владимиров и В. А. Яковлев, основываясь на параллельном месте «Задонщины», читают: «подъ облакы» (см.: Перетц. С. 176). «Дубіе» — дубы, собирательное существительное, ср.: «ковыліе». 61. *Вълци грозу въсррожать по яругамъ*. Глагол «въсррожати, въсррожити» в древнерусских памятниках не

встречается. В современных брянских говорах обнаружено слово «всражить» — разбередить (Козырев В. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 96). Параллели к этому слову приводит и Л. А. Булаховский (Булаховский. С. 483). Однако заслуживает внимания и предлагавшаяся конъектура: «върожать, ворожать» (И. М. Снегирев, Ф. Е. Корш). Возможно, что написание «всражать» могло возникнуть из «ворожать — ворожать» с омогой, не разобранных первыми издателями. 62—63. *Лисици брешють на чърленыя щиты*. «Чърленыя щиты» — щиты, окрашенные в красный цвет, были одним из отличительных признаков русских воинов. 63. *О Русьская земле! Уже за шеломянемъ еси!* Эта фраза употребляется в «Слове» дважды и служит рефреном-формулой. Большинство исследователей считает, что «шеломянь» — это гряда холмов, отделявшая русские земли от мест, по которым проходило войско Игоря. Но возникает двойное понимание того, что называется «Русской землей»: территория русских княжеств, как принято думать, или войско Игоря, как считали первые издатели, Д. Н. Дубенский и ныне В. И. Стеллецкий. Почти во всех случаях словосочетание «Русская земля» в «Слове» имеет в виду русские княжества, что служит аргументом в пользу первой точки зрения. 64—65. *Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла*. Среди исследователей нет единого мнения, о каком времени суток говорится в тексте. Форма глагола «запала» может быть признана аористом 3 л. ед. ч. от «запалати» (зажечь) или перфектом 3 л. ед. ч. от глагола «запасти» (погаснуть): соответственно при одном прочтении речь пойдет об утренней заре, при другом — о вечерней. Судя по тому, что говорится далее: «щекоть слави успе, говоръ галичь убудися», здесь описывается картина утренней зари, так как именно перед рассветом поля покрываются туманом, смолкает соловьиное пение и начинают громко кричать галки и вороны (см.: Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя? // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 113). 68—69. *Съ заранія въ пятъкъ потъпаша поганя пълкы половецкыя*. Изображается первое столкновение с половцами, в котором русское войско одержало быструю и легкую победу, захватив богатую добычу. «Пятъкъ» — пятница; это слово в такой форме сохранилось в некоторых современных славянских языках. «Поганя» — слово заимствовано из латинского (paganus — язычник) и не имело в древнерусском языке того отрицательного эмоционально-оценочного значения, которое присуще ему ныне. Здесь, как и в других местах текста, отчетливая аллитерация и ассонанс в словах, начинающихся на «по» («пъ»). 70. *Красныя дѣвки половецкыя*. Словосочетание «красная девица», характерное для фольклора, находим и далее, в заключительной части «Слова». 71. *Паволокы* — шелковая ткань или изделия из нее. *Драгыи оксамиты*. Оксамит, или аксамит (слово греческого происхождения) — название дорогой ткани, возможно бархата. 71—72. *Орътъмами и япончицями и кожюхы начыша мосты мостити по болотомъ*. «Орътъма» — покрывало, накидка, слово тюркского происхождения, хотя оно не встречается в других древнерусских текстах и неизвестно в самих тюркских языках. Оно легко объясняется как отглагольное имя на -tā от глагола ört — покрывать (Менгес. С. 124—125). «Япончиця» — накидка, плащ: ср. тур. jarypça — род плаща грубой работы (Менгес. С. 186). То, что такой одеждой и тканями русичи «начыша мосты мостити», подчеркивает богатство доставшейся им добычи. 73. *Всякыми узорочыи половецкыми*. «Узорочье» — драгоценности, дорогие предметы. В современных говорах потомков южнорусских переселенцев это слово употребляется как в прямом, так и в переносном метафорическом значениях

(Мещерский Н. А. К вопросу о диалектной основе лексики «Слова о полку Игореве»//«Уч. зап. Карело-финского пед. института». Петрозаводск, 1956. Т. 3, вып. 1. С. 79). 74—75. *Чърленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чърлена чолка, сребрено стружіе — храброму Святѣславличю*. Перечисляются предметы, доставшиеся русскому войску в качестве трофеев. Это могли быть значки каких-то воинских подразделений и штандарты их предводителей или предметы культа. Белый цвет хоругви связан с символическими представлениями монгольских и тюркских народов — священное знамя монголов было белого цвета (см.: Олядыкова Л. Б. О древнейших монгольско-славянских языковых связях//«Вестник ЛГУ». 1979, № 8. С. 80). Слово «хоругвь» заимствовано из монгольских языков через тюркское посредство (см.: Менгес. С. 157—166). «Стружіе» — древко копыя, длинный шест. В данном контексте «стружіе» — это, несомненно, древко одного из захваченных у половцев значков. 76. *Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо*. Все князья, участвовавшие в походе, приходились внуками — Игорь, Всеволод, или правнуками — Владимир Игоревич (1170—1208), Святослав Олегович (1166 — после 1191) — князю Черниговскому и Тмутороканскому Олегу Святославичу (ум. 1115). По сообщениям Ипатьевской летописи, после первой удачной битвы Игорь предлагал сразу же возвратиться из степи назад, ибо русские увидели, что «полки половецькїи... мнози суть», однако на это не согласился Святослав Олегович, сказав: «Далече есмь гонилъ по половецехъ, а кони мои не могутъ, аже ми будетъ ныне поѣхати» (Ипат. лет. Стб. 640). Его поддержал Всеволод, и было решено переночевать в поле. 79. *Гза* — имя половецкого хана; другие варианты этого имени: Коза, Кза, Гза, Гзя. Более правильная форма имени — Гза — подтверждается большинством источников и этимологическими исследованиями. Конечное «къ», отсутствующее в других источниках, появилось, вероятно, под влиянием ханских имен: Кончакъ, Кобякъ, Бонякъ. Возможно, что форма Гзакъ в тексте «Слова» возникла в результате ошибок в рукописях, предшествующих мусин-пушкинскому списку. 80. *Кончякъ ему слѣдъ править*. Кончак — половецкий хан, сын хана Отрока, внук Шарукана. «Слѣдъ править» — очевидно: указывает дорогу, ведет за собой. Места, описываемые в «Слове», были лучше знакомы Кончаку, чем Гзе, кочевья которого, насколько можно судить, располагались несколько севернее. Вс. Ф. Миллер и А. С. Орлов полагали, что Кончак идет вслед за Гзой, однако такое предположение не представляется убедительным. 83. *Чърныя тучя* — символ вражеского войска. Для поэтики «Слова» очень характерно противопоставление солнца, света и ночи, темноты. 83—84. *Хотять прикрыти дъ сълнца*. Имеются в виду русские князья-братья Игорь и Всеволод; сын Игоря Владимир и племянник князей-братьев Святослав Олегович. 84—85. *Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону Великога*. Метафора, возникшая из хорошо известного по древнерусским воинским повестям сравнения: «и стрѣлы на нихъ лѣтяху яко дождь» (Мещерский. С. 343). 87. *На рѣцѣ на Каялѣ*. Река Каяла несколько раз упоминается в «Слове» как место решающего сражения русских с половцами. Этимология этого слова, географическое приурочение данного топонима и самая его реальность остаются до сих пор проблематичными. Название реки восходит к тюркскому qaja-ly — скалистая — от qaja — скала (Менгес. С. 100). В Ипатьевской летописи форма «Каялы» не склоняется. Согласно тщательно аргументированной гипотезе Н. В. Сибилева и М. Ф. Гетманца, Каяла — это речка Макатиха, впадающая в реку Голая Долина, приток реки Сухой Торец (Гетманец М. Ф. По следам князя Игоря//ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 305—326), что хорошо со-

гласуется с геологическими и гидрологическими характеристиками указанной местности. В исследовательской литературе существует также традиция, восходящая еще к трудам Е. В. Барсова, согласно которой Каяла — не реальный географический объект, а эпическая «Жаль-река», река печали (см.: Рыбаков. С. 224). В этом случае название реки — Каяла — связывается с глаголом «каяти» — жалеть, оплакивать (см.: Дмитриев Л. А. Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 30—38). 89. *Се вѣтри, Стрибожи внуци*. Стрибог — древнее славянское божество, по-видимому покровитель ветров, в числе других богов его имя названо в «Повести временных лет» под 980 г.: «И нача княжити Володимерь въ Киевѣ единѣ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарилди, и Мокошь» (см.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 56). Традиционные этимологические толкования выводят древнерусское Стрибогъ из иранского Sribaya — возвышенный бог (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. С. 777; см. также: Булаховский С. 495—497). В новейших работах этот теоним признается славянским отражением индоевропейского *ptg-ei-*deiwo — отец-бог (Иванов Вяч. В., Топоров В. Н. Стрибог // Мифы народов мира. Т. 2. С. 471). «Стрибожи внуци» — характерная для автора «Слова» стилистическая фигура (ср. выше: «Велесовъ внуче» — о Бояне, «Дажьбожи внуци» — о русичах). Язычество для автора «Слова» — не столько реальная система религиозных представлений, сколько дополнительный источник изобразительных средств. 91. *Пороси* — форма мн. ч. от слова «порохъ» (пыль, прах). 90—91. *Стязи глаголють*. В «Сказании о Мамаевом побоище», вероятно не без воздействия «Слова», появляется развернутая метафора: «И стязи ихъ золоченныя ревуть, простирающеси аки облаци, тихо трепещущи, хотяъ промолвити» (см.: Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 183—184). 92—93. *Половци идуть отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ*. Согласно упомянутой выше (см. 87) гипотезе Н. В. Сибилева и М. Ф. Гетманца, «морем» здесь названо несколько озер, расположенных неподалеку от Макатихи, которые во время весеннего половодья сливаются в одно огромное озеро. По военно-исторической реконструкции последнего сражения (Гетманец М. Ф. По следам князя Игоря // ТОДРЛ. М., 1976. Т. 31. С. 313—319) русское войско действительно оказалось окруженным половцами со всех сторон. 93. *Русьскыя пълкы оступиша*. В первом издании «отступиша», что не дает осмысленного чтения. Скорее всего, издатели неправильно прочитали написание «оступиша», содержащее букву «омега», передав ее как «от», или в самой рукописи буква «от» была употреблена вместо буквы «омега» в значении «о». 94. *Дѣти бѣсови* — половцы. 96. *Стоиши на борони*. Последнее сражение, описываемое здесь, носило для русских оборонительный характер, поэтому князья должны были уделять внимание защите своих войск от нападавших половцев. «Боронь», таким образом, — оборона, защита. 97. *Прыщещи на вои стрѣлами*. Предполагается, что со «Словом» были знакомы иллюстраторы Владимирского летописного свода 1212 г., копии миниатюр которого сохранились в дошедшей до нас Радзивилловской летописи 1487 г. Там на одном из рисунков князь Всеволод изображен с луком и стрелой (Рыбаков. С. 20). 97—98. *Гремлеши о шеломы мечи харалужными*. Эпитет «харалужный» применительно к мечам и копьям несколько раз встречается в «Слове», но совершенно неизвестен в других

древнерусских памятниках. Он появляется лишь однажды в «Задонщине» явно под влиянием «Слова» в бессмысленном контексте: «берега харалужные». Словосочетание «копiя харалужная» встречается в некоторых редакциях «Сказания о Мамаевом побоище», куда оно также попало из «Слова о полку Игореве» (Перетц. С. 39). Предлагалось более десятка этимологий слова «харалуг — харалужный»: от тюрк. qaġa — черный, вороненый металл (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, Л. Н. Гумилев), от тюркского этнонима qaġluq — карлукский (А. Заки Валиди, А. Зайончковский, А. Н. Кирпичников), от араб. haġab — гибельный (В. Ф. Ржига), qıyuluġy — гибельный, qıyuluġ — отточенный, qaġuwly — тяжелый, доступный только опытному воину (Н. А. Баскаков), caroling — каролингский (С. А. Гедеонов, Р. О. Якобсон, К. Г. Менгес). Перечисленные этимологии маловероятны. По-видимому, слово «харалуг» или самый эпитет «харалужный» в применении к мечам и копьям заимствованы из индоиранских языков. Ср. санскритские корни khāga — твердый, острый и langh — поражать, сверкать, блестеть; соответствующее русскому «харалужный» — kha-galanghuana, т. е. сверкающий остротой, поражающий остротой (Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Заметки к восточной лексике «Слова о полку Игореве»//«Вестник ЛГУ». 1984, № 14. С. 67—73). 99. *Златымъ шеломомъ посвѣчивая*. Об эпитете «золотой» в применении к принадлежащим князю предметам см. выше, 51. 100—101. *Поскепаны саблями калеными шеломи оварьскыи*. Глагол «поскепати» — рубить в щепки — в применении к шлемам здесь объясняется особенностями их конструкции: шлемы кочевников изготовлялись из деревянных пластин, обтянутых кожей и лишь скрепленных железной окантовкой. Под ударами тяжелых русских мечей такие шлемы действительно разлетались в щепки (см.: Ржига В. Ф. Восток в «Слове о полку Игореве»//«Слово о полку Игореве»/Под ред. И. Г. Клябуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947. С. 179—182). «Оварьскыя» — принадлежащие аварам, т. е. предкам современных аварцев Дагестана. Племена, населявшие Северный Кавказ, часто выступали в союзе с половцами. Этноним «авары» имеет иранское происхождение (Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 26). 102. *Кая раны, дорога брате*. По мнению А. И. Соболевского, Г. А. Ильинского, В. Н. Перетца, Л. А. Булаховского, здесь нет необходимости исправлять «раны» на «рана», но, в отличие от названных ученых, в форме «кая» можно видеть не 3 л. аориста от глагола «каяти», а действительное причастие ед. ч. м. р. «презирающий». Некоторые исследователи (М. А. Максимович, А. А. Потемня, А. С. Орлов, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев) видят в форме «кая» ж. р. от вопросительного местоимения «кый». Словосочетание «дорога братие» встречается в других древнерусских памятниках, в частности в «Сказании о Борисе и Глебе» (Соболевский А. И. Материалы и заметки по древнерусской литературе//«Известия отделения русского языка и словесности». 1916, кн. 2. С. 210—213). 103—104. *Своя милыя хоти красныя Глѣбовны свыцяя и обыцяя*. Ольга Глебовна, дочь князя Глеба Юрьевича (ум. 1171), сестра князя Владимира Глебовича Переяславского, жена Всеволода. В литературе отмечалось, что эти сведения восходят к примеч. первого издания «Слова» и не могут считаться достоверными (Творогов О. В. Некоторые принципиальные вопросы изучения «Слова о полку Игореве»//«Русская литература», 1977, № 4. С. 92—93). Все же эта гипотеза принята практически всеми исследователями (см.: Рыбаков, с. 89, 91) и весьма правдоподобна: этот брак объединял две княжеские ветви — Ольгови-

чей и Мономаховичей, потомков сыновей Ярослава Мудрого. «Хоть» — любимая супруга. Словосочетание «свьячя и обычя» пока нигде более не обнаружено, но слова «свьячя» и «обычя» встречались часто, выступая как синонимы (Адрианова-Перетц. С. 98). 105. *Были пълци Трояни*. Троян — см. выше, 34; века Трояновы для автора «Слова» — воплощение глубокой старины. *Минула лѣта Ярославля*. Возможно, речь идет не о всем периоде княжения Ярослава Мудрого, а о тех княжеских междоусобицах, которыми сопровождалась первые годы его правления, когда Ярослав боролся с князем Святополком, потом — с Мстиславом. 106. *Были пълци Ольговы, Ольга Святъславличя*. Олег Святославич (ум. 1115) — сын великого князя Киевского Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого, дед Игоря и Всеволода. Здесь имеются в виду междоусобные войны, которые в течение длительного времени вел этот князь со своими родственниками. Поддерживаемый половцами Олег (в то время князь Тмутороканский) сначала напал на Чернигов, находившийся во владении его дяди Всеволода Ярославича. После победы Олега на реке Сож Всеволод бежал к брату, киевскому князю Изяславу. Последний со своим сыном Ярополком и Всеволодом с сыном Владимиром (Мономахом) взяли Чернигов. В то же время к Чернигову подошли Олег и Борис Вячеславич (см. ниже, 111—112). Сражение произошло, как сообщают летописи, под Черниговом «на Нежатине ниве» (1078) неподалеку от ручья Канин. В этой битве погибли Изяслав, великий князь Киевский, и Борис Вячеславич. Олег бежал назад в Тмуторокань; великим князем Киевским стал Всеволод, в Чернигове стал княжить Владимир Мономах. В 1079 г. Олег попал в плен к хазарам и был отправлен в Византию, но четыре года спустя бежал, вернувшись в Тмуторокань. В 1094 г. Олег в союзе с половцами снова выступил в поход на Чернигов, и Владимир Мономах добровольно уступил ему город. Бурные события последней трети XI в. должны были найти отражение не только в известных летописных повестях, но и в других видах книжной словесности и в фольклоре. Еще А. А. Потебня предположил, что весь отрывок от слов «были пълци Ольговы» до слов «а сиеи рати не слышяно» заимствован из не дошедшего до нас сочинения, посвященного этим событиям (Потебня. С. 51). В самом деле, этот отрывок демонстрирует некоторые стилистические и синтаксические отличия от остального текста «Слова» — в нем часто встречается дистантное расположение подлежащего и сказуемого с тяготением последнего к концу синтагмы, единственное исключение: «Святополкъ полелѣя отца своего». 107—108. *Олеѣ мечеть крамолу коваше и стрѣлы по земли съяше*. Словосочетание «крамолу ковати» далее встречается еще несколько раз в составе формулы: «а князи сами на себѣ крамолу коваху» и др. «Стрѣлы по земли съяше» — подобная метафора, основанная на сопоставлении битвы с земледельческим трудом, довольно широко распространена в древнерусской литературе и в разнообразных формах проходит через весь текст «Слова» (Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М., 1947. С. 60 и сл.). 109—110. *Тоже звонъ слыши давнии великыи Ярославль сынъ Всеволодъ*. Предложенная в ряде изданий конъектура «тъи же» (вместо «тоже») — избыточна: указательное местоимение «тъ» выступает здесь в краткой форме, поэтому форму 1-го издания следует сохранить. Слово «звонъ» в значении: весть, слух о каком-либо событии, распространяемый молвой, находит наиболее близкую параллель в «Истории Иудейской войны»: «и звенять прегрешения наша въ ушню всѣхъ, мню же яко и по насъ будетъ се звонъ»

(Мещерский. С. 459). В понимании того, какое историческое лицо имеется здесь в виду, среди исследователей нет единства, так как в тексте первого издания стоят рядом два притяжательных прилагательных «Ярославль сынъ Всеволожь». Одни, вслед за Н. Ф. Грамматиным и П. Бутковым, прибегая к перестановке следующего далее союза «а», читают: «давнии великий Ярославль, а сынъ Всеволожь Владимирь...» (Н. Ф. Грамматин, П. Бутков, А. А. Потebня, В. Н. Петец, Д. С. Лихачев). И. М. Снегирев предложил читать: «Ярославль сынъ Всеволодь» (т. е. Ярославов сын Всеволод), его поддержали Д. Н. Дубенский, М. А. Максимович, П. П. Вяземский, О. М. Огоновский, Вс. Ф. Миллер, Н. С. Тихонов, Е. В. Барсов, В. А. Яковлев, Ф. Е. Корш, А. С. Орлов, И. П. Еремин, Б. А. Рыбаков, О. В. Творогов. Те, кто считает, что здесь речь идет о Ярославе Мудром, допускают анахронизм — ко времени, описываемому в данном отрывке, Ярослава не было в живых, тогда как княжеские междоусобицы продолжались еще и после вокняжения Всеволода Ярославича. Отметим, что в летописном некрологе («Повесть временных лет» под 1093 г.) он назван великим: «преставися великий князь Всеволодь сынъ Ярославль, внукъ Володимерь». Таким образом, в летописной традиции Всеволод Ярославич — второй после Ярослава Мудрого киевский князь, названный великим. 110—111. *Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Чьрниговь*. Д. Д. Мальсагов указал, что речь идет о проушинах городских ворот, которые князь держал на запоре и днем и ночью, опасаясь нападения (Мальсагов Д. Д. О некоторых непонятных местах «Слова о полку Игореве» // «Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы». Грозный, 1959. Т. 1, вып. 2. С. 162). Здесь в тексте своеобразная игра слов: с одной стороны, «уши закладаше» связано с предшествующим «звонъ», с другой — он обозначает конкретное действие — запираание городских ворот. Владимир Всеволодович (1053—1125) — впоследствии великий князь Киевский (1113—1125), известный под именем Владимир Мономах, по прозвищу своего деда, византийского императора Константина Мономаха. То, что о Владимире говорится здесь как о рядовом черниговском князе — он упомянут даже без отчества, — аргумент в пользу гипотезы А. А. Потebни о том, что весь отрывок взят из недошедшего до нас сочинения (Потebня. С. 51): у автора этого отрывка иной исторический кругозор — не чувствуется знакомства с историей Киева начала XII в. «Уши» — обозначение узкого прохода: «игольные уши» — выражение, восходящее к евангельскому тексту (Матф., XIX, 24). 111—112. *Бориса же Вячеславличя слава на судъ приведе*. Борис Вячеславич — сын Вячеслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого. Выступив в союзе с Олегом Святославичем (см. выше, 106), Борис Вячеславич погиб осенью 1078 г. в битве на Нежатиной ниве в возрасте 24 лет (см.: Яценко Б. И. Кто такой Борис Вячеславич в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 296—304). 112—113. *На Канину зелену паполому <ему> постла за обиду Ольгову*. «Паполома» — плащ; слово заимствовано из древнегреческого языка. Канинь — по мнению большинства комментаторов, название ручья близ Чернигова, неподалеку от Нежатиной нивы, где происходила битва. Ручей с таким названием упомянут в Лаврентьевской летописи под 1152 г. Форма «на Канину» вместо ожидаемого «на Канинь» — скорее всего, форма мест. падежа ед. ч. на «-у», но возможна и описка под влиянием двух последующих форм вин. п. ж. р. на «-у». Текст в первом издании «на Канину зелену паполому постла» не обнаруживает грамматических связей, поэтому необходимы исправления, либо: «на Канину на зелену паполому постла» (т. е. на Канине на зеленый плащ

его разостлала), либо: «на Канину зелену паполому ему постла» (т. е. на Канине зеленый плащ ему постлала). Обе конъектуры объясняют искажение текста как результат описок гаплогического характера, вторая конъектура кажется более предпочтительной. 114. *Храбра и млада князя*. По-видимому, эти слова относятся к Борису Вячеславичу (см. выше, 111), поскольку сочувственное отношение автора может вызывать погибший в бою юный князь. *Съ тоя же Каялы*. Упоминание Каялы в данном месте уже давно вызывало недоумение исследователей. М. А. Максимович, а вслед за ним А. И. Попов полагали, что «Каялы» здесь — искаженное «Канины» (Попов А. И. «Каяла» и «Канина» в «Слове о полку Игореве» // «Русская литература». 1967, № 4. С. 217—221). Возможно, «Каялы» — позднейшая помета, принадлежащая одному из читателей какого-то списка «Слова», не понимавшему, о какой именно битве идет речь. О. М. Огоновский считал глоссой всю эту фразу (Перетц. С. 204). *Святопѣлкѣ* — князь Святополк Изяславич (1050—1113), сын Изяслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого. 115. *Полелѣя* — в тексте первого издания «повелѣя». Я. О. Пожарский и М. А. Максимович читали: «повелѣ ять (яти)». С некоторыми модификациями это чтение принято П. П. Вяземским, Вс. Ф. Миллером, А. И. Смирновым, О. М. Огоновским, С. К. Шамбинаго (Перетц. С. 205); этого чтения придерживаются ныне В. В. Колесов (Колесов В. В. Ударение в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 39), Н. М. Карамзин, а позднее Н. Ф. Грамматин и П. В. Владимиров читали: «по съчѣ я». А. А. Потебня предложил читать «полелѣя»; это чтение поддержали Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и большинством современных исследователей. В пользу такой конъектуры говорит распространенность в «Слове» префиксальных и беспрефиксальных форм глагола «лелѣяти» (Якобсон. С. 106). *Между угорскими иноходьци*. Иноходцы использовались для перевозки раненых и павших в бою воинов, что подтверждается миниатюрами Радзивилловской летописи. Кони-иноходцы были более предпочтительными для этого, так как не трясли раненых. Венгерские (угорские) кони высоко ценились на Руси и в Европе. 116. *Къ святѣи Софїи къ Києву*. Это сообщение о погребении Изяслава не совпадает с известием «Повести временных лет», где под 1078 г. говорится: «убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октября въ 3 день... и принесше положиша тѣло его в цркви святѣи Богородица, вложивъше и в раку мраморяну». Все комментаторы справедливо полагают, что церковь «святѣи Богородица» — Десятинная церковь, построенная еще при Владимире Святославиче. Однако И. М. Кудрявцев обнаружил, что в Софийской первой летописи и аналогично в Новгородской пятой летописи читается: «И положиша Изяслава в святѣи Софїи в Києвѣ. И бысть княжения его лѣтъ 24» (Поли. собр. русских летописей: 2-е изд. Софийская первая летопись. Л., 1925. Т. 55, вып. 1. С. 147; Поли. собр. русских летописей: Ч. 2 Новгородская пятая летопись. Пг., 1917. Т. 4, вып. 1. С. 136). После опубликования этой статьи (Кудрявцев И. М. Заметка к тексту «Слова о полку Игореве» «Съ тоя же Каялы Святопѣлкѣ» // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 407—409) комментаторы «Слова» стали склоняться к мысли, будто в древнерусской историографии существовали две разные версии о месте погребения Изяслава. Известно, однако, что Десятинная церковь до возведения Софийского собора, а возможно, и позднее, иногда называлась Софией (Голубинский Е. Е. История русской церкви: 2-е изд. М., 1901. Т. 1. С. 182, примеч. к С. 181, со ссылкой на немецкого хрониста XI в. Титмара Мерзебургского). Кроме того, уже давно М. Д. Приселков предположил, что автор «Слова» почерпнул сведения

о погребении Изяслава в Софии Киевской из не дошедшего до нас литературно-исторического источника, восходящего к черниговской летописной школе (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 52). Д. С. Лихачев показал, что Софийская первая летопись и Новгородская пятая летопись, действительно, соотносятся с черниговской летописной традицией и появление их связано с вокняжением Святослава Ольговича — отца Игоря — в Новгороде (Лихачев Д. С. «Софийский временник» и Новгородский политический переворот 1136 г. // «Исторические записки». 1948, № 25. С. 240—261). Можно думать, что в Чернигове по старой традиции называли киевскую Десятинную церковь Софией и в соответствии с собственным черниговским обычаем полагали, что всех князей должны были хоронить в главной княжеской церкви. 116—119. *Тъгда при Олзѣ Гориславличи съяшется и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбोजа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци челоувѣкомъ скратишяся.* «Гориславлич» — прозвище князя Олега Святославича, известное только по «Слову». Оно имеет или осудительный, или сочувственный характер. Появление такого прозвища после того, как Олег Святославич назван раньше по имени и отчеству, может быть объяснено как художественный прием. Но возможно, что это прозвище или все словосочетание «при Олзѣ Гориславличи» — глосса, принадлежавшая одному из ранних читателей «Слова», знавшему, о ком именно здесь идет речь. Сквозь осуждение княжеских междоусобиц в пользу сохранения жизни «Дажьбोजа внука» прослеживается сострадание к личности самого Олега Святославича. Может быть, мы встречаемся с использованием в «Слове» какого-то текста XI в., повествующего о княжеских междоусобицах 1078 г. Подлинное значение прозвища нуждается в специальном исследовании из-за неясности этимологии. Первый компонент может восходить к корням: горѣ (вверху) и гóре (горесть). Отчество Гориславлич со столь же неясной этимологией есть в новгородской берестяной грамоте № 262 (Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963. С. 88—89). Это же отчество встречается в Новгородской первой летописи под 1223, 1240 гг. Текст этой фразы частично совпадает с текстом записи на Псковском Апостоле 1307 г. (ГИМ. Синодальное собрание. № 722), открытой К. Ф. Калайдовичем еще в 1813 г.: «при сихъ князехъ съяшется и ростяше усобицами гыняше жизнь наши въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася челоувѣкомъ» (см.: Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв.: 2-е изд. Спб., 1882. С. 170—171). Начиная с К. Ф. Калайдовича, исследовательская традиция видит в параллелизме этих текстов свидетельство подлинности «Слова» и читательского интереса к нему. Полагают, что делавший запись Домид внес ее из одного из списков «Слова». Высказывались мнения, что текст записи и данный фрагмент «Слова» могут восходить к общему источнику (М. Н. Тихомиров, А. А. Потенбя, с некоторыми оговорками). Интересно, что языковые формы в записи на Апостоле 1307 г. архаичнее соответствующих форм в «Слове». Считается, что писец записи имел в распоряжении более древний и исправный экземпляр «Слова» (Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 323). Однако возможно, что разночтения этих текстов — результат того, что фрагмент неизвестного нам сейчас источника XI в. дошел без изменений в записи на Апостоле и подвергся переработке под пером автора «Слова». Синтаксические связи внутри данной фразы не вполне ясны. Скорее всего, глаголы «съяшется» и «растяшеть» употреблены безлично, что и отражено в переводе. «Дажьбожь внук» — собирательное

обозначение русичей. Н. С. Тихонравов, Вс. Ф. Миллер, В. Н. Перетц и некоторые другие ученые полагали, что это обозначение князей и их избранной дружины. Дажьбог — славянское языческое божество, связываемое с культом солнца (Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Дажьбог // Мифы народов мира. Т. 1. С. 347). Этимологию имени традиционно возводят к славянскому глаголу «дати» в форме повелительного склонения — «даждь» (Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 482; Булаховский. С. 498). Однако связь Дажьбога с солнцем наводит на мысль, что в этом имени содержится тот же корень, что и в готск. dags — день, лит. daga — жара, прус. dagis — лето (Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 339). Имя Дажьбога встречается в «Повести временных лет» и в тексте «Хроники» Иоанна Малалы: «царствова Египтяномъ сынъ его солнце именемъ, его же наричють Дажьбогъ» (см.: Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 197—198). В источниках засвидетельствована форма Дажьбогъ, в тексте «Слова»: Дажьбожи, Дажьбожь. 119—122. *Тъгда по Русьскои земли рѣдко ратаеве кыхахуть, нъ чясто врани граяхуть, трупя себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть.* Это место имеет близкую параллель в синодальном списке «Задонщины»: «Въ тоя же время по Резанскои земли ни ратон, ни постух не покличет, нъ тол(ь)ко часто вороны грают, трупу чело-веческаго чают» (см.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликов-ского цикла. М.; Л., 1966. С. 554). 123—124. *То было въ ты рати и въ ты пѣлкъы, а сицеи рати не слышяно.* Здесь замечен переход от одного текста к другому, заканчивается вставка, восходящая к неизвестному источнику XI в. «Сицеи» — род. п. ед. ч. ж. р. древнерусского определительного местоимения «сиции» (такой), редкий случай употребления в тексте памятника полной (членной) формы местоимения. 127—129. *Чърна земля подѣ копыты костыми была посѣяна, а крѣвию поляна, тугою възыдоша по Русьскои земли.* Здесь получает дальнейшее развитие использованная ранее метафора «тѣгда при Олзѣ Гориславличи съшястеси и растяшетъ усобицами погыбашеть жизнь Дажьбожа внука». Затем данная метафора встречается еще раз: «Немизѣ крѣвави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костыми русьскихъ сыновъ». 129—130. *Что ми шюмить, что ми звенить давѣчя рано предѣ зорями? «Ми» — форма дат. пад. личного местоимения 1-го лица ед. ч., только в этом случае во всем тексте памятника встречается авторское «я». Многие комментаторы исправляют текст: вместо «давечя» читают «далече». Однако Л. А. Булаховский убедительно показал, что древнерусское «давечя» могло иметь значение «сегодня утром, рано утром», ссылаясь на факты украинского и словенского языков (Булаховский. С. 484). 132—133. *Бишяся день, бишяся други, третьяго дни къ полудню падоши стязи Игореву.* Фраза пронизана традиционной числовой символикой: роковым для русского войска, по мысли автора, оказывается именно третий день. В действительности решающая битва продолжалась полтора дня: в субботу утром войско Игоря было окружено, битва шла всю субботу, ночь на воскресенье и закончилась 12 мая, в воскресенье, к полудню. 133—134. *Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каляе.* Существительное «брата» и глагол «разлучиста» стоят в форме двойств. ч. Русские князья, попавшие в плен, были действительно разлучены друг с другом и разведены в разные стороны. Как сообщает Ипатьевская летопись, «Игоря же бяхуть яли Тарголове... а Всеволода, брата-его яль Роман Къичь, а Святослава Олговича Елдечюка... а Володимера Копти» (Ипат. лет. Стб. 644). 134—135. *Ту крѣвава вина не доста, ту пирь докончяши храбрїи русичи, сваты попоиши, а сами полегоши за**

землю Русьскую. Наряду с традиционными метафорами-символами. битва — посев и жатва, в литературе и фольклоре часто встречается метафора: битва — пир, в особенности свадебный (см.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 111). Слово «сваты» употреблено в данном контексте не случайно: половецкие ханы и русские князья нередко на самом деле приходились сватами друг другу. Кончак, выдав дочь за Владимира Игоревича, стал сватом Игорю. 137—138. *Ничить трава жялощами, а древо ся тугою къ земли приклонило.* Образы глубокой скорби и печали, повторяющиеся еще раз далее. Иллюстрируя их проявление в изобразительном искусстве Древней Руси, Д. С. Лихачев в качестве примера приводит клеймо иконы Богоматери Одиетрия в Житии XV—XVI вв. (Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 351 и вклейка). «Жялощами» — формы на «-оши» встречаются, хотя и редко, в древнерусском языке и довольно многочисленны в современном украинском (Булаховский Л. А. С. 455); «жялощами» — твор. п. причины, употребление которого в данном значении широко представлено в «Слове». 140. *Уже пустыни силу прикрыла.* «Пустыни» — архаическая форма им. п. ед. ч. на «-ни». «Сила» — в данном контексте поэтический синоним слов: дружина, войско. *Въстала Обида.* Здесь «Обида» — персонифицированное олицетворение несчастья, горя, скорби. Как отмечает Д. С. Лихачев, слово «обида» употребляется в отношении каких-то нарушенных княжеских феодальных прав и княжеского достоинства (Лихачев. С. 188). Употребление этого слова в поэтическом контексте освобождает его от обычного присущего ему узкотерминологического значения и дает возможность осознать его как относящееся ко всей Русской земле. В данном случае поэтическая метафора сближает образ «Обиды» с былинно-сказочным образом девы-лебедя (см.: Орлов А. С. Дева-лебедь в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 27—36). 141. *На землю Трояню* — см. выше, 34. 142. *Въсплескала лебедиными крылы на синемъ морь у Дону.* Содержащееся здесь географическое указание на северную часть Азовского моря — устье Дона является довольно точным. Упоминание этих мест может быть намеком на то, что с поражением Игоря цель пробиться к Дону и тем более вернуть Тмуторокань стала недостижимой. 143. *Плещуци, упуди жирня времена.* Написание первого издания «убуди», защищаемое некоторыми комментаторами (например: «Слово»-БП. С. 494), вызывает сомнения. Перевод «растревожила времена обилия» является недостаточно осмысленным и не соответствует общему контексту. Принимается поправка А. Потební (Потební. С. 66), поддержанная В. Н. Перетцем, А. С. Орловым и И. П. Ереминым: «упуди» — прогнала. «Жирня времена» — времена обилия, богатства. Ср. ранее: «погыбашеть жизнь». 143—144. *Усобиця княземъ на поганья погыбе.* «Усобиця» — здесь: военные действия, наступления, походы на неприятеля. Общий контекст фразы и ее структура необычны: «усобиця... на поганья, усобиця... погыбе», как и употребление дат. п. для выражения принадлежности, не характерны для других древнерусских памятников. Возможно, что в данном месте — порча текста или пропуск. 144—145. *Рекоста бо братъ брату: «Семое, а то мове же».* Перифраз юридической формулы, регулирующей княжеское право на удел: «се мое, а то твое» (Лихачев. С. 186). «Рекоста» — форма двойств. ч. 3 л. аориста. Обращает на себя внимание игра формами грамматического числа: «рекоста» (двойств.), «и начяшя князи» (мн.) — в следующей фразе, что оттеняет усиление княжеских раздоров, о которых здесь говорится, не только между двумя, но и между всеми князьями. 145—147. *Начяшя князи... сами на себе крамолу ко-*

вати — см. выше, 107. 147—148. *Поганіи съ вѣсѣхъ странъ приходящу* «Поганіи» — здесь не только половцы, но иноверцы, иноплеменные, нападавшие на Русь. 149. *О, далече заиде, соколъ, птицъ бѣя, — къ морю*. Уподобление князя-воина соколу, преследующему птиц, сопровождается гиперболизацией масштабов похода. Возможно, однако, что в свете средневековых представлений о путешествии за море как о путешествии в потусторонний мир это место следует понимать так: «Игорь, будучи не в силах защитить себя и свою дружину, оказался на грани гибели». 150. *Игорева храбраго пѣлку не крѣсити* — формула-рефрен, употребляющаяся и далее. Параллель ей встречается неоднократно в «Повести временных лет» и позднейших летописях (см.: Адрианова-Перетц С. 116). 150—152. *За нимъ кликну Карна, и Жьля поскочи по Русьской земли*. Карна и Жьля — олицетворение ритуальной печали, связанной с погребальным обрядом. Карна, возможно, производное от «карити» — оплакивать умерших, править по ним тризну (Словарь-справочник. Вып. 2. С. 178). Древнерусское жля, желя (т. е. скорбь, печаль) употребляется во многих древнерусских памятниках до XVII в. (Словарь-справочник. Вып. 2. С. 87—88). Близкие по форме и значению слова сохранились в русских говорах: быть в жали — находиться в трауре; жальник — могила, кладбище; жальбище — опустошенное, разоренное место или остатки побоища; жалевой — траурный (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 525). *Смагу людемъ мычючи въ пламяѣ розѣ*. По мысли Д. В. Айналова, автор «Слова» сравнивает скорбь и горе, распространяющиеся по Русской земле, с метанием греческого огня — зажигательной смеси, использовавшейся византийцами в морских сражениях и иногда применявшейся половцами на суше (Айналов Д. В. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве» // Сб. статей. С. 181—184). Применение греческого огня половцами описывается в Ипатьевской летописи под 1184 г. (см. ниже, 228—229). 153. *Жены русьскыя въсплакашяся, а ркучи*. Помимо «Слова», плач русских жен по погибшим в битве мужьям встречается в «Задонщине» и других воинских повестях. Однако соответствующий пассаж «Задонщины» содержит несколько плачей, произносимых конкретными женщинами-вдовами. Коллективный плач в «Слове» — уникальное явление в древнерусской литературе. Синтаксический параллелизм этого отрывка характерен для языка фольклора и часто именно в причитаниях, но в них мы нигде не находим той языковой отточенности и завершенности, какую видим здесь. «А ркучи» — в первом издании «Слова» и во многих последующих дается слитное написание союза «а» с причастием от глагола «речи», что не является правомерным. Многочисленные древнерусские тексты подтверждают раздельное функционирование и написание этих речевых элементов. 157—158. *Въстона бо, братіе, Кыевъ туюю, а Чьрниговѣ напастьми*. Употребление тв. п. причины обычно для текста «Слова» и является особенностью авторского слога. 159. *Печаль жирна тече*. О прилагательном «жирный» (обильный) см. выше, 143. 160—162. *Поганіи сами... емляху дань по бѣлѣ отъ двора*. Многие комментаторы переводят: по белке (см., например: Словарь-справочник. Вып. 1. С. 47). Однако «бѣла» здесь — серебряная монета, а не беличья шкурка как денежная единица. Противопоставление «бѣлы» и «веверицы» (т. е. белки) встречается в «Повести временных лет» (под 859 г.): «А козари... имаху по бѣлѣ и вѣвериць отъ дыма». Достаточное число примеров употребления слова «бѣла» в значении «серебряная монета» дает И. И. Срезневский (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1. С. 217). Слово «бѣла» в значении «мелкая се-

ребряная монета» является калькой соответствующего тюркского аџа, означающего серебряную монету.оборот «отъ двора» как формула обложения данью также встречается в «Повести временных лет» в рассказе о мести Ольги (под 945 г.). 163—164. *Тая бо два храбрая Святъславличя... уже лжу убудиста которою.* «Храбрая» — прилагательное в форме дольств. ч. м. р. В тексте первого издания: «...лжу убуди, которю то...». «Убуди» исправляется на «убудиста» по порядку согласования глагола в числе с именем «которою». Издатели явно приняли существительное «котора» (междоусобица, распря, раздоры) за местоимение «которые», однако в древнерусском языке местоимение «которые» имело значение: какой-либо, некоторый. В переводе вместо следующего далее «ту» использовано современное местоимение «который», присоединяющее определительное придаточное предложение. 164—166. *Ту бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великий Киевъский.* «Ту» — указ. местоимение ж. р. ед. ч. в вин. п. Замена местоимения «то» на «ту» — традиционна. «Бяше успилъ» — плюсквамперфект (давнопрошедшее время). Святослав Всеволодович (ок. 1125—1194) — двоюродный брат Игоря и Всеволода. В тексте он назван их отцом, так как в описываемое время он был старшим среди Олеговичей и самым старым среди русских князей, занимая наиболее высокое положение в княжеской иерархии. В 1180 г. Святослав становится великим князем Киевским и сам неоднократно участвует в походах на половцев. 166. *Бяшетъ притрепалъ* — форма плюсквамперфекта. Предлагалось исправление «притрепалъ» на «притрепаль» (Н. С. Тихонов, Я. Малашев, Вс. Ф. Миллер, А. А. Потебня, П. В. Владимиров, В. А. Яковлев, Ф. Е. Корш, В. Н. Перетц, А. С. Орлов, Д. С. Лихачев), но такое исправление не является необходимым (см.: Словарь-справочник. Вып. 4. С. 209—210, со ссылкой на Л. А. Булаховского). 168—169. *Притѣпта хѣлмы и яругы, възмуту рѣкы и озера, иссуши потоки и болота.* Здесь уподобление походов Святослава смерчу, пронсящему над Половецкой землей, развитие метафоры, вызванной ранее многозначным существительным «грозою» и эпитетом Святослава «грозный». 170—171. *Поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ пѣлковъ половецкихъ яко вихрь вытѣрже.* Кобяк Карлыевич — половецкий хан. В 1184 г. вместе «со двема сынома» попал в плен к русским во время одного из походов Святослава. «Отъ желѣзныхъ великихъ пѣлковъ половецкихъ» — поэтическая гипербола. «Пѣлковъ» — редкая для XII в. форма род. п. мн. ч. м. р. с флексией «-овъ». 172—173. *Паде ся Кобякъ въ градъ Киевъ, въ гриднищъ Святъславли.* «Гриднища» — парадный пиршественный зал в княжеском тереме. Сюда, видимо, был приведен к Святославу пленный Кобяк. 173—174. *Ту нѣлци и венецици, ту гръци и морава поють славу Святъславлю.* «Венецици» — венецианцы, «морава» — жители Моравии. Близкая параллель — перечень народов — имеется и в других древнерусских памятниках: в «Повести временных лет» (под 1111 г.), а также в «Житии Александра Невского», в «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.). 174—175. *Кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы.* Территории, занимаемые перечисленными выше народами, располагались к западу или юго-западу от Руси (греческие и венецианские колонии были по всему Черноморскому побережью). Естественно, что эти народы восхваляют удачные походы Святослава, разгромившего их опасных восточных соседей — половцев, и тяжело переживают неудачный поход Игоря, открывший половцам дорогу не только на северо-запад, в русские княжества, но и на запад и юго-запад. Политические взгляды автора «Слова» здесь хорошо согласуются

со взглядами других древнерусских авторов XIII в. (ср. «Слово о погибели Русской земли»). 176—177. *Игорь князь высьде изъ съдло злата, а въ съдло кощіево.* «Кощи» — здесь: невольник, пленник (см. Мещерский Н. А. За прабългарския принос в общославянския смик // България 1300: Статии и изследованиа на ленинградските българисти. София, 1983. С. 198). О прилагательном «златъ» как постоянном эпитете княжеских атрибутов см. выше (51, 99), в данном случае этот эпитет включен в противопоставление, чем подчеркивается резкий поворот в судьбе героя повествования. 178. *Унышиа бо градомъ забрала а веселіе пониче.* «Градомъ» — дат. п. мн. ч., дат. локативный, который встречается и далее. «Забралами» называлась часть крепостной стены — крытая галерея, идущая по верху стен с внутренней стороны. Оттуда хорошо просматривались окрестности города. Образ городской стен, пребывающих в унынии и скорби, известен древнерусской книжности (см.: Перетц В. Н. «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг // «Известия по русскому языку и словесности». 1930. Т. 3, кн. 1. С. 304: «забрала споня да изльютъ... слезы день и ношь») и фольклору:

а тут плакала не душа красна девушка,
а тут плакала стена да городовая.
Она ведает над Киевом несчастьеце,
она ведает над Киевом великое.

(Былина о Василии Игнатьевиче и Батыге // Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. М.; Л., 1949. Т. 1, № 41. С. 987). «Веселіе пониче» — формульное словосочетание, встречающееся и далее. 179. *А Святъславъ мутенъ сонъ видъ* и т. д. Обычно данный фрагмент текста имеет следующую пунктуацию: «А Святъславъ мутенъ сонъ видъ въ Киевѣ на горахъ. „Си ночь съ вечера одѣвахуть мя“, — рече...». Однако при таком чтении текст «Слова» противоречит летописной повести о походе Игоря по Ипатьевской летописи, согласно которой во время похода Игоря Святослав не находился в Киеве: «Въ то же время великий князь Всеволодичъ Святославъ шель бяшетъ в Корачевъ и сбираетъ от вѣрнихъ земель вой, хотя ити на половци к Донови на все лѣто» (Ипат. лет. Стб. 644—645). Принятая здесь пунктуация первого издания устраняет это противоречие. Что касается приурочения погребального обряда, который видит во сне Святослав, к Киеву — великокняжеской резиденции, то надо иметь в виду, что великие князья Киевские, вне зависимости от места их смерти, хоронились в главных церквях Киева (см. выше, 116, сообщение о похоронах Изяслава Ярославича, погибшего под Черниговом). Вещие сны, наполненные загадочными образами-символами, требующими толкований, — традиционный мотив средневековых литературных произведений, хроник, летописей. Его можно встретить и в библейских книгах, и в русском фольклоре (Перетц. С. 238—246). Подробный разбор этого фрагмента «Слова» сделан акад. М. П. Алексеевым (Алексеев М. П. К «сну Святослава» в «Слове о полку Игореве» // «Слово»-50. С. 226—248). «Мутенъ» — неясный, непонятный, требующий разъяснений. «Въ Киевѣ на горахъ» — речевое клише, обозначающее верхнюю часть Киева, где располагались княжеский терем, Десятинная церковь, София. Это выражение встречается в Ипатьевской летописи (под 1198 г.) и в других летописных текстах. 180—181. *Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, — чьрною паполомою на кровати тисовѣ.* «Си ночь» — наречие времени, образованное соединением указательного местоимения «съ»

с вин. п. существительного. Подобная модель была широко распространена в русском языке во все периоды его истории и постоянно встречается в говорах. В первом издании «одъвахъте» — скорее всего, смешение форм 2 и 3 л. мн. ч. Исправление, предложенное А. Глаголевым («одъвахуть»), является общепризнанным, так как согласуется со стоящими далее формами «чърпахуть» и «сыпахуть». «Одъвати» в значении: покрывать одеялом, тулупом — обычно для говоров. «Кровать» — слово греческого происхождения, в эпоху создания памятника было, по всей вероятности, заметным, ярким и экзотичным; на кровати могли лежать либо знатные, либо больные. «Тисовый» — из тисового дерева; по-видимому, традиционный эпитет, подвергшийся в фольклоре переосмыслению: «кровать тесовая». В «Слове» упоминание о «кроватьи тисовой» могло быть символом смерти и гроба.

182. *Чърпахуть ми синее вино съ трудомъ смъшено.* «Синее вино» — символ скорби и печали. В русском фольклоре выразительно противопоставление «зеленого вина» (молодого виноградного вина), непременно атрибута пиров, и «синего вина» (крепкой водки или спирта), которое могло быть ритуальным питьем при похоронном обряде или употребляться при бальзамировании умершего. Символическое значение цвета вин в XVIII в. служит темой ст-ния Г. Р. Державина «Разные вина» (1782).

183—184. *Сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тѣлковинѣ великьи женцгоѣ на лоно.* «Тѣщими тулы» — пустыми колчанами. По смыслу это словосочетание перекликается с содержащимися выше в тексте фразами: «итти дождю стрѣлами», «прыщеси на вои стрѣлами». Подробный комментарий к слову «тѣлковинѣ» — переводчик — дает К. Г. Менгес (Менгес. С. 146—150). По народным поверьям, видеть во сне жемчуг означает: горько плакать, лить крупные слезы. В качестве параллели ко сну Святослава исследователи часто приводят сон князя Мала из «Повести временных лет» по тексту летописца Переяславля-Суздальского: «и сонъ часто зряше Малъ князь: се бо пришедъ Ольга дааше ему прѣты многоцѣнны червены вси жемчугомъ иссажены и одѣяла чръны съ зелеными узоры» (Лихачев. С. 229—231). Однако отличие сна князя Мала от сна Святослава заключается в том, что Мал видит во сне события, предвещающие его смерть, а Святослав — собственные похороны.

184. *Нѣгують мя.* А. А. Потѣбня, а вслед за ним и многие другие комментаторы, унифицируя временные формы глагола в данном предложении, исправляли «нѣгують» на «нѣговахуть», однако это исправление излишне, так как завершение цепочки имперфектных сказуемых формой настоящего времени может нести определенную стилистическую нагрузку.

184—185. *Уже дѣскы безъ кнѣса въ моемъ теремъ златоверсъмъ.* «Кнѣсь» — верхний продольный брус кровли. Здесь отразились существовавшие до недавнего времени представления о том, что для облегчения страданий умирающего необходимо приподнять или убрать конек крыши (или матицу), отчего будто бы ускоряется смерть. Вообще эта примета считается предвестием беды. Сложносоставной эпитет «златоверхий» является традиционным и для книжности, и для фольклора (Перетц В. Н. К изучению «Слова о полку Игореве»: Отд. отт. Л., 1926. С. 109—110).

186. *Бусови врани възграяху.* В первом издании: «босуви». Исправление предложено В. Макушевым и поддержано подавляющим большинством последующих комментаторов, однако в понимании этого прилагательного существуют различия. Согласно традиции, восходящей к Я. О. Пожарскому и А. Ф. Вельтману и развитой О. М. Огоновским и А. И. Смирновым, «Бусови» — прилагательное от имени антского вождя VI в. Бус (Боз). Связывать это прилагательное с диалектным «бусый» (серый), подобно

многим толкователям, неправомерно, так как неясно, почему подобное прилагательное, обозначающее цвет, в данном случае получает суффикс «-ов», для него не характерный (см. ниже «время Бусово», 202).

«Възгряху» — имперфект многократного вида. 186—187. *У Плесньска на болони.* Топоним «Плесньскъ» приурочивается к пойме Днепра в окрестностях Киева. «Болонь» — заливной луг в пойме реки: по видимому, географически точное указание на местность выше Киева по правому берегу Днепра (ср. современное название Оболонь — один из районов в Киеве).

187. *Бъша дѣбри Кьянѣ* — место очень темное, до сих пор не получившее окончательного истолкования. В тексте первого издания здесь читается: «дѣбрь кисаню», в Екатерининской копии: «дѣбрьскы сани». Принимаем исправление А. А. Потебни «дѣбри кьянѣ» (Потебня. С. 81), аргументированное географически в специальной статье (Шарлемань Н. В. «Дѣбрь кисаню» — «Дѣбрь кьянѣ» в «Слове о полку Игореве» // «Слово»-50. С. 209—211). Чтение самого Шарлеманя «дѣбрь кьянѣ» принято быть не может, так как глагольная форма «бъша» требует существительного во мн. ч. Из других объяснений заслуживают упоминания интерпретации В. Н. Перетца, А. С. Орлова и М. В. Щепкиной: «дѣбрьскы сани» — лесные змеи (Перетц. С. 254—259; Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М.; Л., 1946, с. 117; Щепкина М. В. К вопросу о неясных местах «Слова о полку Игореве» // «Слово»-50. С. 195).

Несошяся к синему морю. В первом издании «не сошлю», что не дает смысла. Уже А. Ф. Вельтман, М. А. Максимович и А. Ф. Гильфердинг исправили это место на «несошясь — несошяся». При подобном толковании текста смысл его таков: овраги, располагающиеся севернее Киева, выше по течению Днепра, подступают к городу и простираются дальше на юг, к синему морю. «Синее море» — обозначение Черного моря, как географическое название. Оно встречается в памятнике неоднократно, причем иногда в контекстах, не оставляющих сомнения в географической точности: «обида... всплескала лебедиными крылы на синѣ морѣ», «се бо готскія красныя дѣвы вспѣша на брѣзѣ синему морю», «лелѣючи корабли на синѣ морѣ». Топоним «синее море», возможно, является калькой иранского названия Черного моря (ср. авестийское *ахъбаена* — темноцветный; персидское *хасин* — темно-синий), которое было заимствовано греками и сохранено в греческом названии Черного моря *Πόντος Εὐξεινός* (см.: Фрейман А. А. Название Черного моря в домусульманской Персии // «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР». Л., 1930. Т. 5. С. 647—651).

188. *Рькошя бояре князю.* Отрывок из поэмы до слов: «а мы уже дружина яждни веселѣя» излагает ранее известное читателю содержание, но в совершенно иной словесной форме иносказания: реальные персонажи заменены символами. По поэтике и способу включения в текст этот отрывок близок стихотворным вставкам-висам исландских саг, которые также в иной форме излагают уже известные читателю события (см. об этом: Стеблин-Каменский М. И. Мир саги: Становление литературы. Л., 1984. С. 64). Интересной языковой особенностью отрывка является чередование глагольных форм перфекта с формами аориста при преобладании первых: известно, что перфект в устной разговорной речи употреблялся значительно чаще, чем другие формы прошедшего времени, это придает менее книжный характер тексту.

189. *Два сокола слетѣста съ отня стола.* Уподобление князя соколу встречается в тексте постоянно. «Слетѣста» — форма 3 л. дв. ч. аориста.

190. *Поискати града Тьмуроканя* — см. выше, 57. 191—193. *Уже соколома крыльця припѣшали поганыхъ саблями, а самую опуташя въ путины желѣзны.* «Соколома» — форма

двойств. ч. дат. п. «Припѣшали» — подрезали крылья, сделали «пешим», неспособным летать (Словарь-справочник. Вып. 4, с. 206). В Екатерининской копии: «самого», что выпадает из ряда форм двойств. ч., согласующихся друг с другом. «Самою» — форма вин. п. двойств. ч. местоимения «самъ». Метафора «князь-сокол» распространяется: способности ее развертывания говорят о знакомстве автора с приемами соколиной охоты (Адрианова-Перетц. С. 131). 193. *Тьмно бо бѣ в ѣ (з-й) день*. Именно на третий день завершились военные действия. *Два солнца* — князи Игорь и Всеволод. 196. *Молодая мѣсяця, Олегъ и Святѣславъ*. Имена княжичей, включенные в текст, представляют трудности для объяснения. Олег, младший сын Игоря, не мог принимать участия в походе, так как был еще слишком юн. Правдоподобно мнение тех исследователей (А. А. Потебня, С. К. Шамбинаго, А. С. Орлов, И. П. Еремин, Л. А. Творогов, Р. О. Якобсон), которые видят здесь интерполяцию, восходящую к одному из позднейших списков «Слова», когда имена его персонажей уже не были широко известны. Этим объясняется ошибка: Олег вместо правильного Владимир (сын Игоря). Под вторым месяцем, видимо, подразумевается князь Святослав Рыльский. 195—197. *Въ морѣ погрузиста, и великое буиство подаста хынови... тьмою ся поволокоста*. В первом издании «Слова»: «и въ морѣ погрузиста и великое буиство подасть хинови» — эта фраза стоит после слов «аки пардуже гнѣздо». Перестановка, необходимость которой обосновывается согласованием глагола по двойств. ч., является общепринятой. Возможно, что эти слова попали не на свое место из-за того, что в одном из протографов мусин-пушкинской рукописи «Слова» они составляли целую строку и были при переписке пропущены, а потом, примерно через две строки, вставлены. Со времен М. А. Максимова (см.: Перетц. С. 112, примеч.) этот отрывок текста помещается после слова «поволокоста». Однако, принимая во внимание объем строки рукописи (42—43 знака), при переписке которой произошла перестановка, можно думать, что перенесенная строка располагалась после слова «погасоста» и была вписана ровно тремя строками ниже. Но возможна и иная интерпретация: Р. О. Якобсон предлагает читать так: «два солнца помѣркоста, оба багряная стѣпа погасоста и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяця тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла, по Русьской земли прострошяся половци аки пардуже гнѣздо, и великое буиство подасть хынови» (Якобсон. С. 119). Этноним «хынови» нигде, кроме «Слова», не встречается — в «Задонщину» он попал из «Слова». Исследователи (А. И. Соболевский, В. Р. Кипарский, Д. Моравчик, К. Г. Менгес) видят в этом этнониме обозначение гуннов и убедительно полагают, что впоследствии этим словом стали называть венгров (см.: Менгес. С. 168—170). Смысл этой реплики таков: победа половцев над войском Игоря заставила беспокоиться венгров о безопасности своих земель, так как путь половцам на запад был открыт (см. выше, 174—175). «Буиство» — здесь: беспокойство, страх, ужас (ср. дальше «буесть» — ярость, неистовство). 198. *Прострошяся половци аки пардуже гнѣздо*. «Пардуже» — притяжательное прилагательное от «пардусъ». Н. В. Шарлемань, а вслед за ним и другие комментаторы истолковывают древнерусское «пардусъ» как «гепард», отмечая, что гепарды использовались как ловчие звери на охоте (Шарлемань. С. 119—121). То, что гепарды охотятся обычно выводком — «гнездом», наблюдали специалисты-зоологи (Воробьев К. А. Заметки орнитолога. М., 1973. С. 44). Трудно, однако, судить, что именно отразилось в сравнении половцев с пардужьим гнездом — использование гепардов на охоте или личные наблюдения

автора над тем, как охотятся в природных условиях хищники семейства кошачьих — гепарды и барсы. Изображение трех гепардов, поваливших на землю дикого коня или онагра, встречается во фресках Софии Киевской (см.: Шарлемань Н. В. Сергей Парамонов о «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 614). С. К. Шамбинаго, В. Ф. Ржига считали, что пардусы «Слова» — это барсы. В древнерусских апокрифических памятниках половцы (куманы) сравниваются с гепардами и отождествляются с ними: «куманинъ пардусъ есть, угринъ рысь есть...», «куманинъ пардусъ, българинъ быкъ, сръбинъ влъкъ» (см.: Перетц. С. 263).

199. *Снесесе хула на хвалу, уже тресну нужда на волю.* Персонификация абстрактных понятий, характерная для авторского стиля «Слова» (см. выше о слове «обида», 140).

200. *Уже вьржесе Дивъ на землю.* Это место нелегко поддается истолкованию. Связь его с пассажем «Дивъ кличет вьрху древа» трудно объяснить. Кроме того, в обоих случаях неясно, кому покровительствует Див — русским или половцам. Поражение русских символизируется в тексте через низвержение кумиров; божество, чисто условно понимаемое, низринутое на землю, усиливает трагизм изображаемого положения.

200—201. *Готьскыя красныя дъвы вьспъши на брезъ синему морю.* Речь идет о крымских готах, или готах-тетракситах, которые жили в Крыму до XVIII в. В эпоху «Слова» готы поддерживали торговые отношения с половцами и, вероятно, имели с ними политический союз. Совсем недавно Д. С. Лихачев выдвинул новое предположение: готские девы — это северные готы, жители Готского берега — острова Готланд в Балтийском море (Лихачев Д. С. Новгородские черты в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 511—512).

201—202. *Звоня Русьскимъ златомъ.* Очевидно, часть добычи, захваченной половцами, попала в руки готам.

202. *Поють время Бусово* — вспоминают победы своего вождя Винитара над славянами и их предводителем Бозом (см.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 115). По мнению других ученых (И. П. Еремин, О. В. Творогов), здесь речь идет о каком-то половецком хане XI в., который мог прославиться походами на Русь. *Лелъють мечь Шароканю.* Шарукан — половецкий хан, дед Кончака. Он упоминается в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1107 г., в Ипатьевской летописи — под 1111 г. и в Новгородской первой летописи. Походы с участием Шарукана на Русь почти всегда оканчивались неудачей, один раз он «едва утече», а в другой раз попал в плен. В данном случае «девы готские» радуются отмщению за поражение прямого предка Кончака. Налицо композиционный параллелизм: потенциальные союзники Руси «поють славу Святъславлю, кають князя Игоря», «девы готские» — союзники половцев — «поють время Бусово, лелъють мечь Шароканю». Политический кругозор автора «Слова», отмечающего значение описываемых событий для соседей и союзников русских и половцев, выходит за пределы враждующих сторон.

203. *Мы уже дружина жядни веселя.* Заключительная фраза речи бояр, непосредственно следующая за описанием ликующих по поводу поражения Игоря готов, приобретает следующий смысл: дружина Святослава призывает его возглавить объединенный поход русских князей с целью окончательно разгромить половцев и положить конец их набегам.

204. *Тъгда великыи Святъславъ изрони злато слово.* По поводу того, где заканчивается «золотое слово» — речь Святослава, обращенная к русским князьям, существуют разные мнения. Трудность этого вопроса заключается в том, что тот текст, который можно было бы считать «золотым словом» Святослава, сложен по композиции. Он включает

обращение Святослава к Игорю и Всеволоду, призыв к русским князьям — «загородите полю ворота» — и рассказ-воспоминание о полоцких князьях. Подобное композиционное членение текста в отношении к «золотому слову» было предложено А. А. Потебней и поддержано В. Н. Перетцем и последующими исследователями. Несколько иную точку зрения высказал И. П. Еремин, который считал, что в «золотом слове» чередуется авторская речь и речь его персонажа — Святослава, что, по его мнению, характерно для авторского стиля произведения в целом (см.: Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси//«Слово»-50. С. 110—111). В публикуемом тексте «Слова» окончание речи Святослава кавычками не фиксируется. События и самый текст «золотого слова» очень близки к рассказу Ипатьевской летописи, где говорится, что, узнав о поражении Игоря, Святослав, «то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: „О любви моя братіе и сыновѣ и мужѣ земли рускоѣ... не воздержавше уности отвориша ворота на Русьскую землю“» (Ипат. лет. Стб. 645). Согласно Ипатьевской летописи, Святослав, будучи в Чернигове, слушает рассказ Беловолода Просовича, «прибежавшего съ тоя брани», о поражении Игоря; в «Слове» местом действия является Киев — стольный град великого князя. 205—206. *Моя сыновья, Игорю и Всеволоде.* «Сыновья» — форма зват. п. двойств. ч. от «сыновья» — племянник. В первом издании и Екатерининской копии: «сыновья», что отражает диалектное смешение «ц» и «ч». Святослав называет своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода племянниками по праву старшинства, по возрасту и месту в княжеской иерархии. Как отмечено выше, автор «Слова» по той же причине называет Святослава отцом Игоря и Всеволода. 206—207. *Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити.* «Цвѣлити» — дразнить, раздражать, терзать. Глагол «квелить» встречается в современных среднерусских и южнорусских говорах в том же значении (см.: Мещерский Н. А. К вопросу о территориальном приурочении. С. 79). 207—208. *Нъ не честно одолѣсте, не честно бо кровь поганую проліясте.* Обычно это место переводят: «но не по чести одолели», что не имеет должного смысла: Игорь и Всеволод не «одолели» половцев, а потерпели поражение от них. Общий смысл таков: Игорь и Всеволод не смогли одержать над половцами победу, достойную их чести. 208—210. *Ваю храбрая сѣрдця въ жестоцѣмъ харалужѣ скована, а въ буести закалена.* Параллель этой изысканной метафоре имеется в фольклоре: «Ты родимая матушка, у тебя сердце каменно, во булате сковано»; «Гораздо у тебя, брателко, в булате сердце заковано» (см.: Перетц. С. 267); «(У свекра) сердце каменно, в буести заковано, в булате сварено» (Шептаев Л. С. Заметки к древнерусским литературным памятникам//ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 427). Однако слово «булат» вошло в русский язык не ранее XIV в. Слово «харалуг», по-видимому, является своеобразным авторским неологизмом, образованным от прилагательного-эпитета «харалужный» (см. выше, 97—98). Случай заимствования метафор и словесных формул фольклором из памятников книжной словесности достаточно широко известны (Перетц. С. 67). «Ваю» — род. п. двойств. ч. местоимения «вы». 210. *Се ли створисте моеи сребренѣи сединѣ.* Обращает на себя внимание аллитерация — скопление слов с начальным «с»: это один из самых ярких примеров аллитерации в «Слове». 211—212. *Многовои брата моего Ярослава.* Ярослав Всеволодович — родной брат Святослава Киевского, князь Черниговский (1140—1198). В 80-е годы XII в. Ярослав по крайней мере трижды (в 1183, 1184, 1187 гг.) отказывался от участия в походах на половцев. «Многовои» —

подобные сложносоставные слова в древнерусских текстах обычно имели яркую стилистическую окраску. Смысл этого эпитета: имеющий множество воинов, повелевающий многочисленными войсками. Начальная форма — «многовая», так что в тексте правильно образован род. п.

212. *Съ Чьрниговъськими былями.* В Черниговской земле обитали тюркские кочевые племена, подвластные Ярославу, их старейшины носили тюркский титул «быля», хорошо засвидетельствованный древними тюркскими источниками и вошедший в общеславянский язык (см.: Менгес. С. 91—92; Мещерский Н. А. За прабългарския принос в общославянския език//България 1300. София, 1983. С. 194).

213—214. *Съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчакы, и съ ревугы, и съ ольберы.* Относительно этого перечня собственных имен существуют две точки зрения. Одни исследователи (С. Е. Малов) считают их титулами, чинами или прозвищами высокопоставленных лиц тюркского происхождения, другие (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, Н. А. Баскаков, К. Г. Менгес) видят в них этнонимы — названия племен или родовых групп (см.: Менгес. С. 117—118, 136—137, 174—180, 145—146, 127—128, 122—124; Баскаков Н. А. Тюркизмы-этнонимы в «Слове о полку Игореве»//«Советская тюркология». 1982, № 4, С. 14—29).

214—216. *Ти бо бесъ щитовъ съ засапожники кликомъ пълкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу.* «Засапожники» — ножи, носившиеся за голенищем и используемые в рукопашной схватке. Трудно согласиться с тем, что данная фраза относится к тюркским племенам, находящимся в вассальной зависимости от Чернигова, неясно также, о какой «прадедней славе» может идти речь. Возможно, что в тексте пропуск. Но вероятно, впрочем, что «прадедняя слава» — это слава Мстислава, прапрадеда героев «Слова» (см. выше, 10—12).

216—217. *Нъ рекосте: «Мужаймъся сами, преднюю славу сами похытимъ, а заднею ся сами подѣлимъ!»* «Мужаймъся» — редкая форма 1 л. двойств. ч., не опознанная издателями (в тексте: «му жа имъ ся»), эта форма была правильно объяснена А. С. Шишковым в 1805 г. Как показал акад. Д. С. Лихачев, «предняя слава» — слава времен минувших, «задняя слава» — слава настоящая или грядущая. Таким образом, Игорь и Всеволод намеревались «похитить» славу прежних походов на половцев и «поделить» славу своего похода (Лихачев. С. 202—203). «Похытимъ» — поддержим (Мещерский Н. А. К вопросу о территориальном приурочении. С. 82—83). «Заднею» (вместо читаемого в источниках текста «заднюю») — поправка А. А. Потехни, О. М. Огоновского, Л. А. Булаховского (Булаховский С. А. 488).

218—220. *Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду.* Как объяснил Н. В. Шарлемань, термином «въ мытѣхъ бываетъ» охотники «...обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута» (Шарлемань. С. 112). Эта фраза имеет параллели в других памятниках. Как отмечает В. П. Адрианова-Перетц, «...в поздних списках „Повести об Акире“ появляются вставки в старый текст, упоминающие о линьке сокола. „Егда бо соколъ трехъ мытей бывает он не даст ся с гнѣзда своего взяти“» (Адрианова-Перетц. С. 141). На основании этого некоторые исследователи предполагают, что в авторском оригинале «Слова» было: «Г мытеи», т. е. «трех мытей» (Творогов О. В. «Сокол трех мытей» в «Повести об Акире Премудром»// Вопросы теории и истории языка. Сб. статей, посвящ. памяти Б. А. Ларина. Л., 1969. С. 114). В хорватском эпосе и сербохорватской письмен-

ности XV—XVII вв. встречаются эпитеты сокола «троjemитар», «тричмитар» и «митар» (Словарь-справочник. Вып. 6. С. 227—229). 220—221. *Нъ се зло, княже ми непособіе*. «Княже» — притяжательное прилагательное, ср. р. ед. ч. «Непособіе» — отсутствие помощи, нежелание помочь. В переводе здесь сохранен номинативный тип предложения, характерный для оригинала и несущий определенную стилистическую окраску.

221. *Наниче ся години обратиша*. Н. С. Тихонравов перевел «наниче»: иным образом, иначе — и привел пример из «Лексикона трехязычного» Ф. П. Поликарпова: «нанич одежду одѣвати» — надевать одежду наизнанку (Тихонравов Н. С. «Слово о полку Игореве». М., 1866. С. 35). Перевод «наизнанку» поддержали А. А. Потебня и В. Н. Перетц, что нашло обоснование в повсеместном употреблении слова «наниче» в данном значении в великорусских говорах (см.: Мещерский Н. А. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Уч. зап. Ленинградского гос. университета. 1956, № 198, вып. 24. С. 8). 222—223. *Се у Римъ крычатъ подѣ саблями половецькими, а Володимиръ подѣ ранами. Туга и тоска сыну Гльбову*. Имеется в виду город Римов, разоренный половцами под предводительством Кончака после победы над Игорем. Володимиръ — Владимир Глебович, князь Переяславский, сын великого князя Глеба Юрьевича (ум. 1171). Обороняя Переяславль от половцев Кончака, он, как сообщает летопись, получил три «смертных раны», от которых скончался позднее, 18 апреля 1187 г., когда ему не было и тридцати лет. Обращает на себя внимание искреннее сочувствие автора «Слова» к этому князю: можно думать о знакомстве автора с деталями и подробностями походов Владимира Глебовича на половцев (см. далее, 229).

224. *Великыи княже Всеволоде*. Призыв к русским князьям, вложенный автором в уста Святослава Киевского, содержит одновременно восхваление их былых ратных подвигов и воинской доблести, не утраченной ими, и укор за отсутствие общих военно-политических устремлений, желание обособиться, ограничиваясь интересами своих удельных княжеств. В призыве названы лишь наиболее значительные владетели уделов, хотя он обращен не только к отдельным князьям. Именно эту мысль автора «Слова» имел в виду в своем широко известном высказывании К. Маркс: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 29. С. 16). Всеволод — Всеволод Юрьевич (1154—1212), сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, князь Владимиро-Суздальский. Он первым из Владимировичей принял титул Великого князя. Возможно, поэтому Святослав должен был обращаться к нему в первую очередь.

225. *Отня злата стола поблюсти*. Возможно, имеется в виду не Киев, которому непосредственная опасность не угрожала, а осажденный половцами Переяславль, традиционно находившийся во владении потомков Юрия Долгорукого. Владимир Глебович Переяславский (см. 222—223) приходился Всеволоду Юрьевичу племянником. Любопытные сведения об использовании «Слова» в XVI в. при составлении «Степенной книги» в повествовании о деятельности Всеволода см.: Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 69. 226—227. *Ты бо можеши Вългу веслы раскропити, а Донъ шедомы вьльяти*. Имеется в виду успешный поход Всеволода на волжских болгар, состоявшийся летом 1183 г.

227—228. *Аже бы ты былъ, то была бы чяга по ногатъ, а кощеи по рѣзанъ*. «Чяга» — девушка-невольница. «Ногата» — двадцатая часть гривны, основной денежной единицы Древней Руси. «Кощеи» — см. 176—177. «Резана» — пятидесятая часть гривны. Смысл всей фразы:

если бы Всеволод принял участие в походе на половцев, то цена на холопов из пленных кочевников стала бы баснословно низкой. 228—229. *Можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти.* «Шерешеры», как правильно поняли уже первые издатели,— «неизвестный уже ныне военный снаряд» (примеч. на с. 29). Большинство комментаторов сходится в том, что шерешеры — это снаряды, содержащие так называемый греческий огонь, т. е. зажигательную смесь. Наиболее подробное обоснование такой точки зрения см.: Айналов Д. В. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве»//Сб. статей. С. 184—185. Обзор этимологии этого восточного слова см.: Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Заметки к восточной лексике «Слова о полку Игореве»//«Вестник ЛГУ». 1984, № 14. С. 70—73. Появление слова «шерешеры» в тексте памятника (нигде более оно не встречается), по всей вероятности, связано с объединенным походом русских князей на половцев в 1184 г., когда русские захватили в плен «мужа бесурменина», стрелявшего «живым огнем». 229. *Удалыми сыны Глѣбовы* — сыновья рязанского князя Глеба Ростиславича, участвовавшие в походе Всеволода на восточных болгар в 1183 г. 230. *Ты буи Рюриче и Давыде.* «Буи» — здесь, как и выше (см. 42), храбрый, неистовый. Рюрик (ум. 1212) и Давыд (ум. 1197) Ростиславичи — сыновья Ростислава Мстиславича, внуки Мстислава (см. 10—11), правнуки Владимира Мономаха. Рюрик Ростиславич был соправителем Святослава и владел всеми городами Киевской земли, кроме Киева, которым время от времени тоже заведовал. Давыд Ростиславич — князь Смоленский. Рюрик часто не без успеха предпринимал походы на половцев. Давыд Ростиславич, женатый на знатной половчанке, дочери хана Билюка, предпочитал не воевать с ними, и в 1184 г. во время совместного похода русских князей на половцев, он, не вступая в бой, увел свою дружину назад в Смоленск. 230—231. *Не ваю ли <вои> злачеными шеломи по крѣви плавашия?* «Ваю» — род. п. двойств. ч. местоимения «вы». Слова «вои» нет в тексте — это вставка В. Н. Перетца, поддержанная последующими комментаторами. 231—232. *Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури.* По нормам грамматики древнерусского языка собирательное существительное в форме ед. ч. согласуется с глаголом во мн. ч. Эта особенность сохраняется в русском языке довольно долго (см.: Горбачевич К. С. Русский язык. Прошлое — настоящее — будущее. М., 1984. С. 34). 233. *Вступита, господина, въ злата стремени.* Существительное и глагол стоят в форме двойств. ч. О словосочетании «вступить въ златъ стремя» см. выше, 51. 236. *Галичьскыи Осмомысле Ярославѣ.* Ярослав Владимирович (1130—1187) — тесть Игоря, отец Ярославны; в 1153—1187 гг. князь Галицкий. Галицкое княжество было одним из могущественнейших русских княжеств. Автор гиперболизированно изображает мощь князя, который остается равнодушным к бедствиям, постигшим его зятя. Прозвище Ярослава — Осмомысл, известно только по «Слову», имеет разные толкования: «имеющий восемь мыслей, множество забот», «мудрый за восьмерых». Ярослав умер 1 августа 1187 г. Эта дата служит основанием для определения времени написания памятника — считается, что «Слово» было написано не позднее этого времени. В первом издании «Осмомыслъ» — форма местного падежа, а не звательного, как должно быть; рядом в тексте правильное: Ярославѣ. По-видимому, прозвище Осмомысл, не известное по летописям, было внесено в одну из рукописей «Слова» позднейшим читателем. Ни ошибкой оригинала, ни опечаткой форма «Осмомыслъ» быть не может. 236—237. *Высоко съдиши на своемъ златокотаннѣмъ столѣ.* Кремль Галича располагался на высоком берегу Днестра. 237—

238. *Подпъръ горы угорьскыя своими желъзными пълкы.* «Подпъръ» — запер, закрыл. «Горы угорьскыя» — Карпаты, по которым проходила граница между Галицким княжеством и Венгрией. Близкая параллель к данному месту — в «Слове о погибели Рускыя земли»: «А угры твердяху камены горы ⟨городы⟩ желъзными ворота, а бы на них великыи Володимер тамо не възъхаль» (см. Мещерский Н. А. К реконструкции текста «Слова о погибели Рускыя земли»//«Вестник ЛГУ». 1963, № 14. С. 45). Очевидно, Венгрия и Галич взаимно отгораживались друг от друга. 238—239. *Заступивъ королеви путь.* Имеется в виду венгерский король, которому Ярослав закрывал дорогу на юго-западную Русь. 239. *Затворивъ Дунаю ворота.* Очевидно, устье Дуная относилось к владениям Галицкого княжества. 239—240. *Мечя бремены чрезъ облакы.* Возможно, имеются в виду высокие перевалы, через которые проходили торговые пути, связывавшие Русь с Западной Европой. 241. *Отворяеши Киеву врата.* Намек на политическое могущество Ярослава, при содействии которого князья могли занимать киевский престол. В конце 1158 г. Ярослав в союзе с Мстиславом Изяславичем захватили Киев, изгнали оттуда Изяслава Давыдовича, бывшего тогда великим князем Киевским, и пригласили княжить в Киев Ростислава Мстиславича Смоленского (ум. 1167), отца Рюрика и Давыда Ростиславичей. 241—242. *Стрѣляеши съ огня злата стола салтъаны за землями.* Смысл этой фразы не вполне ясен. Еще Д. Н. Дубенский в своем издании «Слова» (1844) предположил, что здесь намек на участие галицкой дружины в крестовом походе против султана Саладина. Однако поход состоялся в 1190 г., уже после смерти Ярослава. Возможно, речь могла идти о намерении Ярослава участвовать в походе или о предварительных переговорах. 242—243. *Стрѣляи, господине, Кончяка, погананаго кощя.* Эпитеты, которыми автор «Слова» здесь характеризует Кончака, имеют ярко отрицательную стилистическую окраску и даже противоречат его собственной феодальной этике. Предлагаемый перевод («погананаго кощя» — смерда) соответствует стилистической природе оригинала. 245. *Буи Романе и Мстиславе.* Роман Мстиславич (1150—1205) — князь Волынский и Галицкий. Эпитет «буи», которым автор отличает некоторых князей, характеризует их как наиболее активных политических деятелей своего времени (ср. выше, 42, 230). Роман прославился своими походами на половцев, а также военными действиями против западных соседей, особенно Литвы. В Галицко-Волынской летописи (под 1205 г.) читается восторженная похвала этому князю. Кто такой Мстислав — точно не установлено: либо это двоюродный брат Романа — Мстислав Ярославич Пересопницкий, либо Мстислав Ярославич Городенский. Оба они были союзниками Романа и принимали участие в его походах. 245—246. *Храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло.* В источниках текста: «ваъ умъ» — вероятнее всего, ошибка прочтения рукописи издателями, не опознавшими формы род. п. двойств. ч. местоимения «вы». 248—249. *Желъзнии паперси подъ шеломы латиньскыми.* В первом издании: «папорзи». Значение этого слова до конца не выяснено. По общему смыслу речь идет о какой-то детали защитного вооружения. Наиболее приемлемым кажется чтение Ф. И. Буслаева: «паперси» — нагрудники (Словарь-справочник. Вып. 4. С. 54—55). Заслуживает внимания объяснение Ю. М. Лотмана: «павор(о)зи» — ремешки, прикрепляющие шлем к подбородку (Лотман. Ю. М. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 39). Очевидно, говорится о защитном вооружении западноевропейского образца, которым пользовались вои-

ны галицко-волынских князей. 250—251. *Хинова, литъва, ятвязи, деремела и половци*. Хинова — венгры (см. выше, 195—197); литва — литовские племена, северные соседи Галицко-Волинского княжества; ятвязи (ятвяги) — одно из балтийских племен, вошедшее позднее в состав литовской нации; деремела — название какого-то балтийского племени, родственного литовцам и ятвягам. 251. *Сулиця* — короткое метательное копьё. 253—254. *Древо не бологомъ листвѣ сърони*. «Не бологомъ» — не добром, не к добру, не вовремя. В данном случае Русь сравнивается с деревом, потерявшим листву раньше времени. 254. *По Ръси и по Сули грады подѣлишия*. Рось — правый приток Днепра, Сула — левый приток Днепра, та и другая — пограничные реки, отделявшие русские земли от половецких кочевий. «Грады подѣлишия» — речь идет о том, что половцы, Кончак и Гза, уже «поделили» между собою русские города, лежащие в приграничной полосе, по правому и левому берегам Днепра. 255—256. *Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду*. В данном случае налицо перемена ориентации в изложении по отношению к началу текста: если сначала Игорь устремляется к Дону, то здесь Дон в персонифицированном виде призывает к себе других русских князей. 258. *Ингварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи*. Согласно обобщающему исследованию Б. А. Рыбакова, Ингварь и Всеволод — родные братья Мстислава Ярославича, упомянутого выше (если это действительно он), сыновья Ярослава Изяславича Луцкого. «Вси три Мстиславичи» — сыновья князя Мстислава Ростиславича Храброго (Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 489). 259. *Шестокрыльцы* — эпитет, употреблявшийся по отношению к ангелам-серафимам. Как полагают Н. М. Дылевский и А. В. Соловьев, основываясь на данных южнославянского фольклора, такой эпитет мог употребляться также применительно к соколу и удалому витязю (Соловьев А. В. Восемь замечок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 371). 259—260. *Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытите*. «Не побѣдными» — недостойными, нечестными; «власти» — здесь: волости, уделы. 261—262. *Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами*. Эта фраза перекликается со словами Святослава в Ипатьевской летописи: «Не воздержавше уности отвориша ворота на русьскую землю» (Ипат. лет. Стб. 645). 264—266. *Уже бо Сула не течеть... и Двина бологомъ течеть... подѣ кликомъ поганыхъ*. От юго-восточной границы Руси автор «Слова» переходит к северо-западу. Намеки на борьбу против Литвы содержались уже в обращении к Роману и другим галицко-волынским князьям. Продолжая ту же тему, автор обращается к полоцким князьям — непосредственным соседям Литвы. Достойна внимания последовательность обращения автора «Слова» к князьям, представителям различных генеалогических ветвей: Мономаховичам (в соответствии с их иерархией), Ярославу Осмомыслу — потомку Ярослава Мудрого и, наконец, к полоцким князьям, потомкам Изяслава Владимировича, старшего брата Ярослава Мудрого. Таким образом, общим предком полоцких князей с другими героями «Слова» является лишь Владимир Святославич, «старый Владимир». 267—268. *Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовьскыя*. В дошедших до нас летописях об этом князе ничего не говорится: полоцкое летописание не сохранилось. 268—270. *Притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подѣ чърлеными щиты на крѣвавѣ травѣ притрепанъ литовьскыи мечи*. Всеслав Брючиславич (ум. 1101) — правнук Владимира Святославича и его первой жены Рогнеды, князь Полоцкий. Изложение основных деяний слывшего волшебником князя,

см. ниже, 282—296. «Притрепа славу... а самъ притрепанъ» — в подлиннике непереводаемая игра слов, связанная с употреблением одного и того же глагола «притрепати» в разных значениях: затмить, разбить (сразить). 271. *Исходи юна кровь, а тѣи рекъ*. Место очень темное. В первом издании: «и с хотию на кровать и рекъ» — не дающее смысла. Принимаются поправки М. И. Маньковского. Н. К. Грунского и М. В. Щепкиной «исходи юна кровь», поддержанные Л. А. Булаховским (Булаховский. С. 476, 511). 271—272. *Дружину твою, княже, птичь крылы приодъ, а звѣри кровь полизашя*. Фраза, вложенная в уста умирающего князя, наполнена отголосками библейских сказаний (см.: Перетц. С. 287), однако она не соответствует как стилистике «Слова», так и литературному этикету Древней Руси. Ей можно найти аналогии в календарских строфах-висах, произносимых перед смертью героями исландских саг («Сага о Гисли», «Сага о Греттире»). Близкой аналогией ей являются слова Эгиля Скаллаграмсона: «Охраняйте Анунда, вашего хозяина, и его дружину, чтобы звери и птицы не растерзали их трупов» («Сага об Эгиле»//Исландские саги/Редакция, вступ. статья и примеч. М. И. Стеблина-Каменского. М., 1956. С. 180). Возможно, в тексте эти слова восходят к какому-то не дошедшему до нас стихотворному произведению знаменитого викинга-скальда, о котором повествует эта сага. 272. *Не бысть ту брата Брячислава, ни другаго — Всеволода*. Брячислав Василькович однажды упоминается в летописи (см.: Ипат. лет. под 1180 г. Стб. 620), о Всеволоде Васильковиче ничего не известно. 274—275. *Изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чрезъ злато ожереліе*. Метафора: душа — бисер или жемчуг — известна в древнерусской литературе по «Хронике» Георгия Амартола: «свое естество душевное видяхъ яко бисеръ блещашься» (Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. I. С. 440). Представления о душе-жемчужине в византийской словесности восходят к раннехристианским каноническим и апокрифическим текстам, донесшим до нас элементы религиозно-философских учений, объявленных позднее еретическими. Так, в апокрифе «Деяния апостола Фомы», написанном, вероятно, в конце II — начале III в. на сирийском языке, содержится так называемый «Гимн души», доминирующими понятиями которого являются жемчужина и сверкающее одеяние — символы царства небесного и бессмертной души. Из новейших работ об этом см.: Poirier P.-H. L'Hymne de la Perle des Actes de Thomas. Louvain-la-Neuve, 1981. Греческий перевод гимна сохранился лишь в одной рукописи, но его отголоски вполне могли найти себе место в славянских литературных произведениях средневековья. В свое время Д. В. Айналов отметил, что представления о душе как жемчужине характерны для Индии (Айналов Д. В. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве»//Сб. статей. С. 177—178). Именно в индо-парфянских княжествах разворачивается действие в апокрифических «Деяниях Фомы». «Злато ожереліе» — атрибут князя, как символический, так и реальный. 275. *Уныли голоси, пониче веселіе*. Повторение уже известных фраз с некоторыми лексическими вариациями см. выше, 178. 275—276. *Трубы трубятъ городеньскыя*. Городенское княжество располагалось между реками Стырью и Горынью возле г. Пинска, на рубеже Галицко-Волынских и Полоцких земель. Изяслав Василькович, вероятно, был городенским князем (см.: Перетц. С. 288). Упоминание об Изяславе Васильковиче в монологе Святослава не случайно. Великий князь Киевский Святослав был женат на полоцкой княжне Марии Васильковне, которая, по всей вероятности, была сестрой Изяслава и других полоцких князей, называемых далее (см.: Рыбаков. С. 99). Смысл

включения данного эпизода в текст «Слова» таков: Изяслав Василькович погиб, в одиночестве сражаясь с внешними противниками Руси, в то время как остальные князья вели междоусобные войны. 277. *Ярославе и вси внуци Всеслави*. В первом издании: «Ярославе». Д. С. Лихачев предложил читать «Ярославли», имея в виду не одно конкретное лицо, а Ярославичей, целую княжескую ветвь — потомков Ярослава Мудрого, которые в течение длительного времени вели борьбу с полоцкими князьями, потомками Изяслава, названными по имени Всеслава, наиболее значительного князя из этой ветви, — Всеславовыми внуками (Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // «Слово о полку Игореве» / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 452). 278. *Вонзите свои мечи вережени*. Как следует переводить причастие «вережени», не совсем понятно. Возможны варианты: поврежденные, брошенные или опозоренные, покрытые позором. 278—279. *Уже бо выскочисте изъ дѣднеи славы*. Имеется в виду слава ранее названных княжеских ветвей — сыновей Ярослава Мудрого, сменявших друг друга на киевском «золотом столе», и самого Всеслава. 281. *Которою бо бѣше насиліе*. «Которою» — тв. п. причины существительного ед. ч. ж. р. «катора» (см. выше, 163). 282—283. *На седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Всеславъ жребіи о дѣвицю себѣ любу*. «На седьмомъ вѣцѣ Трояни» следует понимать: последние времена язычества, так как понятие «седьмой» в средневековье ассоциировалось с понятием «последний». Троян — см. выше, 34. Всеслав — см. выше, 268—270. Представление о нем как о князе-волшебнике, князе-волхве отразилось в сочинениях, написанных еще при жизни Всеслава. Так, в «Повести временных лет» (под 1044 г.) говорится: «его же роди мати отъ вѣлюванія». В 1063 и 1067 гг. он дважды захватывал и сжигал Новгород; в 1068 г., освобожденный восставшими киевлянами из «поруба», куда он был брошен по приказу Изяслава Ярославича, стал князем Киевским, однако через 7 месяцев бежал в Полоцк. Имеется ряд общих черт, роднящих князя-волшебника Всеслава Полоцкого с былинным богатырем-кудесником Волхом Всеславъевичем (см.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым: Изд. 2-е дополненное / Подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977. С. 433). «Дѣвицю себѣ любу» — под «девицей», вероятно, имеется в виду Киев, овладеть которым хотел Всеслав. 283. *Клюками подѣпърся, оконі*. «Клюками» — хитростями. Возможно, Всеслав мог подстрекать киевлян к бунту против Изяслава, и кони, которых потребовали у Изяслава киевляне, явились поводом к этому бунту. 284—285. *Дотчеся стружіемъ злата стола Киевьскаго*. Словосочетание «дотчеся стружіемъ» в тексте «Слова» употреблено не случайно: оно намекает на краткий срок пребывания Всеслава киевским князем. Стружие — см. примеч. к 74—75. 285—286. *Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пѣлночи изъ Бѣлаграда*. Изображение поспешного бегства Всеслава из Киева. По определению Б. А. Ларина, «лютый звѣрь» древнерусских памятников — это рысь (Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 46—50), однако такое значение определяется не во всех контекстах, где встречается сочетание «лютый звѣрь». Бѣлгород — пригород Киева, княжеская резиденция. 286. *Объсися синь мѣлѣ*. Предлагались разные переводы: покрыт синей мглой, сокрылся в синей мгле, окутался синим туманом, объятый синей мглой и др. Общий смысл: скрылся во мгле; лексическая многозначность древнерусского текста оставляет широкие возможности для передачи стилистики оригинала. 287. *Угѣрже вазни съ три кусы*. Это место очень долго оставалось без осмысленной интерпретации: в первом издании

«утръ же возни стрикусы». Лишь в 1958 г. Р. О. Якобсон предложил читать: «утръже вазни съ три кусы» (Якобсон. С. 104). Данное словоделение было принято всеми последующими комментаторами, которые, однако, разошлись во мнениях по поводу трактовки словосочетания «съ три кусы». Н. М. Дылевский и А. В. Соловьев переводили: урвал счастья с три клока. Д. С. Лихачев: с трех попыток отворил ворота Новгороду (с иной пунктуацией). По соображениям синтаксического и грамматического характера перевод Н. М. Дылевского и А. В. Соловьева предпочтительней (см.: Мещерский Н. А. К интерпретации чтения «с три кусы» в «Слове о полку Игореве»//Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 95—96). *Отвори врата Новуграду*. Дважды, в 1063 и 1067 гг., Всеслав брал Новгород (см. выше, 282—283). 288. *Разъшибе славу Ярославу*. Всеслав, разорив Новгород, на какое-то время нарушил в нем государственный порядок, дарованный новгородцам «грамотами» Ярослава Мудрого, княжившего в Новгороде до 1016 г. *Скочи вълкомъ до Немиги*. Речь идет о столкновении выступившего из Новгорода Всеслава с дружиной Изяслава Ярославича (и его братьев Святослава и Всеволода) на реке Немиге в 1068 г., где Всеслав был разбит и пленен. 289. *Съду токъ*. В источниках текста: «съ Дудутокъ», однако топоним Дудutki не имеет до сих пор прямого приурочения. Н. М. Карамзин полагал, что это монастырь «на Дудутках» под Новгородом, Н. П. Барсов — что это местность под Киевом (см.: Булаховский. С. 487). Однако оба эти указания не вполне достоверны. В связи с этим принимаем чтение Р. О. Якобсона «съду токъ» — подготовил ток (Якобсон. С. 106, 120). Написание «съ Дудутокъ» является диттографией — повторением слога «ду», правда, формула «дуть ток» в устной эпической традиции восточных славян, указанная Р. О. Якобсоном, пока не обнаружена. 289. *На Немизъ снопы стелють головами*. Метафора битва — жатва для древнерусских воинских повестей является обычной (Адрианова-Перетц. С. 162—163) и восходит к библейским книгам. В данном месте «Слова» битва дружин Всеслава и Изяслава Ярославича сравнивается с молотью. Яркая и выразительная, эта развернутая метафора не имеет аналогий в других памятниках. 293—294. *Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше*. По существовавшим представлениям, Всеслав, как князь-волшебник, мог распоряжаться судьбами подвластных ему людей и даже с помощью волковских чар делить города между князьями. Представление о волке как оборотне является очень древним и восходит к индоевропейской традиции (см.: Иванов Вяч. Вс. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка//Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34, № 5, с. 399—408). 294—296. *Изъ Киева дорыскаше до куръ Тьмутороканя, великому Хърсови вълкомъ путь прерыскаше*. Здесь подчеркивается быстрота передвижения оборотня Всеслава, за ночь пробежавшего от Киева до Тьмуторокани и от Полоцка до Киева. Хорс — божество славян, связанное с культом солнца (см.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология//Мифы народов мира. Т. 2. С. 452—453). Географическая и астрономическая точность описания пути Всеслава столь велика, что оно воспринимается как метафоризированное только современными читателями: Всеслав, двигаясь из Киева в Тьмуторокань (с севера на юго-восток), действительно, перебежал дорогу солнцу, двигающемуся с востока на запад. Сюжетное совпадение данного места повествования о Всеславе с южнославянскими сказаниями о Трояне отметил еще Ф. И. Буслаев (Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской

народной словесности и искусства. Т. I. Русская народная поэзия. Спб., 1861. С. 385 и сл.). Весьма интересно, что текст легенды о Всеславе имеет определенные языковые отличия от основного текста «Слова» — в нем широко представлен имперфект нового образования (типа «судяше, рядяше»). «До куръ» — до петухов, до петушиного пения, до рассвета, что подтверждается совпадением со сказаниями о Трояне. Толкования «до городских стен» (В. А. Захаров, Н. А. Баскаков, А. Н. Робинсон и др.), безусловно, неосновательны. См. об этом: Дылевский Н. М. Неоправданный возврат к прежнему — «Изъ Києва до-рискаше до куръ Тмуророканя» в «Слове о полку Игореве» // «Проблемы изучения культурного наследия». М., 1985. С. 99—106. 296. *Тому въ Полотьскъ позвоншиа заутреннюю рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Києвъ звонъ слыша.* Еще раз подчеркивается, что Всеслав-оборотень передвигался только в ночное время и с необыкновенной быстротой, достигая цели своего путешествия до петушиного пения и во время звона к заутрене. 298—299. *Аще и вѣща душа въ друзи тѣль, нѣ часто бѣды страдаше.* В. Ф. Миллер, А. А. Потебня, А. И. Смирнов, Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и последующие комментаторы приняли поправку «въ дрѣзь тѣль» — в храбром теле, дерзком, смелом. «Если, однако,— пишет Л. А. Булаховский,— принять недавно сделанную ссылку на выражение скальдов *eigi einhamr* — «у кого больше одной оболочки», т. е. тела, то данную конъектуру можно оспаривать» (Булаховский. С. 490). 300—301. *Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю горазду суда Божія не минути.* В первом издании: «птицю горазду»; принимается поправка Л. А. Булаховского: «пытцю» — колдуну; ср. древнерусское «пытливый» — обладающий чародейской силой (Булаховский. С. 490). На основании этой же конъектуры возможен перевод: искомую счастья, ср. совр.: пытаться счастья. Словосочетание «судъ Божіи» в данной фразе может иметь два толкования: час кончины и судьба, причем ни то ни другое не связано с христианскими догматами. Автор приписывает «припевку» своему предшественнику Бояну, однако, по всей видимости, это широко распространенный афоризм пословничного типа, параллели которому обнаруживаются в средневековых литературах различных народов. Ср.: «Но никто не избежит того, что ему назначено» («Сага о Греттире». Новосибирск, 1976. С. 113). 302—303. *О, стонати Русьскои земли, помянувѣше пѣрвую годину и пѣрвыхъ князеи.* Автор «Слова» напоминает о могуществе Киевской Руси в годы княжения Игоря, Святослава, «старого Владимира» — Владимира Святославича. 303—304. *Того стараго Владимира не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевськимъ.* По-видимому, подчеркивается широкий политический кругозор Владимира и масштабы его походов. 305. *Нынѣ стая сязѣи Рюрикови, а друзи Давидови.* Упоминание о том, что стяги «старого Владимира» ныне принадлежат Рюрику и Давыду Ростиславичам (о них см. выше, 230), не совсем понятно. Хотя номинально Святослав и Рюрик Ростиславич были соправителями, военная власть, очевидно, принадлежала Рюрику. Давыд Ростиславич, как известно, далеко не всегда выступал на стороне своего брата и во время похода 1184 г. повернул свои смоленские дружины назад. 306. *Розно ся имъ хоботы пашють, копія поють.* «Хоботы» — бунчуки, конские хвосты на древках, значки. В тексте памятника «хоботы» семантически явно противопоставлены «стягам» и другим воинским атрибутам. Метафорическая картина, представляющая несогласие двух князей: их стяги развеваются в разные стороны, звук ветра, дующего сквозь копья, воспринимается как различный. Это описание — еще один образец картины, метафорической по форме и одновременно

поразительно точной по содержанию. 307. *На Дунай Ярославныѣ гласъ слышитъ*. Этими словами начинается знаменитый «плач Ярославны», один из наиболее поэтических текстов древнерусской литературы. По своей жанровой природе плач Ярославны напоминает славянские причитания; некоторая аналогия ему — древнеанглийский «Плач жены» (см.: Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 60—61). Дунай — эпическое название реки, распространённое у славянских народов: как и многочисленные гидронимы Восточной Европы, название Дунай связано с иранским «река». Ярославна — жена князя Игоря, дочь Ярослава Осмомысла (см. выше, 236); в «Поколенной росписи» князей, упоминаемых в «Слове о полку Игореве», приложенной к первому изданию, названа Евфросиний. Это имя могло быть взято из «Родословника князей великих и удельных рода Рюрика» Екатерины II, напечатанного в 1793 г. В летописях его нет. Имя Евфросинии встречается в Любечском синодике, но исследователи высказывают серьёзные сомнения в том, что здесь Евфросинией названа жена Игоря Святославича (см.: Словарь-справочник. Вып. 6. С. 198—199). «Слышитъ» — иногда исправляют: «ся слышитъ», однако в древнерусском языке глагол «слышати» без возвратной частицы мог иметь значение «слышаться». Против исправления высказались С. П. Обнорский и Л. А. Булаховский (см.: Булаховский. С. 469—470). 307—308. *Зегзицею незнаемъ рано кычетъ*. Многие комментаторы полагали, что этим словом названа кукушка, имея в виду словарную параллель в «Молении Даниила Заточника» и «Задонщине». Однако, по данным Н. В. Шарлеманя, «зігізчійкоу» в украинских говорах называют чайку (Шарлемань. С. 115). Параллель в русских брянских говорах обнаружил В. А. Козырев (Козырев В. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л., 1976. С. 80—81). Отмечалось также, что сам контекст плача Ярославны вызывает представление именно о водяной птице, летящей над рекой, а не о лесной птице — кукушке (Мещерский Н. А. К вопросу о территориальном приурочении. С. 76). «Чайка небога» — символ тоскующей женщины в украинском фольклоре (Там же). «Незнаемъ» — обычно комментаторы исправляют эту форму на «незнаема» по смыслу, предполагая, что в этом предложении опущено подлежащее ж. р. Однако такое исправление недостаточно обоснованно, потому что синтаксически глагол «кычетъ» и причастие согласуются с подлежащим «гласъ». 309. *Омочю бобрятъ рукавъ въ Каляѣ рѣцѣ*. Долгое время исследователи считали, что речь идет о рукаве женской одежды, отороченном бобровым мехом, это понимание текста отражено в подавляющем большинстве поэтических переводов «Слова». Но, как показывают материалы «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повести об Акире Премудром» и древнерусского перевода библейской книги «Есфирь», слово «бобръ» обозначало тонкую полотняную или шелковую ткань (см.: Мещерский Н. А. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // «Уч. зап. Ленинградского гос. университета». 1956. № 198, вып. 24. С. 5—6). Значительно позже опубликования данной статьи, в 1978 г. был обнаружен экземпляр первого издания «Слова», где словосочетание «бобрятъ рукавъ» было отмечено маргиналией «шелковый», сделанной почерком первой пол. XIX в. (см.: Гребенюк В. П., Гончарова Т. Б. Неизвестный экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 180—181). Ныне данное понимание разделяется подавляющим большинством комментаторов. 311. *Ярославна рано плачетъ въ Путивль*

на забралъ, а ркучи. Этот рефрен далее повторяется еще дважды, причем при втором его воспроизведении избирается вариант с полногласными сочетаниями, в чем сказалось незаурядное стилистическое мастерство автора (подробнее см.: Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981. С. 78—79). «Въ Путивльъ» — в отношении местопребывания Ярославны «Слово» расходится с другими историческими источниками. Согласно В. Н. Татищеву, который опирался на не дошедшие до нас летописные свидетельства, Ярославна находилась в Новгороде-Северском, откуда и выехала для встречи бежавшего из плена Игоря (см.: Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. М.; Л., 1964. Т. 4. С. 305—306). По-видимому, автор «Слова» не знал точно, где находилась Ярославна. Достоверность сообщений В. Н. Татищева в тех случаях, когда они содержат не известные по другим источникам факты, в частности той дополнительной информации, которая имеется в его изложении событий 1185 г., неоднократно подчеркивалась в работах крупнейших советских историков (см.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 60—61; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. Гл. 2). 313—314. *Чему мычещи хыновьскыя стрѣлки на своєю нетрудную крыльцо на моя лады вои.* Здесь название «хыновьскыя» употребляется в более широком смысле, обозначая всю совокупность кочевых тюркоязычных племен и их соседей. Возможно, в этом эпитете сохранились воспоминания о гуннах (см. 196—197). Образ легких крыльев ветра имеет параллель в одном из «Слов» Кирилла Туровского, где ангелы «облаки крылы вѣтреними приносить». Слово «лада» в значении: любимый, любимая, супруг, супруга — представлено в восточнославянском фольклоре, преимущественно в песнях и причитаниях, но в древнерусских памятниках не встречается. 314—315. *Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти.* Предлагалось исправление: «горъ» — наверху, однако оно не обязательно. В восточнославянском фольклоре «гора» ассоциируется с чем-либо зловещим, предвещающим недоброе. Море, упоминаемое далее, — также чуждая славянам стихия. 319. *О Днѣпре Словутицю.* Этот редкий эпитет Днепра встречается еще раз в «Повести о Сухане», где герой приезжает «ко быст(р)у (Д)непру Слаутицю» (Малышев В. И. Повесть о Сухане. М.; Л., 1956. С. 141). «Днепр Словута» встречается также в украинских думах. Эпитет фиксирует смысловую контаминацию слов «слава», «слыть» и названия реки Славуты — притока Припяти, впадающей в Днепр. 320. *Носады* — боевые лады (об этом термине см.: Богородский Б. Л. Об одном термине из «Слова о полку Игореве» (насадъ-носадъ)//Уч. зап. Ленинградского гос. пединститута им. А. И. Герцена»: Кафедра русского языка. 1955. Т. 104. С. 228—254). 323—324. *Свѣтлое и тресвѣтлое сѣлнце.* В «Шестодневе» Иоанна, экзарха Болгарского, имеется образ солнца «трѣми свѣты сияюще» (см.: Адрианова-Перетц В. П. Об эпитете «тресветлыи» в «Слове о полку Игореве»//«Русская литература». 1964, № 1. С. 87; Адрианова-Перетц С. 174). В среднеболгарском памятнике XV в. «Служба святым отца пророку» несколько раз встречается словосочетание «трисвѣтлое солнце» — также в применении к божеству (см.: Лихачев Д. С. «Тресвѣтлое солнце» плача Ярославны//ГОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 409). 325. *Въ полѣ безводнѣ.* Как сказано в Лаврентьевской летописи (под 1185 г.), воины Игоря «изнемогли бо ся бяху безводьемъ». 326. *Луци съпряже... тулы затъче.* См. выше, 49. Явные или скрытые отсылки к сказанному ранее, создающие параллелизмы или антитезы, — характерная черта поэтической манеры автора «Слова». 327. *Присну*

море полунощи. Слово «полунощи» можно понимать двояко: астрономически — в полночь и географически — к северу, на севере. Первое понимание предпочтительней: неясно, какое море могло располагаться к северу от места пребывания Игоря в плену. 329—330. *Погасоша вечеру зори*. Возможно, что речь идет не о вечерней заре, а о звездах, зашедших за горизонт; звезда в совр. укр.: зiра, зiрка, зiрниця (Гринченко Б. Словарь української мови. Київ, 1908. Т. 2. С. 154). 332—333. *Комоньнъ въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти*. В первом издании: «комонь въ полуночи Овлуръ свисну...», что при переводе «коня в полуночи Овлур свистнул за рекою» не дает связи с последующими словами «велить князю разумѣти». Принимается поправка Л. А. Булаховского «комоньнъ» — конный (Булаховский. С. 487—488). Искажение текста объясняется гаплогогической ошибкой — утратой одного из двух рядом стоящих знаков. Данный перевод полностью проясняет смысл: Овлур уже с конями подает сигнал Игорю. Овлур — имя половецкого воина, бежавшего на Русь вместе с Игорем. Как сообщает Ипатьевская летопись, он был «родомъ половчинъ». Происхождение этого имени остается загадкой. Существует несколько этимологий, объясняющих имя как тюркское, возможно, что перед нами половецкая адаптация христианского имени Лавр. Предполагалось также вейнахское (чеченское) происхождение имени (см.: Менгес. С. 92—94). Если верить сообщениям В. Н. Татищева, Овлур занимал довольно высокое положение в половецком войске и сочувствие его Игорю было вызвано обидой на своих соплеменников. В. Н. Татищев пишет, что мать Овлура была русская, уроженка Новгород-Северского княжества, но сам Овлур был крещен лишь после бегства Игоря из плена (Татищев В. Н. История Российская: В 7-ми тт. М.; Л., 1964. Т. 3. С. 138—145). 333. *Князю Игорю не быть*. Смысл этой реплики ясен, однако текст, видимо, испорчен (Обнорский. С. 59). 334—335. *Вежи ся половецкыи подвизашя*. В первом издании: «подвизашя ся» — описка: дважды повторена частица «ся», которая по нормам древнерусского языка могла стоять как перед глаголом, так и после него. 336. *Гоголь* — водоплавающая птица. 337. *Скочи съ него босымъ вълкомъ*. По поводу словосочетания «босый волк» существует обширная литература. В брянских говорах словосочетание «бегать как босый волк» означает: быстро бегать (Козырев В. А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров//«Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л., 1976. С. 95). 341—342. *Претѣргоста бо своя бѣрзая комоня*. И сказуемое, и дополнение стоят в формах двойств. ч., согласуясь с подразумеваемым подлежащим. Употребление форм двойств. ч. здесь соответствует смыслу излагаемого, не исключено, что Игорь и Овлур, отправляясь в далекий путь, не имели запасных коней. Ипатьевская летопись описывает побег Игоря из плена следующим образом: «Сий же пришедь ко рѣцѣ, и перебрѣдь, и всѣде на конь, и тако поидоста сквозъ вежа... И иде пѣшь 11 день до города Донця, и отголъ иде во свои Новъгородъ и обрадовашася ему» (Ипат. лет. Стб. 651). 342—344. *Донецъ рече: «Княже Игорю, не мало ти величїя, а Кончяку нелюбїя, а Русьскои земли веселїя*. Обращения человека к явлениям и стихиям природы встречаются в фольклоре, откуда они, видимо, попали в плач Ярославны, но диалог человека и реки имеет косвенные аналогии лишь в сказках. «Не мало ти величїя» — формула взаимной похвалы Донца и Игоря, возможно традиционная для заклинаний-благопожеланий. 345. *Лелѣвъ-шо князя на вълнахъ*. Может быть, какую-то часть пути Игорь и

Овлур преодолели по реке — в лодке или верхом по речному мелководью, чтобы не оставлять следов на берегах. 348—349. *Чаицями на струяхъ, чьрндьми на вѣтрѣхъ.* «Чаица» — один из видов чаек. «Чернеть» — название нырковых уток (Шарлемань. С. 113). 349—350. *Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръвши чюжи ручьи и стругы, рострена къ усту.* Стугна — правый приток Днепра ниже Киева. В первом издании: «ростре на кусту». Принимается поправка М. А. Максимова, поддержанная Н. С. Тихонравовым, А. А. Потемной и другими комментаторами. Слово «струга» — струя — обычно для южнославянских памятников XVI—XVII вв. (Котков С. И. Из старых южно-русских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве»//ГОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 68—69). 351. *Уношю князя Ростислава затвори днѣ.* В первом издании: «князю Ростиславу» — очевидная описка под влиянием формы «уношю». В «Повести временных лет» (под 1093 г.) рассказывается о том, что Владимир Мономах и Ростислав, потерпев поражение от половцев, «прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ и вбредѣ Володимерь с Ростиславомъ, и нача утопати Ростиславъ пред очима Володимерима. И хотѣ похватити брата своего, и мало не утопѣ самъ. И утопѣ Ростиславъ, сынъ Всеволожъ». Далее сказано: «И плакася о немъ мати его и вси люди печалиша си по немъ уности его ради». Как видно из текста, эти выражения воспроизведены автором «Слова» почти буквально. *Днѣ при темнѣ березѣ.* В первом издании: «Днепръ темнѣ березѣ» — без грамматического согласования (Днепръ — притяжательное прилагательное, но не существительное). Поправка «днѣ» (на дне) известна уже давно (П. П. Вяземский, М. В. Щепкина и др.). «Темнѣ березѣ» — прилагательное «темный» имеет здесь не столько цветовую, сколько эмоциональную окраску. 353. *Унышиа цвѣты жялобою, и древо ся туюю къ земли приклонило.* Повторение уже встречавшейся однажды формулы с вариативным лексическим наполнением. Обоснование поправки: «древу ся туюю» — вместо предлога «съ», вероятно, имелась возвратная частица в положении перед глаголом, «туюю» — тв. п. в значении причины. 356—357. *Полозіе ползошиа только.* Источники текста воспроизводят это место по-разному: первое издание «полозію ползошиа» в переводе: двигались... по сучьям. Екатерининская копия: «по лозию ползаша». Принимаем поправку Вс. Ф. Миллера и Е. В. Барсова, обоснованную натуралистом Н. В. Шарлеманем: «полозіе — полозы, крупные неядовитые степные змеи» (Шарлемань. С. 121—122). 358—365. *Мѣлвить Гза къ Конякови: «Аже соколъ къ гнѣзду летить»* и т. д. Стилистически разговор половецких ханов близок двум отрывкам «Слова» — «речи бояр» и предсмертной фразе Изяслава Васильковича; для этого фрагмента «Слова» характерно обилие поэтических синонимов, неоднократно встречавшихся в тексте ранее. «Злачеными стрѣлами» — об эпитете «золотой, золоченый» применительно к княжеским атрибутам см. выше, 51. В соответствии с литературным этикетом времени создания «Слова» у русского князя «златѣ стремень», «златыи шеломъ», у половецких ханов — «злаченые стрѣлы». Глагол «опутати» является, с одной стороны, термином соколиной охоты, с другой стороны, устойчивым элементом фразеологии свадебного фольклора. В данном контексте словесные ассоциации объединяют оба значения. Владимир Игоревич (сын Игоря) во время пребывания в плену женился на дочери Кончака. По всей вероятности, договоренность об этом браке существовала задолго до похода и плена Игоря — ранее Игорь и Кончак неоднократно выступали как союзники. На Русь Владимир Игоревич вернулся в 1187 г. По сообщению Ипатьевской летописи: «приде Володимеръ ис половѣць с Конячаквою, и створи свадбу»

Игорь сынови своему и вѣнча его и съ дѣтятемъ» (Ипат. лет. Стб. 659). Время возвращения Владимира Игоревича из плена иногда принимается за аргумент для датировки «Слова» временем после лета 1187 г., с чем трудно согласиться. 366. *Рекъ Боянъ и Ходына*. В первом издании: «и ходы на». Принимается исправление И. Е. Забелина: «Ходына» (Забелин И. Заметка об одном темном месте в «Слове о полку Игореве»// «Археологические известия и заметки». М., 1894, № 9. С. 297—301), поддержанное и другими комментаторами (В. Н. Перетц, Д. С. Лихачев и др.). Такое чтение подтверждается употреблением далее форм двойств. ч.— «пѣснотворця». В древнегерманской поэтической традиции сохранились отголоски исполнения поэтических произведений двумя певцами (см.: Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. М., 1979, С. 67—68; Шарыпкин Д. М. «Рекъ Боянъ и Ходына»//Скандинавский сборник. 18. Таллин, 1973. С. 195—201). В одном из древнеанглийских поэтических памятников говорится:

Мы со Скиллингом възгласили
Голосами чистыми
Зычно пред хозяином
Песносказанье наше.

(«Видсид»//Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 20). Правда, комментаторы этого отрывка (Там же. С. 259) расходятся во мнениях относительно того, кому принадлежит имя Скиллинг — сотоварищу певца по поэтическому искусству или музыкальному инструменту певца. 367. *Ольгова коганя хоти*. Как думают исследователи, Боян и предполагаемый Ходына были любимцами («хоти») Олега Святославича. Олег Святославич (см. 76) был Тмутороканским князем, поэтому наименование его каганом вполне закономерно. В древнерусских литературных памятниках и надписях каганами назывались Владимир и Ярослав Мудрый. По мнению С. А. Высоцкого, этот титул носил также Святослав Ярославич и, возможно, другие великие князья второй половины XI в. (Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 49—52). 370—371. *Дѣвици поють на Дунаи, вьютъся голоси чрезъ море до Києва*. Не вполне ясно, идет ли речь о реальном Дунае или о Дунае как эпической реке. Возможно, таким образом выражается радость жителей дунайских берегов по поводу того, что с возвращением Игоря на Русь миновала угроза вторжения половцев на запад (см. выше: «и великое буиство подаста хинови», 196—197). 372. *Игорь ѣдетъ по Боричеву*. Боричев взвоз (подъем) — кратчайший путь между Верхним городом и Подолом в Киеве (современный Андреевский спуск). 372—373. *Къ святѣи Богородици Пирогощи*. Речь идет о церкви в Киеве на Подоле, построенной в 1132 г. при Мстиславе. Церковь названа так по находившейся в ней иконе Богородицы Пирогощей, привезенной в Киев из Византии. Этимология названия «Пирогощая» до сих пор вызывает споры. Д. С. Лихачев, ссылаясь на В. З. Завитневича, Н. П. Кондакова, считает, что «Пирогощая» означает «башенная», и объясняет происхождение этого названия тем, что в Константинополе эта икона находилась во Влахернской церкви, похожей на башню (Лихачев. С. 222—224, 227—228). Более вероятна этимология А. И. Соболевского, который считал, что «Пирогощая» — притяжательное прилагательное от имени Пирогость; возможно, это имя купца или боярина, привезшего икону из Константинополя в Киев (Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Спб.,

1910. С. 236). Следует иметь в виду, что «Пирогощая» — не официальное наименование иконы и церкви, а народное. О связях Влахернского храма в Константинополе с Древней Русью и с Киевом в частности см.: Александров А. Об установлении праздника Покрова Пресвятой Богородицы в русской церкви//«Журнал Московской патриархии». 1983, № 10. С. 77). Б. А. Рыбаков показал, что если Игорь едет по Боричеву к Пирогощей, то он не въезжает в Киев, как думали ранее, а едет из Верхнего города, где располагалась княжеская резиденция, на Подол, т. е. направляется в сторону Чернигова после встречи с великими князьями Святославом и Рюриком (Рыбаков. С. 276). Возможно, Игорю были устроены торжественные проводы. *Страны рады, гради весели*. Ипатьевская летопись отмечает радость, с которой во всех городах встречали вернувшегося из плена Игоря: «...иде же во свои Новгородъ, и обрадовашася ему. Из Новгорода иде ко брату Ярославу к Чернигову... Ярослав же обрадовася ему... и радъ бысть ему Святославъ, такъ же и Рюрикъ свать его» (Ипат. лет. Стб. 651). 375—376. *Слава Игорю Святъславличю, буи туру Всеволоду, Владимиру Игоревичю*. Два отчества «Святъславличю» и «Игоревичю», имя «Всеволоду» в этой фразе не согласованы грамматически с именем и прозвищем «буи туру» и имеют варианты по источникам (Святъславлича, Всеволодъ — в первом издании; Святъславличь, Всеволоде, Игоревичь — в Екатерининской копии). Весьма вероятно, что во всех трех случаях мы встречаем внесенные в текст читательские пометы — глоссы, поясняющие, о ком именно идет речь в заключительной части текста. Выше подобные случаи можно предполагать в уникальных прозвищах князей Гориславличь и Осмомысль. 377—378. *Княземъ слава, а дружинъ. Аминь*. В первом издании и Екатерининской копии между словами «дружинъ» и «аминь» нет точки, хотя в первом издании слово «аминь» набрано с прописной буквы, а в переводе читается: «Слава князьям и дружине!» Чтение первого издания (отсутствие знаков препинания) повлияло на перевод В. А. Жуковского: «Слава князьям, а дружине аминь!» — и И. А. Новикова: «...а дружине, полегшей в бою,— вечная память!». Подобное прочтение древнерусского текста совершенно невозможно — слово «аминь» древнееврейского происхождения, обозначающее: истинно, верно. Так обычно заканчивались во всех христианских странах богослужебные и учительные тексты, оно также стало устойчивой концовкой для литературных произведений.

Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Перевод реконструированного текста (с. 36).

Принимая во внимание то, что значения многих слов в древнерусском языке не полностью совпадают со значениями тех же слов в современном русском языке, переводчик стремился избегать буквальной передачи древнерусского текста, хотя бы последний и был легко понятен современному читателю. Экзотическая лексика, не встречающаяся в других древнерусских памятниках и, по-видимому, имевшая яркую стилистическую окраску, слова типа «харалужный», «шерешеры», «зегзица» и т. п., оставлена без эквивалентных замен. Лексика, отражающая древнерусские реалии («ногата», «резана», «сулицы» и т. д.), также сохраняется в переводе. Грамматические формы двойственного числа, последовательно выраженные в древнерусском тексте, передаются описательно. Синтаксический строй «Слова о полку Игореве»

несколько модернизируется в тех случаях, когда его воспроизведение приводит к нарушению лексической сочетаемости, свойственной современному русскому языку, а также в случаях возможного нарушения согласования и возникновения двусмысленности. Поэтическая фразеология, характерная для произведений древнерусской литературы и русского фольклора, во многом перешедшая в позднейшую поэтическую традицию и насыщенная разнообразными ассоциативными связями, сохраняется в переводе.

Н. А. Мещерский, А. А. Бурькин

II

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В. Жуковский (с. 73). «Слово о полку Игореве»: Перевод Александра Сергеевича Пушкина/С предисловием Е. В. Барсова// «Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1882, кн. 2, публикация по писарской копии перевода Жуковского, которая находилась в бумагах А. С. Пушкина. На этом основании Е. В. Барсов приписал перевод Пушкину. В списке имеются поправки и заметки, сделанные рукой Жуковского и Пушкина, поэтому список принято называть пушкинским (воспроизведение этого списка со всеми пометами и поправками: «Рукою Пушкина». М.; Л., 1935).--«Отчет Публичной библиотеки за 1884 г.». Спб., 1887/Приложения. Бумаги В. А. Жуковского. Разобраны и описаны Иваном Бычковым, публикация по автографу В. А. Жуковского.--Печ. по пушкинскому списку, с восстановлением случайного пропуска трех строк перевода («На что же наносишь ты стрелы ханские Своими легковейными крыльями На воинов лады моей?») по автографу Жуковского. Текст автографа по времени явно предшествовал пушкинскому списку, который, несмотря на пропуск, более отделан в литературном отношении. Полностью разночтение обоих источников приведено в книге: «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1950. (Серия «Лит. памятники»).

Пушкинский список — ПД. Ф. 244. Оп. 1, № 1123. Автограф Жуковского — ГПБ. Ф. Жуковского. Оп. 1, № 27.

М. Деларю (с. 88). Песнь об ополчении Игоря, сына Святослава, внука Олегова/Переложение М. Деларю. Одесса, 1839. Деларю Михаил Данилович (1811—1868) — поэт, воспитанник Царско-сельского лицея, участник изданий А. А. Дельвига, был знаком с Пушкиным.

А. Майков (с. 98). Отрывок: «Модный магазин», 1868, № 8. Полностью: «Заря». 1870, № 1.-- Майков А. Н. Полн. собр. соч.: 6-е изд., исправл. и дополи. автором. Спб., 1893. Т. 2. В публикациях «Зари» и собр. соч. Майкова перевод сопровождался вступит. статьей поэта и обширными комментариями. В одном из вариантов предисловия к переводу Майков писал, что автор «Слова» «чрезвычайно близок к нынешней нашей литературе. Его поэма точно зародыш, таящий в себе все лучшие качества последней. В этих образах князей Осмомысла Галицкого, от престола которого грозы текут по землям, Всеволода Суздальского, что «мог бы Волгу веслами раскропiti, а Дон

шеломы вылити», Романа, что в замыслах возносится широко, что сокол ширяясь на ветрах, высматривая добычу,— слышится что-то родственное державинским изображениям екатерининских орлов. В описании битв тоже. Во всем же здоровом тоне поэмы, в этом ковном языке, на который древность наложила какую-то свою особую, вековую печать, в этой поэзии действительности — как бы чувствуется пушкинская стройность, определенность, сдержанность и меткость выражений. Далее эти описания природы, эта жизнь степи в ее мрачном виде, вся эта прелестная идиллия бегства Игоря, эти «дятлы тёмком пути к реке казуют», вся речь Игоря к Донцу — как он лелеял князя на серебряных берегах своих — во всем этом таится как бы зародыш лучших страниц Тургенева... [а этот сарказм, полный любви, не ожил ли в Гоголе?] Чувствуется, несмотря на перерыв многих веков, один и тот же гений в творчестве лучших людей тогда и ныне...» (Майков А. Н. Избр. произв. Л., 1977. С. 840. Б-ка поэта, БС).

К. Бальмонт (с. 115). «Россия и славянство» (Париж). 1930, 14 июня. В публикации переводу предпослано посвящение: «Мой трудный и легкий, смиренный и дерзостный, давно задуманный, сладостный мой труд — стихом наших дней пропетое «Слово о полку Игореве» — с признательностью за тонкое соучастие — посвящаю профессору Николаю Карловичу Кульману. К. Бальмонт». — Печ. с исправлением ошибки, допущенной в предпоследней строфе перевода:

Говорит Кончак ко Гзаку: «Если сокол улетает,
Мы застрелим соколенка золочеными стрелами».
Говорит Кончак ко Гзаку: «Если сокол улетает»...

В первой строке, согласно древнерусскому оригиналу, должно быть: «Говорит Кончаку Гзак...»

С. Шервинский (с. 126). «Слово о полку Игореве»/Ред. древнерусского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги. Переводы С. Шервинского и Г. Шторма. Статьи и комментарий В. Ржиги и С. Шамбинаго. Ред. и вступит. статья В. Невского. М.; Л., 1934.-- «Слово»-БП.

В. Стеллецкий (с. 150). Героическая поэзия Древней Руси. Л., 1944. Для настоящего издания текст заново отредактирован переводчиком.

Н. Заболоцкий (с. 166). «Октябрь», 1946, № 10/11.-- «Слово»-БП.

А. Степанов (с. 187). Отрывки: «Слово»-61. Полностью: «Слово»-БП. Для настоящего издания текст заново отредактирован переводчиком.

С. Ботвинник (с. 209). Отрывки: «Ленинградский альманах». 1957, № 6. Полностью: «Слово»-61. Для настоящего издания текст заново отредактирован переводчиком.

А. Чернов (с. 229). «Лит. учеба». 1979, № 3. Для настоящего издания текст заново отредактирован переводчиком.

И. Шкляревский (с. 254). «Октябрь». 1980, № 9. Для настоящего издания текст заново отредактирован переводчиком.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

М. Максимович (с. 271). Песнь о полку Игореве, переведенная на украинское наречие Михайлом Максимовичем. Киев. 1857.--«Слово» в украинских переводах.

Т. Шевченко (с. 296). Кобзарь Тараса Шевченка/Коштом Д. Е. Кожанчикова. Спб., 1867.--«Слово» в украинских переводах.

М. Рыльский (с. 297). Слово про Ігорів похід/Переклад М. Рильського/Текст «Слово о пльку Игоревъ» за виданням 1800 року. Вст. ст. та пояснення проф. М. К. Грунського. Київ, 1939.--«Слово» в украинских переводах.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Я. Купала (с. 316). «Вольны сяг» (Мінск), № 5(7) и 6(8).--«Слово о пльку Игоревъ». Київ, 1985.

**ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ
ПЛАЧА ЯРОСЛАВНЫ**

Ф. Глинка (с. 341). Федор Глинка. Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования «Зинобей Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия». Спб., 1816.

И. Козлов (с. 342). «Дамский журнал». 1825, № 23.

П. Шкляревский (с. 344). Шкляревский П. Стихотворения. Спб., 1831. Шкляревский Павел Петрович (1806—1830) — поэт и переводчик, единственный сборник стихов которого вышел посмертно.

Л. Мей (с. 346). «Москвитянин». 1850, № 22, кн. 2.--Мей Л. А. Соч. Спб., 1862. Т. 2. Отрывок из полного перевода.

Н. Гербель (с. 348). Игорь князь северский. Слово о пльку Игореве/Поэма в двенадцати песнях. Перевел с древнерусского Николай Гербель. Спб., 1854.--Игорь князь северский...: 6-е изд. Спб., 1881. Отрывок из полного перевода.

Е. Барсов (с. 349). Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 2.--Барсов Е. В. Слово о полку Игореве, как историческая повесть и героическая песня. М., 1904. Перед текстом плача Барсов дает краткую его характеристику: «Плач Ярославны... есть одна из превосходнейших картин, начертанных автором «Слова». Это не столько обыкновенный плач, сколько ее пламенная молитва, обращенная к Ветру, Днепру и Солнцу о спасении Игоря». К фразе «Копья поят на Дунае» дано объяснение: «т. е. там на Дону идет кровавый бой». Две последние строки сопровождаются объяснением: «т. е. от насилия не могут стрелять, от натуги стрел вынимать».

А. Прокофьев (с. 350). «Лит. современник». 1938, № 5.

С. Городецкий (с. 352). «Лит. газета», 1938, 24 мая.

М. Тарловский (с. 354). Слово о полку Игореве/Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов 19-го и 20-го вв. М., 1938.--«Слово»-БП. Отрывок из полного перевода.

И. Новиков (с. 355). «Красная новь». 1938, № 3.--«Слово»-БП. Отрывок из полного перевода.

В. Саянов (с. 357). Саянов В. Слово о Мамаевом побоище. Л., 1939.

Д. Семеновский (с. 358). Семеновский Д. Н. Слово о полку Игореве. Иваново. 1939. Отрывок из полного перевода.

А. Скрипов (с. 359). «Лит Ростов». 1939, кн. 2.--Скрипов А. За землю Русскую. Древнерусские воинские повести: Стихотворные переложения. Ростов-на-Дону. 1982. Отрывок из полного перевода.

А. Югов (с. 361). Слово о полку Игореве/Перевод и комментарии Алексея Югова. Вступит. статьи акад. Б. Д. Грекова и акад. А. С. Орлова. [М.,] 1945.-- Слово о полку Игореве/Перевод, комментарии и статьи А. Югова. М., 1970. Отрывок из полного перевода.

Н. Старшинов (с. 362). Старшинов Н. Избранное: Стихотворения и поэмы. М., 1980.

Е. Кунина (с. 364). «Слово»-61.

Н. Рыленков (с. 364). «Лит. Россия». 1963, 13 декабря. Отрывок из полного перевода.

А. Домнин (с. 366). Домнин А. Заклинание огня: Стихи. Пермь, 1971.--Домнин А. Тропы предков: Сказания, поэмы, легенды. Пермь, 1978. Отрывок из полного перевода.

Ю. Бариев (с. 367). «Заполяная правда». 1984, 27 апреля. Отрывок из полного перевода.

П Л А Ч Я Р О С Л А В Н Ы Н А У К Р А И Н С К О М Я З Ы К Е

Т. Шевченко (с. 368). Кобзарь Тараса Шевченко/Коштом Д. Е. Кожанчикова. Спб., 1867.--«Слово» в украинских переводах. В сентябре 1860 г. Шевченко начал работать над вторым вариантом перевода «Плача Ярославны», который не был закончен:

В Путивлі граді вранці-рано
Сумує, плаче Ярославна.
«Полечу,— рече,— зозулею,
Понад Дунаєм полечу!
Рукав бебряний омочу
В ріці Каялі... і омю
На княжому дебелим тілі

Засохлу кров його... Отру
Глибокі на любім ладо рани».

І плаче, плаче Ярославна
В Путивлі городі.

Й рече:

«Вітрило-вітре, господине!
Нащо ти виєши, несеш
На легкому крилі своєму
Хиновські стріли?»

СТИХОТВОРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА ТЕМЫ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

К. Рылеев (с. 370). «Соревнователь», 1822, № 3, с. подзаг. «Дума». — Рылеев К. Думы. М., 1825. Ст-ние предварялось предисловием, более сжатый текст которого помещен в «Думах»: «Сочинитель известного «Слова о полку Игоре» называет Бояна «Соловьем старого времени». Неизвестно, когда жил сей славянский бард. Н. М. Карамзин, в «Пантеоне росс. авторов», говорит о нем так: «Может быть, жил Боян во времена героя Олега; может быть, пел он славный поход сего аргонавта к Царюграду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстью своих погиб среди бесчисленных печенегов, или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне». Не менее правдоподобно, что Боян был певцом подвигов Великого Владимира и знаменитых его сподвижников: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательном дворе Северного Карломана находились и песнопевцы: их привлекали великолепные пиршества, богатырские потехи и приветливость доброго князя, а славные победы над греками, ляхами, печенегами, ятвягами и болгарами могли воспламенить дух пиитизма в сих диких сынах Севера. И грубые норманны услаждали слух свой песнями скальдов».

А. Островский (с. 371). «Вестник Европы». 1873, № 9.

И. Бунин (с. 373). «Ковыль» — «Труд. Вестник литературы и науки». 1895, № 5, под загл. «В южных степях», др. ред. — Бунин И. А. Собр. соч.: В 9-ти томах. М., 1965. Т. 1. «Князь Всеслав» — «Летопись» (Пг.), 1916, № 3. — Бунин И. А. Собр. соч. Т. 1.

К. Случевский (с. 375). «Книжки недели». 1898, № 1. — Случевский К. Песни из уголка. Спб., 1902.

В. Соловьев (с. 375). «Книжки недели». 1898, № 11. *Пергам* — Троянская крепость; в данном случае имеется в виду Троя, об осаде которой повествует «Илиада» Гомера. *Андромаха* (греч. миф.) — супруга Гектора, главного троянского героя в «Илиаде», идеал преданной и любящей жены.

М. Волошин (с. 376). Волошин М. Стихотворения. М., 1910. — Волошин М. Иверни: Избранные стихотворения. М., 1918. *Былье* — сорная трава. *Тугнет* — гремит, шумит. *Ардавда* — древнее (таврское

или аланское) название Феодосии. *Птиц стоном убуди и вста звериный вой* — неточная цитата из древнерусского текста «Слова» (строки 53—54).

В. Брюсов (с. 377). Брюсов В. Семь цветов радуги: Стихи. М., 1916. «Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна — ты». Имеются в виду героини «Войны и мира» Толстого (Наташа Ростова), «Дворянского гнезда» Тургенева (Лиза Калитина), «Евгения Онегина» Пушкина (Татьяна).

М. Цветаева (с. 377). Цветаева М. Ремесло. Берлин, 1923, без загл.-- Цветаева М. Избр. произв. М.; Л., 1965.

В. Саянов (с. 378). «Звезда». 1938. № 5.--Саянов В. Слово о Мамаевом побоище. Л., 1939.

А. Прокофьев (с. 379). «Пятая песнь» — Прокофьев А. А. Знамя. Л., 1940.--Прокофьев А. Собр. стихотворений: В 2-х томах. М.; Л., 1961. Т. 1. «Ярославна» — «Резец». 1939. № 17-18.--Прокофьев А. Стихотворения. М.; Л., 1947.

В. Звягинцева (с. 381). «Новый мир». 1939. № 3.--«Слово»-БП. В журнальной публикации иначе читается первая строка: «В темной оправе серьга голубая».

О. Берггольц (с. 382). Берггольц О. Ленинградская тетрадь: Стихи. М., 1942.--Берггольц О. Ленинградская поэма. Л., 1942.--Берггольц О. Избр. произв. Л., 1983 (Б-ка поэта, БС).

Л. Татьяничева (с. 384). «Огонек». 1943. № 46-47.

Н. Браун (с. 385). «Ленинград». 1945. № 1-2.

П. Антокольский (с. 386). «Ярославна» — «Ленинградская правда». 1945, 21 ноября, отрывок.--Антокольский П. Избранное: В 2-х т. М., 1966. Т. 2. *Антигона* (греч. миф.) — дочь царя Фив Эдипа. Сопровождала изгнанного из Фив слепого отца в его скитаниях. Нарушив запрет царя Креонта, предала погребению тело своего брата Полиника. За это была заключена в каменный склеп, где покончила с собой. *Софокл* (ок. 496—406 до н. э.) — древнегреческий драматург, автор трагедий, в том числе «Эдип-царь» и «Антигона». *Перекоп* — имеется в виду Перекопско-Чонгарская операция, осуществленная Красной Армией в ноябре 1920 г. под руководством М. В. Фрунзе, вследствие которой были разгромлены в Крыму белогвардейские войска генерала Врангеля. *Троянов вал* — см. коммент. к древнерусскому тексту, 10.

«Дева Обида» — «Звезда», 1945, № 1, без эпитафии.--Антокольский П. Избр. произв.: В 2-х т. М., 1961. Т. 1. Эпитафия — цитата из древнерусского текста «Слова» (строки 140—143). Написано за девять дней до падения Берлина.

В. Зотов (с. 397). Зотов В. Н. Переключка: Стихотворения. Л., 1972.

В. Соснора (с. 398). Соснора В. Январский ливень. М.; Л., 1962.--Соснора В. Всадники. Л., 1969, более полный текст.--Печ. с некоторыми

исправлениями автора. *Сюурлий* — река, упоминаемая в летописной повести о походе Игоря; предполагается, что Сюурлий — старинное название реки Голая Долина в районе г. Славянска Донецкой обл.

Н. Рыленков (с. 406). Рыленков Н. Рябиновый свет. М., 1962. *Евфросиния* — предполагаемое имя Ярославны, см. коммент. к древнерусскому тексту, 307.

С. Кузнецова (с. 407). Кузнецова С. Проталины: Лирика. М., 1962.

Ю. Друнина (с. 407). Друнина Ю. Избр. произв.: В 2-х т. М., 1981. Т. 2.

Э. Дубровина (с. 408). «День поэзии». Л., 1977. *За Кременецким сказочным бугром*. Подразумевается живописный уступ Вольно-Подольской возвышенности, обрывающийся к Полесской низменности вблизи г. Кременца УССР. *Изюмский шлях* — один из важнейших путей на юге Русского государства XVI—XVII вв., тянувшийся вдоль правого берега реки Оскол до междуречья Дона и Оки. Кочевые народы и крымские татары использовали Изюмский шлях для набегов на русские земли.

А. Землянский (с. 409). Землянский А. Бронзовые ветры. М., 1978.

М. Дудин (с. 411). «Ленинградская правда». 1983, 18 декабря.

Л. Щипахина (с. 411). «Лит. газета», 1985, 8 марта, в цикле «Женщина и мир».

III

ПРИЛОЖЕНИЯ

Летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году (с. 415). Рассказ Ипатьевской летописи (в статье 1185 г.) о походе Игоря Святославича впервые был опубликован в кн.: Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Спб., 1843. Впоследствии издавался неоднократно в составе летописи и отдельно (см., например, Ипат. лет.). Перевод летописного рассказа печ. по кн.: Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, с некоторыми исправлениями. В этом же изд. приведен и древнерусский текст рассказа. *Игорь Святославич* — см. коммент. к загл., с. 441. *Новгород* — см. коммент. 39—40. *Всеволод* — см. коммент. 41. *Трубчевск* — город на Десне, в южной части современной Брянской области. *Рыльск* — город на западе современной Курской области. *Путивль* — город в центральной части современной Сумской области. *Ярослав* — см. коммент. 211—212. *Ковуи* — племя тюркского происхождения; ковуи находились в вассальной зависимости от черниговских князей. *Оскол* — левый приток Северного Донца. *Сальница* — небольшая речка, левый приток Северного Донца; полагают, что ныне это безымянная речка на территории города Изюм. *Так поедет же сейчас ночью... как бог даст*. В оригинале фраза недостаточно ясна. В переводе отражено одно из возможных ее толкований. *Кончак*, *Коза*

Бурнович — см. коммент. 79 и 80. *Каяла* — см. коммент. 87. *Город Глебов у Переяславля*. Какой город имеется в виду, неясно: упоминаемый в летописях город Глебов находится в верховьях Сулы, далеко от Переяславля. Речь идет, видимо, о столкновении между Игорем и Владимиром Глебовичем в 1184 г. *В море утонули*. Едва ли речь идет об Азовском море, как думают некоторые исследователи. По мнению М. Ф. Гетманца, имеются в виду разлившиеся озера в районе современного города Славянска Донецкой области (см.: Гетманец М. Ф. Тайна реки Каялы. Харьков, 1982. С. 112—115). *Святослав Всеволодович* — см. коммент. 164—166. *Карачев* — город восточнее Брянска. *Посемье* — земли по берегам реки Сейм, левого притока Десны. *Давид* — см. коммент. 230. *Треполь* — город на Днепре, южнее Киева. *Где была перебита братия наша и великий князь наш Боняк*. Половецких ханов Боняка и Шарукана разгромили в 1107 г. объединенные силы русских князей. *Переяславль* — Переяславль Русский, центр Переяславского княжества (ныне город Переяслав-Хмельницкий Киевской обл.). *Владимир Глебович* — см. коммент. 221. *Рюрик Ростиславич* — с 1180 г. соправитель киевского князя Святослава Всеволодовича. На дочери Рюрика женился сын Игоря Святослав. *Римов* — см. коммент. 222—223. *Забороло* — см. коммент. 178. *Городница* — башня в городской оборонительной стене. *Лавр* — см. коммент. 332—333. *Тора* — приток Северского Донца (Казенный Торец); на берегах Тора находились становища Кончака. *Донец* — пограничный русский город на реке Уды (располагался в районе современного Харькова).

О. В. Творогов

Н. Карамзин (с. 423). Карамзин Н. М. История Государства Российского: 2-е изд. Спб., 1818. Т. 3. Во 2-м изд. Карамзин иначе, чем в 1-м, перевел фразу древнерусского текста, прочтенную первыми издателями «Слова»: «а мои ти Куряни свѣдоми къ мети» (см. коммент. 46).

А. Пушкин. «Песнь о полку Игореве» (с. 426). Пушкин А. Собр. соч. Спб., 1855. Т. 1. (издание подготовил П. В. Анненков). — Печ. по: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1949. Т. 12, с уточнением цитат из «Слова» по первому изданию памятника. *Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника*. Речь идет об историке и журналисте М. Т. Каченовском, ориентологе и журналисте О. И. Сенковском, профессоре Московского университета И. И. Давыдове. *Вальполь* — Уолпол Хорас (1717—1757) — английский журналист и историк, разоблачивший мистификацию Томаса Чаттертона (1752—1770), английского поэта, автора баллад из эпохи норманского завоевания, которые он выдавал за стихи монаха XV в. Раули. *Джонсон тотчас уличил Макферсона*. Английский критик Сэмюэл Джонсон (1709—1784) первый высказал сомнение в подлинности поэм Оссиана, изданных в 1762 г. Джеймсом Макферсоном (1736—1796). *Ермолаев Александр Иванович* (1779—1828) — историк и археограф, специалист в области русской и славянской палеографии. *Востоков Александр Христофорович* (1781—1864) — поэт и филолог, автор трудов по славянской и древнерусской филологии. *Ходаковский* — Чарноцкий Адам (псевдоним: Зориан Доленга-Ходаковский) (1784—1825) — этнограф и фольклорист, занимался изучением «Слова о полку Игореве». *Шлецер* Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк, работал некоторое время в России (был членом Российской

Академии наук), занимался русской историей, историей русского летописания. *Шишков* Александр Семенович (1754—1841) — государственный деятель, филолог, литератор, переводчик; учредитель литературного объединения «Беседа любителей русского слова», консерватор, занимался исследованием «Слова о полку Игореве». *Вельтман* Александр Фомич (1800—1870) — писатель, переводчик «Слова о полку Игореве» (М., 1833). «*Смерть Авеля*» — поэма Саломона Геснера (1730—1788), швейцарского поэта, писавшего на немецком языке. Был популярен в России в период господства сентиментализма (в 1802—1803 гг. была издана в переводе на русский язык). *Г. Пожарский не возразил*. Пожарский Яков Осипович, издавший в 1819 г. текст, перевод и комментарии к «Слову о полку Игореве», в действительности поместил статью в «Сыне отечества» (1819, № 33), где защищал свою трактовку этих строк «Слова о полку Игореве». *Kar gospòda stori krivo* и т. д. Цитата из «Словинско-немецкого словаря» (1833) Я. М. Мурко. В связи с этим сокращенное Пушкиным слово «сл.» расшифровывается как «сл<овинском>», а не «сл<авянском>».

Л. А. Дмитриев

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. С. XXXV. Титульный лист первого издания «Слова о полку Игореве». Экземпляр, подаренный А. И. Тургеневым В. А. Жуковскому в 1800 г. и позже переданный Жуковским А. С. Пушкину. Текст дарственной надписи: «Песнь древнего барда новому трубадуру дарит Андрей Тургенев в знак дружбы, на память любви. 1800. Нояб(ря) 24». Библиотека Института русской литературы АН СССР.

2. С. 51. Первая страница первого издания «Слова о полку Игореве». Архетипный экземпляр, подаренный в 1802 г. А. И. Мусиным-Пушкиным в Учительскую гимназию. Библиотека Ленинградского государственного университета.

3. С. 59. Страница Екатерининской копии «Слова о полку Игореве». Центральный государственный архив древних актов.

4—7. Рисунки М. В. Добужинского к нью-йоркскому изданию «Слова о полку Игореве» (1951). Перевод Г. Голохвастова.

С. 117. Инициал «Т». Карна и Жля.

С. 151. Заставка-иллюстрация. Выступление князя Игоря в поход.

С. 255. Концовка-иллюстрация к книге. Возвращение князя Игоря на Русскую землю.

С. 345. Инициал «Р». Ярославна.

8—15. *Между с. 418 и 419.* Граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин. Гравюра И. Клауберга. 1798. С оригинала Ж. Б. Лампи 1794 г.

На обороте и следующие листы вклеек. Гравюры на дереве В. А. Фаворского:

Автор «Слова о полку Игореве»

Боян

Битва на реке Калке (I)

Битва на реке Калке (II)

Первая битва с половцами на реке Сяурлий (*на развороте сверху*)

Возвращение князя Игоря на Русскую землю (*на развороте снизу*)

Плач Ярославны

СОДЕРЖАНИЕ¹

Читателям «Библиотеки поэта»	V
«Слово о полку Игореве» и художественная культура Киевской Руси. <i>Вступительная статья Д. С. Лихачева</i>	VII

I

Слово о пълку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. <i>Текст первых издателей</i>	3	438
Перевод первого издания	12	439
Слово о пълку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. <i>Реконструкция древнерусского текста</i>	22	440
Слово о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олегова. <i>Перевод реконструированного текста</i> <i>Н. А. Мещерского</i>	36	482

II

Литературная судьба «Слова о полку Игореве». <i>Статья</i> <i>Л. А. Дмитриева</i>	49
--	----

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В а с и л и й Ж у к о в с к и й. Слово о полку Игореве	73	483
М и х а и л Д е л а р ю. Песнь об ополчении Игоря, сына Святославова, внука Олегова	88	483

---

¹ Цифры в левой колонке указывают страницы текста, в правой (курсивом) — страницы примечаний.

Аполлон Майков. Слово о полку Игореве	98	483
Константин Бальмонт. Слово о полку Игореве	115	484
Сергей Шервинский. Слово о полку Игореве	126	484
Владимир Стеллецкий. Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Ольгова	150	484
Николай Заболоцкий. Слово о полку Игореве	166	484
Александр Степанов. Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олега	187	484
Семен Ботвинник. Слово о полку Игоря, сына Свято- славова, внука Олегова	209	484
Андрей Чернов. Слово о походе, войске и битве Игоря, сына Святослава, внука Олега	229	484
Игорь Шкляревский. Слово о полку Игореве	254	485

«Слово о полку Игореве» на украинском языке

Михаил Максимович. Песня о полку Игореве, переложенная на украинское наречие	271	485
Тарас Шевченко. Бой на Каяле (Отрывок из пере- вода)	296	485
Максим Рыльский. Слово про Ігорів похід	297	485

«Слово о полку Игореве» на белорусском языке

Янка Купала. Слова аб палку Ігаравым	316	485
--	-----	-----

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ПЛАЧА ЯРОСЛАВНЫ

Федор Глинка. «Ярославнин голос слышится...»	341	485
Иван Козлов. «То не кукушка в роще темной...»	342	485
Павел Шкляревский. «Не голубки воркованье...»	344	485
Лев Мей. «Поют копья на Дунай-реке...»	346	485
Николай Гербель. «Звучный голос раздается...»	348	485
Елпидифор Барсов. «Копья поят на Дунае...»	349	485
Александр Прокофьев. «Копья свищут на Ду- нае...»	350	485
Сергей Городецкий. «До Дуная долетает...»	352	486
Марк Тарловский. «Среди придунайских плавней...»	354	486
Иван Новиков. «Не копья поют на Дунае...»	355	486
Виссарион Саянов. «Копья поют на Дунае...»	357	486
Дмитрий Семеновский. «Раным-рано, в смутный час рассветный...»	358	486
Александр Скрипов. «На забрале голос Яро- славны...»	359	486

Алексей Югов. «На Дунае Ярославны голос слышен...»	361	486
Николай Старшинов. Голос Ярославны	362	486
Евгения Кунина. «Далеко к Дунаю доносится плач Ярославны...»	364	486
Николай Рыленков. «На заре, на зорьке рано-рано...»	364	486
Алексей Домнин. «Лишь заря забрезжит золотая...»	366	486
Юрий Бариев. «Ярославнин голос рано...»	367	486

Плач Ярославны на украинском языке

Тарас Шевченко. «В Путивлі граді вранці-рано...»	368	486
--	-----	-----

**СТИХОТВОРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА ТЕМЫ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»**

Кондратий Рылеев. Боян	370	487
Александр Островский. «Песнь гусяров из «Снегурочки»»	371	487
Иван Бунин.		
Ковыль	373	487
Князь Всеслав	374	487
Константин Случевский. «Ты не гонись за рифмой своенравной...»	375	487
Владимир Соловьев. Ответ на «Плач Ярославны»	375	487
Максимилиан Волошин. Гроза	376	487
Валерий Брюсов. Певцу «Слова»	377	488
Марина Цветаева. На заре...	377	488
Виссарион Саянов. «Трубы трубят в Новограде...»	378	488
Александр Прокофьев. «Вариации на темы «Слова о полку Игоре»»		
Пятая песнь	379	488
Ярославна	380	488
Вера Звягинцева. Ярославна	381	488
Ольга Берггольц. «...Я буду сегодня с тобой говорить...»	382	488
Людмила Татьяничева. Ярославна	384	488
Николай Браун. Ярославна	385	488
Павел Антокольский. Ярославна. <i>Поэма</i>	386	488
Дева Обида	396	488
Владимир Зотов. Ярославна	397	488
Виктор Соснора. По мотивам «Слова о полку Игоре»»	398	488

Николай Рыленков. Ярославна	406	489
Светлана Кузнецова. Ярославна	407	489
Юлия Друнина. Ярославны	407	489
Элида Дубровина. На берегах Донца	408	489
Анатолий Землянский. Ярославны	409	489
Михаил Дудин. «Устало море биться о ступени...»	411	489
Людмила Щипахина. Плач Ярославны	411	489

III. ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году. <i>Перевод О. В. Творогова</i>	415	489
--	-----	-----

II

Н. М. Карамзин. <Пересказ-перевод «Слова о полку Игореве»>	423	490
А. С. Пушкин. <«Песнь о полку Игореве»>	426	490

Примечания

Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» (<i>Н. А. Мецгерского и А. А. Бурыкина</i>)	440	
Примечания к переводам и вариациям на темы «Слова о полку Игореве» (<i>Л. А. Дмитриева</i>)	483	
К иллюстрациям	492	

- Слово о полку Игореве: Сборник/Вступ. статьи**
С47 Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; Реконструкция древнерусского текста Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина; Прозаич. перевод Н. А. Мещерского; Комментарий Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина; Подг. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева.— Л.: Сов. писатель, 1985.— XXXVIII, 498 с. (Б-ка поэта. Большая сер.).

В книге три раздела. Состав первого: древнерусский текст «Слова о полку Игореве», напечатанный в 1800 г. первыми издателями; перевод, которым сопровождалась эта публикация; реконструкция древнерусского текста и его перевод на современный русский язык. Во втором разделе три рубрики: 1) Стихотворные переводы и переложения «Слова о полку Игореве» XIX—XX вв. (кроме переводов на русский язык помещены переводы на украинский и белорусский языки). 2) Стихотворные переводы и переложения плача Ярославны русских и русских советских авторов. 3) Стихотворные произведения на темы «Слова о полку Игореве». Третий раздел — «Приложение» — содержит летописную повесть о походе князя Игоря, прозаический пересказ «Слова о полку Игореве» Н. М. Карамзина и статью А. С. Пушкина об этом произведении.

С $\frac{4702010100-358}{083(02)-85}$ 414—85

ББК 84. Р1

